С. АСКОЛЬДОВЪ.

ОСНОВНЫЯ ПРОБЛЕМЫ

ТЕОРІИ ПОЗНАНІЯ И ОНТОЛОГІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская. 43).
1900.

ВВЕДЕНІЕ.

Настоящее сочиненіе имѣетъ своей задачей изслѣдованіе тѣхъ первоначальныхъ поворотныхъ пунктовъ философской мысли, которыми опредѣляется направленіе и сущность возможныхъ въ философіи міровоззрѣній. Всѣ существеннѣйшія черты этихъ міровоззрѣній можно признать въ настоящее время уже болѣе или менѣе выяснившимися. Задачи современной и будущей философіи состоятъ не столько въ открытіи новыхъ горизонтовъ, сколько въ разслѣдованіи уже высказанныхъ философскихъ взглядовъ, въ отличіи ошибочныхъ отъ истинныхъ и въ болѣе систематичной обосновкѣ и всесторонненъ разслѣдованіи этихъ послѣднихъ.

Первымъ и важнѣйшимъ поворотнымъ пунктомъ въ философіи является проблема о природѣ человѣческаго разума и его функціи—познанія, какъ средства постиженія и воспроизведенія внѣшняго познающему субъекту міра. Мы можемъ признать внѣшній міръ, такъ или иначе, воспроизводимымъ въ познаніи, или же, наоборотъ, ограничить правоспособность разума и познанія лишь предѣлами человѣческаго сознанія и признать ихъ совершенно безсильными постигать какую бы то ни было внѣшнюю этому сознанію дѣйствительность. Проблема эта, поставленная впервые съ полною ясностью Кантомъ и рѣшенная имъ въ смыслѣ теоретической непознаваемости внѣшняго міра и до сей поры не имѣетъ общепризнаннаго разрѣшенія. Между тѣмъ, въ зависимости отъ того или иного ея рѣшенія, кореннымъ образомъ измѣняются методъ и содержаніе всякаго философскаго изслѣдованія. Въ прямой зависимости отъ этого вопроса находится также отношеніе ко всему историческому прошлому философіи.

Если Кантъ правъ, то всѣ системы жившихъ до него великихъ философовъ должны быть признаны наивнымъ самообманомъ человѣческаго разума, принявшаго свою собственную природу и свои собственные законы за выраженіе сущности и законовъ внѣшней дѣйствительности. Такими же должны быть признаны и всѣ возможныя въ будущемъ философскія построенія, не идущія по предписанному Кантомъ пути философскаго міропознанія, состоящему въ обосновкѣ философскихъ идей по методу нравственныхъ постулатовъ.

Въ предлагаемомъ вниманію читателей изслѣдованіи дѣлается попытка разрѣшенія проблемы познанія въ направленіи, прямо противоположномъ—принятому Кантомъ.

Въ основаніи системы Канта лежитъ признаніе разсудка и разума по природѣ своей апріорными, т.-е. независимыми отъ какого бы то ни было опыта въ смыслѣ воздѣйствія внѣшняго міра. Изъ автономности разсудка вытекаетъ его неспособность выражать и воспроизводить что-либо, кромѣ своей собственной природы, такъ какъ все внѣшнее, поскольку оно можетъ какъ-либо отражаться въ человѣческомъ сознаніи, повинуясь автономному закону разсудка, превращается уже въ нѣчто совсѣмъ иное сравнительно съ тѣмъ, какимъ оно было внѣ сферы его дѣйствія.

Самое понятіе апріорности выводится и опредѣляется у Канта по такой схемѣ: 1) въ познаніи мы находимъ всеобщія и необходимыя синтетическія сужденія, которыя какъ разъ и составляютъ важнѣйшія и основныя формы познанія и его незыблемое содержаніе; 2) сужденія эти, отличающіяся *строгою* всеобщностью, не могутъ быть получены изъ опыта, который имѣетъ лишь *относительную* всеобщность (касающуюся только прошлаго, но не будущаго), а потому должны быть признаны отъ опыта независимыми; 3) изъ невозможности вывести ихъ изъ опыта слѣдуетъ ихъ апріорность, т.-е. происхожденіе изъ разума, какъ нѣкотораго независимаго отъ опыта, его предваряющаго и опредѣляющаго, автономнаго начала.

Въ этой аргументаціи первыя два положенія представляются наиболѣе важными и требующими наиболѣе внимательнаго разсмотрѣнія. При этомъ должно быть обращено особое вниманіе на то, чтобы въ самое понятіе по-

знанія не вкралось незамѣтно какое-нибудь предвзятое положеніе. Мы, съ своей стороны, думаемъ, что въ томъ, что̀ Кантомъ понималось подъ познаніемъ, какъ разъ и былъ включенъ нѣкоторый догматическій элементъ, представляющій какъ бы зародышъ всѣхъ послѣдующихъ выводовъ критицизма. Элементъ этотъ видимъ мы въ пониманіи Кантомъ всеобщихъ и необходимыхъ синтетическихъ сужденій *раціонально абсолютными* въ этихъ своихъ свойствахъ. Кантъ именно потому и отвергъ рѣшеніе Юма, состоящее въ выведеніи всеобщихъ сужденій изъ повторности опыта, что такое объясненіе совершенно не соотвѣтствовало абсолютному характеру такихъ областей знанія, какъ, напр., математика. Но, отвергая психологическую теорію Юма, Кантъ вовсе не далъ какого-либо неопровержимаго доказательства правильности своего пониманія познанія и его основныхъ функцій, чѣмъ то *абсолютно* и при томъ *раціонально* всеобщимъ и необходимымъ. Канту всегда можно сдѣлать упрекъ въ томъ, что его отличіе внѣшней эмпирической всеобщности отъ абсолютной *) раціональной (признаваемой имъ по происхожденію внутренней) вполнѣ произвольно. Точно такимъ же произвольнымъ и несущественнымъ является его отличіе субъективной и объективной необходимости. Мы всегда въ правѣ понимать эти различія зависящими отъ большей или меньшей повторности и необходимости внѣшняго воздѣйствія, но вовсе не отъ привхожденія какого-то автономнаго закона разума, а между тѣмъ лишь это послѣднее пониманіе и можетъ служить основаніемъ теоріи апріоризма. Кантъ и не предполагалъ, что можетъ когда-либо зайти рѣчь объ опытномъ происхожденіи математическихъ истинъ, а потому и считалъ, что одного указанія на существованіе чистой математики достаточно для доказательства метэмпиричности или апріорности функцій познанія. При этомъ Кантъ не обратилъ вниманія на то, что абсолютная и объективная необходимость, съ которою мыслятся синтетическія сужденія математики и другихъ наукъ, не можетъ быть признана исключительно раціональной, но въ значительной мѣрѣ имѣетъ также *обще-психо-*

*) Кантъ называлъ эту всеобщность строгою („Strenge Allgemeinheit"), не допускающею никакого исключенія, что, по нашему, и равносильно абсолютности этого свойства.

логическое, вообще *алогическое* происхожденіе. Источникъ этихъ свойствъ можно видѣть, съ одной стороны, въ психологическомъ фактѣ привычки и возникающей изъ нея увѣренности въ постоянствѣ тѣхъ или иныхъ синтезовъ и съ другой—въ реальной (а не раціональной) необходимости взаимодѣйствія нашего сознанія съ внѣшнимъ міромъ не-Я. Словомъ, то, что Кантъ признавалъ за выраженіе закона разума, съ такимъ же правомъ можно выводить изъ законовъ міропорядка *), а также воздѣйствія и отраженія его въ сознаніи познающаго субъекта. Если принять все это въ разсчетъ, то окажется, что понятіе апріорности, являющееся у Канта, какъ *единственное* и *безспорное* объясненіе всеобщности и необходимости познанія, на самомъ дѣлѣ можетъ представляться далеко не обязательнымъ и единственнымъ, и что незыблемость математическихъ истинъ является вполнѣ совмѣстимой съ психологической теоріей Юма.

Устанавливая понятіе апріорности, Кантъ думалъ, что только въ немъ и заключается выходъ изъ скептицизма Юма, который, сводя абсолютную раціональную достовѣрность на психологическую вѣроятность, тѣмъ самымъ подрывалъ, будто бы, возможность какого бы то ни было знанія. Но и въ этомъ пунктѣ съ Кантомъ только въ томъ случаѣ необходимо согласиться, если мы вмѣстѣ съ нимъ признаемъ, что знаніемъ можно называть лишь абсолютно неизмѣнные и нерасторжимые синтезы элементовъ. Но это далеко не безспорно. Можетъ быть, о такомъ знаніи намъ нечего и мечтать. И не потому, чтобы разумъ человѣческій былъ неспособенъ къ воспроизведенію какого-либо абсолютнаго содержанія, но потому, что самыя тѣ реальныя связи отдѣльныхъ вещей, которыя выражаются въ нашемъ познаніи, не имѣютъ въ себѣ ничего абсолютнаго и незыблемаго. Въ такомъ случаѣ это наше относительное въ своей всеобщности и необходимости знаніе вполнѣ выражаетъ дѣйствительную природу вещей. *А отъ знанія мы только этого и должны требовать.* Такимъ образомъ, относительность познанія, приведшая Юма къ скептицизму, въ дѣйствительности можетъ лишь укрѣпить наше довѣріе къ нему, коль скоро мы при-

*) Вѣдь, пока не доказана апріорность разума, не доказана также и непознаваемость міра, а потому ссылка эмпиризма на міровой законъ, такъ или иначе отражающій свою всеобщность и необходимость въ сферѣ сознанія и познанія, не можетъ считаться устраненной.

демъ къ убѣжденію, что самая природа тѣхъ *отдѣльныхъ и конечныхъ* вещей, съ которыми мы взаимодѣйствуемъ, тоже относительна. Абсолютно необходимыя связи всегда даны намъ только въ прошедшемъ, но мы никогда не можемъ утверждать, что неизмѣнная въ прошедшемъ связь между A и B должна быть столь же неизмѣнной и обязательной всегда. И если нашъ разумъ создаетъ такіе неизмѣнные синтезы и считаетъ ихъ непоколебимыми, то, можетъ быть, правильнѣе вмѣстѣ съ Юмомъ счесть это за нѣкоторый произвольный и по существу *алогическій* переходъ разума за предѣлы своихъ правъ, чѣмъ усматривать здѣсь какой-то автономный законъ разума, составляющій его неотъемлемую сущность и право,—какъ это сдѣлалъ Кантъ. Незыблемость математическихъ сужденій можетъ быть выведена при этомъ изъ необходимости нашихъ чувственныхъ воспріятій всякаго рода множественностей и пространственныхъ соотношеній,—необходимости, выражающей не какія-либо апріорныя формы созерцанія и разсудка, но лишь *законъ взаимодѣйствія* нашего сознанія и внѣшняго ему міра. Поскольку мы признаемъ эти взаимодѣйствующіе факторы неизмѣнными, лишь постолько можемъ мы признать абсолютность и неизмѣнность всякаго рода пространственныхъ созерцаній, а также производныхъ отъ нихъ построеній чистой математики.

Теорія апріорности выведена Кантомъ чисто раціональнымъ методомъ, т.-е. путемъ раціональнаго разсмотрѣнія факта познанія и при томъ той его формы, которая можетъ быть названа познаніемъ по преимуществу, а именно всеобщаго синтетическаго сужденія. Въ своей раціональной теоріи апріорности, свободной отъ какой бы то ни было психологической точки зрѣнія, Кантъ думалъ поставить проблему познанія на незыблемую почву и дать ей неоспоримое аподиктическое рѣшеніе. Но Кантъ не обратилъ вниманія на то, что само познаніе, какъ фактъ, можетъ быть понято различно, при чемъ различіе это должно стоять въ зависимости отъ той или иной психологической точки зрѣнія на вопросъ. Такимъ образомъ, исключая психологическую точку зрѣнія въ выведеніи апріорности, Кантъ незамѣтно для самого себя сталъ на нее въ самой постановкѣ своего вопроса, а именно въ своемъ пониманіи синтетической функціи познанія *внутренно-абсолютною*. При этомъ Кантомъ была избрана точка зрѣнія, прямо противополож-

ная теоріи Юма, по которой тотъ же фактъ познанія понимался относительнымъ и обусловленнымъ извнѣ. Послѣ этого Канту, конечно, не трудно было опровергнуть рѣшеніе Юма. Это опроверженіе implicite заключалось уже въ томъ, что Кантъ понималъ подъ словами «знаніе» и «познаніе»

Признавая необходимымъ прежде рѣшенія проблемы познанія вывести самое понятіе познанія, мы въ нашемъ изслѣдованіи посвятили этому предмету двѣ первыя главы, при чемъ ограничились въ нихъ исключительно психологической точкой зрѣнія на вопросъ. Въ этихъ главахъ мы постарались провести различіе и взаимоотношеніе между познаніемъ и всѣмъ остальнымъ содержаніемъ души, обозначаемымъ нами общимъ терминомъ «*сознаніе*». Различіе это, обнаруживающееся какъ въ непосредственномъ внутреннемъ опытѣ, такъ и въ наблюденіи другихъ намъ подобныхъ существъ, состоитъ, по нашему мнѣнію, въ томъ, что сознаніе является по отношенію къ познанію нѣкоторою первоначальною простою данностью, обусловленною въ своемъ качествѣ, а также порядкѣ смѣны и сосуществованія чѣмъ-то внѣшнимъ. Познаніе же, по своему содержанію и развитію, представляется намъ въ томъ же внутреннемъ опытѣ нѣкоторою производною и опредѣляющеюся сознаніемъ функціею. Въ этой функціи подмѣчается и схематизируется та существующая въ сознаніи закономѣрность и общность, которая, хотя въ немъ и осуществляется, но имъ самимъ не можетъ быть подмѣчена и какъ-либо фиксирована.

Это различіе сознанія и познанія, являющееся результатомъ простого психологическаго анализа всего содержанія нашего Я, кажется намъ лишеннымъ всяческихъ догматическихъ предположеній и представляющимъ тотъ первоначальный фактическій матеріалъ, изъ котораго должна исходить теорія познанія. Конечно, эта психологическая точка зрѣнія не рѣшаетъ вопроса о познаніи во всей его гносеологической общности. Кромѣ того, то свойство, которымъ съ психологической точки зрѣнія сознаніе противополагается познанію,—а именно обусловленность извнѣ,—остается пока необъяснимымъ и, пожалуй, даже проблематичнымъ. Но все-таки, если мы не хотимъ попасть въ безвыходный кругъ иллюзіонизма и солипсизма, мы должны

пока принять это свойство, какъ единственный и первоначальный, данный во внутреннемъ опытѣ, раздѣлительный принципъ, дающій поводъ къ образованію понятій Я и не-Я,—понятій, безъ которыхъ не можетъ обойтись никакая гносеологія и безъ которыхъ (конечно, въ иныхъ терминахъ) не обходился и самъ критическій Кантъ. Первые онтологическіе выводы покажутъ намъ совершенно независимымъ и самостоятельнымъ путемъ, что этотъ принципъ не представляетъ какой-либо психологической иллюзіи, но подтверждается также раціональнымъ построеніемъ понятія о внѣшнемъ мірѣ.

Въ нашемъ изслѣдованіи психологической сущности познанія зависимость его отъ опредѣляющагося извнѣ сознанія противополагается кантовской теоріи апріоризма. Мы, конечно, не считаемъ эту нашу психологическую точку зрѣнія исчерпывающею весь вопросъ и противопоставляемъ теорію эволюціи познанія кантовскому апріоризму не столько въ качествѣ опроверженія, сколько какъ достаточное объясненіе факта познанія, дѣлающее понятіе апріорности совершенно излишнимъ. Проблемѣ апріорности въ общегносеологическомъ смыслѣ посвящена нами вся третья глава, гдѣ мы и доказываемъ несостоятельность этого понятія, исходя уже изъ другихъ соображеній не психологическаго характера.

ГЛАВА I.

Сознаніе и познаніе.

Сознаніе есть переживаніе живыми существами различныхъ состояній, обозначаемыхъ словами: тепло, холодно, вижу, слышу, больно, грустно, люблю, гнѣваюсь и т. под., а также переживаніе смѣны и связности этихъ состояній. Все, что мы способны ощущать, и чувствовать, составляетъ содержаніе нашего человѣческаго сознанія. Отъ простого и первоначальнаго переживанія тѣхъ или иныхъ качественныхъ состояній и ихъ перемѣнъ мы отличаемъ вторичную ихъ репродукцію въ актахъ представленія и мысли, составляющихъ уже содержаніе познавательной дѣятельности. Въ актахъ этихъ пережитыя раньше, какъ извнѣ навязанныя и пассивно воспринятыя, состоянія сознанія репродуцируются уже въ видоизмѣненной формѣ и съ тою или иною степенью произвольности. Репродуктивность, или производность, является характернѣйшей чертой познанія. Всякаго рода новыя, еще не пережитыя концепціи представленія и мысли воспроизводятся нами лишь на почвѣ множества повторныхъ переживаній. Эти переживанія образуютъ тѣ общія познавательныя схемы, которыя въ примѣненіи къ разнообразному качественному содержанію могутъ давать безконечное количество новыхъ, еще никогда не воспроизведенныхъ, комбинацій. Познаніе отличается, кромѣ того, отъ сознанія меньшею яркостью и большею сложностью своего содержанія. Состоянія сознанія обыкновенно ярки и элементарны, а если и переживаются въ видѣ разнокачественной множественности (напр. разнообразныя цвѣтовыя качества, воспринимаемыя нашимъ зрѣніемъ), то безъ всякаго слѣда какого-нибудь сопоставленія или соотнесенія репродуктивнаго характера, но лишь какъ нѣкоторая первоначальная, пассивно воспринятая, связность.

Такимъ образомъ подъ сознаніемъ мы будемъ разумѣть только переживаніе различныхъ качественныхъ данныхъ безъ всякаго активнаго соотнесенія и сопоставленія ихъ другъ съ другомъ въ представленіи и мысли. То, что сознается, представляетъ всегда нѣкоторое качество, имѣющее вполнѣ самостоятельное значеніе и не нуждающееся въ одновременной на-

личности какихъ-либо другихъ качествъ, чтобы быть сознаннымъ. Въ противоположность сознанію, познаніе состоитъ въ активномъ соотнесеніи и сопоставленіи элементовъ, сознанія другъ съ другомъ. Въ познаніи ни одинъ изъ элементовъ, входящихъ въ составъ познавательнаго акта, не имѣетъ самостоятельнаго значенія и получаетъ свой познавательный смыслъ только въ связи съ другими элементами, лишенный же такой связи является уже не познаніемъ, а простымъ элементомъ сознанія.

Въ сущность познанія, кромѣ всего качественнаго матеріала сознанія, входитъ еще нѣчто такое, что въ сознаніи дано лишь отрывочно и частично, а именно связи и соотношенія между разнородными качественными данными. Установленіе этихъ связей и соотношеній становится въ большинствѣ случаевъ даже главной задачей познанія, при чемъ качественная природа соотносящихся элементовъ совсѣмъ упускается изъ виду и обозначается только символически, краткими значками, посредствомъ которыхъ устраняется необходимость реальнаго переживанія всѣхъ этихъ качественныхъ данныхъ, имѣющихъ въ высшихъ познавательныхъ формахъ лишь второстепенное значеніе.

У существъ съ развитою познавательною дѣятельностью сознаніе и познаніе идутъ рука объ руку, при чемъ каждый актъ сознанія является стимуломъ для болѣе или менѣе отчетливаго и интенсивнаго познавательнаго процесса и, наоборотъ, продукты познавательной дѣятельности обусловливаютъ появленіе множества простыхъ состояній сознанія, могущихъ появиться только на почвѣ, подготовленной познаніемъ. Такъ, напр., чувство возвышеннаго недоступно тупому человѣку, неспособному къ воспроизведенію тѣхъ идей, которыя вызываютъ это чувство. У нормально развитыхъ людей мышленіе *) прекращается развѣ только во снѣ или обморокѣ, и каждое, появившееся въ ихъ сознаніи, состояніе становится всегда элементомъ какой-нибудь познавательной концепціи. Вообще по отношенію къ взрослымъ людямъ раздѣленія сознанія отъ познанія можно провести только въ теоріи, въ дѣйствительности же они связаны другъ съ другомъ неразрывно и незамѣтно другъ въ друга переходятъ. Говоря о сознаніи у взрослыхъ людей, мы будемъ поэтому имѣть въ виду все то ярко и жизненно переживаемое, что составляетъ содержаніе нашихъ ощущеній, чувствъ и отчасти настроеній и что, хотя

*) Термины «мышленіе» и «познаніе» мы будемъ употреблять почти синонимически съ тѣмъ незначительнымъ различіемъ, что подъ терминомъ «познаніе» будемъ имѣть въ виду болѣе или менѣе законченные процессы, относящіеся къ опредѣленному объекту и его съ какой-либо стороны характеризующіе, словомъ же «мышленіе» мы будемъ обозначать вообще всѣ познавательные процессы, разсматривая ихъ съ точки зрѣнія ихъ динамической природы независимо отъ того, имѣютъ ли они какую-нибудь законченность и сопровождаются ли отчетливой объективаціей (напр., у дѣтей).

и можетъ тотчасъ по возникновеніи въ сознаніи сдѣлаться элементомъ познавательныхъ процессовъ, но тѣмъ не менѣе имѣетъ по своей природѣ вполнѣ независимую отъ какого бы то ни было познавательнаго акта качественную сущность. Если грусть и возникаетъ на почвѣ какихъ-либо представленій и идей, то, разъ появившись въ нашемъ сознаніи, она является новымъ реальнымъ его элементомъ, совершенно независимо отъ того, поведетъ ли она насъ къ какой-нибудь дальнѣйшей рефлексіи или нѣтъ. Подъ чистымъ сознаніемъ мы будемъ разумѣть тѣ состоянія сознанія, которыя возникаютъ и исчезаютъ помимо какого бы то ни было прикосновенія къ нимъ творческихъ познавательныхъ актовъ, что имѣетъ мѣсто только на низшихъ ступеняхъ развитія сознательной жизни, а у высшихъ животныхъ и у людей только въ первое время появленія ихъ на свѣтъ.

Познаніе относится всегда къ чему-нибудь по отношенію къ нему внѣшнему, при чемъ имѣетъ своею задачею вполнѣ или отчасти воспроизвести и передать это внѣшнее. Всякая мысль предполагаетъ возможнымъ вопросъ: о чемъ? И это „что“, къ которому мысль относится, всегда есть нѣчто отличное и отдѣльное отъ этой данной мысли и только ею воспроизводимое. Это свойство познанія всеобще, и мы его можемъ отмѣтить даже тамъ, гдѣ объектъ познанія наиболѣе приближается къ самому процессу познанія, напр., въ математикѣ или въ логикѣ. Въ обѣихъ этихъ наукахъ имѣется въ виду найти и выразить закономѣрныя отношенія между элементами и процессами самого мышленія, но при этомъ самые эти элементы и соотношенія понимаются чѣмъ-то внѣшнимъ по отношенію къ тѣмъ актамъ, въ которыхъ они познаются. Общая задача познанія—проникнуть и воспроизвести сущность какихъ-нибудь по отношенію къ нему внѣшнихъ объектовъ—распадается на три частныя задачи, а именно, во-1-хъ, на познаніе объекта со стороны качественности его содержанія, во-2-хъ, на познаніе тѣхъ соотношеній и связей, которыя существуютъ между качественно различными элементами объекта и, въ 3-хъ, на приведеніе въ связь полученнаго познанія о данномъ объектѣ со всѣми другими познаніями, которыми мы обладаемъ. Въ каждой наукѣ, а также въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, имѣется въ виду по преимуществу та или другая изъ указанныхъ цѣлей познанія. Полное познаніе достигается лишь разрѣшеніемъ всѣхъ этихъ трехъ задачъ. Недостаточно воспроизвести объектъ лишь въ его собственномъ содержаніи, такъ какъ всякая новая связь, въ которую мы приводимъ что-либо нами познанное, придаетъ нѣкоторый новый познавательный смыслъ изучаемому объекту; и если есть хоть что-либо вполнѣ изолированное и хотя бы посредственно съ нимъ не соотнесенное, то это только значитъ, что наше знаніе о немъ не полно и не совершенно.

*

Если мы обратимся къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, въ какомъ отношеніи стоитъ къ этимъ задачамъ познанія чистое сознаніе, то увидимъ, что оно всецѣло обусловливаетъ какъ возможность, такъ и способъ ихъ разрѣшенія, хотя, съ другой стороны, само по себѣ является совершенно безсильнымъ дать на нихъ какой-нибудь отвѣтъ. Никакое качественное данное не можетъ быть намъ дано иначе, какъ черезъ сознаніе. Все, что мы высказываемъ о предметахъ такъ называемаго матеріальнаго міра, можетъ быть представлено нами лишь при помощи какихъ-нибудь нашихъ ощущеній, когда-либо нами сознанныхъ. Точно такъ же все, что мы можемъ считать за свойства одушевленныхъ существъ, состоитъ по своей качественной природѣ ни изъ чего другого, какъ изъ тѣхъ или иныхъ комбинацій испытанныхъ нами самими душевныхъ состояній. То же самое мы должны сказать относительно установленныхъ нашимъ мышленіемъ связей и соотношеній между различными качественными данными. Всѣ онѣ основаны и ведутъ свое происхожденіе отъ тѣхъ реальныхъ связей и соотношеній, которыя существуютъ между переживаемыми нами совершенно пассивно, безъ всякаго участія мысли, простыми состояніями сознанія. Правда, эти связи и соотношенія сознаются нами въ чистомъ сознаніи лишь въ видѣ переходовъ отъ одного элемента къ другому или одновременности ихъ сосуществованія, но тѣмъ не менѣе именно онѣ обусловливаютъ то, а не иное, распредѣленіе и соотношеніе отдѣльныхъ элементовъ сначала въ воспоминаніи, а затѣмъ въ возникающихъ по поводу этихъ воспоминаній процессовъ мышленія. Пониманіе горячаго состоянія тѣла причиной его расплавленія, конечно, не похоже на переживаніе въ извѣстной послѣдовательности сначала ощущенія горячаго, а затѣмъ зрительнаго образа жидкаго и текучаго вещества, но оно могло возникнуть и появиться въ нашемъ умѣ только на почвѣ пережитыхъ въ томъ, а не иномъ, порядкѣ ощущеній и представленій горячаго и жидкаго. При достиженіи послѣдней своей цѣли—связать въ единую цѣлую систему всѣ частныя и отдѣльныя познанія—разумъ хотя и является наиболѣе отдѣленнымъ отъ чистаго сознанія многочисленными ступенями отвлеченія и обобщенія, тѣмъ не менѣе его зависимость отъ данныхъ сознанія въ сущности отъ этого нисколько не уменьшается. Связь между отдѣльными понятіями, научными отдѣлами и цѣлыми науками не можетъ быть нами установлена произвольно и удовлетворять лишь однимъ формальнымъ законамъ мысли, а должна имѣть нѣкоторое достаточное основаніе въ реальномъ *) пере-

*) Терминами «реальность» или «дѣйствительность» мы будемъ обозначать всякаго рода бытіе данное само въ себѣ и черезъ себя, въ противоположность воспроизведенію его въ представленіи или мысли. Такимъ бытіемъ мы должны признать прежде всего наше сознаніе.

живаніи состояній сознанія въ томъ, а не иномъ, порядкѣ, данномъ намъ въ сознаніи въ видѣ порядка смѣны, а также связей всякой одновременной множественности. Этотъ-то порядокъ, хотя и воспринимаемый нашимъ сознаніемъ только частично, однако распространенный на все его содержаніе, обусловливаетъ ту или иную связь между всѣми познавательными системами, созданными нашею мыслью. Если въ частныхъ отдѣлахъ знанія нужно было уловить и выразить въ адекватныхъ схемахъ какія-либо отдѣльныя, понятыя въ качествѣ самостоятельнаго бытія, области сознанія, то вся система знанія въ своемъ цѣломъ должна представить схематично всю систему бытія во всей ея живой и реальной связности и цѣлостности.

Вопросъ объ отношеніи основныхъ принциповъ познанія къ чистому сознанію, какъ нѣкоторой извнѣ опредѣляющейся данности, не разъ поднимался въ историческомъ развитіи философіи, и то или иное его рѣшеніе кореннымъ образомъ обусловливало точку зрѣнія и на всѣ другіе основные вопросы этой науки. Поэтому, прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изложенію нашихъ взглядовъ на сущность и значеніе познанія, мы считаемъ необходимымъ нѣсколько укрѣпить и защитить высказанныя нами положенія отъ возможныхъ на нихъ нападокъ и возраженій. При этомъ мы естественнымъ образомъ должны обратиться къ разсмотрѣнію того направленія, которое, по отношенію къ принятому нами, является прямо противоположнымъ, а именно къ критицизму. Съ точки зрѣнія этого направленія вся дѣятельность познанія обусловливается со стороны внѣшняго сознанію міра только въ своемъ чувственномъ содержаніи, все же, что относится къ связямъ и соотношеніямъ отдѣльныхъ элементовъ этого содержанія, является совершенно независимымъ отъ внѣшняго міра и регулируется апріорными формами пространства и времени въ сферѣ воспріятій и представленій и апріорными категоріями разсудка въ сферѣ понятій и сужденій. Признаніе существованія въ нашемъ умѣ такихъ апріорныхъ началъ, автономно опредѣляющихъ формы и способы познанія феноменальнаго (даннаго въ сознаніи) міра, заставило основателя этого направленія, Канта, видѣть въ нашемъ теоретическомъ познаніи, поскольку мы его понимаемъ какъ-либо воспроизводящимъ внѣшній сознанію міръ, лишь безсильную и не имѣющую никакой точки опоры, попытку разума перешагнуть свои собственныя границы. А это убѣжденіе, въ свою очередь, заставило его искать другое начало, могущее какъ бы замѣнить теоретическій разумъ въ обосновкѣ тѣхъ идей, которыя теоретическій разумъ не въ силахъ оправдать. Такое начало и было найдено Кантомъ въ разумѣ практическомъ, который уже не путемъ методическихъ розысканій и изслѣдованій, но въ формѣ постулатовъ требуетъ необходимыхъ для его моральной дѣятельности и вытекающихъ изъ ея возможности идей: свободы воли, безсмертія души и существованія Бога.

Опорнымъ пунктомъ критицизма является понятіе апріорности, какъ нѣкоторыхъ координирующихъ началъ или формъ нашего ума, присущихъ ему помимо и до какого бы то ни было примѣненія ихъ къ тому или иному качественному содержанію. Начала эти имманентны нашей представляющей и мыслящей дѣятельности и всему тому, что является продуктомъ этихъ дѣятельностей. Съ точки зрѣнія критицизма они имманентны даже сознанію въ томъ смыслѣ, въ которомъ мы употребляемъ это понятіе. Словомъ, критицизмъ относитъ всякаго рода связи, обнаруживающіяся въ сознаніи, представленіи и мышленіи, на долю сознающаго и познающаго субъекта, и признаетъ сознаніе опредѣляющимся извнѣ лишь въ той или иной чувственности или качественности, какъ таковой. Основаніемъ для такого пониманія природы сознанія и мышленія является существованіе всеобщихъ и необходимыхъ синтетическихъ сужденій. Такъ какъ строгая всеобщность и необходимость ни въ какомъ случаѣ не могутъ имѣть свое происхожденіе въ опытѣ, который можетъ дать развѣ только предполагаемую или сравнительную всеобщность, то, слѣдовательно, заключаетъ критицизмъ, эти два признака синтетическихъ сужденій коренятся въ иныхъ началахъ, независимыхъ отъ опыта, а именно въ апріорныхъ принципахъ нашего ума, въ которые все содержаніе безпорядочнаго по своей природѣ опыта вкладывается, какъ въ готовыя рамки. Этотъ аргументъ въ разныхъ видоизмѣненіяхъ часто повторяется на страницахъ „Критики чистаго разума“ и является въ системѣ критицизма безапелляціонно доказывающимъ существованіе апріорныхъ принциповъ познанія; а потому, въ свою очередь, признаки всеобщности и необходимости являются у Канта безповоротно рѣшающими вопросъ о принадлежности каждаго даннаго сужденія къ эмпирическому или апріорному познанію. На самомъ же дѣлѣ аргументъ этотъ вовсе не представляетъ неоспоримую истину и имѣетъ противъ себя совершенно противоположную, Кантомъ въ сущности не опровергнутую, теорію Юма, по которой всеобщность и необходимость являются слѣдствіемъ наблюдаемаго нами постоянства въ слѣдованіи одного явленія за другимъ, т.-е. чѣмъ-то уже выводнымъ и зависящимъ отъ опыта, а не апріорнымъ. То соображеніе, что изъ повторенія какихъ-либо соотношеній милліонъ разъ нѣтъ еще никакихъ логическихъ основаній выводить необходимость милліонъ перваго и вообще постояннаго повторенія тѣхъ же соотношеній, вовсе не доказываетъ сверхъопытное или доопытное происхожденіе увѣренности въ такой необходимости, а лишь то, что наше мышленіе дополняетъ (законно или незаконно, это другой вопросъ) данныя опыта, но при томъ дополняетъ именно въ направленіи, указанномъ опытомъ же, измѣняя его только количественно, а не качественно. Признаніе критицизмомъ всякой связи элементарныхъ состояній сознанія осуществленіемъ апріорныхъ формъ,

опредѣляющихъ самый простой и первоначальный опытъ, является въ сущности не доказаннымъ предположеніемъ, совершенно извращающимъ понятія пространства и времени, расширеніемъ ихъ значенія до понятія непрерывности и связности сознанія вообще. Самый первоначальный опытъ, напр., сознаніе новорожденнаго младенца, заключаетъ уже въ себѣ извѣстныя связи и соотношенія элементовъ сознанія. Разнаго рода ощущенія испытываются имъ въ той или иной однообразно повторяющейся смежности или какъ бы соприкосновеніи, что обусловливаетъ появляющіяся впослѣдствіи активныя репродукціи этихъ связей въ тѣхъ, а не иныхъ пространственно-временныхъ ассоціаціяхъ. Но отнесеніе этихъ первоначальныхъ связей исключительно на долю сознающаго субъекта и тѣмъ болѣе спеціально на долю формирующей способности его ума, не только, что не имѣетъ за собою никакихъ основаній, но прямо противорѣчитъ той насильственности, съ которою появляются въ сознаніи тѣ, а не иныя, состоянія и какъ бы навязываются намъ чѣмъ-то внѣшнимъ. Сдѣланное Кантомъ замѣчаніе, *) что будто бы Локкъ и Юмъ выводили изъ опыта понятія, которыя въ сущности уже заключаются въ опытѣ и дѣлаютъ его возможнымъ, является лишь настолько убѣдительнымъ, насколько мы уже признали вмѣстѣ съ Кантомъ существованіе апріорныхъ понятій разсудка. Но есть ли какія-либо данныя предполагать апріорные принципы съ ихъ неотъемлемыми признаками всеобщности и необходимости присущими намъ до всяческаго познанія и даже его обусловливающими, т.-е. можемъ ли мы говорить о существованіи уже готовыхъ понятій, напр., причинности, на той ступени развитія, когда младенецъ начинаетъ только лепетать? Можемъ ли мы себѣ какъ-нибудь представить, что это готовое понятіе причинности даетъ возможность младенцу подмѣчать постоянство слѣдованія одного явленія за другимъ? Наблюденія за умственнымъ развитіемъ дѣтей приводятъ насъ къ совершенно обратному выводу, что на первыхъ ступеняхъ развитія въ умѣ ребенка нѣтъ ничего похожаго на какія-нибудь представленія или понятія, отличающіяся всеобщностью и необходимостью. Напротивъ, для ума ребенка все представляется разрозненнымъ, случайнымъ и, пожалуй, только возможнымъ и дѣйствительнымъ, а никакъ не необходимымъ. Между тѣмъ, съ точки зрѣнія критицизма, т.-е. считая, что уму человѣческому свойственны какіе-нибудь апріорные принципы, умъ ребенка долженъ былъ бы представляться уже снабженнымъ этими неотдѣлимыми и всегда присущими ему принципами, а также и тѣмъ, что, по Канту, является неизбѣжнымъ спутникомъ ихъ апріорности, т.-е. всеобщностью и необходимостью. На дѣлѣ происходитъ совершенно обратный процессъ: ребенокъ, испытывая разно-

*) «Критика чистаго разума» (пер. Соколова), стр. 107.

образныя сочетанія состояній сознанія, воспринимаетъ ихъ сначала лишь какъ случайныя, и только путемъ удержанія въ памяти множества однообразныхъ ассоціацій приходитъ къ понятію сначала частоты, потомъ общности и, наконецъ, необходимости. Это вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что дѣти, сравнительно, только очень поздно начинаютъ знакомиться съ тѣмъ, что имѣетъ въ виду Кантъ подъ терминами всеобщность и необходимость, и только годамъ къ десяти пріобрѣтаютъ способность мыслить что-либо, какъ всеобщее и необходимое. До этого возраста ребенокъ считаетъ себя въ правѣ усомниться почти во всемъ, и если его поражаетъ видъ летящаго съ человѣкомъ воздушнаго шара, то вовсе не потому, что тяготѣніе къ землѣ ему представляется чѣмъ-то необходимымъ, а только потому, что онъ привыкъ видѣть предметы падающими внизъ. Можно было бы, пожалуй, возразить на это тѣмъ, что чистые принципы познанія, обусловливая и дѣлая возможнымъ всяческій опытъ, сами остаются, тѣмъ не менѣе, до поры до времени скрытыми или неясными и лишь при значительномъ расширеніи эмпирическаго поля своего приложенія выступаютъ въ умѣ человѣческомъ въ отчетливой и ясной формѣ. Но объяснять дѣло такъ, значило бы въ сущности свести на нѣтъ чистоту и апріорность самихъ принциповъ. Если принципы только потенціально намъ присущи и сами нуждаются въ развитіи, при чемъ это развитіе идетъ рука объ руку и согласно съ опытомъ, то уже совершенно не представляется возможнымъ рѣшить вопросъ, кто кого направляетъ и ведетъ на помочахъ, познавательные ли принципы, чистый опытъ или же наоборотъ. Кантъ, повидимому, не придавалъ никакого значенія чисто психологической сторонѣ этого вопроса *), а потому и не изслѣдовалъ происхожденія познавательныхъ принциповъ отъ ихъ эмбріональныхъ зачатковъ до развитого состоянія; онъ ограничился только, такъ сказать, статикой взаимоотношенія чистаго опыта и чистаго разума и считалъ это вполнѣ достаточнымъ для рѣшенія вопроса. Между тѣмъ для опроверженія Юма по существу необходимо было бы именно посмотрѣть на дѣло съ обще-психологической точки зрѣнія и обратиться, такъ сказать, къ эмбріологіи принциповъ познанія. При этомъ Кантъ долженъ былъ бы показать, что въ эволюціи основныхъ познавательныхъ формъ опредѣляющіе моменты находятся всегда не въ чемъ иномъ, какъ только въ активно-разсудочной,

*) Такъ же смотритъ на этотъ вопросъ современный критицизмъ, считающій теорію апріорности чисто гносеологическимъ построеніемъ, нисколько не зависящимъ отъ той или иной психологической теоріи. Вопреки этому, установившемуся въ послѣднее время мнѣнію, мы думаемъ, что понятіе апріорности могло бы быть обосновано лишь психологически. Такая обосновка заключается въ догматической формѣ и у Канта въ его утвержденіи невозможности опытнаго *происхожденія* всеобщихъ и необходимыхъ синтетическихъ сужденій. Обще-гносеологическая постановка вопроса объ апріорности будетъ нами подробно разсмотрѣна въ 3-ей главѣ.

изнутри, а не извнѣ, обусловленной, способности человѣческаго духа. Но Кантъ, находя что всеобщность и необходимость, по самой своей сущности такъ чужды случайной эмпиріи, что необходимо нуждаются для своего объясненія въ признаніи апріорныхъ началъ, всякое психологическое доказательство считалъ очевидно излишнимъ. Между тѣмъ, заключая объ эмпирической независимости основныхъ принциповъ разсудка изъ глубокаго различія между случайностью опыта и строгою всеобщностью и необходимостью тѣхъ актовъ мышленія, которые вытекаютъ изъ этихъ принциповъ, Кантъ дѣлалъ столь же поспѣшное заключеніе, какъ если бы кто-нибудь сталъ утверждать, невозможность происхожденія дуба изъ жолудя только на основаніи глубокаго различія этихъ предметовъ по внѣшнему виду и ихъ внутреннему составу.

Въ математикѣ, по мнѣнію Канта, дѣятельность чистаго разума обнаруживается наиболѣе отчетливо и безспорно. Юмъ не пришелъ бы, думаетъ Кантъ, къ своимъ выводамъ о происхожденіи всеобщности и необходимости изъ привычки, если бы не остановился на изслѣдованіи понятія причинности, а изслѣдовалъ бы также вопросъ о происхожденіи синтетическихъ сужденій математики. „Надо замѣтить", говоритъ Кантъ *), „что собственно математическія положенія всегда сужденія a priori, а не эмпирическія сужденія, ибо они вносятъ съ собою такой признакъ необходимости, какого нельзя извлечь изъ опыта; если же этого не захотятъ допустить, то я ограничу мое положеніе чистою математикою, самое понятіе которой уже показываетъ, что она заключаетъ въ себѣ не эмпирическое, а только чистое познаніе a priori". Въ этомъ аргументѣ опять-таки апріорность въ сущности уже предполагается, потому, что понятіе чистой математики лишь для того будетъ исключать всякую мысль объ эмпирическомъ происхожденіи, кто вмѣстѣ съ Кантомъ уже призналъ существованіе чисто апріорныхъ принциповъ; для тѣхъ же, кто этого не признаетъ, чистая математика является наукой чистой и лишенной всякаго эмпирическаго содержанія лишь, какъ законченное готовое цѣлое, что вовсе не мѣшаетъ признавать ее наукой, возникшей все-таки на почвѣ чувственнаго опыта и, только путемъ отвлеченія и многократнаго восхожденія все къ болѣе и болѣе общимъ схемамъ, оторванной отъ всякаго чувственно-опытнаго содержанія. И въ этой области эмпирическое происхожденіе синтетическихъ сужденій является вполнѣ возможнымъ. Нужно только имѣть въ виду, что всякое математическое сужденіе, отвлеченнаго характера, отличающееся всеобщностью и необходимостью, есть всегда уже вторичный актъ ума, которому необходимо должны были предшествовать множество другихъ актовъ чувственнаго характера. Всѣ основ-

*) «Критика чистаго разума», (перев. Соколова) стр. 36.

ныя математическія понятія являются всегда схемами, обозначающими множество наглядно-чувственныхъ актовъ. Таковы понятіе числа и простѣйшихъ ариѳметическихъ дѣйствій, простѣйшія геометрическія понятія, какъ-то: линіи, поверхности, угла, совмѣщенія и т. п. Всѣ соотвѣтствующіе имъ наглядно-чувственные акты не содержатъ въ себѣ ничего похожаго на сознаніе всеобщности и необходимости и только путемъ многократнаго повторенія образуютъ въ насъ отвлеченныя отъ чувственнаго содержанія схемы, уже обладающія въ большей или меньшей степени всеобщностью и необходимостью въ способѣ сочетанія своихъ элементовъ. Для ребенка, впервые складывающаго, по пальцамъ или путемъ представленія переноса орѣховъ отъ одной кучки къ другой, 5 и 7, тотъ результатъ, который онъ получаетъ, вовсе не представляется столь же необходимымъ, какъ для взрослаго человѣка; и прежде чѣмъ онъ найдетъ вѣрное рѣшеніе онъ всегда сдѣлаетъ нѣсколько ошибокъ. Сознаніе необходимости можетъ появиться только тогда, когда процессъ сложенія повторенъ нѣсколько разъ и когда закрѣпилась уже чисто звуковая ассоціація, связывающая вмѣстѣ въ извѣстной послѣдовательности названіе чиселъ 5, 7 и 12. Но въ чемъ же заключается необходимость самого результата сложенія 5 и 7, приводящаго въ концѣ концовъ къ однообразному для всѣхъ людей правильному отвѣту? Не въ чемъ иномъ, скажемъ мы, какъ въ необходимости нашихъ ощущеній и созерцаній, обусловленныхъ въ своемъ качествѣ и множественности не только нашей природой, но еще и чѣмъ-то другимъ, сущимъ внѣ насъ. Коль скоро для обозначенія этихъ, не вполнѣ отъ насъ зависимыхъ, данныхъ, а также общихъ схемъ, отвѣчающихъ множеству такихъ однородныхъ данныхъ, приняты извѣстные символы звуковые или начертательные, то естественное дѣло, что та необходимость *), съ которою ощущенія и созерцанія въ насъ возникаютъ и смѣняются въ извѣстномъ порядкѣ, обнаружится и въ замѣняющихъ ихъ символахъ, при чемъ у насъ и получатся общія и аподиктическія сужденія. Для поясненія и подтвержденія высказанныхъ положеній мы разсмотримъ главные моменты въ происхожденіи понятія числа и численной системы.

Исходнымъ пунктомъ для происхожденія численныхъ представленій и понятій **) является сознаніе отдѣльности, а затѣмъ и множественности

*) Являющаяся уже слѣдствіемъ міровыхъ и обще-психологическихъ законовъ, а никакъ не спеціально законовъ разсудка.

**) Мы считаемъ необходимымъ опредѣлить разъ навсегда тотъ смыслъ и значеніе, которые мы связываемъ съ терминами: представленіе и понятіе. *Представленіями* мы называемъ всякія состоянія сознанія или сложныя ассоціаціи такихъ состояній, объективированныя нашею мыслью, т.-е. понятыя какъ нѣчто обособленное или внѣшнее по отношенію къ прочему содержанію сознанія. Къ представленіямъ мы относимъ, такимъ образомъ, также и все то, что разумѣется обыкновенно подъ терминомъ воспріятіе и что обыкновенно характеризуется присутствіемъ

нашихъ ощущеній, представленій, вообще какихъ бы то ни было актовъ. Когда первоначальное единство сознанія ребенка начинаетъ распадаться на отдѣльности, т.-е. когда изъ смутнаго и нераздѣльнаго переживанія ощущеній начинаютъ выдѣляться отдѣльные зрительные образы, отдѣльные звуки и ощущенія отдѣльныхъ актовъ движенія, то вмѣстѣ съ этимъ появляется также и сознаніе множественности. Подъ этимъ сознаніемъ множественности, конечно, не слѣдуетъ разумѣть то, что связывается со словомъ множественность у взрослаго человѣка, т.-е. нѣкоторое неопредѣленное число, а нѣчто гораздо болѣе простое и въ сущности не выразимое въ словахъ именно благодаря своей простотѣ и первоначальности. Уже въ этомъ зародышѣ позднѣйшей ариѳметики мы должны отмѣтить нѣкоторую извнѣ навязывающуюся необходимость. Наличность нѣсколькихъ, способныхъ привлечь вниманіе ребенка, созерцаній, какъ-то: появленіе въ комнатѣ нѣсколькихъ лицъ или видъ нѣсколькихъ игрушекъ, находится въ зависимости отъ чего то для ребенка внѣшняго, что необходимо раздробляетъ его вниманіе; и коль скоро ребенокъ уже способенъ удерживать въ сознаніи разомъ нѣсколько пунктовъ, въ немъ и появляется сознаніе множественности.

При сравненіи другъ съ другомъ отдѣльныхъ частей того многаго, что представляется ребенку, онъ иногда начинаетъ замѣчать, что всѣ эти части (напр., отдѣльные орѣхи) похожи другъ на друга, и въ отношеніи того удовольствія, которое онъ отъ нихъ получаетъ, или тѣхъ дѣйствій, которыя онъ съ ними производитъ, вполнѣ могутъ замѣнять другъ друга. Это даетъ поводъ къ тому, что множественность

какой-либо внѣшней матеріальности, аффицирующей наше сознаніе. Эта предвзятая, и по существу фальшивая, предпосылка матеріальности и заставляетъ насъ уклониться отъ употребленія обычнаго понятія воспріятія, являющагося съ нашей точки зрѣнія гносеологически равноцѣннымъ представленію. Представленіе отличается отъ сознанія лишь привхожденіемъ активнаго и координирующаго вліянія разсудка, привносящаго къ наличности сознанія нѣкоторые элементы репродуктивнаго характера. Простѣйшимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ проявленіемъ такого вліянія и является объективація, т.-е. положеніе чего-либо внѣшнимъ данной наличности сознанія. При этомъ совершенно безразлично, относится ли эта объективація къ элементамъ пространственнаго или только временного порядка; такъ если я имѣю въ сознаніи содержаніе образа, называемаго деревомъ, или комбинацію душевныхъ состояній, выражающихъ мое вчерашнее настроеніе и если я при этомъ понимаю все это содержаніе чѣмъ-то для себя, всегда или въ данную минуту, внѣшнимъ, то оно и должно называться моими представленіями. Къ представленіямъ мы относимъ всѣ наши воспоминанія, а также всѣ ассоціаціи элементовъ сознанія, созданныя творческою дѣятельностью ума, поскольку въ нихъ сохранилась ихъ реальная живость, т.-е. качественная яркость составныхъ элементовъ. Подъ *понятіями*, или идеями, мы разумѣемъ, потерявшія уже реальную живость составныхъ элементовъ, схемы, выражающія структурную и обыкновенно характерную сущность однородныхъ представленій, а также всякаго рода творчески созданныя схемы, не находящія себѣ яркаго выраженія въ сферѣ представленій, хотя и созданныя нашимъ мышленіемъ на почвѣ тѣхъ или иныхъ представленій (напр., геологическія понятія о флорѣ и фаунѣ различныхъ періодовъ).

такого рода представленій начинаетъ его заинтересовывать уже сама по себѣ; ребенокъ начинаетъ предпочитать сразу овладѣть двумя пріятными ему предметами, вмѣсто одного. Въ это же время онъ научается отъ старшихъ съ разными представленіями множественности соединять извѣстные звуки: одинъ, два, три и т. д., и при этомъ подмѣчаетъ, что въ томъ, что обозначается этими звуками, наиболѣе существеннымъ является повторяемость одинаковыхъ представленій, а не ихъ чувственное содержаніе, которое обыкновенно для него уже является хорошо знакомымъ и даже иногда легко обозначаемымъ символическимъ звукомъ орѣхъ и т. п. На-ряду съ множественностью въ формѣ одновременнаго сознанія нѣсколькихъ отдѣльныхъ впечатлѣній ребенокъ начинаетъ знакомиться съ множественностью въ видѣ повторности однородныхъ впечатлѣній. Если въ первой формѣ множественность является ограниченной узкостью сознанія, не могущаго удерживать сразу значительное количество отдѣльныхъ пунктовъ, то во второй она является источникомъ возникновенія всѣхъ большихъ чиселъ.

Но множественность представляетъ сама по себѣ только, такъ сказать, матеріалъ для образованія численныхъ величинъ и является вопросъ, что же даетъ всей нашей численной системѣ тотъ порядокъ и закономѣрность, въ силу которой всѣ тѣ виды множественности, которые ребенокъ обозначаетъ словами 6, 7, 16 и т. п., находятся другъ съ другомъ всегда въ одинаковыхъ правильныхъ соотношеніяхъ, которыя ребенокъ мало-по-малу начинаетъ научаться опредѣлять, т.-е., другими словами, научается счету.

Ребенка учатъ числамъ и счету главнымъ образомъ на повторяемости представленій, при чемъ указаніе на соотвѣтствіе чиселъ впечатлѣніямъ одновременной множественности, напр., числа три виду трехъ лежащихъ орѣховъ, является только вспомогательнымъ пріемомъ, возможнымъ лишь при ознакомленіи съ небольшими числами. Первымъ числомъ, съ которымъ знакомится ребенокъ, является, конечно, единица; со словомъ „одинъ“ его научаютъ связывать представленіе одного образа или одного какого-нибудь дѣйствія. Непосредственно слѣдующій однообразный актъ или представленіе ребенку связываютъ со словомъ „два“, слѣдующій—со словомъ „три“ и т. д. *). Всѣ эти представленія, связываемыя съ названіями пер-

*) Слѣдуетъ замѣтить, что въ сущности со словами, означающими числа, у ребенка связывается не только качественное содержаніе того впечатлѣнія или дѣйствія (загибаніе пальца и т. п.), съ помощью котораго его учатъ счету, но также и актъ его собственнаго вниманія, въ который входитъ въ большей или меньшей степени сознаніе напряженія или усилія; и этотъ-то актъ вниманія, являющійся въ каждомъ своемъ отдѣльномъ повтореніи однообразнымъ, по преимуществу и даетъ возможность ребенку отвлекаться отъ чувственнаго содержанія пересчитываемыхъ впечатлѣній и относить звуковыя обозначенія чиселъ къ чему-то однообразному нечувственному, различающемуся только по порядку; можно сказать, что ребенокъ главнымъ образомъ считаетъ акты напряженія своего вниманія.

выхъ чиселъ, имѣютъ въ отношеніи другъ къ другу нѣкоторую, хотя и не касающуюся качественнаго содержанія составляющихъ ихъ элементовъ, но тѣмъ не менѣе чувственно воспринимаемую разницу. Разница эта и состоитъ именно въ степени раздробленія представляющей дѣятельности ребенка, при чемъ въ случаѣ, обозначаемомъ словомъ „одинъ“, представленіе его является *цѣльнымъ и непорозненнымъ* со словомъ, „два“ у ребенка связываютъ представленіе, дающее, по сравненію съ первымъ новую, привлекающую вниманіе, точку, со словомъ „три“ представленіе, отличающееся отъ предыдущаго еще новой точкой и т. д. При знакомствѣ съ болѣе или менѣе значительными числами ребенокъ естественнымъ образомъ придаетъ имъ сначала чисто порядковое значеніе. 10 отличается у него отъ 8 не тѣмъ, что въ 10 заключается чего-то больше, чѣмъ въ 8, а тѣмъ, что оно дальше восьми по порядку счета; для него самымъ важнымъ обстоятельствомъ является то, что сначала идетъ 8, а потомъ 9 и, наконецъ, 10. Поэтому ребенокъ можетъ зачастую правильно и безъ затрудненія сосчитать до 15, но совершенно потеряться при вопросѣ, что больше 12 или 10. Понятіе о количественной сущности чиселъ появляется въ его умѣ уже позднѣе, и собственно главная задача обученія счету и состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ установленіи въ умѣ ребенка связи между количественнымъ и порядковымъ значеніемъ чиселъ, т.-е. въ пониманіи того, что число, напр. двѣнадцать, обозначаетъ не только то дѣйствіе или представленіе, которое по порядку стоитъ между 11 и 13, но также является обозначеніемъ собранія вмѣстѣ и разомъ всѣхъ однородныхъ съ нимъ предыдущихъ, которыя послѣдовательно обозначались словами 1, 2, 3 и т. д. То, что обозначается словами: всѣ вмѣстѣ, собранныя разомъ и т. п., является знакомымъ ребенку по тѣмъ представленіямъ одновременной множественности, которыя онъ воспринимаетъ въ видѣ кучки орѣховъ, нѣсколькихъ яблокъ, 10 пальцевъ матери и т. п., множественностей, которыя въ глазахъ ребенка и являются чаще всего поводомъ къ воспроизведенію однообразной повторяемости, закрѣпляемой въ своемъ порядкѣ опредѣленными звуковыми символами. Такимъ образомъ, мало-по-малу, всякая чувственная множественность является для ребенка источникомъ воспроизведенія числового порядка (символизируемаго уже звуками) до нѣкотораго предѣла, при чемъ предѣлъ этотъ оказывается для него уже чѣмъ-то характеризующимъ эту чувственно воспринимаемую множественность и отличающимъ ее отъ другихъ множественностей, дающихъ возможность къ счету до другихъ предѣловъ, ближайшихъ или дальнѣйшихъ по порядку. Такимъ образомъ 12, 15, 17 и т. п. являются въ его умѣ не только значками опредѣленнаго мѣста въ счетовомъ порядкѣ, но также и различныхъ множественностей. При частомъ сопоставленіи этихъ множественностей другъ съ другомъ ребенокъ замѣчаетъ, что отличіе множественностей, обо-

значаемыхъ сосѣдними по порядку числами, состоитъ въ томъ, что множественность, соотвѣтствующая слѣдующему по порядку числу, отличается отъ соотвѣтствующей предыдущему числу на то представленіе, которое дано въ сознаніи, какъ простой неразложимый пунктъ, называемый единицей. Такимъ образомъ къ его представленію о числахъ лишь какъ о символахъ порядка и множественностей присоединяется еще и та существенная черта, что каждое послѣдующее отличается отъ предыдущаго на то, что называется единицей. При этомъ, чѣмъ чаще онъ сравниваетъ обозначаемыя такимъ образомъ множественности*) и чѣмъ разнообразнѣе тѣ созерцанія, которыя ему служатъ въ качествѣ наглядныхъ представленій числъ, тѣмъ болѣе онъ начинаетъ игнорировать въ своихъ операціяхъ опредѣленное чувственное содержаніе тѣхъ представленій, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, и въ концѣ-концовъ 1, 11, 12, 15 и т. п. являются у него уже обозначеніями нѣкоторыхъ безразличныхъ или только туманно представляемыхъ множественностей, дающихъ возможность для счета, т.-е. для вполнѣ опредѣленнаго исчерпыванія ихъ единицей. Это уже и есть то, что мы называемъ числами. Но и послѣ появленія въ умѣ ребенка такихъ болѣе или менѣе отвлеченныхъ понятій о числахъ вообще онъ еще долго не въ состояніи отдѣлаться въ своихъ операціяхъ надъ ними отъ помощи чувственныхъ представленій и въ познаніи ихъ взаимныхъ отношеній долженъ руководиться представленіемъ пальцевъ, орѣховъ и т. п.

Изъ приведеннаго краткаго обзора происхожденія понятія числа видно, что въ основѣ всего этого сложнаго и продолжительнаго по времени процесса лежатъ три чувственныхъ данныхъ: 1) сознаніе, а затѣмъ и представленіе, отдѣльности или единаго, соотвѣтствующее позднѣйшему понятію единицы; 2) сознаніе и представленіе множественности въ видѣ одновременнаго существованія нѣсколькихъ образовъ или въ видѣ повторяемости однообразныхъ представленій. Этому чувственному данному соотвѣтствуетъ позднѣйшее понятіе числа вообще; и наконецъ, 3) сознаніе и представленіе извѣстнаго соотношенія или порядка между двумя первыми данными, состоящее въ томъ, что чувственное представленіе множественности исчерпывается или состоитъ изъ того чувственнаго даннаго, которое называется „одинъ“ (это воспринимается въ чувственной картинѣ прибавленія одиночныхъ представленій другъ къ другу или отнятія ихъ отъ представленія множественности). Это чувственное данное обусловливаетъ вполнѣ опредѣленную и законообразную зависимость между числами, какъ въ отношеніи порядка слѣдованія, такъ и

*) Всѣ эти операціи, конечно, происходятъ подъ руководствомъ старшихъ, обучающихъ ребенка счету.

ихъ количественной емкости, и является затѣмъ основой для позднѣйшихъ понятій сложенія, вычитанія и всѣхъ другихъ производныхъ отъ нихъ дѣйствій. Всѣ эти чувственныя данныя появляются въ сознаніи ребенка помимо и независимо отъ какого-либо мышленія и нуждаются для своего осуществленія въ двухъ факторахъ: во-1-хъ, существѣ, способномъ имѣть чувственныя созерцанія и различать въ ихъ сложномъ содержаніи части или пункты и во-2-хъ, въ наличности какихъ-то внѣшнихъ по отношенію къ воспринимающему субъекту условій, вызывающихъ и опредѣляющихъ въ немъ, помимо его воли и желанія, всѣ эти представленія и ихъ смѣны. Конечно, оба эти фактора вносятъ въ проистекающій отъ ихъ взаимодѣйствія результатъ нѣкоторую необходимость. Ребенокъ не можетъ, смотря на три орѣха имѣть ту же картину, что и при видѣ одного орѣха; онъ не можетъ не замѣчать исчезновенія этихъ трехъ орѣховъ при послѣдовательномъ отнятіи отъ нихъ сначала одного, потомъ другого и, наконецъ, третьяго. Всѣ подобные образы вытекаютъ съ необходимостью изъ свойствъ его чувственно-воспринимающаго сознанія, а также изъ свойствъ чего-то такого, что лежитъ внѣ этого сознанія и вообще внѣ его существа. Но эта необходимость совершенно такого же рода, какъ и необходимость ощущенія, при извѣстныхъ условіяхъ, холода или воспріятія яркаго свѣта, и она не имѣетъ ничего общаго съ тою необходимостью, съ которою мы потомъ научаемся мыслить нѣкоторыя положенія. Та необходимость, которая, по мнѣнію Канта, указываетъ на апріорное происхожденіе синтетическихъ сужденій, всегда бываетъ связана со всеобщностью; кромѣ того она всегда сознается мыслящимъ субъектомъ, какъ нѣчто неизбѣжное и обязательное для его ума, не допускающее никакихъ колебаній и альтернативъ. Тѣ же чувственныя данныя, которыя являются условіемъ для образованія понятій о числахъ и дѣйствій надъ ними, осуществляются въ сознаніи ребенка въ первый разъ съ такою же необходимостью, какъ и во всѣ послѣдующіе разы, при чемъ ребенокъ, конечно, нисколько не сознаетъ необходимости совершающагося въ его сознаніи процесса, и только мы, взрослые, можемъ говорить объ этой необходимости, когда понимаемъ этотъ процессъ законосообразнымъ съ психологической или обще-философской точки зрѣнія. Когда ребенокъ въ первый разъ дѣлаетъ сложеніе 5 и 7, или другихъ какихъ-нибудь чиселъ, то это всегда производится съ помощью наглядно-чувственныхъ представленій: множественность, съ которою онъ уже раньше познакомился (опять-таки наглядно), какъ составляющеюся путемъ повторности, заканчивающеюся на словѣ семь, сопоставляется въ его сознаніи съ представленіемъ другой множественности, точно такъ же закрѣпленной въ его сознаніи со словомъ пять; наблюдая перенесеніе по одному отъ

одной множественности къ другой, онъ получаетъ наглядное представленіе сліянія двухъ множественностей въ одну, которая тутъ же закрѣпляется въ его сознаніи со словомъ двѣнадцать. Очевидно, что если этотъ процессъ будетъ повторяться на его глазахъ нѣсколько разъ и съ разнообразными предметами, при чемъ онъ твердо заучитъ названіе каждой множественности, въ зависимости отъ возможности ея наглядная составленія изъ отдѣльностей или единицъ, то та необходимость, съ которой совершается въ немъ процессъ перемѣны представленій, всецѣло перенесется и на тѣ звуковые символы, которые обозначаютъ эти представленія и перемѣны. Когда же, вслѣдствіе привычки, ребенокъ перестанетъ нуждаться въ чувственной картинѣ и будетъ съ еще большей быстротой и частотой производить эти операціи въ краткихъ схемахъ понятій и наконецъ даже только въ соотвѣтствующихъ имъ звуковыхъ и начертательныхъ символахъ, тогда только и появится то сознаніе необходимости и всеобщности, о которомъ говоритъ Кантъ и которое въ сущности есть не что иное, какъ привычка. Какъ скоро упускается изъ виду, что въ основѣ всего этого лежатъ необходимо возникавшія, въ силу внѣшнихъ сознанію условій, чувственныя созерцанія, а также незамѣтно внушенное другими людьми условіе связывать съ ними всегда одни и тѣ же символы, то и является возможной та иллюзія, что будто бы въ этихъ процессахъ выражается какой-то могучій апріорный законъ, лежащій въ свойствахъ человѣческаго ума. Между тѣмъ какъ въ основѣ всего этого лежитъ нами же созданное условіе символизаціи извѣстныхъ процессовъ сознанія,—процессовъ, хотя и возникающихъ необходимо и законосообразно, но вовсе не въ силу какого-либо нормативнаго принципа лежащаго въ одномъ лишь умѣ человѣческомъ, а въ силу общихъ законовъ взаимодѣйствія сознающаго субъекта и того міра, который обозначается для него словомъ „не-я“. Утверждать же, что законъ этотъ и вытекающая изъ него необходимость лежатъ именно въ умѣ субъекта, столь же ошибочно, какъ утверждать, что законность соединенія кислорода съ водородомъ въ воду лежитъ въ природѣ кислорода, а что водородъ здѣсь совершенно не при чемъ. Но какъ въ этомъ химическомъ процессѣ роль необходимыхъ и обусловливающихъ реагентовъ принадлежитъ и тому, и другому элементу, такъ точно и въ процессахъ нашего мышленія мы должны видѣть дѣйствующаго фактора не только въ насъ самихъ, и притомъ лишь только въ познавательной или чисто-формальной дѣятельности нашей, но также и въ томъ, что мы должны называть міромъ „не-я“. Этимъ-то вторымъ факторомъ и обусловливаются всѣ тѣ, независимыя отъ нашей воли, какъ въ своей качественности, такъ и въ своей множественности состоянія сознанія, которыя лежатъ въ основѣ всего нашего мышленія и составляютъ его необходимый первоначальный матеріалъ.

Геометрическія аксіомы Кантъ выводилъ изъ пространственнаго созерцанія, при чемъ полагалъ, что всякое созерцаніе линій и фигуръ предполагаетъ пространство, которое въ видѣ апріорной формы уже находится въ представляющей способности субъекта, обусловливая и дѣлая возможнымъ самое созерцаніе. Съ его точки зрѣнія геометрическія аксіомы представляютъ не аналитическія сужденія, а синтетическія, выражающія въ своей необходимости тотъ апріорный синтезъ, который мы совершаемъ въ созерцаніи пространственныхъ соотношеній. Мы, съ своей стороны, и тутъ не видимъ никакой надобности предполагать въ человѣческомъ представленіи уже готовую форму пространства, какъ бы ожидающую только появленія того матеріала, который могъ бы быть въ нее размѣщенъ. Чтобы доказать существованіе такой чистой формы нужно было бы доказать возможность представлять себѣ пространственныя величины лишенныя всякихъ чувственныхъ данныхъ. Но можемъ ли мы себѣ представить, напр., линію иначе, какъ въ видѣ нѣкотораго, болѣе *темнаго* или *свѣтлаго* сравнительно съ находящейся съ обѣихъ сторонъ средой, протяженія? Правда, мы можемъ выразить линію и не въ чувственномъ воспріятіи, а, напр., въ уравненіи или сужденіи, опредѣляющемъ ея отношеніе къ какому-нибудь другому геометрическому понятію. Но это ничего иного не доказываетъ, какъ только то, что на высшихъ ступеняхъ отвлеченія и обобщенія мы обращаемся со схемами, уже вполнѣ лишенными чувственнаго содержанія, при чемъ это вовсе не говоритъ противъ ихъ чувственнаго происхожденія. Если профессоръ астрономіи на лекціи часто употребляетъ слово „солнце“, то онъ, конечно, не представляетъ каждый разъ при этомъ блестящій кругъ или тѣ представленія, которыя соотвѣтствуютъ существующимъ въ данное время гипотезамъ о природѣ солнца, а связываетъ съ этимъ словомъ только безкачественную схему всѣхъ характеризующихъ и опредѣляющихъ данное понятіе созерцаній и представленій. Но если бы для него явилась въ томъ надобность, онъ могъ бы во всякое время реализовать эту схему въ той системѣ чувственныхъ представленій, краткимъ и лишь структурнымъ значкомъ которой данная схема является, то-есть, изложить, напримѣръ, теорію происхожденія солнца, существующія въ наукѣ соображенія о размѣрахъ, химическомъ составѣ, физическомъ состояніи, температурѣ солнечнаго ядра и т. п. данныя, выражающіяся уже въ болѣе или менѣе близкихъ къ чувственности понятіяхъ и представленіяхъ. Точно то же и съ математическими сужденіями: какъ бы они намъ ни казались лишенными чувственности, мы никогда не можемъ оторвать ихъ въ своемъ происхожденіи отъ родной почвы чувственности и всегда можемъ найти и въ этой сферѣ главные опредѣляющіе ихъ развитіе моменты.

Если бы въ насъ дѣйствительно существовала чистая форма простран-

ства, то очевидно, что она, какъ независимая отъ опыта, должна была бы быть, какъ въ представленіи ребенка, такъ и взрослаго человѣка, вполнѣ одинаково ясной и отчетливой, а также вполнѣ представимой и для малаго ребенка во всей своей сверхчувственной чистотѣ. На самомъ же дѣлѣ ребенокъ еще менѣе, чѣмъ взрослый въ состояніи освобождаться въ своихъ пространственныхъ представленіяхъ отъ чувственныхъ данныхъ, и если взрослому доступны уже оторванныя отъ чувственности схемы, то ребенокъ въ состояніи представлять себѣ линію, кругъ или треугольникъ не иначе, какъ въ видѣ темнаго или свѣтлаго шнура, въ видѣ знакомыхъ предметовъ или въ видѣ чертежей на бумагѣ, на доскѣ и т. под.

Если мы обратимся къ признаку необходимости, съ которой мы мыслимъ геометрическія сужденія, то увидимъ, что и здѣсь этотъ признакъ нисколько не требуетъ для своего объясненія непремѣннаго признанія апріорной формы пространства. Въ самомъ дѣлѣ, то, что въ ребенкѣ возникаютъ съ необходимостью извѣстныя представленія, которыя содержатъ въ себѣ чувственно различные элементы въ различныхъ соотношеніяхъ зависитъ не только отъ свойствъ его представляющей способности, но и отъ чего-то внѣ его находящагося. Если ребенокъ, смотрѣвшій на какой-нибудь предметъ, имѣющій форму круга, черезъ часъ находитъ его сломаннымъ и потерявшимъ круговую форму, то онъ вѣдь не можетъ видѣть то же, что видѣлъ часъ назадъ, и его впечатлительность уже обусловливается чѣмъ-то для нея постороннимъ, къ воспроизведенію иныхъ формъ и соотношеній. Если это такъ въ единичномъ случаѣ, то то-же самое мы имѣемъ и при многократномъ повтореніи. Если ребенокъ часто видитъ круги на разныхъ предметахъ, то не онъ же одинъ виновникъ этой возможности однообразныхъ впечатлѣній, ибо для этого нужна, кромѣ идентичности его воспринимающей способности, также идентичность какого-то на нее воздѣйствія, безъ котораго онъ при всемъ своемъ желаніи не могъ бы воспринимать округлыхъ очертаній. Зависимость нашихъ созерцаній и представленій отъ внѣшняго міра относится, такимъ образомъ, не только къ ихъ качественной природѣ, но и къ ихъ структурности; но именно эта структурность и составляетъ сущность геометрическихъ представленій, а затѣмъ и понятій, такъ какъ только ею они и отличаются другъ отъ друга.

Что же касается участія нашей собственной природы въ созданіи нашихъ младенческихъ созерцаній и представленій, то мы должны прежде всего отмѣтить, что участіе это никакъ нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что какія-либо представленія находятся уже въ насъ вполнѣ или отчасти готовыми въ видѣ какихъ-то формъ и только, такъ сказать, приспособляются къ полученнымъ нами внѣшнимъ воздѣйствіямъ, но лишь въ томъ смыслѣ, что мы способны при извѣстныхъ опредѣленныхъ условіяхъ имѣть

строго опредѣленныя и всегда одинаковыя созерцанія и представленія. Способность же эту ни въ какомъ случаѣ нельзя понимать, какъ что-то похожее на то, что ею же воспроизводится, какъ нельзя способность кислорода давать съ водородомъ воду представлять въ видѣ чего-то похожаго на воду. Поэтому, если мы и обусловливаемъ возникающія въ насъ пространственныя формы, то вовсе не въ томъ смыслѣ, что въ насъ лежитъ уже готовое пространство, а только въ томъ, что мы являемся способными подъ вліяніемъ другихъ внѣшнихъ факторовъ имѣть вполнѣ опредѣленныя и законосообразныя въ своихъ элементарныхъ соотношеніяхъ пространственныя созерцанія и представленія. Мышленіе вскрываетъ и подмѣчаетъ эту законосообразность, данную въ сознаніи частично, и связываетъ ее затѣмъ въ единую систему, закрѣпляемую въ опредѣленной символической формѣ знаковъ и звуковъ. Но мы должны все-таки имѣть въ виду, что хотя сознаніе и обусловливаетъ структурой своихъ созерцаній появленіе въ нашемъ умѣ пространственныхъ понятій, но сами эти созерцанія еще не могутъ быть называемы пространственными въ точномъ смыслѣ слова. Пространство есть продуктъ соотнесенія и сравненія, т.-е. мышленія, а не одного только созерцанія, и въ сущность его непремѣнно входитъ хотя бы смутное пониманіе его въ качествѣ совершенно особаго порядка (все равно, будемъ ли мы ему придавать объективное или субъективное значеніе) отличнаго отъ порядка времени, причинныхъ связей и др. Трехлѣтній ребенокъ едва ли ясно различаетъ, какая разница между тѣмъ, когда ему говорятъ, что желаемый имъ предметъ находится далеко или что этотъ предметъ ему дадутъ потомъ, не скоро и т. п. И это не потому, чтобы онъ не могъ заучить значеніе словъ „далеко“ или „потомъ“, но потому, что истинный смыслъ этихъ словъ ему не доступенъ, такъ какъ онъ предполагаетъ уже отчетливое раздѣленіе и пониманіе пространства и времени въ качествѣ какихъ-то хотя бы и смутно понимаемыхъ, но вполнѣ отдѣльныхъ и самостоятельныхъ порядковъ. Поэтому созерцанія младенца въ первые мѣсяцы жизни должны быть названы, строго говоря, не пространственными, такъ же точно, какъ и созерцанія животныхъ. Тѣ фигуры и тѣла, которыя мы, взрослые, понимаемъ, какъ пространственно различныя, въ сознаніи ребенка еще просто только различныя; онъ, конечно, сознаетъ иначе красный цвѣтъ, чѣмъ синій, точно такъ же, какъ видъ круга иначе, чѣмъ видъ квадрата, но у него еще нѣтъ сопоставленія краснаго цвѣта съ синимъ или круга съ квадратомъ, т.-е. онъ только сознаетъ различно, но еще не сознаетъ различій. И даже, когда онъ начинаетъ узнавать различія, путемъ припоминанія одного предмета и сопоставленія его съ существующимъ въ его сознаніи образомъ другого предмета, у него еще можетъ не быть пространственныхъ созерцаній, потому что для этого нужна еще высшая ступень отвлеченія, посредствомъ

которой ребенокъ могъ бы понять, что и различія бываютъ различныхъ порядковъ, т.-е., что различіе краснаго цвѣта отъ синяго совершенно иного рода, чѣмъ различіе квадрата отъ круга. Итакъ, говорить о пространственныхъ созерцаніяхъ дѣтей или даже взрослаго человѣка въ тѣ минуты, когда въ немъ исчезла всякая мысль, можно только въ условномъ смыслѣ, т.-е. понимая подъ этимъ созерцаніе и сознаніе тѣхъ соотношеній чувственныхъ данныхъ, которыя мысль понимаетъ затѣмъ, какъ пространственныя. Вообще, всякое чистое созерцаніе (какое надо предполагать у новорожденнаго младенца) безпространственно и въ сущности невыразимо въ словахъ, служащихъ всегда для выраженія чего-нибудь уже соотнесеннаго и понятаго, т.-е. ставшаго продуктомъ мышленія.

Мы считаемъ необходимымъ остановиться еще на разсмотрѣніи тѣхъ признаковъ сужденій, которые съ точки зрѣнія критицизма неопровержимо требуютъ предположенія чистыхъ апріорныхъ принциповъ разсудка, а именно: всеобщности и необходимости. Прежде всего мы должны отмѣтить, что второй признакъ въ сущности всецѣло вытекаетъ изъ перваго. Разъ мы приходимъ къ тому выводу, что всѣ явленія совершаются по закону, т.-е. по опредѣленному неизмѣнному правилу, то тѣмъ самымъ мы приходимъ и къ сознанію необходимости или обязательности каждаго частнаго случая, въ которомъ прямо или косвенно осуществляется найденный нами законъ. Понятіе же закона въ самой своей обычной формѣ всецѣло зиждется на признаніи какихъ-либо правилъ общими и неизмѣнными, что, въ свою очередь, вытекаетъ изъ созерцаній однообразной повторности. То, что понимается подъ необходимостью можетъ, впрочемъ, принимать различное значеніе въ зависимости отъ всего міросозерцанія человѣка. Намъ можетъ казаться необходимымъ дѣйствіе, которое прямо и неизбѣжно вытекаетъ изъ, такъ или иначе понятой нами, сущности того или другого существа или Бога, хотя бы это дѣйствіе было единичнымъ и законъ въ немъ осуществляющійся имѣлъ бы въ этомъ дѣйствіи свое единичное примѣненіе. Къ понятію необходимости могутъ примѣшиваться также эмоціональные элементы, напр., страхъ, ожиданіе, уваженіе, благоговѣніе и т. п., и придавать ему этимъ какую-нибудь своеобразную окраску. Но всѣ эти видоизмѣненія возможны только на почвѣ первоначальной формы пониманія необходимости, какъ осуществленія общаго правила. Всѣ наши понятія о Богѣ, всѣ тѣ воззрѣнія, которыя приводятъ къ понятію о законѣ, какъ о чемъ-то не непремѣнно всеобщемъ, а лишь, какъ о соотвѣтствующемъ типу какой-либо сущности и изъ него неизбѣжно вытекающимъ (хотя бы и одинъ разъ)—все это возможно только послѣ того, какъ мы получимъ уже первоначальное понятіе о законѣ, какъ объ общемъ правилѣ, путемъ наблюденія однообразныхъ повторностей, будь то въ сферѣ, такъ называемыхъ, физическихъ явленій или въ житейскихъ отно-

шеніяхъ. Такимъ образомъ, признакъ необходимости безусловно нуждается для своего происхожденія въ признакѣ всеобщности, т.-е. многократной повторности чего-нибудь при всякихъ пространственно-временныхъ условіяхъ, и вытекая изъ него, какъ неизбѣжное слѣдствіе, отличается отъ него лишь своею примѣнимостью къ отдѣльнымъ случаямъ проявленія всеобщаго закона.

Кантъ различаетъ какъ бы два рода всеобщности: „Если сужденіе,— говоритъ онъ,—мыслится въ строгой всеобщности, т.-е. такъ, что не оставляетъ возможности ни для какихъ исключеній, то оно не выведено изъ опыта, а имѣетъ значеніе безусловно a priori. Слѣдовательно, эмпирическая всеобщность есть только произвольное возвышеніе значимости того, что имѣетъ значеніе въ большинствѣ случаевъ, до того, что имѣетъ значеніе вездѣ; таково сужденіе: всѣ тѣла тяжелы; а тамъ, гдѣ строгая всеобщность является существеннымъ признакомъ сужденія, предполагается уже особенный источникъ познанія, а именно: способность познанія a priori“ *). Мы съ своей стороны не видимъ никакой необходимости для такого различія и думаемъ, что всеобщность, хотя бы даже и строгая, вовсе не есть выраженіе какого-либо особаго источника познанія a priori, а такое же самое произвольное возвышеніе значимости того, что имѣетъ значеніе въ большинствѣ случаевъ до того, что имѣетъ значеніе вездѣ и всегда. Причина такого сдѣланнаго Кантомъ раздѣленія заключается, намъ кажется, въ томъ его предположеніи, что будто бы всеобщность перваго рода (эмпирическая) мыслится людьми, какъ нѣчто только приблизительное и лишь очень возможное, всеобщность же второго рода, т.-е. апріорная, какъ нѣчто не допускающее никакихъ сомнѣній и безусловно истинное. Но можемъ ли мы, въ дѣйствительности, подмѣтить два такихъ различныхъ пониманія всеобщности? Можемъ ли мы, дѣйствительно, найти въ человѣческомъ умѣ постоянное ничѣмъ не нарушимое признаніе какихъ-то желѣзныхъ законовъ, въ стойкости и постоянствѣ коихъ не могло бы никогда закрасться никакого сомнѣнія. Нѣтъ, скажемъ мы, нѣтъ ничего въ области человѣческаго познанія, что бы не оспаривалось и не отрицалось въ то или иное время тѣми или иными людьми, и при томъ людьми, во всякомъ случаѣ, не лишенными разсудка, т.-е. той способности, въ которой, по мнѣнію Канта, коренятся эти незыблемые законы апріорнаго. Всѣ тѣ положенія, которыя кажутся намъ отличающимися наибольшею достовѣрностью и безусловностью, должны, въ сущности, разсматриваться или какъ соблюденіе разъ принятаго нами условія, отрицаніе котораго невозможно вслѣдствіе вытекающаго изъ этого противорѣчія самому себѣ, или какъ схематическое выраженіе какихъ-нибудь часто повторяющихся

*) См. «Критика чистаго разума», стр. 28 и 29.

смѣнъ и соотношеній между представленіями, только по привычкѣ кажущихся намъ чѣмъ-то постояннымъ, безусловнымъ и прочнымъ. Если мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что $2 \times 2 = 4$, то только потому, что въ созданіи всей системы чиселъ, изъ которой $2 \times 2 = 4$ вытекаетъ, какъ необходимое слѣдствіе, лежитъ, во-первыхъ, необходимо обусловленная взаимодѣйствіемъ нашимъ съ внѣшнимъ для насъ міромъ „не-я", однообразная закономѣрность въ соотношеніяхъ представленій отдѣльности и множественности и, во-вторыхъ, молчаливо принятое нами условіе выражать эту подмѣченную нами закономѣрность въ закономѣрной же системѣ символовъ. Если мы разсмотримъ какое-нибудь другое положеніе, которое съ точки зрѣнія критицизма тоже должно претендовать на апріорное происхожденіе и на соотвѣтствующую ему незыблемость, напримѣръ, что всякое дѣйствіе должно имѣть причину, то и здѣсь мы увидимъ, что необходимость и всеобщность состоятъ не въ чемъ иномъ, какъ въ привычкѣ. Если мы будемъ придавать понятію причины тотъ, по преимуществу естественно-научный смыслъ, по которому всякое дѣйствіе необходимо зависитъ въ своемъ появленіи отъ другого, вполнѣ опредѣленнаго, предыдущаго дѣйствія, которое связано съ нимъ постоянною и неразрывною связью, то мы будемъ имѣть хотя и основанное на многочисленныхъ созерцаніяхъ такой неразрывной смѣны положеніе, но все-таки обладающее только условной и далеко не для всѣхъ обязательной незыблемостью. Въ самомъ дѣлѣ, если это является чѣмъ-то несомнѣннымъ для естествовѣда, то для философа такого рода причинность можетъ показаться противорѣчащей сущности міра, какъ единаго цѣлаго, который оказался бы въ такомъ случаѣ обусловленнымъ въ своемъ развитіи частными законами, касающимися соотношеній только его частей. И съ такой точки зрѣнія этотъ узкій и примѣнимый въ опредѣленныхъ границахъ и въ извѣстной области явленій законъ причинности, разумѣется, долженъ быть отвергнутъ и вмѣсто него должно быть выставлено совершенно иное положеніе, по которому необходимой и безусловной связи между какими бы то ни было отдѣльными явленіями въ мірѣ не существуетъ, но всякое отдѣльное событіе или дѣйствіе обусловливается въ своемъ появленіи и существованіи только цѣлымъ міромъ; вслѣдствіе этого, всякое дѣйствіе A можетъ и не имѣть какого-нибудь необходимо для него предшествующаго дѣйствія B, а появляться въ нѣкоторыхъ случаяхъ послѣ *любого* предшествующаго отдѣльнаго дѣйствія, вытекая лишь изъ сущности міра, какъ цѣлаго. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько такая точка зрѣнія на причинность является правильной, мы только утверждаемъ, что такая точка зрѣнія вполнѣ возможна и даже имѣла свое осуществленіе (Мальбраншъ, отчасти Беркли) въ исторіи философской мысли. Если мы посмотримъ на эти два возможныя значенія понятія причинности

съ точки зрѣнія критицизма, то является вопросъ, которому же изъ двухъ приведенныхъ значеній (т.-е. естественно-научному или философскому) мы дадимъ привилегію на апріорное происхожденіе. Или, можетъ быть, мы объяснимъ возможность такихъ различій тѣмъ, что апріорныя функціи разсудка у разныхъ людей бываютъ разныя. Но тогда явилось бы непонятнымъ, какъ одинъ человѣкъ въ продолженіи своей жизни можетъ измѣнять свое пониманіе причинности. Вѣдь, если мы имѣемъ дѣло съ основнымъ принципомъ чистаго разсудка, выражающимъ его внутреннюю природу, то не можетъ же онъ мѣняться въ зависимости отъ опыта или перемѣны другихъ взглядовъ, которые съ такой точки зрѣнія сами, вѣдь, не изъ чего другого не состоятъ, какъ изъ апріорныхъ же формъ представленія и мышленія и вложеннаго въ нихъ эмпирическаго содержанія. Но если даже отрицать возможность второй точки зрѣнія и сущность закона причинности видѣть въ наиболѣе распространенномъ воззрѣніи на этотъ предметъ, а именно въ признаніи обусловленности всякаго явленія предшествующимъ и вообще чѣмъ-либо находящимся внѣ природы этого явленія и по отношенію къ нему внѣшнимъ, то и тутъ трудно было бы усмотрѣть какой-нибудь апріорный принципъ разсудка. Такое пониманіе причинности есть, въ сущности, простое выраженіе или описаніе того, что сознается нами всегда и ежеминутно, а именно постояннаго слѣдованія представленій другъ за другомъ, а также частаго сознанія себя производящимъ, т.-е. причиняющимъ свои собственные акты. Мы не можемъ себѣ ничего представить и понять самодовлѣющимъ, т.-е. абсолютно изолированнымъ, потому что вся жизнь нашего сознанія протекаетъ въ постоянной смѣнѣ однихъ элементовъ сознанія другими и при томъ смѣнѣ въ большинствѣ случаевъ закономѣрной, т.-е. происходящей въ разнаго рода однообразныхъ порядкахъ и связяхъ. Это сознаніе однообразныхъ смѣнъ вмѣстѣ съ сознаніемъ внутренней активности и составляетъ основную сущность обычнаго понятія причинности, переносимаго нами потомъ (правильно или неправильно это другой вопросъ) на объектированныя нами наши же представленія.

Утверждая нѣкоторую внѣшнюю принудительность и обусловленность со стороны чистаго сознанія тѣхъ представленій и понятій, которыя лежатъ въ основѣ почти всѣхъ наукъ, мы вовсе не хотимъ этимъ „свести на нѣтъ“ значеніе нашей познавательной дѣятельности и если приписываемъ ей, главнымъ образомъ, роль, состоящую лишь въ закрѣпленіи, систематизаціи и символизаціи испытанныхъ созерцаній, то только имѣя въ виду низшія стадіи развитія познавательной дѣятельности, гдѣ творческій характеръ этой дѣятельности обнаруживается еще очень слабо и состоитъ только какъ бы въ подчеркиваніи и связываніи тѣхъ слѣдовъ, которые оставляютъ въ душѣ процессы чистаго сознанія. Точно такъ же

мы очень далеки отъ мысли, чтобы душа ребенка при первомъ его появленіи на свѣтъ представляла бы изъ себя что-либо въ родѣ „tabula rasa“, одинаково и безразлично воспринимающей всѣ воздѣйствія внѣшняго по отношенію къ ней міра. Напротивъ, мы считаемъ, что въ образованіи своихъ представленій она является столь же, если не болѣе, существеннымъ факторомъ, какъ и окружающій ее внѣшній ей міръ. Не говоря уже о томъ, что всѣ отдѣльныя ощущенія зрительныя, звуковыя, осязательныя, мускульныя, термическія, вкусовыя и обонятельныя, изъ которыхъ составляются представленія такъ называемыхъ внѣшнихъ предметовъ, являются въ своей качественной сущности не чѣмъ инымъ, какъ душевными состояніями ребенка, даже всѣ тѣ соотношенія, въ которыхъ эти отдѣльные элементы появляются въ сознаніи ребенка обусловливаются въ своей природѣ также и сознаніемъ ребенка. Намъ кажется только совершенно невозможнымъ и противорѣчащимъ дѣйствительности относить это, влагаемое нашимъ сознаніемъ субъективное содержаніе на долю разсудка и разума или же видѣть въ немъ какія-то готовыя, законченныя и какъ бы до всякаго опыта предсуществующія формы представленій въ видѣ пространственнаго и временного порядка. Мы, конечно, можемъ указать уже и въ дѣтскомъ возрастѣ тѣ синтезы ощущеній и представленій, которые на языкѣ и пониманіи взрослыхъ обозначаются, какъ пространственныя и причинныя соотношенія, но въ этихъ синтезахъ, посколько они сознаются ребенкомъ, нѣтъ еще ничего похожаго на то, что у взрослыхъ называется пространственными и причинными соотношеніями, и отожествлять одно съ другимъ также ошибочно, какъ считать за одно и то же величественную рѣку и тотъ ключъ, который даетъ ей начало. Въ сознаніи новорожденнаго ребенка мы не можемъ видѣть никакихъ разсудочныхъ формъ, потому что всѣ эти формы образуются на нашихъ глазахъ въ то время, когда ребенокъ подростаетъ. Мы можемъ только отмѣтить въ его сознаніи тѣ исходные пункты, отправляясь отъ которыхъ развивающаяся разсудочная дѣятельность приходитъ къ созданію извѣстныхъ разсудочныхъ нормъ и законовъ. И если мы находимъ въ этихъ нормахъ необходимость и всеобщность, то насъ ничто не заставляетъ видѣть происхожденіе этихъ свойствъ непремѣнно въ разсудкѣ. Всеобщность и вытекающая изъ нея необходимость коренятся въ видѣ повторности въ чистомъ, извнѣ обусловленномъ, чувственномъ сознаніи, но только, какъ нѣчто безымянное и невыразимое, разсудокъ же приходитъ лишь къ познанію этихъ свойствъ въ большей ясности, отчетливости и уже не въ сферѣ созерцаній, какъ они обнаруживаются въ чистомъ сознаніи, а въ представленіяхъ и понятіяхъ.

ГЛАВА II.

Качественность и структурность познанія.

Какъ мы уже упоминали, познаніе имѣетъ своей задачей воспроизвести въ какомъ-нибудь отношеніи объектъ. Стало быть, первымъ и необходимымъ условіемъ познанія является предварительное объективированіе чего-нибудь. Въ самой своей смутной и первоначальной формѣ сущность объективированія состоитъ въ положеніи чего-нибудь внѣшнимъ и отдѣльнымъ отъ наличнаго содержанія сознанія. Если ребенокъ смотритъ на какой-нибудь предметъ или по слову старшихъ вспоминаетъ что-либо имъ видѣнное и при этомъ выдѣляетъ это изъ наличнаго содержанія сознанія, какъ нѣчто особое, отдѣльное, иногда уже даже обозначаемое имъ какими-нибудь символами, въ видѣ звука или жеста, то это и будетъ актъ объективаціи въ его простѣйшей формѣ. Если теперь данный предметъ почему-либо остановитъ вниманіе ребенка и онъ перейдетъ къ болѣе подробному созерцанію или припоминанію этого предмета, т.-е. къ дополненію его содержанія новыми элементами, въ моментъ объективаціи въ немъ еще не заключавшимися, къ болѣе отчетливому представленію этого содержанія, наконецъ къ установленію связи между этимъ даннымъ объектомъ и чѣмъ-нибудь другимъ, то это будетъ уже простѣйшій актъ познанія. Наблюдая ребенка до двухлѣтняго возраста, трудно бываетъ рѣшить, представляютъ ли тѣ или другія его проявленія выраженіе уже познавательныхъ актовъ или только сознанія. Въ сознаніи ребенка зачастую выдѣляются какіе-нибудь наиболѣе рѣзкіе и яркіе элементы и, привлекая его вниманіе, дополняются, затѣмъ, другими, входящими съ ними въ тѣсную и до извѣстной степени объединяющую связь. Но такое выдѣленіе и синтезъ ощущеній не представляютъ еще познанія, если они появляются въ сознаніи ребенка чисто механически и совершенно пассивно, и только тогда могутъ быть названы простѣйшими актами познанія, когда они происходятъ болѣе или менѣе активно—т.-е. когда ребенокъ не только переживаетъ раздѣльность или синтезъ различныхъ элементовъ, но самъ разъединяетъ

или синтезируетъ ихъ. При этомъ надо имѣть въ виду, что на первыхъ порахъ дѣятельность познанія не въ чемъ иномъ и не состоитъ, какъ въ повтореніи актовъ чистаго сознанія, а потому и ничѣмъ инымъ, какъ своею активностью отъ сознанія не отличается. Тотъ же самый по содержанію процессъ изолированія или синтеза можетъ въ одномъ случаѣ быть чистымъ сознаніемъ, а въ другомъ—уже познавательнымъ актомъ. Часто сознанная ассоціація воспроизводится ребенкомъ каждый разъ все съ большей и большей произвольностью и, наконецъ, можетъ нуждаться для своего воспроизведенія только въ ничтожномъ внѣшнемъ поводѣ. Самое объективированіе можетъ быть продуктомъ какъ познавательной дѣятельности, такъ и чистаго сознанія. Послѣднее бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда что-либо выдѣляется изъ остального содержанія сознанія, какъ нѣчто отъ него отдѣльное, просто вслѣдствіе своей яркости и рѣзкости, а не въ силу спеціальнаго и активнаго устремленія вниманія и полаганія въ качествѣ чего-то внѣшняго, подлежащаго разсмотрѣнію. Конечно, какъ скоро выдѣлившіяся, по своей яркости, состоянія сознанія становятся пунктами активнаго соотнесенія и сопоставленія, они уже перестаютъ быть простыми состояніями сознанія и являются уже элементами познавательныхъ актовъ.

Задача познанія—воспроизвести объектъ, т. е. восполнить его со стороны его качественности и структурности, выполняется отчасти уже въ самомъ актѣ объективированія, который, въ дѣйствительности, не отдѣлимъ отъ акта познанія и всегда сливается съ познаніемъ, въ строгомъ смыслѣ слова, въ одно неразрывное цѣлое. Въ самомъ дѣлѣ, если сущность объективированія составляетъ положеніе чего-нибудь внѣшнимъ и отдѣльнымъ, то самый этотъ процессъ предполагаетъ уже нѣкоторое содержаніе, которое полагается внѣшнимъ; это содержаніе можетъ быть неполнымъ или неяснымъ по сравненію съ тѣмъ, какимъ оно является потомъ по воспроизведеніи его познавательными актами, но оно все-таки должно быть, потому что иначе нечего было-бы и выдѣлять. Такимъ образомъ, въ самомъ объективированіи есть уже нѣкоторое частичное познаніе содержанія объекта, которое потомъ только дополняется. И если мы особо отмѣчаемъ актъ объективированія, то не столько въ смыслѣ чего-то отдѣльнаго отъ познанія, но какъ первую его ступень. Являясь первоначально какимъ-нибудь отдѣльнымъ элементомъ сознанія или неясною и смутною ихъ группою, содержаніе объекта познанія дополняется потомъ новыми, открываемыми въ немъ путемъ болѣе отчетливаго разсмотрѣнія или синтетическаго присоединенія, элементами, оставаясь въ то же время нѣкоторымъ объединеннымъ цѣлымъ, отдѣленнымъ отъ прочаго содержанія сознанія. Объектъ есть по своему содержанію величина перемѣнная. Опредѣляющими его признаками являются отдѣльность, объединен-

ность и своеобразное отношеніе къ акту познанія, для котораго онъ оказывается чѣмъ-то заранѣе даннымъ, тѣмъ центромъ, къ которому направляются всѣ отдѣльные познавательные акты, состоящіе какъ въ дополненіи его новыми элементами, такъ и въ приведеніи въ связь и соотношеніе съ другими объектами познанія. Изъ сказаннаго видно, что объектъ въ теоріи познанія представляетъ понятіе, такъ сказать, чисто динамическаго порядка, появляющееся на сцену только тогда, когда идетъ рѣчь о живомъ процессѣ познанія. Съ точки зрѣнія логической статики объектъ есть просто содержаніе какого-нибудь ощущенія, представленія или понятія.

Познаніе имѣетъ своей задачей воспроизвести содержаніе какихъ-либо объектовъ. Высказывая это положеніе, мы имѣемъ въ виду опредѣлить дѣятельность познанія, какъ со стороны ея сущности, состоящей въ активномъ отнесеніи какого-нибудь содержанія къ чему-то являющемуся до момента отнесенія внѣшнимъ для этого содержанія (объекту), такъ и со стороны ея цѣли, заключающейся въ созданіи объединенныхъ системъ изъ элементовъ сознанія. Какъ мы уже говорили, эту общую задачу можно разсматривать состоящею изъ трехъ частныхъ задачъ, а именно: 1) воспроизведенія качественнаго содержанія объекта, 2) воспроизведенія этого содержанія со стороны связей и взаимоотношеній между его отдѣльными элементами и 3) приведенія въ связь даннаго отдѣльнаго познанія со всѣми другими имѣющимися познаніями въ единую систему знанія. Разсмотримъ теперь, въ какомъ отношеніи къ выполненію этихъ задачъ стоитъ чистое сознаніе. Въ предыдущемъ изложеніи мы имѣли въ виду выяснить зависимость и обусловленность познанія отъ чистаго сознанія и пришли къ тому выводу, что признавать познаніе независимымъ отъ сознанія, хотя бы въ нѣкоторыхъ и при томъ формальныхъ его принципахъ, совершенно невозможно, такъ какъ всякому познанію необходимо предшествуютъ соотвѣтственныя данныя чистаго сознанія, безъ которыхъ это познаніе не могло бы возникнуть. Эти данныя чистаго сознанія не представляютъ изъ себя только чисто чувственнаго содержанія, но также нѣкоторыя независимыя отъ сознающаго субъекта переживанія связей и соотношеній, которыя и обусловливаютъ возникающіе потомъ принципы познанія со стороны ихъ структуры, или формы. Теперь мы обратимся къ разсмотрѣнію того, насколько чистое сознаніе само по себѣ выполняетъ эти намѣченныя задачи познанія и что остается на долю познанія.

Качественное содержаніе познанія имѣетъ весьма неодинаковое значеніе въ различныхъ областяхъ познанія и на различныхъ стадіяхъ его развитія. Такъ, въ дѣтскомъ возрастѣ все познаніе почти исключительно состоитъ въ образованіи представленій, въ ихъ синтезахъ и

анализахъ, въ созданіи болѣе общихъ представленій изъ единичныхъ *). Всякое представленіе есть элементъ познанія съ вполнѣ отчетливымъ чувственнымъ содержаніемъ. Когда ребенокъ говоритъ о своемъ домѣ или домѣ вообще, онъ связываетъ съ этимъ словомъ представленіе нѣкотораго контура извѣстнаго цвѣта, съ извѣстнымъ соотношеніемъ частей и т. п. Взрослый человѣкъ, говоря о домѣ, можетъ уже не испытывать при этомъ никакихъ чувственно-качественныхъ данныхъ и слово „домъ“ можетъ у него связываться съ нѣкоторымъ смутнымъ, почти мгновеннымъ актомъ (понятіемъ), являющимся лишь однимъ изъ пунктовъ въ сложной системѣ соотношеній мысли. Но этотъ пунктъ потенціально содержитъ въ себѣ цѣлую систему качественно-чувственныхъ элементовъ, которые при желаніи и нуждѣ всегда могутъ быть воспроизведены во всей своей подробности и отчетливости. Такъ, въ понятіе дома входитъ, какъ необходимый элементъ представленіе вещественности въ видѣ сопротивляемости стѣнъ движенію предметовъ и нашего собственнаго тѣла, далѣе представленіе хотя бы безразличныхъ и неопредѣленныхъ по цвѣту, но извѣстнымъ образомъ другъ къ другу расположенныхъ поверхностей крыши и стѣнъ, отверстій и т. п. **). Всѣ подобнаго рода чувственныя данныя, имѣющія въ своей основѣ тѣ или другія комбинаціи ощущеній входятъ потенціально въ содержаніе понятій, подобныхъ понятію дома, дерева, рѣки, камня и т. п., при чемъ въ обычныхъ процессахъ мышленія не реализуются во всей своей чувственной качественности, а только обозначаются чрезвычайно сжатой и краткой въ своемъ воспроизведеніи схемой, которая и есть то, что называется понятіемъ. Понятіе въ этомъ смыслѣ есть нѣчто подобное зародышу, въ которомъ потенціально существуетъ уже цѣлый организмъ; въ понятіи такъ-же скрывается его содержаніе, какъ въ жолудѣ скрывается дубъ. Какъ жолудь является по своему строенію чрезвычайно простой и только едва дифференцированной системой, дающей только возможность и исходный пунктъ для дальнѣйшей дифференцировки, такъ и тотъ познавательный актъ, который совершается въ насъ, когда мы мыслимъ какое-нибудь понятіе, входя-

*) Общія представленія, или концепты, образуютъ переходную ступень отъ представленія вообще къ понятіямъ. Они сходны съ понятіями въ томъ, что заключаютъ въ себѣ, какъ необходимые элементы, только общіе и характерные признаки многихъ однообразныхъ единичныхъ (конкретныхъ) представленій, но отличаются отъ нихъ живостью и яркостью своихъ элементовъ. Такими яркими элементами бываютъ обыкновенно входящіе въ ихъ составъ индивидуальные признаки, представляющіе въ концептахъ нѣкоторую случайную, перемѣнную величину.

**) Не смотря на отсутствіе опредѣленныхъ цвѣтовыхъ качествъ въ указанныхъ пространственныхъ соотношеніяхъ, эти послѣднія все таки должны быть признаны по своей природѣ чувственными, такъ какъ они при этомъ выражаются въ чувственныхъ элементахъ моторныхъ ощущеній (аккомодаціонныхъ и другихъ).

щее въ наше сужденіе или умозаключеніе, не представляетъ въ сущности уже готовой и цѣлой системы, а только исходный пунктъ для такой системы, которую мы всегда можемъ реализовать и развить до какого угодно предѣла и съ какой угодно стороны.

Кромѣ понятій, имѣющихъ въ своемъ содержаніи какія-либо опредѣленныя качественныя данныя, т.-е. какіе-нибудь пережитые нами элементы сознанія, мы образуемъ множество понятій, въ которыхъ нельзя найти никакого качественнаго содержанія, даже и въ скрытомъ состояніи, и которыя представляютъ только однѣ системы связей и соотношеній безразлично какихъ (а потому и не составляющихъ содержанія понятія) качественныхъ элементовъ; таковы, напр., понятія: причины, красоты, взаимодѣйствія и многія другія. Причина есть какое угодно по содержанію А, предшествующее и производящее нѣкоторое В, при чемъ А и В обусловлены въ своемъ содержаніи только другъ другомъ, и вообще могутъ быть представлены какими угодно элементами сознанія. Сущность понятія причины состоитъ лишь въ представленіяхъ предшествованія, произведенія, творенія, а это все представленія разнаго рода связей и соотношеній между какими угодно качественными элементами. Точно такъ же содержаніе понятія красоты (въ его объективномъ смыслѣ) представляетъ не что иное, какъ систему опять-таки какихъ угодно элементарныхъ качествъ, связанныхъ между собою уже не порядкомъ послѣдовательности, а по принципу гармоніи.

Такимъ образомъ мы имѣемъ въ познаніи, во-первыхъ, акты, воспроизводящіе элементы сознанія въ болѣе или менѣе яркой качественности (представленія), во-вторыхъ, акты, содержащіе въ себѣ эти элементы въ скрытомъ или потенціальномъ состояніи (понятія) и, наконецъ, акты, совсѣмъ не содержащіе какихъ-либо опредѣленныхъ и стойкихъ въ своей качественности элементовъ сознанія, а лишь опредѣленнаго рода связи и соотношенія между элементами (понятія соотношеній). Во всѣхъ этихъ случаяхъ сознаніе въ отношеніи передачи качественности содержанія отдѣльныхъ элементовъ значительно превосходитъ соотвѣтственные акты познанія, содержащіе въ себѣ тѣ же самые элементы. Не говоря уже о понятіяхъ, т.-е. тѣхъ актахъ познанія, гдѣ эти элементы бываютъ только намѣченными, самыя яркія представленія уступаютъ въ своей живости и качественной интенсивности соотвѣтственнымъ созерцаніямъ чистаго сознанія. Въ этомъ отношеніи чистое сознаніе даетъ гораздо больше, чѣмъ знаніе и можно сказать, что поскольку познаніе имѣетъ цѣлью воспроизвести качественность своего содержанія, постолько идеаломъ для него должно служить чистое сознаніе.

Совсѣмъ иное соотношеніе мы видимъ при сравненіи сложности актовъ сознанія и познанія. Чистое сознаніе, по крайней мѣрѣ на

извѣстныхъ намъ ступеняхъ развитія, всегда ограничено небольшимъ количествомъ отдѣльныхъ элементовъ. Возможность одновременнаго переживанія многихъ элементовъ сознанія имѣетъ довольно узкія границы, обусловленныя извѣстнымъ полемъ зрѣнія, способностью дифференцировать лишь опредѣленное количество звуковъ, моторныхъ и осязательныхъ ощущеній, эмоцій и т. п. Возникая вслѣдствіе внѣшнихъ воздѣйствій на сознаніе, различныя сочетанія элементовъ смѣняютъ другъ друга, не оставляя никакой сохраняющейся связи между собою. Связь сознается только въ самый моментъ перехода или измѣненія одного элемента въ другой; когда же это измѣненіе совершилось и новое содержаніе овладѣло наличностью сознанія, старое является для настоящаго сознанія безвозвратно утерянымъ и вполнѣ ему чуждымъ. И если оно когда-либо, путемъ ли механической ассоціаціи, или дѣйствительнаго переживанія, снова возникаетъ въ сознаніи, то встрѣчается чистымъ сознаніемъ, какъ нѣчто новое и опять въ той же изолированности и оторванности отъ всего предшествующаго и послѣдующаго, какъ и въ первый разъ. Совсѣмъ другое въ познаніи. Тутъ мы имѣемъ объединенными въ единые акты цѣлыя системы элементарныхъ качественныхъ данныхъ, которыя намѣчаются въ одинъ моментъ времени, тогда какъ для реальнаго переживанія ихъ понадобились бы большіе промежутки времени. Если историкъ излагаетъ исторію Франціи въ эпоху правленія Наполеона, то во всѣ тѣ моменты, когда ему приходится какія-либо событія связывать съ личностью Наполеона, это понятіе, хотя бы мимолетно промелькнувшее въ его умѣ, содержитъ въ себѣ всѣ тѣ существенныя данныя о его характерѣ, дѣйствіяхъ и отношеніи къ другимъ лицамъ, которыя историкъ почерпнулъ изъ всего историческаго матеріала, т.-е. то, что въ дѣйствительности располагалось на временномъ промежуткѣ нѣсколькихъ лѣтъ. Конечно, все это сложное содержаніе не входитъ въ сознаніе историка во всей своей реальной живости и яркости, но тѣмъ не менѣе, хотя бы и въ смутной скрытой формѣ оно должно быть присуще его уму каждый разъ, когда онъ приводитъ это понятіе въ связь съ другими, потому что каждая такая связь непремѣнно должна опредѣляться всѣмъ содержаніемъ даннаго понятія, и если бы это содержаніе каждый разъ входило только по частямъ, то выводы историка могли бы оказаться совершенно ложными и другъ другу противорѣчащими, во всякомъ случаѣ не соотвѣтствовали бы жизненной правдѣ, гдѣ каждое дѣйствіе человѣка вытекаетъ не изъ тѣхъ или иныхъ его свойствъ, взятыхъ въ отдѣльности, а изъ того цѣлаго, которое называется личностью человѣка.

Сложность актовъ познанія, т.-е. способность удерживать во взаимной связи множество элементовъ, переживаемыхъ въ чистомъ сознаніи раздробленно, даетъ возможность познанію образовывать новые виды ка-

чествъ, совершенно недоступныхъ чистому сознанію. Каждая система элементовъ, находящихся между собою въ органической связи и зависимости, воспринятая во всемъ ея цѣломъ, представляетъ уже нѣкоторое новое качество, которое по своей природѣ является не простой механической суммой качествъ составныхъ элементовъ, а недѣлимымъ цѣлымъ, обусловленнымъ той или иной комбинаціей этихъ элементовъ. Всякая картина природы, взятая въ цѣломъ, представляетъ изъ себя нѣчто иное и отличное отъ суммы отдѣльно пересмотрѣнныхъ частей; для чистаго сознанія, напр., младенца, способнаго лишь къ такому частичному созерцанію безъ сохраненія въ сознаніи связей между частями, это особое качество цѣлаго совершенно недоступно. Точно то же мы найдемъ и въ области чувствъ и желаній; пережитыя, какъ изолированныя состоянія сознанія, они даютъ простую смѣну элементовъ самаго примитивнаго свойства. При переживаніи же ихъ въ связи, путемъ постояннаго соотнесенія наличнаго содержанія сознанія съ минувшимъ, они даютъ новое качество высшаго порядка, а именно, то, что называется настроеніемъ. Наконецъ, то же самое происходитъ и въ сферѣ чистаго мышленія: каждое мыслимое нами понятіе есть особое новое качество, не находящееся ни въ одномъ изъ составляющихъ его элементовъ, а получающееся лишь путемъ сочетанія ихъ въ извѣстную систему. Каждое понятіе, входящее въ процессы мышленія несомнѣнно переживается нами, какъ нѣчто особое и отличное по качеству отъ всѣхъ другихъ понятій; если бы этого не было, мы не могли бы и мыслить, потому что всѣ понятія перепутывались бы тогда другъ съ другомъ и не могли бы быть отличены иначе, какъ путемъ анализа каждаго на его составные элементы. На самомъ же дѣлѣ въ такомъ анализѣ не оказывается никакой надобности, и мы обращаемся съ хорошо знакомыми намъ понятіями совершенно свободно, вовсе не разлагая ихъ непремѣнно при каждомъ появленіи въ умѣ на ихъ элементы, но отличая ихъ другъ отъ друга и приводя въ соотвѣтственныя связи, исключительно руководясь этою присущею имъ качественностью, какъ цѣлыхъ недѣлимыхъ единицъ. Всѣ эти качества высшаго порядка, конечно, совершенно недоступны чистому сознанію. Жизнь чистаго сознанія съ этой точки зрѣнія подобна разсматриванію написанной художникомъ картины по микроскопическимъ ея кусочкамъ или переходя послѣдовательно отъ одного мазка кисти къ другому. Конечно, при такомъ разсматриваніи, кромѣ ощущеній разныхъ цвѣтовъ, представляемыхъ то тѣмъ то другимъ мазкомъ, никакого цѣлаго нельзя было бы и получить и не было бы видно не только что всей картины, но даже изображенныхъ на ней фигуръ и предметовъ. Оставляя за собою возможность въ случаѣ нужды разсмотрѣть всѣ части и элементы въ отдѣльности, въ познаніи мы получаемъ способность схватывать все сразу и такимъ путемъ воспринимать нѣкоторое новое каче-

ство. При частомъ повторенія и привычкѣ, качество это можетъ даже представляться чѣмъ-то простымъ и неразложимымъ въ родѣ того, какъ при чтеніи представляются намъ цѣлыми и простыми отдѣльныя слова, буквенный составъ которыхъ отъ насъ совершенно ускользаетъ.

Для рѣшенія вопроса о томъ, насколько чистымъ сознаніемъ воспроизводятся тѣ связи и соотношенія, которыя въ области познанія играютъ такую важную роль и составляютъ содержаніе цѣлыхъ отдѣльныхъ понятій, мы сдѣлаемъ краткій обзоръ основныхъ моментовъ въ развитіи нѣкоторыхъ важнѣйшихъ понятій, входящихъ въ содержаніе всего нашего познанія. При этомъ мы поставимъ себѣ задачею отмѣтить тѣ данныя сознанія, которыя обусловливаютъ и опредѣляютъ эти основные моменты.

Изъ наблюденій надъ новорожденными дѣтьми можно почти съ полною достовѣрностью заключить, что у нихъ жизнь сознанія протекаетъ исключительно въ смѣнѣ простыхъ неразложимыхъ состояній. Если состоянія эти и могутъ представляться намъ сложными, какъ соотвѣтствующія нѣсколькимъ физіологическимъ процессамъ, совершающимся сразу, то съ психологической точки зрѣнія, это оказывается трудно допустимымъ при той узости и пассивности сознанія, которыя мы должны предположить у новорожденнаго младенца. Созерцаніе сложности предполагаетъ уже способность дифференцировки и раздробленія вниманія, что на примитивной стадіи развитія сознанія едва ли возможно. Это подтверждается еще и тѣмъ соображеніемъ, что новорожденный ребенокъ по преимуществу живетъ тѣми состояніями сознанія, которыя даже и у взрослыхъ являются совершенно смутными и не дифференцированными, а именно ощущеніями голода, его утоленія, ощущеніями теплой и холодной среды, разнаго рода внутренними органическими ощущеніями, соотвѣтствующими физіологическимъ процессамъ пищеваренія, крика и т. под. Ощущенія цвѣтовъ, по преимуществу дающія возможность для сознанія одновременной множественности, т.-е. чего-нибудь сложнаго, въ первые часы жизни совершенно отсутствуютъ и ребенокъ способенъ только испытывать ощущеніе свѣта вообще, оставаясь, кромѣ того, въ продолженіи нѣсколькихъ дней совершенно неспособнымъ и къ воспріятію звуковъ. Поэтому мы должны представлять жизнь новорожденнаго ребенка протекающею субъективно внѣ времени и пространства. Въ его сознаніи не можетъ быть какъ разъ того даннаго, которое составляетъ ядро идеи пространства, а именно сознанія одновременной множественности. Что касается времени, то хотя тотъ фактъ сознанія, который составляетъ его психологическую сущность, т.-е. сознаніе смѣны, уже существуетъ въ сознаніи ребенка, но взятый самъ по себѣ онъ не представляетъ достаточнаго матеріала, хотя бы для самаго примитивнаго представленія о времени. Дѣло въ томъ, что время, пространство, вообще всякія представленія или идеи какого-ни-

будь порядка и отношенія, познаются въ своей своеобразной природѣ только въ сопоставленіи другъ съ другомъ. Для данности въ сознаніи времени необходима данность еще какого-нибудь другого, отличнаго отъ него, порядка, какъ, напр., пространства, и только изъ сопоставленія ихъ другъ съ другомъ выясняется и обнаруживается сущность какъ того, такъ и другого. Само по себѣ время такъ же несознаваемо и не представимо, какъ не представимъ самъ по себѣ кислородъ или водородъ, сущность которыхъ, какъ химическихъ элементовъ, не мыслима и не выразима безъ сопоставленія ихъ съ другими элементами.

Когда ребенокъ становится способнымъ къ различенію цвѣтовъ и слышанію звуковъ и когда вообще всѣ его ощущенія дѣлаются болѣе ясными и отчетливыми, къ сознанію смѣны состояній присоединяется еще одинъ способъ переживанія связи различныхъ качествъ, а именно сознаніе нѣсколькихъ качествъ одновременно. Ребенокъ начинаетъ удерживать въ сознаніи два или нѣсколько разнородныхъ качествъ; онъ видитъ сразу различно окрашенныя поверхности, слышитъ при этомъ звукъ и т. п. Эта способность даетъ уже возможность для переживанія того способа связи, который обозначается словомъ „вмѣстѣ“ и который ребенокъ начинаетъ отличать отъ связи путемъ смѣны, выражаемой словами „прежде“, „послѣ“. Хотя ребенокъ, конечно, этихъ словъ не понимаетъ и не произноситъ, но онъ уже переживаетъ въ сознаніи все существенное изъ того, что мы, взрослые, обозначаемъ этими словами. Сущность этихъ двухъ способовъ связей разнокачественныхъ данныхъ обнаруживается только изъ сопоставленія ихъ другъ съ другомъ. Различіе ихъ природы, заставляющее насъ символизировать ихъ различными звуками: „вмѣстѣ“, „прежде“, „послѣ“, ни черезъ что иное, кромѣ какъ черезъ непосредственное сознаніе ихъ самихъ, не можетъ быть выражено и объяснено. Это простѣйшіе факты сознанія ни на что другое неразложимые, невольные и необходимые, какъ въ силу природы нашего сознанія, такъ и природы внѣшняго воздѣйствующаго на это сознаніе міра. Они составляютъ природу многихъ другихъ позже возникающихъ порядковъ и соотношеній и входятъ въ нихъ, какъ составныя части, но сами не изъ чего иного не состоятъ. Многія другія связи и соотношенія на нихъ сводятся и ими объясняются, но они ни на что не сводятся и ни чѣмъ не объясняются. Эти два способа связи составляютъ исходный пунктъ для образованія понятія времени и пространства. Сознаніе „вмѣстѣ“ входитъ въ основу представленія и понятія о пространствѣ, а сознаніе „прежде“ и „послѣ“— времени.

Пространство и время, какъ познавательныя формы, далеко не исчерпываются тѣмъ содержаніемъ, которое дано въ чистомъ сознаніи пространственныхъ и временныхъ связей. Если въ сознаніи связи, переживаемыя,

какъ „прежде“ и „послѣ“ или, какъ „вмѣстѣ, рядомъ, подлѣ“, относятся только къ тѣмъ или другимъ элементамъ сознанія, въ данную минуту переживаемымъ, то въ представленіяхъ и понятіяхъ времени и пространства эти связи являются какъ бы оторванными отъ самихъ соотносящихся элементовъ данной минуты и понятыми какъ два особые порядка связей, продолженные въ своей однообразной повторяемости до безконечности, т.-е. достаточные или хватающіе для размѣщенія какого угодно количества различныхъ качествъ, воспроизводимыхъ нашимъ представленіемъ и фантазіей. Кромѣ того, въ познаніи отдѣльныя части этихъ порядковъ подвергаются сопоставленію, сравненію и, наконецъ, измѣренію. Въ этихъ актахъ познанія пространство и время, понятыя, какъ порядки, соотносятся съ размѣщаемымъ въ нихъ чувственнымъ содержаніемъ, при чемъ отдѣльныя части этихъ порядковъ опредѣляются и характеризуются съ точки зрѣнія количества возможностью повторить въ нихъ какое-нибудь опредѣленное чувственное содержаніе. Теперь спрашивается, что же составляетъ сущность такого количественнаго опредѣленія, т.-е. измѣренія, и какія данныя чистаго сознанія лежатъ въ основѣ этого познавательнаго акта.

Предварительными актами, совершаемыми задолго до измѣренія въ собственномъ смыслѣ и представляющими лишь подготовительныя ступени къ нему, являются сопоставленіе и сравненіе отдѣльныхъ элементовъ сознанія съ точки зрѣнія ихъ тожества и различія. Испытывая много разъ одно и то же состояніе сознанія, ребенокъ съ каждымъ разомъ переживаетъ его нѣсколько иначе, чѣмъ въ предыдущіе разы, оно становится ему все болѣе и болѣе знакомымъ и вызываетъ въ немъ особое сознаніе повторности. Вмѣстѣ съ тѣмъ каждое такое повторяющееся состояніе становится все болѣе и болѣе доступнымъ для воспоминанія ребенка, который зачастую, въ тѣхъ случаяхъ когда данное состояніе связывается съ чувствомъ пріятнаго, даже по собственному внутреннему побужденію вызываетъ въ себѣ представленіе даннаго состоянія сознанія, напр., представляетъ себѣ образъ матери или какого-нибудь лакомства. При сопоставленіи образа воспоминаемаго состоянія съ появившимся въ сознаніи реальнымъ, болѣе живымъ, ребенокъ испытываетъ особое сознаніе одинаковости воспоминаемаго и желаемаго съ осуществленнымъ. Эти два данныхъ сознанія, а именно одинаковость и повторность, и составляютъ основу того, что впослѣдствіи входитъ въ понятіе тожества, при чемъ сознаніе одинаковости представляетъ необходимый и важнѣйшій элементъ этого понятія, сознаніе же повторности *) является сопутствующимъ элементомъ

*) Что сознаніе повторности есть особое и самостоятельное данное сознанія, не нуждающееся въ одновременной наличности нѣсколькихъ сходныхъ состояній и потому не могущее быть сводимымъ на сознаніе одинаковости, подтверждается

во всѣхъ случаяхъ разновременнаго переживанія тожественныхъ качествъ. И эти состоянія надо отнести къ простѣйшимъ фактамъ чистаго сознанія, ни на что другое не сводимымъ а, напротивъ входящимъ во множество образуемыхъ нами понятій, какъ элементы. Если эти факты сознанія появляются не сразу, а уже у дѣтей болѣе или менѣе подросшихъ, то вовсе не потому, чтобы они нуждались уже въ дѣятельности разума и ею предполагались бы, а только въ силу того, что сознаніе одинаковости можетъ имѣть мѣсто лишь на болѣе или менѣе широкомъ полѣ сознанія, обнимающемъ сразу не одно, а нѣсколько данныхъ, сознаніе же повторности лишь на почвѣ многократнаго однообразнаго опыта.

Прежде всего ребенокъ подмѣчаетъ тожественность и различіе въ качественномъ содержаніи состояній сознанія; онъ узнаетъ и отличаетъ другъ отъ друга цвѣта, звуки, вкусы, образы и т. п. Вслѣдъ затѣмъ ребенокъ начинаетъ сравнивать испытываемыя имъ зрительныя ощущенія съ точки зрѣнія ихъ размѣра. Въ то, что воспринимается ребенкомъ, какъ размѣръ, входитъ нѣсколько данныхъ. Самымъ существеннымъ и первоначальнымъ изъ нихъ является отношеніе даннаго цвѣтового качества къ максимальному и минимальному полю зрѣнія. Все то, что можетъ быть воспринято зрѣніемъ въ одинъ моментъ времени, имѣетъ свои границы, какъ въ отношеніи большихъ, такъ и малыхъ, величинъ. Наше поле зрѣнія имѣетъ нѣкоторую, болѣе или менѣе опредѣленную, емкость, и мы можемъ воспринимать сразу только тѣ плоскостныя фигуры, которыя не превышаютъ этой емкости; съ другой стороны, наша воспріимчивость зрительныхъ ощущеній имѣетъ также и вполнѣ противоположный первому предѣлъ, относящійся къ первому, какъ центръ къ периферіи. Этимъ предѣломъ является та точка, которая представляется намъ не имѣющей частей и исчезаетъ при малѣйшемъ уменьшеніи. Каждое испытываемое ребенкомъ цвѣтовое качество, воспринимаемое, какъ нѣкоторая ограниченная контурами отдѣльность, находится всегда въ извѣстномъ отношеніи къ этимъ болѣе или менѣе постояннымъ даннымъ, т.-е. къ максимальному и минимальному полю зрѣнія. Это отношеніе, переживаемое ребенкомъ въ сознаніи, какъ одновременная данность какого-нибудь цвѣтового качества и общей суммы всѣхъ другихъ заполняющихъ поле зрѣнія качествъ, и составляетъ исходный пунктъ для образованія представленія о пространственной величинѣ. Посколько это отношеніе зрительныхъ ощущеній къ общей ёмкости поля зрѣнія такъ или иначе связывается съ желаніями и

тѣмъ обстоятельствомъ, что мы зачастую встрѣчаемъ появляющіяся въ насъ состоянія сознанія, какъ что-то намъ извѣстное и знакомое, совершенно не успѣвая вызвать въ себѣ образъ минувшихъ, съ нимъ одинаковыхъ. Мы мгновенно узнаемъ знакомый запахъ при первомъ его появленіи безъ всякаго предварительнаго воспоминанія о ему подобныхъ и сопоставленія его съ этимъ воспоминаніемъ.

стремленіями ребенка, вообще начинаетъ его заинтересовывать, постолько онъ научается въ каждомъ образѣ видѣть, кромѣ его качественно-чувственнаго содержанія, также и его протяженность, которая и состоитъ для ребенка въ степени заполненія тѣмъ или инымъ зрительнымъ ощущеніемъ его поля зрѣнія. Такъ, его уже не удовлетворяетъ то, что онъ видитъ свою мать издали, и онъ кричитъ и требуетъ, чтобы она подошла къ нему. При этомъ, разъ онъ привыкъ связывать ощутимость ея тѣла съ заполненіемъ своего поля зрѣнія всею ея фигурой, уже одинъ этотъ фактъ выростанія фигуры матери при ея приближеніи пріобрѣтаетъ для него значеніе и его успокоиваетъ. Предметы, съ величиной которыхъ ребенокъ познакомился черезъ частое сознаніе ихъ заполненія поля зрѣнія, изслѣдуются имъ еще и другимъ способомъ, а именно путемъ моторныхъ и осязательныхъ ощущеній; онъ протягиваетъ къ нимъ руки, старается ихъ обхватить, при чемъ испытываетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ощущенія, соотвѣтствующія зрительно воспринятому протяженію; каждое такое данное осязательно-моторнаго характера входитъ въ связь съ прежде полученными зрительными данными и образуетъ уже системы извѣстныхъ закономѣрныхъ соотношеній. Ребенокъ замѣчаетъ, что нѣкоторыя вещи онъ можетъ охватить пальцами одной руки, другія только обѣими руками и т. п. Всѣ эти данныя, находящіяся между собою въ закономѣрной связи, независимой отъ воли ребенка, укладываются въ его памяти въ прочныя ассоціаціи. Онъ начинаетъ предугадывать, когда тотъ предметъ, который въ данную минуту къ нему подносятъ, можетъ быть взятъ одной рукой и когда лишь при помощи сильно раздвинутыхъ обѣихъ рукъ. Въ то же время ему говорятъ взрослые, что этотъ предметъ, находящійся въ его обѣихъ рукахъ, большой, а что другой, который онъ только что умѣщалъ между пальцами одной руки,—маленькій. У него уже получаются, такимъ образомъ, смутныя и неопредѣленныя представленія извѣстныхъ соотношеній ощущеній, изъ которыхъ одни обозначаются словомъ „больше“, а другія—словомъ „меньше“. На-ряду съ этимъ у него часто появляется сознаніе одинаковаго въ этой новой узнанной имъ сферѣ отношеній. Онъ замѣчаетъ, что одинъ предметъ такъ-же заполняетъ его поле зрѣнія, какъ и другой и при томъ такъ-же легко охватывается и удерживается рукой. Вслѣдъ затѣмъ ребенокъ долгое время осваивается и совершенствуется въ различеніи узнанныхъ имъ такимъ образомъ соотношеній пространственныхъ величинъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ входятъ въ извѣстныя закономѣрныя соотношенія съ ощущеніями аккомодаціонныхъ движеній глазъ, съ усиленіемъ и ослабленіемъ слышимыхъ имъ на извѣстныхъ разстояніяхъ звуковъ отъ звучащихъ предметовъ и т. п. Но всѣ эти разными способами воспринимаемыя пространственныя соотношенія не даютъ никакихъ иныхъ результатовъ сравненія и сопоставленія, какъ тѣ, что

выражаются словами: больше, меньше и одинаково; и только послѣ того, какъ ребенокъ ознакомится со счетомъ, т.-е. годамъ къ 8, 9, онъ научается измѣрять пространственныя величины. Средствомъ для измѣренія является зрительное представленіе наложенія. Ребенокъ замѣчаетъ, что каждая пространственная величина можетъ быть такъ сопоставлена съ другою, что большая окажется составленной изъ нѣсколькихъ меньшихъ. Каждое зрительное представленіе отложенія одного и того же линейнаго протяженія на другомъ обозначается въ своей повторности извѣстнымъ символомъ множественности, что и даетъ основаніе для приложенія къ пространственнымъ величинамъ категоріи количества.

Всѣ пространственныя представленія и понятія, играющія столь важную роль въ математикѣ и естественныхъ наукахъ, имѣютъ своимъ существеннымъ содержаніемъ именно эти, данныя уже въ чистомъ первоначальномъ сознаніи, соотношенія между ощущеніями высшихъ органовъ чувствъ, по преимуществу зрительныхъ и, кромѣ того, моторныхъ. Различіе лишь въ томъ, что пространственныя представленія и понятія, входящія въ содержаніе наукъ, уже лишены всякой конкретности, т.-е. связи съ безразличнымъ для ихъ сущности сознаніемъ разныхъ чувственныхъ качествъ, т.-е. тѣхъ или иныхъ цвѣтовъ и осязательныхъ свойствъ представляемыхъ и понимаемыхъ тѣлъ и поверхностей. Всѣ пространственныя соотношенія представляются въ области познанія въ видѣ границъ какого угодно качественнаго содержанія, т.-е. такъ называемыхъ геометрическихъ фигуръ. Далѣе, пространственныя соотношенія въ познавательной дѣятельности оказываются въ высшей степени усложненными системами по сравненію съ тѣми простыми соотношеніями, которыя даны въ сознаніи въ видѣ расположенія въ полѣ зрѣнія нѣсколькихъ одновременно данныхъ цвѣтовыхъ качествъ. Такъ, въ познаніи соотношенія эти вводятся въ связь съ тѣми данными сознанія, которыя входятъ въ понятіе движенія, т.-е. съ сознаніемъ перемѣны пространственныхъ отношеній какого-нибудь качества къ одному или многимъ другимъ. Затѣмъ пространственныя отношенія вводятся также въ связь съ понятіями тяжести, массы, вещественности, сущность которыхъ составляетъ сознаніе сопротивленія, испытываемаго въ формѣ осязательнаго и мускульнаго чувства. Наконецъ, въ зависимости отъ цѣлей научныхъ изслѣдованій и постановокъ вопросовъ, въ каждомъ данномъ случаѣ съ понятіемъ пространства могутъ введены въ связь любые элементы сознанія и возникающія на ихъ почвѣ представленія и понятія.

Всѣ эти многочисленныя связи не безразличны для сущности самихъ пространственныхъ соотношеній, въ силу того общаго закона, что всякое качество опредѣляется въ своей сущности не только своей собственной природой, но и природой всего того, съ чѣмъ

оно поставлено въ соотношенія. Одинъ и тотъ же предметъ или фигура, изображенные на двухъ разныхъ картинахъ, имѣютъ и различное значеніе, и какъ бы получаютъ другую природу въ зависимости отъ связанныхъ съ ними частей и того цѣлаго, въ которое они входятъ, какъ часть. Водородъ, входящій въ составъ кислоты, относится къ другимъ реагентамъ нѣсколько иначе, чѣмъ тотъ же водородъ въ частицахъ углеводородовъ или спиртовъ. Точно то же дѣлается и съ нашими пространственными соотношеніями; связанныя съ множествомъ соотношеній другихъ родовъ и соотвѣтствующими имъ понятіями въ связную систему, они являются при переживаніи въ разнаго рода мыслительныхъ процессахъ какъ бы уже чѣмъ-то инымъ по сравненію съ тѣмъ, чѣмъ они были въ періодъ дѣтства въ созерцаніяхъ чистаго сознанія.

Разсматривая важнѣйшіе отмѣченные нами пункты въ образованіи понятія пространства, мы нашли, что всѣ его составные элементы обозначены уже въ чистомъ сознаніи. Но можетъ возникнуть вопросъ, какъ возможно для чистаго сознанія созерцаніе хотя бы отдѣльныхъ элементовъ этого понятія, когда мы уже въ началѣ опредѣлили сознаніе, какъ первоначальную и простѣйшую дѣятельность духа, лишенную всяческихъ соотношеній, понятіе же пространства не изъ чего иного, какъ изъ разнаго рода соотношеній и не состоитъ. Это кажущееся противорѣчіе происходитъ отъ двусмысленности термина „отношеніе“, избѣжать употребленія котораго намъ было совершенно невозможно. Терминъ этотъ въ примѣненіи къ нашей духовной жизни можетъ обозначать: во-первыхъ активное сопоставленіе, въ процессахъ мышленія, какихъ-либо элементовъ сознанія и, во-вторыхъ, вполнѣ пассивно воспринятую, извнѣ обусловленную, связь какихъ-нибудь элементовъ. Чистое сознаніе лишено отношеній перваго рода, но въ немъ неоднократно переживается одновременная данность многихъ элементовъ, точно такъ же какъ смѣна однихъ элементовъ другими. Всякое такое сосѣдство двухъ элементовъ, данныхъ въ моментъ времени или непосредственно смѣняющихъ одно-другое, даетъ нѣкоторый результатъ, т.-е. нѣчто третье, не заключающееся въ двухъ элементахъ порознь, а обнаруживающееся только въ ихъ взаимной связи. Это третье и есть то, что также наилучше выражается словомъ „отношеніе“. Поэтому, чтобы точнѣе опредѣлить разницу между познаніемъ и сознаніемъ примѣнительно къ занимающему насъ вопросу мы должны выразиться такъ: сознаніе есть переживаніе различныхъ качественныхъ элементовъ, какъ въ ихъ отдѣльности, такъ и въ *данныхъ* соотношеніяхъ, познаніе же состоитъ въ *активномъ* соотнесеніи элементовъ чистаго сознанія.

Обращаясь къ тѣмъ переживаемымъ нами въ чистомъ сознаніи соотношеніямъ, которыя даютъ начало представленію и понятію простран-

ства мы должны отмѣтить между ними три существеннѣйшихъ момента: 1) сознаніе одновременной наличности нѣсколькихъ элементовъ, т.-е. множественность. Этимъ моментомъ дается начало отличію пространственнаго порядка отъ временного, обозначающагося въ чистомъ сознаніи въ качествѣ, сознанія смѣны; 2) сознаніе отношеній цвѣтовыхъ поверхностей къ полю зрѣнія *) и другъ къ другу, а также моторныхъ ощущеній къ измѣненіямъ въ этихъ отношеніяхъ. Этотъ моментъ даетъ начало представленію протяженія во всѣхъ трехъ измѣреніяхъ и сравненію этихъ протяженій другъ съ другомъ и 3) сознаніе тожественности двухъ или нѣсколькихъ величинъ протяженія, сопровождаемое созерцаніемъ совпаденія величинъ протяженія при ихъ наложеніи другъ на друга. Моментъ, дающій начало точнымъ измѣреніямъ пространственныхъ величинъ, выражаемымъ въ числахъ. Что касается перваго момента, то въ принадлежности его къ чистому сознанію не можетъ быть никакого сомнѣнія уже по одному тому, что вообще сознаніе множественности есть необходимое предшествующее условіе всяческаго познанія, такъ какъ какія бы то ни было активныя соотношенія могутъ осуществляться только при наличности, по крайней мѣрѣ двухъ, качественно разнородныхъ элементовъ. Хотя второй и третій моменты осуществляются уже въ томъ возрастѣ, когда ребенокъ способенъ къ активнымъ соотношеніямъ, т.-е. къ познавательной дѣятельности, и хотя по мѣрѣ знакомства съ величинами протяженія, опредѣленіе этихъ величинъ и разстояній является въ каждомъ данномъ случаѣ результатомъ произвольно направленнаго вниманія и активнаго сопоставленія однихъ ощущеній съ другими, тѣмъ не менѣе мы должны признать, что этому активному сравненію и измѣренію величинъ предшествуютъ совершенно опредѣленныя отношенія элементовъ, данныя въ чистомъ сознаніи вполнѣ независимо отъ какихъ-нибудь активныхъ проявленій. Образъ яблока, на которое смотритъ ребенокъ, является для него въ совершенно иномъ отношеніи къ полю зрѣнія, чѣмъ подающій его ребенку образъ матеріи, застилающій передъ его глазами множество другихъ предметовъ. Это созерцаніе контура яблока и человѣческой фигуры, данное заразъ при одномъ и томъ же полѣ зрѣнія, заключаетъ въ себѣ въ то же время и сознаніе ихъ различія и при томъ различія не только въ цвѣтѣ, и т. п., но также въ ихъ заполненіи поля зрѣнія. Эта наличность нѣсколькихъ данныхъ, воспринимаемыхъ сознаніемъ, какъ нѣчто различное, и есть то, что также можно назвать отно-

*) Мы придаемъ такое существенное значеніе именно этому отношенію потому, что поле зрѣнія представляетъ въ сознаніи ребенка единственную, болѣе или менѣе постоянную, величину и при томъ всегда находящуюся на лицо. Вслѣдствіе этого, оно естественнымъ образомъ является первымъ опорнымъ пунктомъ для сравненія цвѣтовыхъ протяженностей, данныхъ на этой стадіи развитія, какъ та или иная степень его заполненности.

шеніемъ; и это отношеніе необходимо переживается сначала чистымъ сознаніемъ, и только на почвѣ частаго повторенія можетъ стать предметомъ особаго вниманія и активнаго изолированія отъ сопутствующихъ ему отношеній другого рода. Нечего и говорить, что всѣ эти данныя сознанія осуществляются невольно, съ полною принудительностію и если ихъ появленіе въ нашемъ сознаніи и обусловлено съ извѣстнымъ развитіемъ сознанія, то развитіе это состоитъ вовсе не въ томъ, что сознаніе пріобрѣтаетъ при этомъ какую-либо творческую способность, но лишь въ томъ, что оно совершенствуется въ полнотѣ и отчетливости созерцаній и въ усмотрѣніи различныхъ способовъ связи и соотношеній отдѣльныхъ элементовъ. То, что двѣ линейки, помѣщенныя каждая порознь между двумя крайними пальцами руки и производящія при этомъ соотвѣтственныя моторныя и осязательныя ощущенія, воспринимаемыя сознаніемъ какъ одинаковыя, при наложеніи ихъ одна на другую производятъ зрительное созерцаніе совпаденія—это есть невольный фактъ чистаго сознанія, происходящій съ одинаковой необходимостью, какъ въ сознаніи трехлѣтняго ребенка, такъ и ученаго физика. Разница только та, что трехлѣтній ребенокъ сознаетъ это совпаденіе зрительной и моторной одинаковости въ первый разъ и только пассивно его переживаетъ, для ученаго же это является частнымъ случаемъ извѣстныхъ законом'ѣрныхъ отношеній, испытанныхъ имъ множество разъ, уже давно оторванныхъ отъ конкретной связи со всѣмъ несущественнымъ и приведенныхъ въ систематическую связь со всѣми другими однородными отношеніями въ идеѣ пространства. Но вся необходимость этой идеи и вытекающихъ изъ нея слѣдствій въ области ли геометріи или механики не отъ чего другого не зависитъ, какъ отъ необходимости тѣхъ простѣйшихъ отношеній, которыя переживаются сознаніемъ ребенка, могущаго видѣть, охватывать и осязать предметы такъ, а не иначе, въ тѣхъ, а не иныхъ, соотношеніяхъ.

Сопоставимъ же теперь всѣ разсмотрѣнныя нами данныя сознанія, представляющія основные элементы понятія пространства съ тѣмъ, что составляетъ содержаніе вполнѣ образовавшейся идеи пространства, и постараемся формулировать то существенное различіе, которое мы между ними найдемъ.

Пространственныя соотношенія, поскольку они воспринимаются чистымъ сознаніемъ, смѣшаны съ сознаніемъ всякаго рода чувственныхъ качествъ и ихъ соотношеній. Ребенокъ, видя двѣ плоскости различной величины, кромѣ воспріятія ихъ различія по отношенію къ заполненію ими поля зрѣнія воспринимаетъ также ихъ окраску, осязаетъ ихъ, слышитъ звуки отъ ударовъ тѣхъ тѣлъ, которымъ принадлежатъ наблюдаемыя имъ поверхности и т. п. Пространственныя соотношенія,

явившіяся продуктомъ познанія всегда уже болѣе или менѣе оторваны отъ всего побочнаго и для нихъ несущественнаго и представляются въ видѣ соотношеній пространственныхъ величинъ, могущихъ содержать безразлично какое чувственное качество. Эта изолированность или отвлеченность пространственныхъ отношеній отъ всѣхъ другихъ является однимъ изъ условій ихъ систематическаго и детальнаго изученія. Только при этомъ условіи возможно наглядное конструированіе пространственныхъ соотношеній въ видѣ геометрическихъ фигуръ, дающее возможность подмѣчать соотношенія частей, вытекающія изъ свойствъ цѣлаго. Эта же способность отвлеченія пространственыхъ соотношеній даетъ возможность устанавливать тѣ идеальные типы соотношеній, которые никогда не бываютъ даны въ чувственномъ воззрѣніи, и тутъ уже познавательная дѣятельность является дополняющей и исправляющей данныя чистаго сознанія. Въ этихъ же идеальныхъ типахъ мы встрѣчаемся съ другимъ свойствомъ познанія, существенно отличающимъ его отъ чистаго сознанія, состоящимъ въ объединеніи и выраженіи множественнаго однообразія въ единомъ актѣ. Всякій актъ чистаго сознанія единиченъ и при появленіи своемъ никакой связи и соотношенія со всѣми минувшими ему подобными не имѣетъ. Если ребенокъ смотритъ на кругъ, то переживаемыя имъ пространственныя соотношенія зрительныхъ ощущеній остаются чуждыми тѣмъ же самымъ соотношеніямъ ощущеній, пережитымъ имъ вчера. Не то въ познаніи: геометрическій кругъ есть какъ бы средній выводъ изъ всѣхъ круговъ, наблюденныхъ и могущихъ быть наблюдаемыми, и является замѣной и выраженіемъ въ единомъ актѣ познанія всѣхъ возможныхъ созерцаній круговъ, взятыхъ вмѣстѣ. Правда, этотъ кругъ нѣсколько отличается отъ тѣхъ, представителемъ которыхъ онъ служитъ, такъ какъ конечно ни въ одномъ изъ нихъ окружность не равняется точно $2\pi r.$, а непремѣнно или нѣсколько меньше или болѣе, но въ этомъ уклоненіи онъ оказывается какъ бы исправленіемъ всѣхъ этихъ круговъ и приведеніемъ ихъ къ той нормѣ, къ которой они всѣ какъ бы стремятся приблизиться и которая является наиболѣе существеннымъ признакомъ, отличающимъ всѣ эти круги отъ другихъ типовъ пространственныхъ соотношеній.

Дальнѣйшимъ отличіемъ познанія пространственныхъ отношеній отъ ихъ переживанія въ чистомъ сознаніи является существующая въ сознаніи изолированность разныхъ отношеній этого порядка другъ отъ друга; такъ, напримѣръ, соотношенія, существующія между линіями, ограничивающими разнаго рода плоскостныя фигуры, не связаны съ отношеніями, существующими между ихъ углами и т. под. Въ познаніи же всѣ пространственныя соотношенія связаны въ одну систему, гдѣ каждый пунктъ находится во взаимномъ опредѣленіи и соотвѣтствіи со всѣми остальными

пунктами. Такимъ образомъ, все то, что въ сознаніи являлось разбросаннымъ и чуждымъ одно другому въ познаніи связано въ одно цѣлое. Сознаніемъ можетъ быть пережито лишь ничтожное количество и при томъ самыхъ примитивныхъ соотношеній и большая часть содержанія познанія состоитъ изъ такихъ соотношеній, которыя въ чистомъ сознаніи въ этихъ именно комбинаціяхъ никакъ и не могутъ быть даны. Если въ чистомъ сознаніи и можетъ быть воспринято множество плоскостныхъ фигуръ, какъ-то квадратъ, треугольникъ, кругъ и т. п., въ видѣ зрительнаго воспріятія контуровъ цвѣтныхъ поверхностей, то самое большее, что можетъ быть дано въ сознаніи относительно ихъ соотношенія, это пространственное различіе двухъ рядомъ поставленныхъ и потомъ сразу воспринятыхъ фигуръ, напр., треугольника и круга; что это различіе состоитъ въ кривизнѣ и прямизнѣ линій, ограничивающихъ видимые ребенкомъ предметы, этого, конечно, въ его сознаніи нѣтъ, хотя какъ кривизна, такъ и прямизна уже воспринимаются его зрѣніемъ и дѣлаютъ возможнымъ послѣдующее знаніе объ этихъ фигурахъ, какъ отличающихся именно этими признаками. Въ чистомъ сознаніи могутъ быть даны, такимъ образомъ, только различіе или одинаковость нѣкоторыхъ соотношеній, но не самая сущность и природа этого различія, что дается только путемъ активнаго отвлеченія въ представленіи или понятіи тѣхъ или иныхъ данныхъ отъ всего побочнаго и несущественнаго, т.-е. уже познавательнымъ актомъ. Далѣе, многія соотношенія совершенно не могутъ быть даны въ чистомъ сознаніи даже въ той смутности, съ какою воспринимается, напр., округлость или многоугольность фигуръ, а могутъ быть конструированы только чисто творческимъ соотношеніемъ и сопоставленіемъ различныхъ элементовъ; такъ, напр., ни въ какомъ созерцаніи чистаго сознанія не можетъ быть дано отношеніе окружности къ радіусу, потому что самые элементы этого отношенія (т.-е. понятія окружности и радіуса) уже представляютъ продукты познанія, при чемъ въ сущность этого соотношенія входитъ также и понятіе о числѣ, для чистаго сознанія недоступное. Но разъ такое отношеніе познанію дано, оно можетъ быть связано и съ чистымъ сознаніемъ, быть имъ подтверждено и даже приблизительно совпасть, напр., въ зрительномъ образѣ отложенія величины радіуса на развернутой окружности 6 разъ съ нѣкоторой приблизительно отмѣренною частью и т. п.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что всѣ познанія о пространствѣ основаны на сравнительно немногочисленныхъ данныхъ, доступныхъ сознанію, и вытекаютъ изъ этихъ данныхъ съ такою же необходимостью и послѣдовательностью, съ какою все содержаніе математики вытекаетъ изъ немногочисленнаго количества аксіомъ. Эти данныя сознанія, какъ таковыя, въ сущности невыразимы и несказанны, и мы можемъ дать о нихъ пред-

ставленіе только путемъ описанія тѣхъ условій, при которыхъ они осуществляются. Коль скоро они начинаютъ вспоминаться и обозначаться какими-нибудь символами, они уже перестаютъ быть элементами сознанія, а входятъ въ акты познанія. Можно сказать, что всѣ эти соотношенія являются данными чистаго сознанія въ строгомъ смыслѣ лишь въ первые разы ихъ появленія, послѣ же нѣсколькихъ повтореній непремѣнно сопровождаются уже нѣкоторой активной репродукціей, состоящей въ болѣе или менѣе отчетливомъ выдѣленіи ихъ изъ прочихъ элементовъ сознанія или въ связи ихъ съ какими-нибудь элементами данными въ воспоминаніи.

Изъ сдѣланнаго нами краткаго обзора важнѣйшихъ моментовъ въ развитіи понятія пространства видно, что по отношенію къ двумъ основнымъ направленіямъ, существующимъ по данному вопросу—нативизму и генетизму, мы занимаемъ промежуточное положеніе. Мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы пространство представляло бы изъ себя нѣчто совершенно отличное отъ тѣхъ элементовъ сознанія, изъ которыхъ оно конструируется и въ этомъ расходимся съ теоріями производности или генетизмомъ. Съ другой стороны, мы не считаемъ возможнымъ признавать тѣ или иныя данныя чистаго сознанія пространственными или протяженными въ строгомъ смыслѣ слова. Данная намъ въ чистомъ сознаніи ёмкость зрительныхъ ощущеній по отношенію ко всему полю зрѣнія, хотя и составляетъ существеннѣйшій элементъ пространства, но вмѣстѣ съ тѣмъ значительно отличается отъ того новаго качества пространственности, которое дано намъ въ развитой и осложненной идеѣ пространства, а также въ тѣхъ созерцаніяхъ, которыя возникаютъ на почвѣ этой идеи. При обсужденіи этихъ вопросовъ необходимо считаться съ тою окраской, которую придаютъ отдѣльные элементы нашихъ концепцій другъ другу. Зрительная ёмкость какого-нибудь цвѣта, ассоціированная съ моторнымъ ощущеніемъ движенія руки или тѣла вдоль даннаго цвѣта, получаетъ нѣчто новое въ своемъ пространственномъ качествѣ отъ соотвѣтствующаго ей моторнаго ощущенія. Это же послѣднее, въ свою очередь, получаетъ новый оттѣнокъ отъ ёмкости зрительнаго ощущенія. Намъ кажется, что Джэмсъ, признавая въ своей теоріи пространства всѣ ощущенія обладающими протяженностью, какъ первичнымъ качествомъ, упускаетъ изъ виду именно, это обстоятельство. Если мы, взрослые, можемъ говорить о большей ёмкости громового раската по сравненію съ ударомъ молотка, то лишь вслѣдствіе неразрывныхъ съ этими звуками зрительныхъ и другихъ ассоціацій пространственнаго порядка, передающихъ какъ бы по аттракціи свои пространственныя качества по существу безпространственному звуковому ощущенію.

Сознаніе временной послѣдовательности обозначается съ того момента, когда ребенку становятся доступны созерцанія множественности заразъ,

такъ какъ только тогда обнаруживается разница между связью сосуществующихъ элементовъ и элементовъ, смѣняющихъ другъ друга, т.-е. то, что именно и опредѣляетъ своеобразную природу этихъ связей. Связь между исчезающимъ изъ сознанія элементомъ и новымъ появляющимся и есть временная связь. Эта связь, доступная сознанію въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, является однимъ изъ простѣйшихъ родовъ соотношеній, подвергающимся въ процессахъ познанія весьма незначительнымъ измѣненіямъ и осложненіямъ по сравненію, напримѣръ, съ осложненіемъ пространственныхъ соотношеній. Время есть порядокъ одного измѣренія, а потому сущность его становится сразу доступной сознанію. Сущность временного порядка дана, такимъ образомъ, чистому сознанію въ ежемгновепныхъ смѣнахъ его состояній. Эволюція этого порядка состоитъ, затѣмъ, въ подраздѣленіи его на основаніи отношенія къ пережитому, переживаемому и возможному содержанію на прошедшее, настоящее и будущее и, наконецъ, въ примѣненіи къ нему категоріи величины путемъ измѣренія длительности повтореніемъ опредѣленнаго чувственнаго содержанія, принятаго за единицу временного протяженія. Всѣ эти три момента въ развитіи понятія времени находятся въ зависимости отъ нѣкоторыхъ данныхъ чистаго сознанія, опредѣляющихъ это развитіе въ томъ, а не иномъ направленіи. Первымъ даннымъ, какъ мы уже говорили, является сознаніе смѣны. Это простой и неразложимый фактъ сознанія, не заключающій въ себѣ никакого активнаго проявленія нашего ума. Было бы ошибочно думать, что сознаніе смѣны предполагаетъ уже активное сопоставленіе двухъ элементовъ, одного исчезающаго и другого появляющагося, какъ это происходитъ у взрослыхъ, у которыхъ уже есть вполнѣ развитое и законченное представленіе времени. Воспріятіе временной связи мы можемъ допустить еще до появленія воспоминанія въ смыслѣ способности удерживать или возстановлять пережитыя состоянія. Минувшее качество удерживается нѣкоторое время въ нашемъ сознаніи на ряду съ новымъ появившимся совершенно независимо отъ того, будемъ ли мы для этого употреблять какое-либо усиліе или нѣтъ. Напротивъ, въ силу природы нашего сознанія, оно не можетъ исчезнуть иначе, какъ постепенно ослабѣвая, а новое появиться иначе, какъ постепенно выясняясь; это воспріятіе появляющагося и исчезающаго и составляетъ сознаніе смѣны. Существеннымъ въ этомъ сознаніи является не качественное содержаніе, а отношеніе этихъ содержаній въ ихъ убыли и возрастаніи, т.-е. порядокъ.

Дѣленіе времени на прошедшее, настоящее и будущее находится въ зависимости отъ трехъ способовъ отношенія нашего къ содержанію сознанія. Когда ребенокъ становится способенъ къ воспоминанію и представленію, то мѣстѣ съ тѣмъ онъ начинаетъ подмѣчать различіе между тѣмъ, что онъ переживаетъ въ данную минуту и тѣмъ, что онъ вспоминаетъ и пред-

ставляетъ. Переживаемое реально отличается яркостью, силою и той необходимостью, въ силу которой разъ оно есть, оно не можетъ быть вычеркнуто изъ сознанія въ каждый данный моментъ; воспоминаемое и представляемое отличается своею блѣдностью, смутностью, а также бо́льшею зависимостью отъ сознающаго субъекта, могущаго переставлять и измѣнять пережитыя комбинаціи съ нѣкоторымъ произволомъ. Отличаясь отъ даннаго переживаемаго, воспоминаемое мало-по-малу начинаетъ пониматься ребенкомъ, какъ нѣчто относящееся къ чему-то столь же яркому, какъ наличное переживаемое, но только отдѣленному отъ него цѣлымъ рядомъ другихъ такихъ же элементовъ. Другими словами, ребенокъ начинаетъ понимать то, что онъ только вспоминаетъ, т.-е., что представляющіеся ему въ данную минуту событія и образы не имѣютъ того значенія, какъ переживаемые, а оказываются только слабыми его отголосками и неясными изображеніями. Развитіе памяти и частыя сопоставленія переживаемаго съ воспоминаемымъ приводятъ ребенка къ пониманію каждаго состоянія связаннымъ съ непосредственно предшествующимъ, отдѣляющимъ его отъ другихъ состояній, которыя, въ свою очередь, отдѣляютъ его отъ слѣдующихъ и т. д. Такимъ образомъ, возникаетъ представленіе какъ бы цѣпи событій, начинающейся отъ переживаемыхъ состояній и идущей вдаль по направленію къ тому, что является наиболѣе смутнымъ и отдѣленнымъ отъ переживаемаго наибольшимъ количествомъ звеньевъ. При этомъ получается понятіе о настоящемъ, какъ о нѣкоторомъ промежуткѣ этой цѣпи, наполненномъ переживаемымъ, и о прошедшемъ въ видѣ ея остальной части, наполненной тѣмъ, къ чему относятся воспоминанія и что представляется, какъ бы отодвинувшимся настоящимъ. Конечно, граница между настоящимъ и прошедшимъ остается всегда условной и подвижной, въ зависимости отъ интенсивности того слѣда, который оставило въ сознаніи только что пережитое количество отмѣченныхъ ближайшихъ звеньевъ, способа ихъ взаимной связи и т. п. Слѣдующая стадія развитія понятія времени состоитъ въ продолженіи этой цѣпи временно-связанныхъ событій отъ того промежутка, который называется настоящимъ въ сторону противоположную прошедшему. Это представленіе образуется въ силу того, что ребенокъ замѣчаетъ подвижность всей цѣпи событій, состоящую въ удаленіи и ослабленіи минувшихъ и въ появленіи въ его сознаніи новыхъ, которыя, въ свою очередь, сами исчезаютъ въ прошедшемъ. Постоянное появленіе новыхъ состояній развиваетъ въ немъ способность ожиданія новыхъ, сравнительно съ данными въ настоящемъ, событій. Эти новыя событія, такъ или иначе ребенкомъ воображаемыя, естественнымъ образомъ располагаются на продолженіи временной цѣпи, идущемъ отъ настоящаго въ сторону противоположную прошедшему, при чемъ это продолженіе представляется какъ

бы приближающимися и наконецъ входящимъ въ сознаніе. Это представленіе часто оправдывается въ сознаніи ребенка дѣйствительнымъ осуществленіемъ ожиданій, построенныхъ на простѣйшихъ и болѣе обычныхъ ассоціаціяхъ. Такимъ образомъ появляется представленіе будущаго. Первое время оно гораздо короче прошедшаго и ограничивается въ своемъ содержаніи только тѣмъ, появленіе чего ребенокъ въ данную минуту ожидаетъ, а также желаетъ или не желаетъ. Затѣмъ оно начинаетъ заполняться объектами, болѣе или менѣе безразличными для настоящихъ желаній ребенка и получаетъ при этомъ уже нѣсколько большее протяженіе въ даль. Будущее отличается отъ прошедшаго большей отрывочностью и неопредѣленностью своего содержанія, могущаго являться въ видѣ болѣе или менѣе произвольныхъ комбинацій.

Измѣреніе времени основано на томъ же, что и измѣреніе пространства, а именно, на возможности отложить или помѣстить нѣсколько разъ на промежуткѣ, занимаемомъ какимъ-нибудь непрерывно длящимся состояніемъ сознанія, другое непрерывное состояніе, принятое за единицу временного протяженія. Разница только въ способѣ избранія и опредѣленія такихъ постоянныхъ и однообразныхъ по протяженію единицъ. Въ измѣреніяхъ пространства любая протяженная, величина является годной для отложенія ея на другихъ и соотвѣтственной зрительной картины исчерпыванія одного протяженія другимъ. Не то при измѣреніи времени: каждое данное состояніе, вмѣстѣ съ его временной длительностью, исчезаетъ безвозвратно изъ сознанія и, отлагаясь одинъ разъ на какомъ-нибудь промежуткѣ временного протяженія, уже другой разъ не можетъ быть отложено, вслѣдствіе чего является необходимость пріисканія новой мѣры, которая была бы совершенно равна предыдущей. Теперь спрашивается, какъ же рѣшается этотъ вопросъ объ одинаковости этой другой мѣры и какъ мы убѣждаемся въ этой одинаковости, когда мы всегда имѣемъ дѣло съ этими мѣрами, данными лишь въ воспоминаніи, вслѣдствіе чего мы никакъ не можемъ наложить ихъ другъ на друга и какъ-либо чувственно наблюдать ихъ совпаденіе, какъ это происходитъ при измѣреніи пространственныхъ протяженій. Строго говоря, не только дѣти, но и громадное большинство взрослыхъ людей въ сущности только вѣрятъ въ одинаковость временныхъ протяженій, принятыхъ за единицу, при чемъ дѣти вѣрятъ наученные тому взрослыми, взрослые же по привычкѣ; и лишь немногіе способны найти разумное основаніе этой вкоренившейся увѣренности. Въ самомъ дѣлѣ, что ручается намъ, что всѣ общеупотребительные единицы времени, годы, мѣсяцы, дни, часы и секунды представляютъ вполнѣ и абсолютно одинаковыя длительности или другими словами, что тѣ чувственныя перемѣны, которыя имъ соотвѣтствуютъ, т.-е. обороты земли вокругъ солнца и своей оси, опредѣ-

ленныя движенія механизмовъ, т.-е. часовъ и хронометровъ и т. п., вполнѣ идентичны по своему временному протяженію. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, какъ можно подтвердить эту увѣренность во всеоружіи физико-математическихъ, а также философскихъ, познаній, мы отмѣтимъ только тѣ *психологическія* условія, которыя даютъ для дѣтей и взрослыхъ нѣкоторое основаніе для такой увѣренности.

Подобно тому, какъ основаніемъ для понятія о пространственномъ протяженіи является сознаніе отношенія какой-нибудь цвѣтовой поверхности къ полю зрѣнія, какъ минимальному, такъ и максимальному, точно такъ же представленіе длительности возникаетъ на почвѣ сознанія отношенія смѣняющихся состояній къ кратчайшимъ мгновеніямъ, могущимъ быть отмѣченными сознаніемъ. Эти послѣдніе въ данномъ случаѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ минимальному полю зрѣнія въ пространственныхъ созерцаніяхъ. То, что является кратчайшимъ, т.-е. простымъ и не раздробимымъ никакимъ актомъ вниманія на еще болѣе мелкія части, напр., быстрый взмахъ руки, паденіе тѣла и т. п., является для сознанія ребенка той опорной единицей, по сравненію съ которой всѣ остальныя смѣняющіяся состоянія представляютъ нѣкоторую длительность, могущую быть раздробленною на эти кратчайшія мгновенія. Такимъ образомъ, всѣ состоянія начинаютъ отличаться въ сознаніи ребенка кромѣ какъ по своей качественности, еще и по своей длительности, состоящей въ возможности отмѣтить на ихъ протяженіи множество такихъ кратчайшихъ мгновеній или множество другихъ (уже знакомыхъ по длительности) состояній. При этомъ у ребенка начинаетъ появляться общее представленіе о большей или меньшей, а также приблизительно равной, длительности. Другихъ внутреннихъ критеріевъ для измѣренія времени, кромѣ этого приблизительнаго сравненія разнаго рода длительностей съ кратчайшими мгновенными воспріятіями, у ребенка нѣтъ, и если бы ребенокъ развивался независимо отъ вліянія взрослыхъ, онъ, можетъ быть, никогда и не подозрѣвалъ бы, что промежутокъ отъ двѣнадцати часовъ одного дня до двѣнадцати часовъ слѣдующаго дня представляетъ всегда совершенно одинаковую длительность или что длительность оборота часовой стрѣлки при всѣхъ совершаемыхъ оборотахъ совершенно одинакова. Напротивъ, зачастую онъ испытываетъ совершенно обратное, т.-е. одинъ часъ ему кажется иногда гораздо длиннѣе другого или одинъ день быстрѣе кончившимся чѣмъ предыдущій, и т. п. Но такъ какъ способы измѣренія времени, употребляемые взрослыми въ общемъ не противорѣчатъ внутреннему сознанію длительности и даже въ среднемъ съ нимъ приблизительно совпадаютъ, то ребенокъ мало-по-малу пріучается измѣрять время такъ, какъ его научили этому взрослые. Только значительно позже онъ получаетъ под-

твержденіе правильности этого способа уже косвеннымъ путемъ, а именно изъ наблюденія совпаденій и согласованія различныхъ способовъ измѣренія времени другъ съ другомъ, а также изъ пунктуальнаго осуществленія въ назначенные моменты событій, предсказываемыхъ по принятымъ способамъ исчисленія времени.

Послѣднимъ шагомъ въ образованіи понятія времени является пониманіе его какъ бы пустымъ вмѣстилищемъ, идущимъ въ безконечность въ ту и другую сторону отъ настоящаго момента, совершенно безразличнымъ ко всему помѣщающемуся въ немъ содержанію. Это абстрактное понятіе времени не можетъ имѣть никакого соотвѣтствующаго чувственнаго представленія. Оно образуется въ умѣ человѣческомъ путемъ примѣненія къ конкретнымъ представленіямъ времени, въ видѣ тѣхъ или иныхъ качественныхъ длительностей, обычнаго метода образованія понятій, состоящаго въ выдѣленіи самыхъ необходимыхъ и существенныхъ признаковъ изъ всего несущественнаго и случайнаго. Время по своей психологической природѣ есть не что иное, какъ нѣкоторое свойство (смѣняемость) всѣхъ качественныхъ состояній сознанія и реально только въ нихъ и обнаруживается. Въ силу всеобщности этого свойства, т.-е. принадлежности всѣмъ безъ исключенія качественнымъ даннымъ, самая качественность безразлична для сущности времени, а потому ни одно изъ качествъ не можетъ служить опредѣляющимъ и выражающимъ его сущность признакомъ. Поэтому-то разумъ, поскольку онъ имѣетъ необходимость считаться съ временемъ, какъ порядкомъ смѣны вообще, отдѣляетъ его отъ этой качественности и представляетъ наполненнымъ чѣмъ то безразличнымъ, текучимъ и безконечнымъ въ обѣ стороны отъ даннаго пункта настоящаго.

Изъ этой кратко намѣченной нами схемы образованія понятія времени можетъ показаться, что роль чистаго сознанія въ данномъ случаѣ оказывается совершенно незначительною, такъ какъ смѣна (текучесть) есть единственный доступный чистому сознанію элементъ идеи времени, все же остальное, что входитъ въ сущность этой идеи, т.-е. подраздѣленіе времени на настоящее, прошедшее и будущее, его дѣлимость и измѣряемость, его безконечность, все это возникаетъ уже на почвѣ актовъ воспоминанія, сопоставленія и абстрагированія, т.-е. уже путемъ познавательныхъ процессовъ. Но это не вполнѣ такъ. Конечно, временной порядокъ, какъ относящійся къ элементамъ, даннымъ въ сознаніи не сразу (какъ въ пространствѣ), а въ раздѣльности, можетъ быть уловленъ и подмѣченъ лишь разнаго рода активными синтезами этого разбросаннаго матеріала. Но надо имѣть въ виду, что всѣ эти отдѣльныя данныя чистаго сознанія являются въ этомъ случаѣ далеко не безразличными, а напротивъ опредѣляющими способъ и порядокъ установленія временной связи. Такъ,

если бы нѣкоторые элементы сознанія не воспринимались ярче, другіе блѣднѣе, если бы одни изъ нихъ не сопровождались сознаніемъ ихъ повторности, другіе—ихъ новизны, то не было бы никакого основанія и повода для отличія настоящаго отъ прошедшаго и пониманія этого прошедшаго изображеннымъ лишь въ видѣ слабой копіи въ образахъ воспоминанія. Точно такъ же, если бы нѣкоторые образы не сопровождались сознаніемъ желанія и хотѣнія, то не было бы ничего такого, что ребенокъ могъ бы понимать, какъ будущее. Представленія краткости и длительности опять-таки ни отъ чего другого не зависятъ, какъ отъ особыхъ свойствъ нѣкоторыхъ состояній, по которымъ одни могутъ быть предметомъ повторнаго акта вниманія, другіе же едва могутъ быть сознаніемъ отмѣчены. Измѣреніе зависитъ отъ возможности воспринимать совпаденіе, возникновенія и исчезновенія въ сознаніи двухъ разныхъ качественныхъ данныхъ, такъ, напр., длительность промежутка между молніей и громомъ опредѣляется совпаденіемъ извѣстныхъ положеній секундной стрѣлки съ появленіемъ молніи и грома. Всѣ эти опредѣляющіе моменты, взятые въ отдѣльности и независимо отъ тѣхъ познавательныхъ актовъ, которые по поводу ихъ возникаютъ, должны быть отнесены къ природѣ чистаго сознанія, а потому мы можемъ сказать, что во всѣхъ фазахъ развитія понятія времени чистое сознаніе играетъ столь же важную и опредѣляющую сущность познавательныхъ процессовъ роль, какъ и въ образованіи понятія пространства. Разница только та, что нѣкоторыя пространственныя соотношенія даны ребенку уже чисто пассивно, т.-е. въ чистомъ сознаніи. Изъ сущности же временной связи дана сознанію только смѣна и длительность, *) все же остальное содержаніе идеи времени только опредѣляется сознаніемъ, но не дано въ сознаніи. Это происходитъ отъ того, что элементы сознанія опредѣляющіе понятіе времени по самой сущности этого порядка, разбросаны и для образованія идеи времени должны быть другъ съ другомъ сопоставлены и связаны. Въ моментъ же связи и сопоставленія они перестаютъ быть элементами сознанія, а становятся элементами знанія. Такимъ образомъ, мы можемъ сказать, что время конструируется изъ данныхъ сознанія, которыя въ тотъ моментъ, какъ ихъ коснется познавательный процессъ, обращаются въ элементы познанія.

Слѣдующимъ понятіемъ, которому приходится играть весьма важную роль во всѣхъ сферахъ познавательной дѣятельности, является понятіе,

*) Смѣна и длительность представляютъ два взаимно опредѣляющихся данныхъ сознанія. На фонѣ неподвижныхъ и длящихся качествъ всего яснѣе обнаруживаются смѣны краткихъ подвижныхъ состояній, съ другой стороны длительность ни въ чемъ иномъ не состоитъ, какъ въ свойствѣ того или иного состоянія непрерывно сопутствовать множеству отдѣльныхъ смѣнъ.

имѣющее нѣсколько другъ другу близкихъ модификацій, обозначаемыхъ разными словами, какъ-то: вещь, предметъ, сущность, субстанція. Понятіе это коррелятивно съ другимъ, выражаемымъ въ своихъ модификаціяхъ словами: свойство, признакъ, качество, дѣйствіе, акциденція. Такъ какъ развитіе этихъ двухъ рядовъ понятій идетъ рука объ руку и при томъ по самой своей природѣ они другъ безъ друга не мыслимы и не могутъ имѣть никакого значенія, то мы и будемъ разсматривать образованіе ихъ, изъ данныхъ сознанія, вмѣстѣ.

Состоянія сознанія смѣняются у ребенка не хаотично и безпорядочно, но въ извѣстныхъ болѣе или менѣе правильныхъ и законосообразно повторяющихся сочетаніяхъ; онъ видитъ однообразные контуры цвѣтныхъ поверхностей, испытываетъ при этомъ соотвѣтственныя моторныя и осязательныя ощущенія, приближаясь къ этимъ поверхностямъ и съ ними соприкасаясь. Большая часть всѣхъ этихъ состояній сознанія происходитъ въ опредѣленной и повторяющейся связи и послѣдовательности, лишь отчасти зависимыхъ отъ воли и усилій ребенка, по преимуществу же совершающихся въ его сознаніи съ нѣкоторою извнѣ навязанной необходимостью. Эти однообразныя и часто повторяющіяся сочетанія мало-по-малу начинаютъ пріобрѣтать въ его сознаніи извѣстнаго рода стойкость и прочность, при чемъ онъ научается быстро схватывать и даже антиципировать множество качественныхъ данныхъ каждой такой привычной ассоціаціи, при первомъ появленіи нѣкоторыхъ ея составныхъ частей. Въ составъ такихъ прочныхъ ассоціацій входитъ большинство ощущеній ребенка, по преимуществу же зрительныя, осязательныя и моторныя. Какъ скоро ребенокъ подмѣтилъ, что каждая цвѣтная поверхность при совмѣщеніи съ ней его собственной руки или вообще тѣла всегда связывается съ моторно-осязательнымъ ощущеніемъ, то это ощущеніе уже по нѣкоторому внутренно-активному стимулу начинаетъ болѣе или менѣе отчетливо ассоціироваться съ каждымъ проходящимъ въ его сознаніи зрительнымъ образомъ. Эта „неразрывная ассоціація“ зрительныхъ образовъ съ осязательными и моторными ощущеніями и составляетъ сущность того, что называется въ обыденной рѣчи вещами или предметами и что ребенокъ вскорѣ начинаетъ научаться называть, въ зависимости отъ индивидуальныхъ качествъ и связей, опредѣленными словами столъ, стулъ и т. п. Важнымъ факторомъ при образованіи представленія вещей, кромѣ неразрывности зрительныхъ ассоціацій съ моторными и осязательными, является также отношеніе этой ассоціаціи къ эмоціональной и волевой дѣятельности ребенка. Въ сферѣ этихъ образовъ сознаніе ребенка обусловлено чѣмъ-то внѣшнимъ наиболѣе рѣзко и отчетливо. Онъ очень скоро начинаетъ сознавать, что всѣ перемѣны во взаимоотношеніи этихъ ассоціацій другъ къ другу очень мало согласуются съ его жела-

ніями, выраженными въ тѣхъ или иныхъ представленіяхъ, что если онъ и можетъ какъ-либо достигнуть осуществленія того представленія, къ которому его влечетъ желаніе, то только извѣстнымъ способомъ, дѣйствуя такъ, а не иначе, и сообразуясь съ какою-то ему внѣшнею законностью. Такъ, онъ замѣчаетъ, что для того, чтобы осуществить возникшее въ немъ представленіе осязанія и обхвата явившагося въ его полѣ зрѣнія образа, ему необходимо сдѣлать нѣсколько движеній ногами, послѣ которыхъ этотъ зрительный образъ какъ бы выростетъ на его глазахъ и онъ получитъ при протягиваніи рукъ желаемое ощущеніе прикосновенія. Наибольшею стойкостью и независимостью отъ воли и желаній ребенка отличаются какъ разъ тѣ неразрывныя зрительно-моторно-осязательныя представленія, которыя образуютъ сущность, такъ называемыхъ, матеріальныхъ неодушевленныхъ вещей. Находящіеся въ комнатѣ предметы точно такъ же, какъ и видимая, и ощущаемая имъ всегда почва, по которой онъ ступаетъ и т. п.,—все это представляется для него въ общемъ и цѣломъ чѣмъ-то неизмѣннымъ, чуждымъ и постороннимъ его внутреннему міру чувствъ, воспоминаній, желаній и вообще непространственныхъ состояній. Среди этихъ неразрывныхъ ассоціацій вещественныхъ предметовъ онъ замѣчаетъ лишь одну, связанную съ внутреннимъ міромъ наиболѣе близко и непосредственно; эта неразрывная ассоціація есть представленіе его собственнаго тѣла; всѣ остальныя тѣла и предметы могутъ находиться отъ него на какихъ угодно разстояніяхъ, къ нему приближаться и отдаляться, представленіе же его тѣла оказывается всегда самымъ близкимъ ему предметомъ никогда отъ него не отдѣляющимся. Кромѣ того, неоднократно подмѣчаемое ребенкомъ совпаденіе совершающихся съ его тѣломъ перемѣнъ, доступныхъ его внѣшнему зрительному воспріятію, съ перемѣнами внутренними дѣлаютъ этотъ только отчасти имъ видимый тѣлесный образъ чѣмъ-то неразрывнымъ и объединеннымъ во-едино съ внутреннимъ міромъ измѣнчивыхъ и текучихъ чувствъ, желаній и представленій.

Такимъ образомъ, все содержаніе сознанія ребенка мало-по-малу какъ бы раскалывается на два обособленные и хотя постоянно сталкивающіеся, но другъ другу чуждые міра. Одинъ міръ, обозначаемый ребенкомъ словомъ „я“ *), содержитъ всѣ состоянія чувствъ и желаній, неопредѣленныхъ органическихъ ощущеній, а также всѣ воспоминанія и представленія, понимаемыя ребенкомъ, какъ коніи или изображенія какихъ-либо пере-

*) По поводу затронутаго нами вопроса существуетъ два противоположныхъ мнѣнія: одни думаютъ, что для сознанія «я» необходимо прежде познаніе «не я», другіе же, наоборотъ, считаютъ «я» предшествующимъ «не я». Мы съ своей стороны полагаемъ, что ничего другъ другу не предшествуетъ, ни міръ «я», ни міръ «не я». Эти два полюса обозначаются вмѣстѣ и развиваются и разграничиваются въ своемъ содержаніи одновременно, опредѣляя другъ друга путемъ исключенія.

живаній, бывшихъ въ прошедшемъ или возможныхъ въ будущемъ. Міръ „не я“ представляется въ видѣ разрозненныхъ, другъ другу чуждыхъ, отдѣльныхъ косныхъ вещей и подвижныхъ тѣлъ, являющихся по отношенію къ „я“ то враждебными и причиняющими непріятное, то причиняющими удовольствіе и потому желаемыми. Обращая вниманіе на чувственно-качественное содержаніе этихъ стойкихъ и понятыхъ имъ отдѣльными отъ своего сознанія ассоціацій ребенокъ замѣчаетъ, что одни изъ элементовъ, входящихъ въ содержаніе каждой данной ассоціаціи являются постоянными и прочными, другіе же смѣняющимися. Кромѣ того, ребенку часто приходится ради разныхъ практическихъ надобностей обращать особое вниманіе на отдѣльные элементы, входящіе въ ассоціаціи (напр., цвѣтъ, тяжесть, звучность и т. п.), или какой-нибудь родъ отношеній этихъ элементовъ другъ къ другу, напр., величину. Всѣ такіе элементы, выдѣляемые изъ ассоціацій особымъ актомъ вниманія, понимаются ребенкомъ все-таки связанными съ тѣмъ цѣлымъ, къ которому они относятся, причемъ цѣлое представляется какъ нѣчто прочное и самостоятельное, выдѣленное же свойство, какъ нѣкоторое зависимое и обыкновенно измѣнчивое качество, могущее при этомъ цѣломъ быть или не быть. Обыкновенно качества эти представляются пространственно-внѣшними (цвѣтъ, гладкость, шероховатость, теплота и т. п.) и противополагаются внутреннимъ болѣе существеннымъ и неизмѣннымъ. Эти принадлежащіе цѣлому отдѣльные элементы, хотя и представимы путемъ особыхъ актовъ вниманія въ отдѣльности, но все-таки обыкновенно связаны съ цѣлымъ. Они получаютъ потомъ названіе свойствъ и признаковъ вещей, въ дѣтствѣ же обозначаются въ своей сущности суффиксами и флексіями тѣхъ частей рѣчи, которыя служатъ для выраженія такого рода соотношеній. Такимъ образомъ, ребенокъ говоритъ: красный, теплый, мягкій, при чемъ съ корнемъ этихъ словъ связываетъ качественность тѣхъ данныхъ сознанія, которыя онъ хочетъ выразить, флексіями же ихъ выражаетъ ихъ отношеніе къ тому цѣлому, изъ котораго онъ ихъ выдѣлилъ.

Всѣ остальныя понятія этого рода: существо, сущность, субстанція и имъ коррелятивныя: качество, дѣйствіе акциденція совершенно того же происхожденія, какъ и только что нами разсмотрѣнныя. Они отличаются отъ разсмотрѣнныхъ лишь бо́льшею степенью обобщенія или же, наоборотъ, примѣнимостью къ болѣе спеціальнымъ и опредѣленнымъ видамъ ассоціацій элементовъ сознанія. Такъ, понятіе предмета служитъ обозначеніемъ всѣхъ неразрывныхъ ассоціацій зрительно-моторно-осязательныхъ, т.-е. обладающихъ признакомъ тѣлесности или матеріальности; понятіе же существа относится къ неразрывнымъ ассоціаціямъ, выражающимъ всѣ внутреннія состоянія сознанія, не подлежащія пространственному порядку, которыя мы понимаемъ своими или намъ внѣшними и составляю-

щими отъ насъ особыя существа. Соотвѣтственно съ этимъ элементы отвлеченные отъ предметовъ или вещей обозначаются терминами: признаки или свойства, элементы же представленій, понятыхъ какъ внутреннее содержаніе живыхъ существъ, обозначаются чаще всего терминомъ: качество. Подъ дѣйствіемъ разумѣется перемѣна, происходящая съ однимъ или нѣсколькими элементами одного предмета или существа и влекущая за собою перемѣну въ другихъ, связанныхъ съ первымъ, предметахъ или существахъ. Понятія субстанціи и акциденціи представляютъ уже спеціально философскія обобщенія, включающія въ себѣ всѣ вышеприведенныя понятія, при чемъ подъ субстанціей разумѣется неизмѣнное цѣлое по отношенію ко всему измѣняющемуся, входящему въ содержаніе этого цѣлаго и называемому акциденціями.

Переходя къ разсмотрѣнію общаго вопроса о томъ, что даетъ чистое сознаніе для установленія связей и соотношеній, составляющихъ содержаніе познанія, а также для общей систематизаціи частныхъ познаній въ единое органическое цѣлое, мы, прежде всего, должны отмѣтить то общее положеніе, что всѣ представленія и понятія, къ какимъ только способенъ умъ человѣческій, по своей структурѣ являются разнаго рода комбинаціями и системами когда-либо пережитыхъ элементовъ сознанія и ихъ простѣйшихъ соотношеній. Нельзя указать ни одного представленія или понятія, изъ области ли научныхъ или художественныхъ построеній, которое содержало бы въ себѣ элементы, впервые данные и никогда не пережитые въ чистомъ сознаніи, а также и въ своей структурности не разлагалось бы на простѣйшія данныя въ чистомъ сознаніи связи и соотношенія. Изъ этого, конечно, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ выводить, что акты познанія не имѣютъ въ себѣ ничего новаго по сравненію съ сознаніемъ, но лишь то, что это новое является намъ въ цѣломъ, а не въ составляющихъ его послѣднихъ элементахъ. Отношеніе познанія къ сознанію можно уподобить съ этой точки зрѣнія отношенію всѣхъ существующихъ химическихъ частицъ къ составляющимъ ихъ простымъ элементамъ. Какъ изъ небольшого количества элементовъ, путемъ комбинаціи и усложненія, получается необозримое количество химическихъ частицъ совершенно иныхъ по своей природѣ, чѣмъ составляющіе ихъ элементы, такъ точно изъ незначительнаго количества данныхъ сознанія получается безконечное множество научныхъ и художественныхъ построеній, не имѣющихъ на первый взглядъ ничего общаго съ тѣми простыми качествами и связями, которыя мы переживаемъ въ чистомъ сознаніи. Познаніе представляетъ такимъ образомъ, какъ бы собираніе и связываніе всего того, что въ сознаніи переживается разбросаннымъ и отдѣльнымъ. На первыхъ порахъ это связываніе въ значительной мѣрѣ обусловлено той переживаемой сознаніемъ и затѣмъ сохраняемой памятью послѣдова-

тельностью, съ которой одни элементы слѣдуютъ за другимъ а, также тѣмъ порядкомъ и соотношеніемъ, въ которыхъ множество элементовъ воспринимается одновременно. Такимъ путемъ образуются представленія и понятія, выражающія наиболѣе частыя и практически важныя ассоціаціи въ тѣхъ же точно связяхъ и соотношеніяхъ элементовъ, которыя даны были въ чистомъ сознаніи по частямъ. Эти простѣйшія и практически важнѣйшія построенія, къ которымъ относятся образы, такъ называемыхъ, матеріальныхъ предметовъ, представленія живыхъ существъ, простѣйшихъ и обычнѣйшихъ формъ отношеній между ними,—какъ разъ и составляютъ содержаніе той обыденной дѣйствительности, въ которой вращается вся жизнь дѣтей и даже жизнь большинства взрослыхъ людей. Но подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ причинъ задачи и содержаніе познанія расширяются и дѣятельность его переходитъ къ воспроизведенію такихъ системъ, которыя въ живомъ реальномъ сознаніи каждаго даннаго лица никогда не переживались, а являются уже въ значительной мѣрѣ творческими построеніями. Такимъ образомъ, появляются представленія и понятія, возникающія по преимуществу вслѣдствіе общенія съ себѣ подобными, о всемъ томъ, что никогда не было содержаніемъ собственнаго сознанія и что понимается или какъ возможныя для переживанія ассоціаціи или какъ бывшія въ дѣйствительности въ сознаніи другихъ. Значительное число всѣхъ представленій и понятій, входящихъ въ составъ наукъ, какъ разъ и состоитъ изъ такого рода построеній, которыя никогда не переживались въ каждомъ отдѣльномъ сознаніи именно въ тѣхъ связяхъ и соотношеніяхъ элементовъ, какія въ нихъ даны.

Дѣятельность сознанія не ограничивается сочетаніемъ и связываніемъ разрозненнаго въ чистомъ сознаніи, но имѣетъ въ себѣ также и обратный процессъ раздѣленія или анализа. Познаніе расчленяетъ не только свои же собственныя построенія, но даже и тѣ немногочисленныя и сравнительно простыя сочетанія, которыя даны въ чистомъ сознаніи. Такъ, напримѣръ, всѣ понятія, обозначающія физическія качества или свойства, представляютъ по своему содержанію, въ большинствѣ случаевъ, элементы, оторванные отъ разнаго рода ассоціацій, данныхъ намъ въ сознаніи цѣлыми и непорозненными. Тяжесть, цвѣтность, теплое, холодное и т. п. свойства вещей почти никогда не бываютъ доступны нашему сознанію въ отдѣльности, а всегда въ какихъ-либо ассоціаціяхъ другъ съ другомъ. Такія разсѣченія и расчлененія происходятъ, впрочемъ, обыкновенно ради какого-нибудь новаго синтеза, образуемаго по иному принципу и въ иныхъ цѣляхъ. Всѣ эти процессы происходятъ въ нашемъ мышленіи ежеминутно, скрещиваются, разъединяются и являются источникомъ всего безконечнаго разнообразія представленій и понятій.

Чистое сознаніе непрерывно въ своемъ теченіи. Каждый его эле-

ментъ имѣетъ около себя другіе смежные элементы, съ которыми онъ соединенъ живою связью, данною въ сознаніи или въ качествѣ смѣны, или какъ пространственная смежность. Эта цѣлостность и непрерывность нарушается дѣятельностью познанія, но нарушается не въ ущербъ вообще принципу цѣльности, а скорѣе въ пользу его. Хотя сознаніе и непрерывно въ томъ отношеніи, что каждый его элементъ имѣетъ живую связь съ ближайшими, но въ силу узости и ограниченности его по содержанію въ каждый данный моментъ, оно не можетъ охватывать свое подвижное содержаніе въ сколько-нибудь значительныхъ отдѣлахъ, хотя такіе отдѣлы и образуютъ иногда естественныя органически цѣльныя системы элементовъ. Все свое содержаніе чистое сознаніе пересматриваетъ какъ бы по кусочкамъ, состоящимъ изъ самаго ограниченнаго количества элементовъ. Къ переживанію болѣе или менѣе сложныхъ системъ сознаніе вообще неспособно. Эта послѣдняя задача и достигается познаніемъ, которое чрезъ посредство воспоминанія пользуется всѣмъ, что есть существеннаго въ содержаніи сознанія и образуетъ на почвѣ этого содержанія сначала общія системы наиболѣе обычныхъ и прочныхъ ассоціацій, а затѣмъ болѣе сложныя системы взаимо-зависимыхъ представленій и понятій, т.-е. науки, дающія весьма полезную возможность изъ разъ найденныхъ и установленныхъ законностей (т.-е. типовъ) соотношеній выводить и предусматривать нѣкоторые новые, не пережитые въ сознаніи частные случаи, подходящіе подъ эти законности. Содержаніе познанія, какъ опредѣленныхъ системъ элементовъ, далеко не исчерпывается тѣмъ, что пережито въ сознаніи каждаго отдѣльнаго существа, а напротивъ на высшихъ стадіяхъ развитія въ большей своей части строится изъ данныхъ сознанія, пережитыхъ въ тѣхъ или иныхъ сочетаній, множествомъ другихъ существъ, тѣмъ или инымъ способомъ сообщившихъ другъ другу о пережитомъ. Таковымъ нужно признать содержаніе всѣхъ вообще наукъ, основывающееся всегда на данныхъ сознанія всѣхъ людей, принимавшихъ участіе въ ихъ развитіи. Каждый не только что новичекъ, но даже и спеціалистъ ученый, можетъ найти въ содержаніи интересующей его науки лишь очень незначительное число положеній, которыя выражали бы лично имъ пережитый опытъ. Въ большей своей части содержаніе наукъ выражаетъ только нѣчто возможное для переживанія въ каждомъ данномъ сознаніи, а потому представимое только путемъ творческихъ актовъ мысли.

Всѣ построенія познавательной дѣятельности по отношенію къ возможности осуществленія входящаго въ нихъ содержанія въ яркой жизни чистаго сознанія можно раздѣлить на двѣ категоріи. Въ однихъ имѣется въ виду выразить какія-либо состоянія дѣйствительно пережитыя единичнымъ сознаніемъ или сознаніемъ множества существъ, а также возможныя для такого переживанія, въ другихъ же вовсе не имѣется въ виду

выражать что-либо пережитое или вообще возможное для переживанія, а лишь дать объясненіе, т.-е. связать или подвести подъ какой-нибудь общій принципъ то, что переживается чистымъ сознаніемъ. Къ первой категоріи можно отнести, напр., исторію и вообще науки объ обществѣ. Тутъ мы имѣемъ понятія, выражающія состоянія переживавшіяся или могущія быть переживаемыми множествомъ сознаній въ разныя періоды времени при разныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ. Въ естественныхъ наукахъ мы встрѣчаемся зачастую съ построеніями другого рода. Такъ, напримѣръ, физика и химія пользуется для объясненія нѣкоторыхъ явленій, происходящихъ въ сознаніи людей, теоріей мельчайшихъ матеріальныхъ частицъ и атомовъ, входящихъ другъ съ другомъ въ механическія и химическія взаимодѣйствія. Конечно, тѣ элементы, которые входятъ въ понятіе частицы и атома, не могутъ быть даны въ яркомъ переживаніи никакому человѣческому сознанію въ силу грубости этого сознанія и неспособности къ созерцанію тѣхъ мельчайшихъ количественныхъ и качественныхъ данныхъ, которыя должны были бы соотвѣтствовать этимъ понятіямъ. И даже если бы мы захотѣли воспроизвести эти понятія въ творческомъ актѣ представленія, то и тогда наше представленіе оказалось бы слишкомъ грубымъ и приблизительнымъ сравнительно съ тѣми величинами, которыя мыслятся въ данныхъ понятіяхъ. Но и такого рода построенія нельзя разсматривать, какъ нѣчто вполнѣ чуждое и оторванное отъ сознанія, такъ какъ мы не имѣемъ никакого основанія думать, что наше человѣческое сознаніе есть высшая и совершеннѣйшая, какъ по обширности, такъ и по утонченности форма сознательной жизни вообще и что всѣ эти построенія не могутъ быть доступны для сознанія другихъ существъ или даже для нашего сознанія на послѣдующихъ высшихъ стадіяхъ его развитія. Они не являются вполнѣ чуждыми для нашего человѣческаго сознанія также и потому, что служатъ для выработки тѣхъ правилъ и принциповъ, которыми мы руководимся при произвольныхъ перемѣнахъ нашихъ ощущеній, чувствъ и настроеній, т.-е., другими словами, вліяютъ хотя бы и косвенно на жизнь чистаго сознанія. Такъ, напр., теоретическая физика и химія обусловливаютъ своимъ содержаніемъ всю технику, которая, въ свою очередь, опредѣляетъ жизнь сознанія въ его простѣйшихъ чувственныхъ проявленіяхъ.

Какъ мы уже говорили, подъ сознаніемъ мы разумѣемъ не только тѣ состоянія, которыя въ младенческомъ возрастѣ или у низшихъ животныхъ испытываются безъ всякаго активнаго соотношенія и сопоставленія ихъ другъ съ другомъ, но также и все переживаемое взрослыми людьми, поскольку это переживаемое можетъ быть разсматриваемо, какъ нѣчто совершенно самостоятельное и хотя бы на время не связанное познавательною дѣятельностью въ системы представленій или понятій.

Каждый человѣкъ находится подъ вліяніемъ разныхъ, для него внѣшнихъ, воздѣйствій, а также разныхъ происходящихъ въ его тѣлѣ процессовъ; это вліяніе обнаруживается въ его сознаніи появленіемъ тѣхъ или иныхъ ощущеній, эмоцій, аффектовъ и т. п., которыя въ моментъ ихъ возникновенія протекаютъ въ сознаніи съ извѣстною необходимостью и обязательностью и совершенно независимо отъ того, войдутъ ли они затѣмъ какъ элементы въ акты познавательной дѣятельности, или нѣтъ. Но вообще раздѣленіе сознанія отъ познавательной дѣятельности можно провести только въ мысли. Въ дѣйствительности же, разъ мы получили способность познавать, т.-е. связывать элементы сознанія въ системы представленій и понятій, мы почти не прекращаемъ нашей познавательной дѣятельности и она является для насъ столь же непрерывной, какъ и сознаніе. Каждое новое состояніе, появляясь въ нашемъ сознаніи, становится тотчасъ или нѣсколько времени спустя членомъ какой-нибудь познавательной системы: представленія или понятія. Созерцая яркіе образы, мы не можемъ не представлять ихъ матеріальными вещами, т.-е. не прибавлять мысленно къ нашимъ зрительнымъ ощущеніямъ цвѣтовыхъ поверхностей, представленій, осязательности и сопротивляемости. Видя человѣческую фигуру мы не можемъ не примышлять съ большею или меньшею отчетливостью къ этому зрительному впечатлѣнію какую-нибудь, хотя бы самую неопредѣленную, концепцію одухотворенности, т.-е. представленій какихъ-то отдѣльныхъ отъ насъ чувствъ, хотѣній и дѣйствій. Такимъ образомъ, на высшихъ ступеняхъ развитія человѣческой природы жизнь сознанія связывается въ одно неразрывное цѣлое съ дѣятельностью сознанія. Только на почвѣ такого осмысливанія переживаемыхъ нами состояній сознанія могутъ возникнуть тѣ высшія формы чувствъ и настроеній, которыя составляютъ такую существенную часть жизни взрослаго человѣка. Радость, грусть, восторгъ, чувства любви, гнѣва, состраданія и т. п.—все это возможно только при условіи появленія въ насъ тѣхъ или иныхъ представленій и понятій, возникающихъ по поводу переживаемыхъ нами въ данную минуту состояній чистаго сознанія и связующихъ эти состоянія съ нашимъ прошедшимъ и будущимъ. Эмоціональная жизнь ребенка поэтому чрезвычайно бѣдна по сравненію съ жизнью взрослыхъ. Младенецъ не испытываетъ, собственно говоря, никакихъ чувствъ кромѣ низшихъ органическихъ, какъ-то чувства боли, пріятнаго или непріятнаго, голода, сытости и т. п. и именно потому, что всѣ высшія чувства обусловлены въ своемъ появленіи яснымъ объектированіемъ нашихъ ощущеній, приведеніемъ ихъ въ возможную связь другъ съ другомъ и съ разнаго рода представленіями и понятіями, къ чему ребенокъ еще совершенно неспособенъ.

Чѣмъ болѣе мы связываемъ и сопоставляемъ другъ съ другомъ все

пережитое и чѣмъ болѣе обнаруживается для насъ зависимость и связь всѣхъ пережитыхъ нами состояній сознанія между собою и между тѣми, которыя мы считаемъ возможными въ будущемъ, тѣмъ отчетливѣе и постояннѣе обрисовывается въ насъ то, что обозначается обыкновенно словами сознаніе личности и что мы, по нашей терминологіи, должны назвать уже познаніемъ себя, какъ личности. Мы познаемъ себя, какъ личность, хотя это познаніе и обусловлено живой и яркой связью всѣхъ нашихъ состояній между собою, данной намъ въ чистомъ сознаніи по частямъ. Въ сознаніи все содержаніе нашей личности проходитъ передъ нами во временной послѣдовательности, какъ бы въ видѣ непрерывной цѣпи, изъ которой передъ нашими глазами находится всегда только одно, постоянно смѣняемое, звено; познаніе же даетъ намъ возможность оглянуть всю эту цѣпь разомъ, хотя и не въ той подробности и яркости, въ какой мы сознаемъ ея отдѣльности. Сознавая наше настоящее во всей его яркости и живости, мы вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно имѣемъ въ виду его связь съ цѣлымъ, теряющимся въ туманной дали прошедшаго и будущаго и тѣмъ придаемъ новый смыслъ и значеніе настоящему и нѣкоторую реальную цѣнность и живость мыслимому и представляемому прошедшему и будущему. Это цѣлое и есть наша личность, которая выясняется и опредѣляется намъ все больше и больше съ ростомъ и развитіемъ нашего познанія, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ случаевъ, когда оно у насъ впадаетъ въ какую-нибудь односторонность.

Посколько мы приводимъ нашу личность въ связь съ образовавшимися въ насъ представленіями и понятіями о сознаніяхъ намъ подобныхъ существъ, постолько мы начинаемъ себя понимать, какъ часть общественнаго цѣлаго. Наконецъ, понимая себя какъ взаимо-зависимое звено цѣлаго міра, т.-е. всѣхъ сущностей и существъ, а также связующаго ихъ единаго начала, называемаго Богомъ, мы приходимъ къ познанію себя опять-таки въ новомъ освѣщеніи, обусловливающемъ новыя формы жизненныхъ проявленій, входящія въ содержаніе религіознаго или философско-мистическаго культа.

ГЛАВА III.

Эмпиризмъ и апріоризмъ.

Въ предыдущемъ изложеніи мы разсматривали взаимоотношеніе сознанія и познанія съ чисто психологической точки зрѣнія, при чемъ пришли къ заключенію, что данныя чистаго сознанія предшествуютъ и обусловливаютъ познаніе, какъ въ его основныхъ понятіяхъ, такъ и вообще, какъ связное цѣлое. Но съ этой точки зрѣнія вопросъ объ апріорности познанія не охватывается и не исчерпывается во всемъ его объемѣ. Понятіе апріорности, какъ у самого основателя критицизма, такъ и въ особенности у его позднѣйшихъ продолжателей имѣетъ не столько эмпирическое значеніе временно-предшествующаго и причинно-обусловливающаго, сколько чисто раціональный смыслъ логически предшествующаго. Дѣятельность разсудка понимается при этомъ апріорною по отношенію къ тѣмъ созерцаніямъ опыта, въ которыхъ она обнаруживается, въ томъ смыслѣ, въ какомъ апріорнымъ является законъ тяготѣнія для движенія луны или законы геометріи по отношенію къ общимъ законамъ динамики, а эти послѣдніе къ изучаемымъ въ физикѣ молекулярнымъ движеніямъ. Хотя здѣсь апріорное психологически открывается намъ, зачастую, позже и лишь по поводу апостеріорнаго, напримѣръ, общіе законы тяготѣнія обнаруживаются вслѣдствіе наблюденія тѣхъ явленій движенія, въ которыхъ законы эти осуществляются, — тѣмъ не менѣе этимъ нисколько не подрывается чисто раціональная или гносеологическая апріорность общаго закона по отношенію къ его частному выраженію. Такова же зависимость между апріорными принципами разсудка и тѣмъ, что обыкновенно называется опытомъ и опытнымъ познаніемъ. Активно-формирующіе принципы такого познанія по понятію являются предшествующими самому опыту и эволюціонно развертывающимся изъ него, по законамъ индукціи, основоположеніямъ. Въ этихъ послѣднихъ апріорный разсудокъ лишь субъективно раскрывается и обнаруживается самъ для себя, тогда какъ по понятію его нужно мыслить предшествующимъ и дѣлающимъ возмож-

нымъ самый фактъ опытнаго познанія. Задача критики разума состояла вовсе не въ томъ, чтобы опредѣлить, какъ происходятъ синтетическія сужденія a priori, но какъ они возможны. При рѣшеніи же этого вопроса во всей его гносеологической чистотѣ и общности не только нѣтъ никакой надобности въ психологическомъ изслѣдованіи развитія основныхъ понятій, но всякая психологическая обосновка противорѣчила бы общности вопроса. Гносеологическая задача относится лишь къ общимъ и объективно необходимымъ принципамъ всяческаго опыта. Психологическое же изслѣдованіе естественнымъ образомъ имѣетъ дѣло также и съ частными, субъективно необходимыми, принципами, какъ, напр., понятіе цѣли, вовсе не входящее въ составъ объективнаго познанія *).

Съ такой точки зрѣнія признаніе апріорности основныхъ принциповъ познанія вовсе не противорѣчитъ теоріи эмпирическаго происхожденія ихъ изъ простѣйшихъ данныхъ опыта. Эмпирическія данныя созерцанія являются исходными пунктами психологическаго развитія соотвѣтствующихъ имъ общихъ понятій, гносеологически же понятія эти имманентны уже самымъ простѣйшимъ созерцаніямъ и обусловливаютъ самую ихъ возможность. Въ этомъ воззрѣніи эмпиризмъ и критицизмъ подаютъ другъ другу руки и соединяются противъ общаго ихъ врага—теоріи врожденности идей или нативизма.

Мы готовы согласиться съ тѣмъ, что это понятіе апріорности дѣйствительно можетъ быть безъ всякаго противорѣчія приведено въ связь съ теоріей эволюціоннаго развитія познавательныхъ формъ изъ повторности чувственнаго опыта. И вообще мы считаемъ такое понятіе апріорности въ настоящее время единственно возможнымъ и единственно совмѣстимымъ со всѣмъ тѣмъ, что есть истиннаго и неоспоримаго въ теоріяхъ гносеологическаго ассоціаціанизма или эмпиризма, главнымъ представителемъ котораго въ новѣйшей философіи является Д. С. Милль. Но является вопросъ, на чемъ же можетъ быть обосновано такое понятіе апріорности. Вывести его изъ чисто раціональнаго изслѣдованія понятій опыта и познанія совершенно невозможно, такъ какъ въ этихъ понятіяхъ не содержится никакого указанія на предварительную данность чего бы-то ни было. Вообще понятіе опыта и познанія никакъ не могутъ служить исходнымъ пунктомъ гносеологическаго изслѣдованія, такъ какъ взятые сами по себѣ и безъ какихъ-либо скрытыхъ или явныхъ предпосылокъ они не только что не приводятъ къ понятію апріорности, но представляютъ въ сущности ничего не говорящіе и неопредѣленные термины. Они сами представляютъ гносеологическую проблему и уже ни-

*) Объ этомъ подробнѣе см. A. Riehl «Der Philosophische Kriticismus» т. I, стр. 296 и далѣе и т. II, стр. 10—14.

какъ не могутъ служить ключемъ для ея разрѣшенія. Для рѣшенія же проблемы познанія то или иное психологическое изслѣдованіе или хотя бы только психологическая точка зрѣнія на вопросъ являются безусловно необходимыми. Не обойтись тутъ даже и безъ нѣкоторыхъ метафизическихъ предпосылокъ. И чтобы ни говорилось защитниками апріоризма, какъ гносеологическаго понятія, вытекающаго будто бы изъ чисто раціональнаго разсмотрѣнія общихъ формъ опыта и познанія, независимо отъ теорій происхожденія, въ ихъ разсужденіяхъ и аргументаціяхъ всегда можно вскрыть тѣ или иныя молчаливо принятыя теоріи и предположенія психологическаго или метафизическаго характера. Не свободенъ отъ этого и самъ Кантъ, хотя, конечно, по общему своему духу изслѣдованіе его чуждо всякой эмпиріи и метафизики. Эмпирическую предпосылку видимъ мы у Канта въ томъ его утвержденіи, что строгая всеобщность и необходимость синтетическихъ сужденій *необъяснима* изъ опыта и *возможна только* при существованіи апріорныхъ формъ представленія и разсудка. Положеніе это никакъ нельзя вывести изъ одного только факта существованія такихъ сужденій и изъ того, что мыслится въ понятіи такого сужденія. Всеобщность и необходимость могутъ быть мыслимы осуществленными въ какой угодно познавательной формѣ, вовсе не заключая въ себѣ никакого намека на какое-либо предсуществованіе. Такимъ образомъ, утвержденіе *невозможности* тѣхъ свойствъ синтетическихъ сужденій, которыя называются всеобщностью и необходимостью, *иначе* какъ чрезъ посредство апріорныхъ принциповъ, должна имѣть какое-нибудь иное основаніе, кромѣ чисто раціональнаго. Такимъ основаніемъ только и можетъ быть признаніе этихъ свойствъ, психологически невыводимыми и необъяснимыми изъ опыта *). И эта теорія въ скрытомъ состояніи и заключалась у Канта въ томъ положеніи, которое было высказано имъ въ формѣ чисто раціональнаго и не допускающаго никакихъ сомнѣній постулата о невозможности опытнаго происхожденія всеобщности и необходимости синтетическихъ сужденій. Предполагая, что всеобщность и необходимость представляютъ исключительно логическія свойства сужденія и не находя такихъ свойствъ въ содержаніи соотвѣтствующаго такимъ сужденіямъ опыта, хотя бы по-

*) Вѣдь въ сущности утвержденіе невозможности и необъяснимости присутствія какого-нибудь А въ В, иначе какъ черезъ постулируемый и доказываемый принципъ С, вполнѣ равнозначуще утвержденію невозможности *происхожденія* или *происхожденія* этого А, иначе какъ черезъ С. Чистая статика взаимоотношеній безсильна дать какіе-нибудь выводы о важнѣйшихъ факторахъ этихъ взаимоотношеній и нуждается въ изслѣдованіи динамики данныхъ соотношеній, т.-е. въ той или иной теоріи *эволюціи*, что по отношенію къ нашему вопросу неизбѣжно приводитъ къ явному или скрытому *психологизму*. Вообще раздѣленіе обосновки даннаго вопроса на психологическую и гносеологическую кажется намъ въ сущности словеснымъ и представляющимъ лишь нѣкую хитроумную диверсію.

стоянно повторяющагося, Кантъ безповоротно призналъ ихъ отъ опыта независимыми и даже его предваряющими. При этомъ онъ совершенно не счелъ нужнымъ опровергнуть рѣшеніе, данное по этому вопросу Юмомъ, состоявшее въ признаніи этихъ логическихъ свойствъ по происхожденію своему совершенно *алогическими*, основанными на нѣкоторомъ произволѣ разума, возводящаго постоянное и весьма вѣроятное на степень всеобщаго и необходимаго. Чтобы утверждать, что Юмъ не замѣтилъ апріорности, которая будто бы имманентна тому самому опыту, изъ котораго онъ выводилъ свойство всеобщности, Канту слѣдовало предварительно какъ-либо обосновать идею апріорности, но онъ не далъ для нея никакой другой основы, кромѣ этого догматическаго постулата о метэмпирическомъ происхожденіи всеобщности. Замѣчаніе Канта, *) что хотя опытъ и говоритъ намъ, что что-либо существуетъ съ тѣми или другими свойствами, но онъ не говоритъ намъ, что это нѣчто не могло бы существовать иначе,—вовсе еще не приводитъ къ понятію апріорности. Безспорно, что всеобщія и необходимыя сужденія заключаютъ въ себѣ гораздо больше, чѣмъ соотвѣтствующій опытъ, но этотъ излишекъ является чисто количественнымъ, но не качественнымъ и не требуетъ для своего объясненія ничего, кромѣ психологическаго понятія привычки и той теоріи, которая приводитъ въ психологическую связь познавательные принципы съ процессами чистаго сознанія. Фактъ наслѣдственности, независимо отъ того или иного его философскаго истолкованія, служитъ вполнѣ достаточнымъ объясненіемъ всѣхъ тѣхъ случаевъ, когда всеобщій принципъ слагается въ умѣ индивидуума на сравнительно незначительномъ жизненномъ опытѣ. Эмпиричность познанія переносится при этомъ съ понятія индивидуума на родъ. Мы можемъ, конечно, назвать эту обобщающую и подчеркивающую способность разума его свойствомъ или даже принципомъ, но совершенно не въ томъ смыслѣ, въ какомъ это признается Кантомъ. Если тутъ и обнаруживается какой-нибудь законъ разума, то вовсе не автономный и самостоятельный, а наоборотъ вполнѣ зависимый и производный отъ чего-то внѣшняго самому разуму. Обобщенія разума опредѣляются повторностью и частотою опыта; возводя эту частоту въ общій принципъ, разумъ ставитъ лишь точку надъ і. Самая же частота, дающая возможность къ образованію такихъ принциповъ, создается не разумомъ и отъ него вообще совершенно не зависитъ. Если въ насъ создается понятіе причинности, какъ закономѣрной связи между явленіями, необходимо обусловливающей появленіе А послѣ В, то вовсе не потому, что это требуется нашимъ разумомъ, но лишь вслѣдствіе постояннаго и многократ-

*) Стр. 28 Критики Ч. Р.

наго переживанія такихъ однообразныхъ связей *). Разумъ лишь возводитъ постоянство пережитого опыта во всеобщій законъ. То, что логически выражается „иначе никогда не бывало“, онъ видоизмѣняетъ въ „иначе быть не можетъ“. И въ этомъ дѣйствіи разума мы никакъ не можемъ усматривать какой-нибудь, ему принадлежащій законъ или принципъ, но лишь преувеличеніе той вѣроятности, которая дана опытомъ въ прошедшемъ до степени безусловной достовѣрности всегда. Придти къ понятію апріорности можно было лишь, признавая такіе всеобщіе принципы психологически изъ опыта необъяснимыми. И это, по нашему мнѣнію, составляло настоящее основаніе понятія апріорности у Канта, хотя онъ психологической стороны вопроса, повидимому, вовсе и не касался. Впрочемъ, то, что Кантъ не могъ удовлетвориться теоріей Юма, которую онъ, однако, вообще очень высоко ставилъ, и ввелъ новый принципъ апріорности, хотя по существу и не противорѣчащій этой теоріи, но при ней совершенно излишній—представляется для насъ весьма естественнымъ слѣдствіемъ вліянія на Канта Лейбница, а именно его „Nouveaux essais“. Послѣ этой могучей апологіи самодѣятельныхъ и врожденныхъ принциповъ разума противъ попытокъ эмпиризма искать ихъ источникъ во внѣшнемъ чувственномъ опытѣ всякое опроверженіе эмпиризма могло казаться совершенно безполезнымъ и ненужнымъ. Та мысль, что необходимыя истины могутъ имѣть свое начало только въ разумѣ и не выводимы изъ чувственнаго опыта, съ полною силою развита была Лейбницемъ въ первой книгѣ этого труда.

Мысль эта, кромѣ своего психологическаго обоснованія, стояла въ связи съ метафизическими воззрѣніями Лейбница и находила также и въ нихъ свое оправданіе. Универсальныя и необходимыя истины разума, по Лейбницу, отъ вѣка потенціально присущи всѣмъ монадамъ. Ихъ соот-

*) Мы имѣемъ здѣсь въ виду естественно-научное понятіе причинности. То же что составляетъ по нашему мнѣнію специфическую черту понятія причины, отличающую причину отъ простой постоянной послѣдовательности, заключается не столько въ степени необходимости связи (которая въ концѣ концовъ, психологически опредѣляется постоянствомъ связей), сколько въ томъ, что выражается понятіемъ акта или творенія. Это понятіе, конечно, должно имѣть свой исходный пунктъ въ чистомъ сознаніи; такимъ пунктомъ является сознаніе усилія и напряженія, испытываемое при существованіи какого-либо желанія, при чемъ связь между этимъ усиліемъ и содержаніемъ исполняющагося и желаемаго и есть прототипъ всяческой причинной связи, переносимой потомъ изъ внутренняго міра сознанія въ міръ понимаемый, какъ внѣшній и чуждый. Особенность этой связи, по сравненію съ другими, заключается въ сознаніи какъ бы перехода или претворенія одного качества въ другое. Это сознаніе и входитъ какъ специфическая сущность въ понятіе причины и если не всегда въ немъ мыслится, какъ, наприм., въ физикѣ и вообще въ естественныхъ наукахъ, то вовсе не потому, чтобы оно было излишне для этого понятія, но лишь потому, что наиболѣе важнымъ въ содержаніи понятія причины. для практическихъ цѣлей и потому наиболѣе обращающимъ на себя вниманіе, является только свойство строгой всеобщности въ послѣдовательности опредѣленныхъ явленій другъ за другомъ.

вѣтствіе дѣйствительнымъ отношеніямъ вещей составляетъ лишь одно изъ проявленій обще-міровой предустановленной гармоніи. Кантъ, конечно, освободилъ лейбницевскую „прирожденность“ отъ всѣхъ примѣсей раціоналистическаго догматизма, но за то самъ впалъ въ критическій догматизмъ, прямо постулировавши метэмпиричнсть познанія въ формѣ понятія апріорности. Далѣе въ системѣ Канта понятіе это приняло совершенно своеобразное значеніе и стало не только что отличнымъ, но даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ противоположнымъ родственному ему по происхожденію и первоначальной обосновкѣ понятію „прирожденности“.

Если мы разсмотримъ понятіе апріорности, независимо отъ происхожденія, въ его законченномъ и соотвѣтствующемъ уже духу всей системы критицизма значеніи, то найдемъ въ немъ скрытыми нѣсколько иныя предпосылки метафизическаго характера. Какъ бы мы ни понимали и не истолковывали это понятіе, но самымъ существеннымъ остается въ немъ признаніе въ познающемъ субъектѣ нѣкоторыхъ самостоятельныхъ активныхъ началъ, *всецѣло* опредѣляющихъ все содержаніе познанія со стороны его формы. Форма эта выражается, конечно, не въ чемъ иномъ, какъ въ тѣхъ или иныхъ связяхъ и соотношеніяхъ, какъ первоначальныхъ чувственныхъ данныхъ сознанія, такъ и всѣхъ производныхъ и вторичныхъ элементовъ познанія. Только при такомъ пониманіи апріорности является возможнымъ центральное и важнѣйшее понятіе критицизма „вещи въ себѣ“ или „нумена“. Изъ того, что въ разсудкѣ существуютъ, не зависящіе ни отъ чего внѣшняго, закономѣрные принципы, сообразно которымъ конструируется все наше познаніе, слѣдуетъ, что познаніе это можетъ выражать лишь то, что составляетъ сущность этого самаго разсудка и его принциповъ. Все внѣшнее разсудку, если оно какъ-либо и можетъ попадать въ сферу его дѣйствій, напримѣръ, въ видѣ отраженія себя въ томъ, что называется чувственнымъ опытомъ, такъ сказать, теряетъ свою собственную природу и преобразуется, совершенно вопреки этой природѣ, въ форму, предписанную ему закономъ познающаго разсудка. Такимъ образомъ, изъ самостоятельности и автономности разсудка прямо вытекаетъ непознаваемость всего внѣшняго этому разсудку міра, который, въ противоположность своему феноменальному отраженію въ актахъ эмпирическаго познанія, получаетъ названіе міра „нуменовъ“ или „вещей въ себѣ“. Понятіе апріорности, какъ автономнаго закона разсудка, должно при этомъ имѣть не относительный только, но *абсолютный* смыслъ. Для критицизма недостаточно сказать, что разсудокъ лишь такъ или иначе вліяетъ на конструирующееся познаніе, но необходимо признать все это познаніе, вмѣстѣ со всѣмъ эмпирическимъ матеріаломъ вполнѣ и всецѣло обусловленнымъ апріорными принципами. Если же признать разсудокъ только до из-

вѣстной степени опредѣляющимъ процессы познанія и хотя бы отчасти руководящимся чѣмъ-либо привходящимъ къ нему извнѣ, то утвержденіе непознаваемости этого внѣшняго міра, каковъ онъ самъ по себѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ понятіе „вещи въ себѣ“ и „нумена“ сами собою падаютъ. Тогда мы можемъ считать наше познаніе въ извѣстной мѣрѣ воспроизводящимъ вещи въ себѣ и къ нимъ такъ или иначе относящимся. Такимъ образомъ, критическое понятіе апріорности предполагаетъ двѣ необходимыя предпосылки, во-1-хъ, внѣшній познающему субъекту міръ и, во-2-хъ, какъ бы какую-то непроницаемость нашего сознанія для этого міра и полную автономность разсудка на всѣхъ стадіяхъ и во всѣхъ процессахъ эмпирическаго познанія. Съ точки зрѣнія критицизма міръ вещей въ себѣ лишь настолько обнаруживаетъ свое вліяніе на наше сознаніе и познаніе, насколько необходимо это для признанія его существованія. Весь нашъ чувственный опытъ говоритъ намъ, съ точки зрѣнія критицизма, только то, что онъ не простая иллюзія и что есть нѣчто ему соотвѣтствующее и въ себѣ сущее. О природѣ же этого въ себѣ сущаго мы ничего не можемъ знать и самое наше понятіе о немъ имѣетъ чисто агностическій характеръ. Здѣсь мы находимъ второй догматическій опорный пунктъ критицизма. Разсматривая фактъ эмпирическаго созерцанія и послѣдующихъ познавательныхъ процессовъ, какъ нѣкоторое производное отъ двухъ факторовъ—разсудка и чуждой ему „вещи въ себѣ“, критицизмъ совершенно произвольно и бездоказательно сводитъ дѣйствіе одного фактора—ноуменальнаго міра—къ нулю и относитъ все содержаніе опыта на долю познающаго субъекта. При этомъ все, что относится къ формѣ или структурности, понимается какъ выраженіе апріорныхъ принциповъ представляющей и разсудочной дѣятельности, качества же относятся къ области субъективной чувственности, не имѣющей достаточныхъ правъ на признаніе ее въ какомъ-либо смыслѣ апріорнымъ началомъ.

Насколько безспорною и необходимою является первая предпосылка *)

*) Мы говоримъ о необходимости и безспорности этихъ двухъ принциповъ, понимая ихъ въ самой общей формѣ. Солипсизмъ, т.-е. отрицаніе какой бы то ни было внѣшней сознанію реальности, встрѣчается въ философіи лишь въ видѣ методологическаго пріема; законченный же и систематически проведенный солипсизмъ является совершенно невѣроятной для самихъ его изобрѣтателей гипотезой. Съ другой стороны, еще менѣе возможно отрицаніе своего собственнаго сознанія и познанія. Такимъ образомъ, эти два полюса «я» и «не-я», въ той или иной формѣ, предполагаются всякимъ философскимъ изслѣдованіемъ, и въ настоящее время признаніе ихъ можно принять, какъ основной гносеологическій постулатъ. Не чуждъ этого былъ и Беркли, хотя и не считавшій міръ тѣлесныхъ образовъ соотвѣтствующимъ какой-нибудь реальности, но все-таки признававшій факторомъ этого феноменальнаго міра—Бога, т.-е. внѣшнее для субъекта бытіе. И съ этой точки зрѣнія напрасно Кантъ такъ рѣшительно отрекается отъ всякаго сопоставленія его идеализма съ идеализмомъ Беркли. Если бы Кантъ воздержался отъ неправильнаго примѣненія къ понятію «вещи въ себѣ» категоріи множественности, то вмѣсто его

критицизма, состоящая въ признаніи міра „вещей въ себѣ“ и познающаго субъекта (разсудка, разума), настолько произвольною представляется намъ вторая, въ которой выражено взаимоотношеніе этихъ двухъ самостоятельныхъ началъ въ опытѣ и познаніи. Ту мысль, что опытъ и познаніе всецѣло обусловлены въ своемъ содержаніи лишь однимъ изъ этихъ двухъ факторовъ, Кантъ нигдѣ не обосновываетъ. Это является у него какъ бы само собою очевиднымъ и включено уже въ самомъ понятіи априорныхъ принциповъ. Но даже и предполагая доказанною априорность, какъ нѣчто вполнѣ независимое отъ сущности внѣшнихъ вещей, лежащее въ способностяхъ или свойствахъ разума, мы вовсе не видимъ необходимости понимать содержаніе опыта всецѣло и абсолютно ею обусловленнымъ. Напротивъ того, мы считаемъ неоспоримымъ то положеніе, что внѣшній міръ „вещей въ себѣ“ дѣйствуетъ на наше сознаніе, а черезъ него и на все познаніе и въ той или иной мѣрѣ также обусловливаетъ его содержаніе. Эта истина составляетъ существеннѣйшій основной принципъ всего эмпиризма и является его прочной и неопровержимой исторической заслугой. Правда, эмпиризмъ преувеличилъ эту истину и низвелъ первоначальное сознаніе до понятія „tabula rasa“, и въ этомъ своемъ преувеличеніи онъ былъ побѣдоносно опровергнутъ Лейбницемъ, давшимъ въ понятіи „petites perceptions“ психологическую и обще-философскую обосновку самотворческихъ началъ человѣческаго духа *).

Вліяніе внѣшняго міра на наше сознаніе обнаруживается какъ въ качественности, такъ и въ структурности его содержанія. Тотъ простой фактъ, что мы, глядя на поверхность зеленаго луга, никакъ не можемъ видѣть ее красною или голубою, хотя и способны къ сознанію этихъ цвѣтовъ, указываетъ на то, что это состояніе сознанія опредѣлено въ своемъ качествѣ, кромѣ природы самого сознанія, еще и чѣмъ-то ему совершенно внѣшнимъ и отъ него независимымъ. Съ другой стороны, если находящаяся въ нашемъ сознаніи множественность тѣхъ или иныхъ образовъ, наприм., видъ нѣсколькихъ деревьевъ, а также то или иное разстояніе

«вещей въ себѣ», спасающихъ его своимъ соотвѣтствіемъ множественности опыта отъ иллюзіонизма, онъ могъ бы противопоставить разуму лишь невѣдомое бытіе вообще, которое не болѣе отличало бы его воззрѣнія отъ иллюзіонизма, чѣмъ понятіе Бога у Беркли.

*) Понятіе «tabula rasa» опровергается, кромѣ того, вообще всѣмъ міровоззрѣніемъ Лейбница, въ которомъ всяческое бытіе признается безначальнымъ съ точки зрѣнія времени, а потому и не могущимъ имѣть исходною точкою что-либо вполнѣ безразличное и безкачественное, т.-е. небытіе. Оно противорѣчитъ также и его принципу «identitatis indiscernibilium», такъ какъ если бы души были подобны «tabula rasa», то онѣ были бы по отношенію другъ къ другу и неразличимы и вмѣстѣ съ тѣмъ не тожественны, что противорѣчитъ указанному принципу. Самый же этотъ принципъ, помимо чисто раціональнаго выведенія его у Лейбница, имѣетъ за себя также и эмпирическое основаніе во всей совокупности нашего опыта, въ которомъ намъ дано всегда лишь приблизительно одинаковое, но никогда не абсолютно тожественное.

между ними—не могутъ быть по нашему произволу измѣнены, напримѣръ, сдѣлаться однимъ деревомъ, приблизиться или отодвинуться другъ отъ друга, то несомнѣнно, что также и тѣ связи и соотношенія, чувственныхъ качествъ, которыя даны въ данный моментъ въ нашемъ сознаніи, обусловлены чѣмъ-то находящимся внѣ нашего сознанія. Эти и подобные простѣйшіе факты въ жизни нашего сознанія, относящіеся главнымъ образомъ, къ области высшихъ ощущеній и ихъ элементарныхъ соотношеній, съ несомнѣнностью указываютъ на то, что мы ежемгновенно подвергаемся вліяніямъ внѣшняго міра, т.-е. переживаемъ нѣчто такое, что вытекаетъ не изъ однихъ только свойствъ сознанія, какъ нѣкоторой апріорной данности, но также и изъ природы и свойствъ внѣшняго и независимаго отъ сознанія міра вещей въ себѣ. Критицизмъ со своими апріорными формами и понятіями совершенно не хочетъ считаться съ этими ежемгновенными заявленіями внѣшняго міра о своемъ существованіи и о происходящихъ въ немъ перемѣнахъ качествъ и отношеній,—и въ сущности непростительно ихъ игнорируетъ. Если мы примемъ утвержденіе критицизма, что пространство и время представляютъ апріорныя формы, и сопоставимъ его съ этою несомнѣнною внѣшнею обусловленностью нашего сознанія въ созерцаніи каждаго даннаго образа въ томъ, а не иномъ пространственномъ соотношеніи и въ той, а не иной, временной послѣдовательности, то мы должны будемъ придти къ тому странному выводу, что *общія формы* этихъ двухъ порядковъ лежатъ *въ сознаніи* и имъ опредѣляются, всѣ же *частные случаи* пространственно-временныхъ соотношеній *опредѣляются внѣшнимъ міромъ* вещей въ себѣ. Въ этомъ необходимомъ выводѣ кроется непримиримое противорѣчіе. Въ самомъ дѣлѣ вѣдь пространство и время, какъ общія формы, не представляютъ изъ себя чего-нибудь особаго и отличнаго отъ частныхъ случаевъ гѣхъ или иныхъ пространственныхъ и временныхъ соотношеній. Пространственный и временной порядокъ, понимаемый въ своей сверхчувственной общности, представляетъ лишь возможность тѣхъ или иныхъ конкретныхъ индивидуальныхъ соотношеній этихъ двухъ опредѣленныхъ типовъ. То, что можно обозначить выраженіемъ „вообще рядомъ“, „вообще сверху“, „вообще прежде“ или „послѣ“ не есть что-либо по существу различное отъ того, что сознается и обозначается какъ „А и В, находятся рядомъ или поверхъ одно другого“, а также „А прежде или послѣ В“. Словомъ, общія формы этихъ порядковъ различаются отъ ихъ частныхъ случаевъ лишь отсутствіемъ безразличной для природы этихъ отношеній качественности. Сущность же пространственныхъ и временныхъ соотношеній совершенно одинакова, разсматриваемъ ли мы ихъ, какъ общія формы, или въ опредѣленныхъ конкретныхъ случаяхъ. Если мы обусловлены въ созерцаніи той или иной конкретной кривизны или многоугольности внѣшнимъ мі-

рамъ вещей въ себѣ, то можетъ ли быть, чтобы вообще кривизна или многоугольность, какъ общіе типы, были обусловлены исключительно лежащими въ сознаніи апріорными формами. Сущность этихъ двухъ родовъ пространственныхъ соотношеній одинакова какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, а потому мы никакъ не можемъ имъ приписывать по существу различное происхожденіе, въ одномъ случаѣ внѣшнее, въ другомъ— внутреннее. Но намъ могутъ возразить, что въ пространственныхъ созерцаніяхъ мы можемъ быть обусловлены извнѣ лишь въ соотношеніяхъ тѣхъ или иныхъ качествъ, наприм., въ томъ, что именно красное находится сверху синяго или обладаетъ кривымъ контуромъ, а не наоборотъ, самыя же пространственныя соотношенія, какъ таковыя, относятся къ апріорнымъ формамъ, въ которыя эти качества вкладываются, какъ въ готовыя рамки. Но такое предположеніе было бы совершенно неосновательнымъ по той простой причинѣ, что мы сознаемъ себя обусловленными не только въ качественности, но также и въ соотношеніяхъ состояній нашего сознанія. Качества и отношенія съ этой точки зрѣнія являются въ сознаніи совершенно равноправными. Разъ мы, обладая способностью созерцанія самыхъ разнообразныхъ пространственныхъ соотношеній, въ дѣйствительности испытываемъ каждый данный моментъ лишь опредѣленныя изъ этихъ для насъ потенціально возможныхъ соотношеній, при чемъ выборъ того или иного случая зависитъ не отъ сознанія и представляется для него чѣмъ-то извнѣ навязчивымъ, иногда даже неожиданнымъ, то, несомнѣнно, что въ этомъ осуществленіи именно того, а не иного случая, мы обусловлены внѣшнимъ сознанію и отъ него независимымъ міромъ вещей *).

Такимъ образомъ, если признавать пространство и время апріорными формами, лежащими въ сущности сознанія совершенно независимо отъ внѣшняго міра, то приходится допустить какое-то необъяснимое и чудодѣйственное совпаденіе и соотвѣтствіе этихъ формъ съ тѣми конкретными случаями пространственно-временныхъ соотношеній, въ которыхъ мы уже несомнѣнно обусловлены извнѣ. Къ этому воззрѣнію, напоминающему нѣсколько предустановленную гармонію Лейбница, необходимо приходится придти, если мы захотимъ сохранить во что бы то ни стало понятіе апріорности и вмѣстѣ съ тѣмъ не будемъ закрывать глаза на тѣ свидѣтельства внѣшняго міра о своемъ существованіи, которыя постоянно обнаруживаются въ закономѣрности соотношеній состояній сознанія. Во всякомъ случаѣ, при убѣжденіи въ обусловленности извнѣ нашихъ про-

*) Гносеологія не можетъ пренебрегать психологическимъ фактомъ сознанія обусловленности. Конечно, его одного недостаточно для какого-бы то ни было сужденія о *природѣ* внѣшняго міра, но вполнѣ достаточно для признанія *существованія* этого внѣшняго міра и его *вліянія* на наше сознаніе.

стѣйшихъ созерцаній пространственно-временнаго порядка, понятіе апріорности въ смыслѣ критицизма становится совершенно излишнимъ. Мы, конечно, должны признать вліяніе нашего сознанія, какъ нѣкоторой, предшествующей тѣмъ или инымъ воздѣйствіямъ извнѣ, данности, на всѣ появляющіяся въ немъ созерцанія, но это вліяніе мы никакъ не можемъ понимать столь безусловнымъ, чтобы всѣ отразившіяся въ сознаніи черты и свойства внѣшняго міра были бы совершенно искажены и затушеваны. А если мы сможемъ найти въ сознаніи хоть что-нибудь, говорящее намъ о внѣшнемъ ему мірѣ, то этимъ самымъ мы уже открываемъ путь къ познанію этого міра. Самые незначительные показатели или намеки на скрытую отъ насъ сущность вещей, при помощи правильныхъ методовъ и хорошо обоснованныхъ общихъ принциповъ, могутъ привести къ открытію болѣе или менѣе полной истины. Астрономія строитъ свои многочисленныя, и весьма сложныя по содержанію, космологическія понятія на основаніи тѣхъ скудныхъ данныхъ, которыя даетъ свѣтовой лучъ; правда, она пользуется при этомъ всѣмъ разнообразнымъ опытомъ, доступнымъ на поверхности нашей планеты. Точно такъ-же мы можемъ разсчитывать построить правильныя понятія о внѣшнемъ намъ мірѣ, найдя въ нашемъ сознаніи тѣ или иные намеки на существующія внѣ насъ формы бытія и сообразуясь при этомъ съ найденными нами общими формами и законами нашего собственнаго сознанія. Правильность нашихъ построеній, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, можетъ быть провѣрена возможностью вѣрно предугадывать событія, хотя, конечно, нужно всегда имѣть въ виду, что этотъ способъ провѣрки лишь тогда можетъ быть признанъ надежнымъ, когда наши воззрѣнія свободны отъ явныхъ ошибокъ и противорѣчій и, будучи завѣдомо правильными съ обще-логической точки зрѣнія, нуждаются лишь въ оправданіи ихъ соотвѣтствія внѣшней дѣйствительности.

Вопросъ о томъ, что въ нашемъ сознаніи можно признать указаніемъ на свойства внѣшней ему дѣйствительности и что слѣдуетъ отнести къ природѣ самого сознанія, долженъ быть рѣшенъ, главнымъ образомъ, на психологической почвѣ. Съ наибольшимъ довѣріемъ должны мы отнестись къ тѣмъ даннымъ сознанія, которыя представляютъ его первоначальныя и простѣйшія проявленія. Здѣсь мы не можемъ предполагать какихъ-либо существенныхъ и значительныхъ видоизмѣненій со стороны разсудка испытываемыхъ нами извнѣ внѣшнихъ вліяній. Но и далѣе, сопоставляя первоначальныя стадіи сознательной жизни съ общимъ развитіемъ человѣческой души нельзя не придти къ заключенію, что сущность творческой дѣятельности разсудка состоитъ не въ какомъ-либо измѣненіи этихъ первоначальныхъ, пассивно воспринятыхъ, данныхъ, но лишь въ сохраненіи пережитого, его сопоставленіи, сравненіи и въ созданіи общихъ

схемъ для его систематизаціи и репродукціи. Словомъ, дѣятельность эта является по отношенію къ первоначальнымъ даннымъ сознанія конструктивною, но не преломляющею и какъ-либо искажающею. Поэтому, важнѣйшимъ источникомъ нашего познанія о внѣшнемъ мірѣ должны быть тѣ простѣйшія связи и соотношенія, которыя даны уже въ первоначальномъ чистомъ сознаніи и которыя даже въ позднѣйшихъ познавательныхъ процессахъ необходимо входятъ въ составъ познавательныхъ системъ. Такими всеобщими элементарными данными являются, напримѣръ, сознаніе множественности, перемѣны, одинаковости, повторности. То, что составляетъ своеобразную сущность этихъ данныхъ сознанія, является чѣмъ-то абсолютно общимъ и безразличнымъ по отношенію къ тому частному качественному содержанію, въ которомъ они осуществляются въ сознаніи. Все, что только можетъ быть предметомъ мысли, можетъ быть представлено или понято какъ множественное, одинаковое, измѣнчивое и повторяющееся. Считать же эти опредѣленія совершенно неприложимыми къ внѣшнему міру это значитъ утверждать въ понятіи внѣшняго міра нѣчто сверхмыслимое или вѣрнѣе немыслимое. Самая мысль о неприложимости къ внѣшнему міру предиката множественности включаетъ въ себѣ противорѣчіе, такъ какъ въ ней же, т.-е. въ этой мысли, этотъ міръ противополагается сознанію, какъ нѣчто отъ него особое и отдѣльное и такимъ образомъ вмѣстѣ съ сознаніемъ представляетъ простѣйшій случай множественности, а именно нѣкоторую двойственность. Но мы не будемъ вдаваться въ разсмотрѣніе внѣшней значимости данныхъ намъ въ сознаніи основныхъ и простѣйшихъ типовъ соотношеній. Тотъ методъ философскаго міропознанія, который мы считаемъ наиболѣе правильнымъ и который будетъ изложенъ нами въ дальнѣйшихъ главахъ, дастъ намъ возможность разрѣшить эту гносеологическую задачу на болѣе подготовленной для этого почвѣ. А пока мы разсмотримъ еще одно видоизмѣненіе понятія апріорности, хотя нѣсколько и отклоняющееся отъ только что нами разсмотрѣннаго, но сходное съ нимъ по общей своей тенденціи и вытекающимъ гносеологическимъ слѣдствіямъ.

Подъ апріорнымъ можно разумѣть то общее и необходимое, что заложено въ типѣ нашей человѣческой организаціи и что вліяетъ, конечно, на все содержаніе какъ сознанія, такъ и познанія. Такое пониманіе апріорности находимъ мы у автора „Исторіи матеріализма“—Ланге. Вполнѣ справедливо отмѣчаетъ Ланге неопредѣленность и неясность въ постановкѣ вопроса объ апріорности у самого Канта, видѣвшаго источникъ апріорности въ „чистыхъ формахъ“ и „категоріяхъ“, получающихъ у него значеніе какъ бы какихъ-то безначальныхъ самобытныхъ сущностей и напоминающихъ платоновскія идеи. Эта видимость идеализма, въ которую Кантъ невольно впадаетъ изъ желанія избѣгнуть такой же види-

мости матеріализма, совершенно исчезаетъ, если въ вопросѣ объ апріорности пойти нѣсколько дальше Канта и признать ея началомъ нашу „физико-психическую организацію“ *). Понятіе „организація“ можетъ быть мыслимо при этомъ въ строго феноменалистическомъ смыслѣ, вполнѣ лишенномъ какой бы то ни было матеріалистической, вообще метафизической, окраски. Понимая человѣческую организацію нѣкоторымъ опредѣленнымъ феноменомъ, извѣстнымъ намъ съ внутренней стороны, какъ нѣчто духовное, съ внѣшней же какъ нѣкоторая опредѣленная система матеріальныхъ соотношеній, Ланге совершенно оставляетъ въ сторонѣ безразличный въ данномъ случаѣ вопросъ о соотвѣтствующей ей, какъ феномену, вещи въ себѣ. Эту организацію-феноменъ, по мнѣнію Ланге, и слѣдуетъ признать носительницей и источникомъ всего апріорнаго.

Но желая выяснить и придать бо́льшую устойчивость понятію апріорности, этому краеугольному камню критицизма, Ланге, самъ того не замѣчая, переноситъ его на почву весьма опасную для цѣлости всего этого грандіознаго зданія. Апріорное, какъ это мы уже указали, должно имѣть въ критицизмѣ абсолютное значеніе, т.-е. представлять нѣкоторую вполнѣ автономную и ни отъ чего не зависимую потенцію или дѣятельность. Поэтому источникомъ его можетъ служить лишь что-либо обладающее само по себѣ такою же автономностью и даже въ извѣстномъ смыслѣ субстанціальностью. Кантъ, конечно, не выдавалъ то, въ чемъ онъ видѣлъ источникъ апріорнаго и что онъ выражалъ въ терминахъ „трансцендентальныя условія опыта“, „чистыя формы“, „категоріи“, за что-либо субстанціальное. Но въ этихъ новыхъ гносеологическихъ понятіяхъ, выраженныхъ Кантомъ въ такой неуловимой общности и отвлеченности, несомнѣнно скрывался именно этотъ требующійся дальнѣйшими выводами критицизма абсолютный характеръ. Коль скоро мы хотимъ выяснить и точнѣе опредѣлить этотъ пунктъ критицизма, для насъ является такая дилемма: или признать этотъ источникъ апріорности ничѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ вещи въ себѣ, или же свести его къ какому-нибудь опредѣленному феноменалистическому понятію. Первое рѣшеніе противорѣчило бы ученію критицизма о непознаваемости вещи въ себѣ, потому что если бы мы признали вскрытые критикой разума апріорные принципы относящимися къ самой сущности вещей, то этимъ бы признали, что эта сущность какъ разъ и дана намъ въ сознаніи въ этихъ апріорныхъ формахъ, т.-е. что она сознается и познается. Остается вторая дилемма и ее-то именно избралъ Ланге въ своемъ понятіи организаціи, какъ феномена. Но если мы подробнѣе разсмотримъ этотъ предложенный Ланге феноменалистическій принципъ, то окажется, что онъ

*) См. Ланге. «Исторія матеріализма», пер. Страхова, изд. 1899 года. Т. I, стр. 357, примѣчаніе.

совсѣмъ не можетъ выдержать тѣхъ требованій, которыя ему должны быть предъявлены по смыслу всей системы, и что критическое понятіе апріорности въ этомъ новомъ феноменалистическомъ освѣщеніи подвергается опасности быть совершенно дискредитированнымъ въ обязательной для него строгости и чистотѣ. Вводя въ сферу гносеологическаго изслѣдованія это понятіе, мы не можемъ брать его изолированно отъ всѣхъ другихъ, ему родственныхъ феноменалистическихъ понятій, а также не можемъ придавать ему произвольно тотъ смыслъ, который пригоденъ исключительно для нашихъ предвзятыхъ цѣлей. Понятіе организаціи, не смотря на его общность, необходимо связано съ извѣстными представленіями и идеями, которыя являются по отношенію къ нему въ извѣстной мѣрѣ коррелятивными и придаютъ ему вполнѣ опредѣленный смыслъ и значеніе. Если же мы обратимъ вниманіе на то, въ какомъ отношеніи стоитъ это понятіе въ современной наукѣ ко всѣмъ другимъ естественно-научнымъ построеніямъ, хотя бы и понятымъ въ строго феноменалистическомъ смыслѣ, то легко убѣдимся въ его полной непригодности служить хранилищемъ какихъ бы то ни было апріорныхъ началъ. Человѣческая организація, какъ нѣкоторая психо-физическая система, стоитъ въ необходимой связи со всѣми представленіями и понятіями, выражающими сущность такъ называемаго матеріальнаго міра. Разсматривая ее въ этой связи, мы находимъ ее взаимодѣйствующей со всѣмъ этимъ міромъ вещей и другихъ организацій, при чемъ взаимодѣйствіе это отражается во внутренней психической жизни этой организаціи тѣмъ, что называется сознаніемъ, а также познаніемъ. Въ этомъ взаимодѣйствіи должно, конечно, признать за организаціей нѣкоторую значительную долю автономной активности, но, съ другой стороны, она сама является несомнѣнно обусловленной, какъ въ своихъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ состояніяхъ тѣми перемѣнами, которыя происходятъ во внѣшнихъ, ей совершенно чуждыхъ феноменахъ. Многое изъ этихъ внѣшнихъ вліяній преображается, конечно, въ совершенно иную, нисколько не соотвѣтствующую своей первоначальной природѣ форму. Такъ мы не можемъ считать въ какомъ-либо смыслѣ отраженіемъ внѣшнихъ вліяній всѣ чувственныя качества ощущеній, которыя, какъ намъ показываетъ теорія развитія, являются чисто внутренней модификаціей первоначальнаго тактильнаго ощущенія и представляютъ лишь разнообразные способы внутренней воспріимчивости по существу однообразнаго внѣшняго феномена — движенія. Но нѣчто изъ этого внѣшняго организаціи міра безусловно имѣетъ свое отраженіе и во внутреннихъ ея состояніяхъ. Такъ, всякая множественность внѣшнихъ ей феноменовъ, напр., группа деревьевъ, отражается въ ея созна-

ніи какъ того же числа множественность состояній сознанія. Всякая перемѣна въ сочетаніяхъ этихъ феноменовъ вызываетъ ту или иную перемѣну въ состояніяхъ сознанія. Закономѣрности въ связяхъ и перемѣнахъ внѣшнихъ феноменовъ соотвѣтствуетъ та или иная закономѣрность въ соотношеніи состояній сознанія и ихъ перемѣнъ. Словомъ все, что касается связей, структуръ и перемѣнъ внѣшнихъ организаціи феноменовъ, даетъ свой отзвукъ въ соотношеніяхъ состояній сознанія, совершенно независимо отъ ихъ чувственной качественности. Но въ сферѣ высшихъ познавательныхъ формъ эта качественность почти цѣликомъ отпадаетъ или имѣетъ лишь значеніе случайной сопутствующей прибавки. Такимъ образомъ, сфера чистыхъ интеллектуальныхъ функцій можетъ быть признана наиболѣе способной передавать безъ всякихъ искажающихъ внутреннихъ вліяній существующія соотношенія внѣшнихъ феноменовъ. Но намъ могутъ возразить, что и въ этомъ отношеніи мы не можемъ отказать организаціи въ значительной долѣ самотворчества, что съ развитіемъ органическихъ формъ, въ которыхъ наша человѣческая организація представляетъ лишь послѣднее звено, внутри самой организаціи вырабатывались и видоизмѣнялись тѣ принадлежащія ей, въ видѣ органовъ чувствъ, способности, которыя являются необходимымъ условіемъ и источникомъ осуществленія всякаго рода множественностей, связей и соотношеній. На это мы отвѣтили бы слѣдующимъ образомъ. Несомнѣнно, что въ эволюціи организаціи есть нѣкоторый отъ нея исходящій починъ, обусловливающій возможность осуществленія въ сознаніи всѣхъ основныхъ родовъ и порядковъ соотношеній и перемѣнъ. Но если мы разсмотримъ сущность этихъ исходящихъ изъ организаціи условій, то увидимъ, во-1-хъ, что и они въ своемъ появленіи вызываются нѣкоторыми внѣшними соотношеніями и перемѣнами и въ той или иной мѣрѣ имъ соотвѣтствуютъ и, во-2-хъ, что самый процессъ этихъ внутреннихъ видоизмѣненій ни въ чемъ иномъ не состоитъ, какъ въ расширеніи способностей и средствъ къ воспріятію внѣшнихъ организаціи перемѣнъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое съ феноменалистической точки зрѣнія осязаніе, слухъ и зрѣніе, какъ не способность различной внутренней реакціи на *различные виды* внѣшняго толчка, а именно осязаніе—всякаго грубаго и безпорядочнаго толчка какихъ бы то ни было тѣлесныхъ системъ слухъ—волнообразныхъ колебаній частицъ воздуха и свѣтъ—еще болѣе тонкихъ, другимъ способомъ неуловимыхъ, колебаній эфира. Вѣдь не будь этихъ различныхъ видовъ матеріальныхъ и двигательныхъ феноменовъ, не было бы и различныхъ способовъ ихъ воспріятія. И въ самомъ фактѣ появленія въ организмѣ этихъ новыхъ способностей мы необходимо должны признать, кромѣ внутреннихъ стимуловъ, еще и внѣшній поводъ въ существованіи этихъ различныхъ внѣшнихъ феноменовъ и ихъ по-

стояннаго воздѣйствія на организацію. Кромѣ того, по отношенію къ существующимъ въ мірѣ внѣшнихъ организаціи феноменовъ всѣ видоизмѣненія и усложненія формъ и внутреннихъ условій организаціи ни въ чемъ иномъ не состоятъ, какъ въ открытіи новыхъ, болѣе разнообразныхъ и детальныхъ способовъ взаимодѣйствія съ внѣшнимъ міромъ. Въ этомъ отношеніи эволюцію организаціи въ общемъ ея ходѣ нельзя разсматривать, какъ какой-нибудь все болѣе и болѣе искажающій и видоизмѣняющій внѣшнія воздѣйствія процессъ, но какъ широко раскрывающіяся и вновь пробивающіяся окна изъ узкаго и замкнутаго мірка организаціи въ разнообразный внѣшній міръ. Если для улитки все разнообразіе внѣшняго міра отражается въ тѣхъ немногихъ разнокачественныхъ ощущеніяхъ, которыя она испытываетъ, ползая по зеленому листу или осязая попавшія подъ нея песчинки, то человѣческая организація даетъ лишь возможность отразить въ сознаніи множество другихъ, улиткѣ совершенно недоступныхъ, разнообразій и перемѣнъ внѣшняго ей феноменальнаго міра. Правда, этому сопутствуетъ ростъ и усложненіе способности къ воспроизведенію чувственныхъ качествъ, которыя по своей природѣ не передаютъ внѣшняго феномена. Одна организація на феноменъ вишневаго дерева съ плодами отзывается разнообразно и видитъ плоды и листья въ двухъ разныхъ цвѣтахъ, въ другой организаціи тотъ же феноменъ вызываетъ ощущеніе одного цвѣта (дальтонизмъ). Но эта внутренняя переработка и возможное искаженіе касается только чувственной качественности, различіе же плода отъ листьевъ тѣмъ или инымъ способомъ (видомъ формы, осязаніемъ) въ сознаніи все-таки отражается. Хотя способъ этого отраженія и дается въ той или иной качественности, но она для сущности дѣла безразлична и именно потому, что можетъ быть какою угодно. Такимъ образомъ, мы видимъ, что все самое важное для высшихъ общихъ формъ познанія, хотя и зависитъ отъ самодѣятельности организаціи, но безусловно пробуждено въ ней внѣшними для нея формами связей и соотношеній и что какихъ-нибудь автономныхъ апріорныхъ началъ, видоизмѣняющихъ эти формы по какому-нибудь, внутри организаціи лежащему, своеобразному закону, мы въ ней никогда не найдемъ.

Но можетъ явиться сомнѣніе, имѣли ли мы право разсматривать и противопоставлять другъ другу организацію и внѣшній ей міръ феноменовъ. Вѣдь, скажутъ намъ, пожалуй, всѣ эти феномены нигдѣ какъ въ ней же самой и не заключаются и вовсе по отношенію къ ней не являются внѣшними. По этому поводу мы должны замѣтить, что, становясь на почву феноменализма, мы должны быть въ сферѣ этой точки зрѣнія послѣдовательными и употребляя какое-нибудь понятіе

этого порядка, придавать и всѣмъ другимъ понятіямъ именно такой же феноменалистическій смыслъ. Человѣческая организація, какъ нѣкоторый психо-физическій феноменъ, является съ этой точки зрѣнія вполнѣ равноправнымъ членомъ среди другихъ феноменовъ, представляющихъ психо-физическія организаціи другихъ типовъ или чисто матеріальныя системы; и въ этой ихъ взаимной равноправности мы не можемъ не противополагать ихъ другъ другу и не разсматривать формы и способы ихъ взаимодѣйствія. Вѣдь если другіе феномены представляютъ продуктъ феномена человѣческой организаціи, то въ свою очередь и ее можно разсматривать, какъ извѣстное порожденіе и феноменъ какой-нибудь другой психо-физической организаціи, напримѣръ, собаки. Если же намъ такой равноправности феноменовъ не дадутъ, то мы въ свою очередь, воспретимъ дѣлать какую бы то ни было ссылку на понятіе организаціи, имѣющее какое-нибудь значеніе и могущее уяснить вопросъ лишь тогда, когда мы будемъ употреблять его въ обычномъ біологическомъ смыслѣ. А смыслъ этотъ во всякомъ случаѣ таковъ, что всякая организація понимается до извѣстной степени продуктомъ внѣшней среды и во всякомъ случаѣ съ нею взаимодѣйствующею и ее такъ или иначе отражающею. Внѣ этого смысла организація или совершенно произвольное понятіе, приноровленное къ потребностямъ и предвзятымъ тенденціямъ критицизма, или же совершенно ничего не значащее слово.

Признавая апріорность въ смыслѣ критицизма понятіемъ, надлежащимъ образомъ не обоснованнымъ и произвольнымъ, мы не можемъ не признать нѣкоторой заключающейся въ немъ доли истины, имѣющей весьма важное философское значеніе. Истина эта состоитъ въ томъ, что въ нашемъ сознаніи и познаніи есть нѣчто привносимое нами самими, измѣняющее воздѣйствіе на него внѣшняго міра и вкладывающее въ результатъ этого воздѣйствія совершенно чуждое внѣшней средѣ содержаніе. Такимъ чуждымъ внѣшней средѣ содержаніемъ являются чувственныя качества нашихъ ощущеній, дающія, въ свою очередь, поводъ къ образованію фиктивныхъ и къ внѣшнему бытію неприложимыхъ представленій и понятій матеріальности. Отъ этой субъективной окраски теряютъ въ своей цѣнности многія другія представленія и понятія, въ которыхъ чувственное содержаніе въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ имѣетъ существенное значеніе и никакъ не можетъ быть исключено. Въ такомъ положеніи находятся, напримѣръ, всѣ представленія и понятія пространства. Въ то, что составляетъ психологическую основу пространства, несомнѣнно входятъ нѣкоторыя данныя, порожденныя не нами, но зависящія отъ соотношеній внѣшней намъ дѣйствительности. Тѣ факты, что при данномъ полѣ зрѣнія одинъ предметъ кажется намъ больше, чѣмъ другой, что уменьшенію находящагося въ полѣ зрѣнія предмета соотвѣтствуетъ его

удаленіе и проистекающая отъ этого невозможность обхвата, что было возможно на близкомъ разстояніи, зависитъ, конечно, не только отъ насъ, но и отъ какихъ-то внѣшнихъ соотношеній. Но во всѣхъ внутреннихъ соотношеніяхъ мы можемъ отнести къ внѣшнему міру лишь нѣкоторыя очень ничтожныя данныя, состоящія только въ констатированіи разницы отношеній и ихъ перемѣнъ во внѣшнемъ намъ мірѣ вещей. А потому мы можемъ только сказать, что всѣмъ соотношеніямъ, даннымъ въ видѣ пространственныхъ, соотвѣтствуютъ какія-то внѣшнія соотношенія вещей. Эти послѣднія мы уже никакъ не можемъ назвать пространственными, потому что сущность нашего психологическаго пространства насквозь проникнута тою или иною качественностью. Самыя эфирныя геометрическія построенія, какія только способно создавать наше воображеніе, если мы даже игнорируемъ, то чувственное содержаніе, которое дано въ неизбѣжныхъ при этомъ свѣто-тѣняхъ, будетъ имѣть все-таки весьма существенную чувственную окраску. Оно несомнѣнно будетъ все-таки отличаться отъ такихъ же пространственныхъ представленій слѣпого. Это различіе какъ разъ и заключается въ томъ, что зрячій самыя отвлеченныя формы пространства будетъ представлять все-таки помощью органа зрѣнія, слѣпой же,—при помощи органовъ движенія и осязанія. Если мы не представляемъ себѣ тѣхъ или иныхъ цвѣтовъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что наше пространственное представленіе лишено всякой чувственности. Чувственность эту нужно видѣть въ тѣхъ спеціальныхъ моторныхъ ощущеніяхъ зрительнаго аппарата, которыя входятъ у зрячихъ въ такого рода представленія и специфически отличаютъ его отъ представленій слѣпого, у котораго всѣ зрительныя соотношенія отсутствуютъ, и пространственность выражена лишь въ соотношеніяхъ моторно-осязательныхъ ощущеній всего тѣла. Со всѣми этими чувственными качествами пространство находится въ неразрывной связи и ими въ значительной мѣрѣ опредѣляется самая сущность этого своеобразнаго порядка. Коль скоро мы мысленно отрѣшимся отъ всѣхъ этихъ субъективныхъ способовъ пространственности и попытаемся мыслить пространство вообще, внѣ какихъ бы то ни было зрительныхъ, моторныхъ и осязательныхъ соотношеній, то у насъ останется въ содержаніи мысли схема какого-то неопредѣленнаго порядка, котораго уже никакъ нельзя будетъ назвать пространствомъ въ обычномъ значеніи этого слова. Но какъ разъ этотъ неопредѣленный остатокъ и можетъ имѣть для насъ наибольшую гносеологическую цѣнность, потому что его-то именно мы и можемъ признать за смутное отраженіе какого-то внѣ насъ существующаго порядка вещей. Раскрыть объективное значеніе этого внутренняго психологическаго пространства, т.-е. найти во внѣшнемъ соотвѣтствующемъ ему порядкѣ корреспондирующія частныя черты и соотношенія, напримѣръ, опредѣлить внѣшнюю значимость трехмѣрности, составляетъ уже спе-

ціальную онтологическую проблему бытія міра, какъ цѣлаго, которой намъ, можетъ быть, и удастся коснуться въ концѣ настоящаго сочиненія.

Изъ высказаннаго нами взгляда на пространство видно, что мы, въ сущности, въ конечномъ выводѣ относительно внѣшней значимости этого порядка, очень приближаемся къ критицизму и одинаково съ критицизмомъ не находимъ возможнымъ переносить пространственныя опредѣленія въ міръ вещей въ себѣ. Но основанія у насъ для этого совершенно иныя, чѣмъ въ критицизмѣ. Мы вовсе не считаемъ пространство апріорной формой потенціально предсуществующей гдѣ-то въ нѣдрахъ нашего сознанія. Но видимъ въ немъ лишь весьма субъективный и условный отзвукъ въ сферѣ сознанія и познанія существующихъ внѣ насъ реальныхъ соотношеній. Субъективность эту видимъ мы въ необходимой и неразрывной связи идеи пространства, какъ порядка, *съ* тѣми или иными *чувственными способами* созерцанія пространственности, которые, въ сущности, не отдѣлимы отъ этого порядка и въ значительной мѣрѣ обусловливаютъ его природу. Тутъ наша точка зрѣнія является діаметрально противоположной критической. Критицизмъ разсматриваетъ пространство, какъ нѣкоторое апріорное со стороны познающаго субъекта данное, именно со стороны его формы или структуры, и почти игнорируетъ въ этомъ отношеніи чувственное содержаніе, которое съ точки зрѣнія критицизма вовсе и не входитъ въ содержаніе пространственной чистой формы. Мы же, наоборотъ, видимъ субъективность пространства именно въ этой неустранимости того или иного чувственнаго способа созерцанія пространственности, а въ томъ, что въ пространствѣ является абсолютно безразличнымъ къ тому или иному виду чувственности, признаемъ наше сознаніе всецѣло обусловленнымъ извнѣ и отображающимъ нѣкоторый внѣшній ему міровой порядокъ. Въ такой же противоположности стоимъ мы къ критицизму въ отношеніи всѣхъ вообще основныхъ общихъ понятій. Разсматривая ихъ со стороны формы или структуры, мы приписываемъ имъ въ той или иной мѣрѣ нѣкоторую внѣшнюю значимость и вполнѣ относимъ ихъ къ нашей внутренней природѣ лишь настолько, насколько въ ихъ содержаніе примѣшивается тотъ или иной способъ чувственности. Вообще все чувственное въ нашемъ сознаніи и познаніи мы считаемъ продуктомъ субъективной способности отзываться на внѣшнія воздѣйствія такъ или иначе, при чемъ способы этой отзывчивости могутъ быть весьма разнообразны и нисколько не передаютъ сущности внѣшней дѣйствительности. Что же касается связей и структуръ, въ которыхъ осуществляется та или иная чувственность, то въ нихъ мы видимъ нѣчто въ сущности безразличное по отношенію къ той или иной организаціи и опредѣляющееся внѣшнимъ сознанію міромъ вещей. Въ этомъ отношеніи сущность всяческаго видоизмѣненія и эволюціи сознанія и познанія состоитъ только въ бо́льшемъ или меньшемъ увеличеніи ёмкости и тонкости воспріимчивости, въ при-

обрѣтеніи способности къ репродукціи пережитого и къ конструированію изъ разрозненныхъ и разбросанныхъ во временномъ порядкѣ связей тѣхъ или иныхъ объединенныхъ системъ высшаго по сложности порядка. На этихъ высшихъ ступеняхъ интеллектуальности, гдѣ чувственность почти теряетъ свое значеніе, познавательныя системы получаютъ наибольшую цѣну въ смыслѣ выраженія внѣшняго нашему сознанію міропорядка. Хотя, конечно, они выражаютъ въ этомъ міропорядкѣ не что-либо случайное и индивидуальное, но по преимуществу вѣчное и неизмѣнное, и въ этомъ отношеніи могутъ до нѣкоторой степени оправдывать названіе „вѣчныхъ умопостигаемыхъ истинъ“, которыя раціоналисты докритическаго періода противополагали случайнымъ истинамъ чувственнаго опыта. Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ критицизмъ находитъ осуществленіе апріорныхъ автономныхъ законовъ, лежащихъ въ организаціи познающаго субъекта, т.-е. въ формѣ или структурности познанія, именно тамъ видимъ мы наибольшее освобожденіе разума отъ всего внутренно-субъективнаго (чувственности) и наиболѣе цѣнныя данныя для конструированія познанія о внѣшнемъ мірѣ, каковъ онъ есть самъ въ себѣ.

Впрочемъ, открывая апріорные принципы созерцанія и разсудка, критицизмъ не безъ основанія останавливаетъ свое вниманіе на всемъ томъ, что есть въ нашемъ созерцаніи и мышленіи всеобщаго и необходимаго и, анализируя это всеобщее, именно въ немъ находитъ чистыя формы и категоріи. Существованіе этихъ общихъ формъ созерцанія и мысли, неотъемлемо присущихъ каждому человѣку и какъ бы упреждающихъ въ своемъ появленіи выражающій ихъ опытъ, безусловно требуетъ своего объясненія. Но критическое понятіе апріорности, помимо своей догматической произвольности, не только не служитъ такимъ объясненіемъ, но ставитъ новыя неразрѣшимыя проблемы. Какъ возможно вообще существованіе въ ограниченномъ сознаніи и умѣ человѣческомъ какихъ бы то ни было автономныхъ, ни отъ чего не зависящихъ апріорныхъ принциповъ? Какъ объяснить ихъ всеобщность въ подвижной и измѣнчивой природѣ сознанія, а также совпаденіе и однообразіе этихъ принциповъ во множествѣ отдѣльныхъ индивидуумовъ; и, наконецъ, самое главное, какъ объяснить ихъ соотвѣтствіе опредѣляющемуся извнѣ чувственному опыту? Вѣдь если астрономъ, руководясь апріорными, въ его умѣ и сознаніи лежащими, формами пространства и времени, а также категоріями разсудка, удачно предсказываетъ черезъ опредѣленный промежутокъ времени солнечное затмѣніе или какое-либо другое астрономическое явленіе, то не очевидно ли, что внѣшній міръ вещей находится въ какомъ-то соотвѣтствіи съ этими апріорными формами. Какъ же объяснить это соотвѣтствіе двухъ независимыхъ началъ?

На всѣ эти вопросы критицизмъ, насколько онъ держится понятія апріорности въ его строгомъ первоначальномъ смыслѣ, не можетъ дать

никакого отвѣта. Эмпиризмомъ же всѣ эти вопросы разрѣшаются и объясняются очень легко. Съ точки зрѣнія эмпиризма Я и не-Я вовсе не представляютъ два другъ другу чуждыхъ и разобщенныхъ міра, но какъ части одной и той же дѣйствительности, находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи и взаимопроникновеніи. Все закономѣрное, всеобщее и необходимое во внѣшнемъ мірѣ вещей отражается въ сознаніи и познаніи въ видѣ такихъ же закономѣрныхъ, всеобщихъ и необходимыхъ принциповъ, одинаково присущихъ всѣмъ индивидуальнымъ сознаніямъ, достигшимъ одинаковаго кругозора и тонкости воспріятій, а также одинаковой стойкости въ сохраненіи и систематизаціи пережитыхъ впечатлѣній. Эти всеобщія формы поддерживаются въ сознаніи постояннымъ осуществленіемъ соотвѣтствующихъ имъ взаимоотношеній во внѣшнемъ сознанію мірѣ вещей. Являясь отраженіемъ всеобщихъ и необходимыхъ типовъ соотношеній внѣшняго міропорядка, онѣ мало-по-малу становятся такими же всеобщими и необходимыми формами сознанія и ума. Путемъ наслѣдственности формы эти закрѣпляются въ соотвѣтствующей организаціи и, наконецъ, становятся настолько съ нею связанными и какъ бы уже потенціально въ ней заложенными, что даютъ поводъ къ образованію философской иллюзіи апріорности.

Лейбницъ, опредѣляя отношеніе врожденныхъ идей къ опыту, сравниваетъ душу съ глыбою мрамора, въ которой находятся жилы, намѣчающія фигуру Геркулеса. Насколько фигуру Геркулеса можно признать врожденной такому камню—хотя для открытія ея требуется нѣкоторая обработка и розысканіе намѣчающихъ фигуру жилъ—настолько же врожденными являются душѣ вѣчныя истины, хотя и нуждающіяся въ опытѣ для своего обнаруженія, но имъ все-таки не создаваемыя и отъ него независимыя. Если мы попробуемъ иллюстрировать на этомъ примѣрѣ точку зрѣнія апріоризма, то намъ придется признать намѣченную въ глыбѣ фигуру Геркулеса и то внѣшнее воздѣйствіе, посредствомъ котораго она открывается, чѣмъ-то совершенно другъ другу чуждымъ и другъ отъ друга независимымъ. Совпаденіе внѣшней обработки съ заложеннымъ въ камнѣ художественнымъ замысломъ, въ видѣ фигуры Геркулеса, является при этомъ какой-то необъяснимой и непонятной случайностью.

Въ міровоззрѣніи самого Лейбница совпаденіе это не представляется случайнымъ, но объясняется чудомъ предустановленной гармоніи. Предустановленная гармонія, какъ единый предвѣчный актъ Бога, установившаго соотвѣтствіе между внутреннимъ содержаніемъ всѣхъ монадъ и давшаго всему этому содержанію стимулъ къ безконечному гармоничному самораскрытію, представляетъ то предвѣчное единеніе скрытаго въ камнѣ замысла съ идеею открывающаго его изъ камня художника, въ которомъ и то и другое имѣетъ свой общій источникъ. Въ эмпиризмѣ

мы находимъ въ извѣстномъ отношеніи сходное объясненіе этого совпаденія. У Лейбница соотвѣтствіе внѣшняго внутреннему установлено въ одномъ предвѣчномъ актѣ предустановленной гармоніи. Актъ этотъ является вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы единственнымъ случаемъ взаимодѣйствія монадъ. Въ этотъ моментъ монады еще не были замкнутыми ячейками, но имѣли въ себѣ „окна и двери", обращенныя въ единство божественной природы, изъ которой онѣ и получили свое гармонично распредѣленное содержаніе.

Въ эмпиризмѣ *) Геркулесъ въ умѣ открывающаго его художника и въ глыбѣ мрамора также имѣетъ одинъ и тотъ же источникъ. Тотъ, кто намѣтилъ его въ мраморѣ, въ видѣ жилокъ, тотъ же открываетъ его потомъ рѣзцомъ. Этотъ ваятель—единый міропорядокъ, въ которомъ всѣ части находятся во взаимодѣйствіи и внутреннемъ проникновеніи другъ друга. Но здѣсь взаимодѣйствіе понимается постоянно продолжающимся. Оно возобновляетъ прежде намѣченныя въ сознаніи отдѣльныхъ существъ черты внѣшняго имъ міропорядка и открываетъ новыя по мѣрѣ расширенія кругозора сознанія и сферы его воспріимчивости.

Въ этомъ сопоставленіи эмпиризма съ раціонализмомъ въ лицѣ его геніальнѣйшаго представителя—Лейбница, мы очень далеки отъ мысли привести въ какую-нибудь родственную связь эти два направленія, выступившія въ историческомъ ходѣ развитія философіи противниками другъ друга. Мы хотимъ только отмѣтить, что въ рѣшеніи гносеологическаго вопроса о соотвѣтствіи основныхъ принциповъ разума внѣшнему міропорядку и то, и другое направленіе сходятся въ объясненіи этого соотвѣтствія единствомъ происхожденія этихъ двухъ, повидимому, вполнѣ разобщенныхъ началъ. Къ этой мысли, независимо отъ тѣхъ видоизмѣненій, которыя она принимаетъ и связи ея съ тѣми или иными воззрѣніями, кроется, по нашему мнѣнію, единственно возможное рѣшеніе проблемы познанія. Критицизмъ въ своей теоріи апріоризма наиболѣе отдаляется отъ этого рѣшенія, признавъ разумъ и внѣшній міръ другъ отъ друга разобщенными и основныя функціи познанія отъ внѣшнихъ воздѣйствій нисколько не зависящими. При такой точкѣ зрѣнія, соотвѣтствіе нашего познанія чувственному опыту, въ которомъ мы безусловно опредѣляемся внѣшнимъ міромъ, остается совершенно необъяснимымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ основной гносеологическій вопросъ, какъ возможно познаніе, нерѣшеннымъ.

---

*) Подъ эмпиризмомъ мы имѣемъ въ виду не то крайнее его выраженіе, по которому душа есть, какъ бы «tabula rasa», безразлично относящаяся къ опыту (тому или иному начертанію фигуръ), но вообще теорію, признающую воздѣйствіе внѣшняго міра на сознаніе и зависимость отъ этого воздѣйствія, какъ простѣйшихъ созерцаній, такъ и высшихъ познавательныхъ формъ.

ГЛАВА IV.

Сознаніе, какъ „вещь въ себѣ".

Опредѣливъ сущность познанія въ его отношеніи къ чистому сознанію, или къ тому, что̀ разумѣется обыкновенно подъ терминомъ опытъ, мы перейдемъ къ разсмотрѣнію познавательной дѣятельности съ точки зрѣнія ея значенія во взаимодѣйствіи съ внѣшнимъ міромъ. Другими словами, мы перейдемъ къ оцѣнкѣ познанія, какъ средства постигать внѣшній нашему сознанію міръ по тѣмъ состояніямъ и перемѣнамъ, которыя этотъ внѣшній міръ производитъ въ нашемъ сознаніи. Съ той точки зрѣнія, на которую мы теперь становимся, познаніе пріобрѣтаетъ въ нашихъ глазахъ особый признакъ по сравненію со всѣми другими нашими дѣятельностями. Всѣ наши дѣятельности, также какъ и познаніе, могутъ относиться къ внѣшнему намъ міру. Мы ощущаемъ, любимъ, желаемъ, какъ и познаемъ, всегда что-либо или кого-либо. Но познаніе отличается отъ перечисленныхъ дѣятельностей способомъ своего отношенія къ внѣшнимъ предметамъ и существамъ. Когда мы ощущаемъ, чувствуемъ и желаемъ, то тѣ объекты, къ которымъ относятся эти наши дѣятельности, могутъ вовсе не походить по своей внутренней природѣ на качество и содержаніе этихъ дѣятельностей. Въ томъ, что мы любимъ и желаемъ, нѣтъ ничего такого, что было бы похоже на эту нашу любовь или желаніе; въ звучащей скрипкѣ или отдѣляющемъ ее отъ насъ воздухѣ нѣтъ ничего похожаго на испытываемыя нами ощущенія звуковъ. Не то въ познаніи: оно отображаетъ предметъ, къ которому относится, какъ бы дѣлаетъ съ него полный или не полный снимокъ, вообще имѣетъ всегда цѣлью быть похожимъ на него по своему содержанію и вполнѣ или отчасти воспроизводить его внутреннюю сущность. Если наша дѣятельность, возникающая по поводу какого-нибудь предмета, ничего намъ не воспроизводитъ и не передаетъ изъ содержанія этого предмета, то мы можемъ сказать, что въ такой дѣятельности не заключается никакого познанія даннаго предмета. Къ чувству, желанію или ощущенію мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ предъявлять такого требованія сход-

ства. Когда мы кого-нибудь любимъ, наше чувство любви не заключаетъ въ себѣ ничего похожаго на характеръ или темпераментъ любимаго человѣка, когда же мы кого-нибудь знаемъ, то наше знаніе непремѣнно должно состоять изъ представленій или понятій, изображающихъ и передающихъ въ болѣе или менѣе яркихъ образахъ или только схемахъ (при помощи понятій) основныя свойства даннаго человѣка и ихъ характерныя соотношенія.

Все содержаніе нашего познанія должно, такимъ образомъ, удовлетворять этому существенному его свойству, отличающему его отъ прочихъ нашихъ дѣятельностей и придающему ему совершенно особое среди нихъ положеніе и значеніе. Это свойство мы считаемъ наиболѣе правильнымъ обозначить терминомъ „воспроизводимость“ *). Критика познанія какъ разъ и состоитъ въ разсмотрѣніи вопроса о томъ, насколько наше познаніе обладаетъ этимъ свойствомъ и при томъ во всѣхъ ли своихъ отдѣлахъ или только въ нѣкоторыхъ. Отъ того или иного рѣшенія этого вопроса существенно зависитъ та часть философскаго изслѣдованія, которая называется онтологіей или ученіемъ о бытіи. Въ сущности критика познанія составляетъ часть онтологіи, такъ какъ все наше познаніе относится къ тому, что мы въ какомъ-либо смыслѣ понимаемъ сущимъ; и признаніе за нашимъ познаніемъ о чемъ бы то ни было той или иной степени достовѣрности, въ смыслѣ возможности считать его вѣрнымъ воспроизведеніемъ какихъ-либо дѣйствительныхъ сущностей, рѣшаетъ въ то же время вопросъ о бытіи.

Признаніе себя сомнѣвающагося и вообще мыслящаго самымъ несомнѣннымъ и достовѣрнымъ бытіемъ слѣдуетъ считать со времени Декарта однимъ изъ самыхъ твердыхъ и прочно обоснованныхъ пунктовъ въ области философскаго знанія. Очевидность этой истины и необходимость ея признанія съ достаточной ясностью и силой показаны самимъ Декартомъ, такъ что въ какой-либо философской обосновкѣ ея въ настоящее время нѣтъ ни малѣйшей надобности. Остается только раскрыть ея смыслъ и значеніе сообразно съ требованіями современ-

*) Въ качествѣ соотвѣтствующаго этому понятію предиката мы будемъ употреблять терминъ «*адекватный*». Такимъ образомъ, подъ адекватнымъ познаніемъ мы будемъ подразумѣвать познаніе, воспроизводящее содержаніе тѣхъ внѣшнихъ объектовъ, къ которымъ оно относится. Въ противоположность ему, «символическимъ познаніемъ» будемъ мы называть такое познаніе, которое воспроизводитъ не самый объектъ, къ которому оно относится, а нѣчто другое, такъ или иначе обозначающее объектъ (символъ). Большую часть нашихъ понятій надо отнести къ послѣдней категоріи, такъ какъ онѣ, претендуя выражать внѣшніе нашему сознанію объекты, въ дѣйствительности выражаютъ лишь тѣ или иныя состоянія нашего же сознанія, правда обусловленныя въ своемъ появленіи внѣшними объектами. Наибольшею адекватностью отличается познаніе подобныхъ намъ духовныхъ существъ. Доказательству этого положенія посвящена VI глава настоящаго сочиненія.

ныхъ философскихъ понятій и воспользоваться, какъ наилучшимъ отправнымъ пунктомъ философскаго изслѣдованія. Прежде всего необходимо расширить содержаніе этой истины и включить въ область достовѣрнаго бытія, кромѣ актовъ нашего сомнѣнія и мышленія, также и всѣ состоянія нашего сознанія, а именно ощущенія, чувства, влеченія, т.-е. все то, что Декартъ признавалъ лишь модусами мышленія. Всѣ эти состоянія являются совершенно равноправными съ мышленіемъ по отношенію къ признанію ихъ достовѣрнымъ бытіемъ. Ощущенія яркаго свѣта или холода, чувства гнѣва или радости столь же настойчиво и неоспоримо заявляютъ о своемъ существованіи, какъ и мысль моя о томъ, существуетъ ли вообще что-нибудь или нѣтъ. Слѣдующимъ утвержденіемъ, которое мы можемъ себѣ позволить, будетъ признаніе всѣхъ этихъ состояній другъ съ другомъ связанными, посредственно и непосредственно, въ нѣкоторыхъ двухъ своеобразныхъ порядкахъ, дающихъ основаніе для образованія особыхъ двухъ понятій: времени и пространства. Это утвержденіе основано какъ на непосредственномъ сознаніи нами двухъ различныхъ способовъ связи нашихъ состояній, такъ и на томъ фактѣ, что мы обладаемъ идеями времени и пространства, которыя, какъ было показано раньше, неразрывно связаны съ чистымъ сознаніемъ и имъ обусловлены. Далѣе мы можемъ признать за всѣми этими состояніями сознанія, а также актами мышленія нѣкоторую степень взаимозависимости и объединенности, выражающихся въ томъ, что отдѣльные элементы или цѣлыя системы элементовъ обусловливаютъ иногда появленіе новыхъ состояній сознанія, при чемъ промежуточнымъ звеномъ въ этомъ обусловливаніи бываетъ то единство пережитого, которое обозначается словечкомъ Я. Эга объединенность, связывающая всѣ состоянія сознанія въ нѣкоторое цѣлое, если и не рѣшаетъ вопроса о субстанціальности нашего Я въ смыслѣ его абсолютной простоты и неразрушимости, то, по крайней мѣрѣ, даетъ полное право считать наше Я не простымъ собирательнымъ понятіемъ, обозначающимъ лишь простую сумму всѣхъ элементовъ сознанія, но нѣкоторой живо-подвижной единицей высшаго порядка, имѣющей особую сущность, состоящую въ той, а не иной, структурности въ сочетаніи составныхъ элементовъ. Эту сущность мы будемъ пока обозначать тѣмъ универсальнымъ терминомъ, который какъ разъ и связывается всѣми людьми всѣхъ возрастовъ и развитій съ этой данной намъ, какъ въ познаніи, такъ и сознаніи цѣлостностью состояній сознанія, а именно терминомъ Я. Все то, что было высказано нами сейчасъ объ Я, не предрѣшаетъ еще никакихъ спорныхъ философскихъ вопросовъ. Мы высказали только то, съ чѣмъ не можетъ не согласиться самый требовательный скептикъ. Мы не отнесли Я къ субстанціямъ, не приписали ему абсолютной простоты и един-

ства, не приписали ему свободной воли. Высказанное нами есть выраженіе лишь того, что дано намъ въ нашемъ сознаніи, что составляетъ нашъ повседневный и всѣмъ доступный опытъ. Вѣдь никто не можетъ отрицать, что то, что онъ переживаетъ сегодня, находится въ нѣкоторой зависимости отъ того, что онъ переживалъ вчера или еще ранѣе, что многое изъ пережитого оставляетъ свои слѣды въ видѣ воспоминанія, чѣмъ человѣкъ и руководится въ большинствѣ своихъ поступковъ, что эти воспоминанія и руководящіеся имъ акты воспроизведенія новыхъ состояній какъ разъ и связываютъ всѣ состоянія сознанія въ нѣкоторое цѣлое, обладающее хотя бы относительною прочностью и постоянствомъ по сравненію съ его составными элементами. Мы утверждаемъ, что тотъ, кто сталъ бы отрицать это допущенное нами содержаніе понятія Я, какъ не имѣющее никакого соотвѣтствующаго ему объекта или какъ не выражающее сущности этого объекта и утверждающее нѣчто въ объектѣ не находящееся, тотъ обязанъ былъ бы также отрицать правоспособность вообще всѣхъ существующихъ въ человѣческомъ мышленіи понятій въ смыслѣ ихъ приложимости къ чему бы то ни было для нихъ внѣшнему. Этотъ скептикъ не имѣлъ бы въ сущности никакого логическаго права на произнесеніе какихъ бы то ни было словъ, такъ какъ всякое слово обозначаетъ уже какую-нибудь концепцію (представленіе или понятіе), сущность которой состоитъ въ той или иной связи состояній сознанія, выраженной въ той или иной степени яркости или схематичности. А мы вѣдь въ нашихъ утвержденіяхъ ничего иного и не утверждаемъ какъ нѣкоторую связность и цѣлостность сознанія, т.-е. то, что присуще даже простѣйшимъ представленіямъ, понятіямъ и сужденіямъ. Мы, слѣдовательно, не утверждаемъ ничего большаго, чѣмъ то, что предполагается уже самымъ фактомъ любого мыслительнаго процесса, въ томъ числѣ и того, которымъ можно было бы отрицать наше утвержденіе. Наше понятіе Я есть, такимъ образомъ, какъ бы самое общее описаніе сущности сознанія, заключающее въ себѣ только самыя общія и безспорныя черты воспроизводимаго объекта, т.-е. всего нашего сознанія въ цѣломъ.

Мы затрудняемся рѣшить вопросъ, слѣдуетъ ли съ точки зрѣнія Канта отнести данное нами понятіе Я къ области раціональнаго ученія о душѣ или только къ эмпирической психологіи. Мы склонны, впрочемъ, думать, что это понятіе должно быть признано съ точки зрѣнія „Критики чистаго разума“ уже запретнымъ плодомъ раціонализма. Въ главѣ о паралогизмахъ чистаго разума, между прочимъ, говорится *): „На внутренній опытъ вообще и на его возможность или воспріятіе вообще, и на его отношенія къ другому воспріятію, если эмпирически не дается какого-либо его различія

*) Стр. 277 «Крит. Ч. Р.».

и опредѣленія, нельзя смотрѣть, какъ на эмпирическое познаніе, но надо смотрѣть, какъ на познаніе эмпирическаго вообще; слѣдовательно, этотъ вопросъ относится къ изслѣдованію возможности всякаго опыта, которое всегда трансцендентально. Малѣйшій объектъ воспріятія (какъ, напримѣръ, только удовольствіе или неудовольствіе), присоединяясь къ общимъ представленіямъ самосознанія, тотчасъ превратилъ бы раціональную психологію въ эмпирическую". Изъ этого, повидимому, слѣдуетъ вывести, что всякое сужденіе, утверждающее что-либо о сущности Я (души) вообще, т.-е. не имѣющее въ виду какое-нибудь конкретное эмпирическое содержаніе, а лишь вообще данное и возможное въ опытѣ, должно быть уже отнесено къ раціоналистическому ученію. Въ нашемъ понятіи Я нѣтъ никакого опредѣленнаго конкретно-эмпирическаго содержанія. Мы утверждаемъ бытіе Я, какъ нѣкоторой связной и объединенной системы состояній сознанія, при чемъ подъ связностью разумѣемъ нѣкоторое подвижное взаимоотношеніе между элементами, по которому одинъ элементъ непрерывно переходитъ въ другой съ извѣстной степенью повторности или законосообразности, подъ объединенностью же — отличіе этой системы, какъ особой отдѣльной сущности, отъ простой суммы составныхъ элементовъ. Изъ категорій разсудка, въ примѣненіи коихъ къ понятію души, какъ разъ и состоитъ по Канту раціональная психологія, мы примѣнили къ нашему понятію, между прочимъ, категорію единства. Сущность того возраженія, которое намъ можно было бы сдѣлать съ точки зрѣнія Канта, заключается въ томъ, что мы не въ правѣ примѣнять эту категорію къ тому, что дано намъ единымъ лишь въ функціи сочетанія разнообразнаго внутренняго опыта, но никакъ не можетъ быть дано въ интуиціи (подобно, напримѣръ, воспріятіямъ матеріальнаго міра), къ чему только и можно примѣнять категоріи разсудка. Обращаясь къ этому возможному возраженію мы прежде всего должны замѣтить, что даже съ точки зрѣнія основоположеній кантовскаго ученія намъ кажется въ сущности не обоснованнымъ то требованіе, чтобы категоріи примѣнялись непремѣнно къ интуиціямъ, понимая подъ этимъ чувственное содержаніе въ извѣстныхъ пространственно-временныхъ отношеніяхъ. Вѣдь, кромѣ чувственнаго содержанія всего нашего сознанія въ его отдѣльности и разрозненности не менѣе существенную область нашего внутренняго опыта составляютъ также всѣ тѣ функціи, которыми это содержаніе связывается въ тѣ или иныя системы. Эти функціи, не представляющія изъ себя интуицій въ кантовскомъ смыслѣ, являются тѣмъ не менѣе чѣмъ-то весьма важнымъ и существеннымъ въ содержаніи нашего Я, а потому необходимо и сами должны стать предметомъ обсужденія и изученія. Но всякое мышленіе состоитъ изъ сужденій, которыя по своей природѣ представляютъ не что иное, какъ

примѣненіе той или иной категоріи разсудка. Такимъ образомъ, всякое изученіе этихъ функцій явилось бы, съ точки зрѣнія указанныхъ требованій, переходомъ за границы возможнаго употребленія категорій разсудка, по крайней мѣрѣ ничто не ручалось бы за объективную значимость такого изученія. Но спрашивается, не потеряла ли бы при такомъ требованіи все свое значеніе сама „Критика чистаго разума", которая имѣетъ своимъ предметомъ какъ разъ эти, объединяющіе элементы сознанія, функціи. Вѣдь, съ такой точки зрѣнія оказывается, что высказанная Кантомъ мысль о томъ, напримѣръ, что трансцендентальное единство самосознанія есть условіе для всяческаго примѣненія разсудка, какъ состоящая въ приложеніи категоріи причинности къ тому, что вовсе не представляетъ изъ себя интуиціи или содержанія какого-либо опыта, а нѣчто лишь понимаемое, какъ условіе опыта,—что эта мысль заключаетъ въ себѣ столь же неправильное примѣненіе категорій, какъ и ученіе раціоналистовъ о субстанціальности души, гдѣ къ тому же самому единству самосознанія примѣняется категорія субстанціи.

Но наше разногласіе съ критицизмомъ начинается гораздо раньше и касается самыхъ основныхъ положеній этого ученія, а потому мы и не будемъ входить въ болѣе подробное разсмотрѣніе затронутаго нами вопроса съ тѣхъ точекъ зрѣнія, которыя представляютъ уже дальнѣйшее развитіе этихъ положеній, а обратимся прямо къ болѣе коренному разногласію.

Центральнымъ пунктомъ всего критицизма является ученіе о феноменахъ и нуменахъ. Все то, что дается, какъ явленіе, т.-е. въ чувственномъ созерцаніи, составляетъ содержаніе міра феноменальнаго. Ему противополагается міръ нуменовъ, подъ которымъ разумѣется все то, что ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть предметомъ чувственнаго созерцанія и вообще не доступно ни для какого возможнаго опыта, и опытнаго созерцанія. Съ понятіемъ нумена является почти тожественнымъ понятіе „вещи въ себѣ", получающее, впрочемъ, еще нѣкоторый особый оттѣнокъ въ обозначеніи этимъ понятіемъ чего-то внѣшняго субъекту воспріятія, опредѣляющаго это воспріятіе, хотя въ немъ совершенно не выразимое и не познаваемое. По ученію Канта, нумены или „вещи въ себѣ" не познаваемы. Мы можемъ примѣнять разсудочныя категоріи лишь къ извѣстному содержанію дѣйствительнаго или возможнаго опыта, если же такое содержаніе намъ не дается, то функціи нашего разсудка получаютъ уже трансцендентное примѣненіе, состоящее лишь въ опредѣленіи предмета по формѣ и лишенное какой бы то ни было объективной значимости. Такими и являются всѣ наши опредѣленія, касающіяся того, что лежитъ внѣ всякихъ условій чувственнаго созерцанія, напр., души, какъ субстанціи, міра, какъ цѣлаго. Какъ видно изъ указаннаго опредѣленія, понятіе нумена или вещи въ себѣ, имѣетъ два существенныхъ признака: во-

первыхъ, признакъ отрицательный, состоящій въ исключеніи нуменовъ изъ міра феноменальнаго, т.-е. того, что дано въ сознаніи вообще (или по терминологіи Канта въ чувственномъ созерцаніи), и второй признакъ, опредѣляющій нуменъ, какъ нѣкоторое реальное само по себѣ сущее основаніе феномена, появляющагося въ сознаніи субъекта. Мы, съ своей стороны, не находимъ никакихъ достаточныхъ основаній для построенія понятія нумена ни по одному изъ указанныхъ признаковъ, кромѣ чисто формальныхъ, основанныхъ на коррелятивности понятій. Если мы всмотримся въ аргументацію Канта, то увидимъ, что Кантъ, собственно говоря, постулируетъ понятіе нумена, какъ прямо предполагающееся понятіемъ феномена. Если есть являющееся, то должно быть и то, что не можетъ быть дано въ явленіи, а только лишь мыслимо. „Точно также,— говоритъ Кантъ *),—уже въ самомъ нашемъ понятіи,—если извѣстные предметы, какъ явленія, мы называемъ чувственными сущностями (феноменами), ибо тотъ способъ, какъ мы ихъ созерцаемъ, мы отличаемъ отъ ихъ свойствъ въ себѣ,—заключается то, что мы противопоставляемъ ихъ поэтимъ послѣднимъ свойствамъ, хотя объ этихъ свойствахъ мы и не имѣли созерцанія, другимъ возможнымъ вещамъ, которыя не объекты нашихъ внѣшнихъ чувствъ, какъ предметы, только мыслимые разсудкомъ, и называемъ ихъ разсудочными сущностями (нуменами)“. Здѣсь Кантъ дѣлаетъ одну изъ тѣхъ ошибокъ, за которыя онъ нерѣдко справедливо упрекалъ догматиковъ-раціоналистовъ, состоящую въ отожествленіи понятій съ дѣйствительностью и въ заключеніи отъ формальныхъ отношеній понятій къ реальнымъ отношеніямъ дѣйствительности. Изъ возможности построить на чисто формальныхъ основаніяхъ понятіе коррелятивное понятію феномена, Кантъ заключаетъ о реальной значимости этого возможнаго понятія, т.-е. о соотвѣтствіи ему нѣкоторой непознаваемой сущности. Но слѣдуетъ ли придавать какое-либо объективное значеніе образованному такимъ формальнымъ способомъ понятію. Мы не видимъ ничего невозможнаго мыслить одно только понятіе феномена или, выражаясь сообразно принятой нами терминологіи, одно только понятіе сознанія, вовсе не прибѣгая къ образованію понятія о чемъ-то несознаваемомъ, или точнѣе, неосуществимомъ въ сознаніи. Если сознаніе существуетъ реально, то изъ этого никакъ не вытекаетъ, что должно быть и нѣчто совершенно иное, чѣмъ сознаніе, и при томъ все-таки существующее. Мы, конечно, можемъ построить такое понятіе, но никакого бытія ему можетъ не соотвѣтствовать кромѣ акта построенія его въ умѣ путемъ отрицанія перваго, подобно тому, какъ не соотвѣтствуетъ никакой дѣйствительности понятію „небытіе“. Но намъ могутъ сказать, что всякое сознаніе, въ силу ли обуслов-

*) Стр. 219 «Крит. Ч. Р.».

ленности большинства его элементовъ или въ силу какихъ-либо другихъ причинъ, противопоставляется чему-то по отношенію къ нему внѣшнему, что не есть это данное сознаніе. Наконецъ, скажутъ намъ, должны же мы предполагать какой-нибудь внѣшній объективный субстратъ, соотвѣтствующій воспринимаемымъ нами ощущеніямъ, которыя по своей природѣ представляютъ все-таки состоянія нашего же сознанія и въ которыхъ какъ бы только является для нашего сознанія нѣчто, остающееся по своей природѣ отъ насъ скрытымъ. Безспорно это такъ, мы приходимъ и должны приходить къ понятію о чемъ-то внѣшнемъ для нашего сознанія. Но мы вовсе не обязаны это внѣшнее считать за нѣчто вообще чуждое сознанію и въ сознаніи не выразимое, каковымъ является понятіе нумена въ критицизмѣ. *Этотъ ошибочный выводъ основанъ на незамѣтномъ смѣшеніи и отожествленіи того, что разумѣется подъ каждымъ даннымъ сознаніемъ съ сознаніемъ вообще.* Вполнѣ правильно заключеніе о существованіи чего-то внѣшняго для каждаго даннаго сознанія. Но совершенно произвольно думать, что будто бы это внѣшнее для даннаго сознанія, такъ сказать, „не это сознаніе“, есть нѣчто внѣшнее и чуждое сознанію вообще, что оно есть вообще „не сознаніе“. Вѣдь, можетъ быть, это внѣшнее для даннаго сознанія есть тоже сознаніе, но лишь „другое сознаніе“, а не это данное, о которомъ идетъ рѣчь. Противополагать же „сознанію вообще“ какое-то вообще „не сознаніе“, какъ это дѣлается критицизмомъ въ построеніи эквивалентныхъ понятій „феномена“ и „нумена“, по нашему мнѣнію, нѣтъ никакихъ основаній, кромѣ чисто формальныхъ, по которымъ можно съ такимъ же правомъ построить понятіе „небытія“. То обстоятельство, что все наше сознаніе подлежитъ пространственно-временному порядку, нисколько не умаляетъ его реальность и вовсе не дѣлаетъ его какимъ-то призрачнымъ отображеніемъ гдѣ-то скрытой нуменальной дѣйствительности. Распредѣленіе данныхъ сознанія въ порядкѣ пространства и времени имѣетъ мѣсто только тамъ, гдѣ образовались уже идеи этихъ порядковъ, которыя, какъ мы показали, являются продуктами уже болѣе или менѣе сложныхъ процессовъ мышленія, состоящихъ въ соединеніи нѣсколькихъ разрозненныхъ данныхъ сознанія во-едино. Простое сознаніе смѣны или смежности двухъ зрительныхъ ощущеній, которое мы только и можемъ предполагать у младенца, не имѣющаго воспоминаній и живущаго краткимъ моментомъ настоящаго, не есть еще время и пространство, хотя и является исходнымъ пунктомъ этихъ представленій и понятій. Времени нѣтъ для того, у кого нѣтъ представленія прошедшаго и будущаго, точно также нѣтъ пространства для того, у кого зрительныя созерцанія не ассоціировались еще въ закономѣрныя отношенія съ моторными ощущеніями. А такимъ только и можемъ мы себѣ представлять сознаніе новорожденнаго ребенка, если только не будемъ

исходить изъ предвзятыхъ теорій, а руководиться простымъ наблюденіемъ тѣхъ проявленій дѣтей, которыя, безъ помощи какихъ бы то ни было хитроумныхъ и замысловатыхъ экспериментовъ, представляютъ вполнѣ достаточный матеріалъ для рѣшенія коренныхъ вопросовъ (не касающихся деталей) происхожденія познанія. Но если даже предположить, что пространство и время дѣйствительно присущи всякому сознанію, являясь апріорными формами, предваряющими всяческое, какъ внѣшнее, такъ и внутреннее созерцаніе, слѣдуетъ ли изъ этого дѣйствительность нашего сознанія лишь какъ феноменальнаго бытія и соотвѣтствіе ему какого-то ноуменальнаго. И въ этомъ случаѣ мы должны отвѣтить отрицательно. Изъ такого предположенія слѣдуетъ только то, что всѣ образы такъ-называемыхъ вещей, которые къ тому же состоятъ изъ сочетанія нашихъ же ощущеній, не представляютъ изъ себя дѣйствительно сущей внѣ насъ реальности, а суть продукты нашего-же сознанія, что они дѣйствительно представляютъ лишь феноменальное (кажущееся) бытіе по отношенію къ тѣмъ вещамъ въ себѣ, которыя мы съ бо́льшимъ или меньшимъ правомъ можемъ предполагать внѣ нашего сознанія. Но слѣдуетъ ли такой выводъ относительно всего объема нашего сознанія, взятаго въ цѣломъ. Нисколько, скажемъ мы. Если мы можемъ наше сознаніе въ извѣстномъ смыслѣ считать за отраженіе нѣкоторой внѣшней ему дѣйствительности, которая въ немъ только намъ „кажется“ или „является“, то ни въ какомъ случаѣ не можемъ мы его считать за отраженіе его самого или какой-то лежащей еще глубже его самости. Никакихъ данныхъ для такого внутренняго раздвоенія у насъ нѣтъ. Сознаніе само въ себѣ представляетъ нѣкое дѣйствительное бытіе, которое если и можетъ „казаться“, то только кому-нибудь другому, а уже никакъ не самому себѣ. Форма времени, въ которой распредѣляется наше внутреннее содержаніе (если только считать сознаніе смѣны за время) состоитъ, вѣдь, лишь въ извѣстномъ распорядкѣ элементовъ сознанія, но нисколько не касается ихъ качественности. Поэтому если бы формою времени даже и вносилось въ наше сознаніе что-либо субъективное и какъ бы искажающее ноуменальное бытіе въ феноменальное, то искаженіе это могло бы касаться только распорядка элементовъ сознанія, а никакъ не ихъ качественной природы. Но вообще о какомъ-нибудь искаженіи могла бы быть рѣчь, если бы какое-нибудь одно бытіе какъ-либо выражалось въ другомъ, отъ него отдѣльномъ. Функція же временного распорядка и тѣ состоянія сознанія, которыя въ этотъ распорядокъ входятъ, не представляютъ что-либо отдѣльное другъ отъ друга, а принадлежатъ одному и тому же сознанію. Ихъ раздѣленіе возможно только въ актѣ рефлектирующей мысли. Все же это сознаніе со всѣми „a priori“ лежащими въ немъ функціями, если даже таковыя предполагать, вовсе не проходитъ еще сквозь пре-

ломляющую призму какой-то отъ него отдѣльной апріорной функціи,—которая могла бы какъ-либо сдѣлать его бытіе только являющимся, а не сущимъ самимъ въ себѣ,—и потому есть нѣкоторое первоначальное, въ себѣ данное, дѣйствительное, а не кажущееся, бытіе.

Изъ сказаннаго, думаемъ мы, достаточно ясно, что понятіе „вещи въ себѣ“ лишь постолько имѣетъ право на существованіе, посколько мы хотимъ имъ обозначить неизвѣстныя сущности, соотвѣтствующія и опредѣляющія всѣ тѣ состоянія нашего сознанія, которыя мы такъ или иначе понимаемъ исходящими отъ внѣшняго нашему сознанію бытія или только его обозначающими. Предполагать же для нашего сознанія въ цѣломъ еще какой-то внутренній сверхсознаваемый субстратъ, гнѣздящійся въ какихъ-то неизвѣданныхъ глубинахъ бытія, является, по нашему мнѣнію, полнымъ, и только искусственно обоснованнымъ, произволомъ мысли.

Мы считаемъ необходимымъ обратиться къ разсмотрѣнію еще одного мнѣнія о феноменальности нашего Я, мнѣнія, хотя и являющагося отголоскомъ кантовскаго ученія и вообще развитого въ духѣ критицизма, но имѣющаго тѣмъ не менѣе вполнѣ самостоятельное и независимое значеніе. Мнѣніе это принадлежитъ представителю критицизма въ Россіи, профессору, Александру Ивановичу Введенскому (см. „Опытъ построенія теоріи матеріи на принципахъ критической философіи“, глава II, § 4 и приложеніе 1-е) и состоитъ въ положеніи, что Я безъ не-Я пусто, что нельзя сознавать свое Я, не сознавая въ то же время какого-нибудь не-Я, которое, такимъ образомъ, является опредѣляющимъ моментомъ въ сознаніи нашего собственнаго Я. Изъ положенія: „Я безъ не-Я пусто“ вытекаетъ, что мы вовсе не имѣемъ непосредственнаго знанія о своемъ Я, но что наше знаніе о Я опосредствовано знаніемъ о не-Я, т.-е., другими словами, что мы сами не сознаемъ себя, какъ что-то само по себѣ сущее, какъ вещь въ себѣ, но всегда какъ нѣчто являющееся намъ черезъ что-то другое. Это мнѣніе представляется намъ почти равнозначущимъ тому, что наше Я дано намъ самимъ, какъ въ сознаніи, такъ и въ знаніи, лишь какъ явленіе или феноменъ, а потому мы и считаемъ возможнымъ отнести это мнѣніе къ ученію о феноменальности нашего Я. Но такъ какъ оно имѣетъ вполнѣ самостоятельную и при томъ своеобразную обосновку, то и приходится считаться съ нимъ особо. Мы приводимъ двѣ выдержки изъ указаннаго сочиненія, заключающія существеннѣйшую часть всей аргументаціи г. Введенскаго.

1) (Стр. 47—50) «Наше сознаніе дѣйствительно состоитъ въ объектированіи а слѣдовательно содержитъ въ себѣ объектирующія формы. Обыкновенно намъ кажется, что мы сознаемъ непосредственно только сами себя, свое Я, а все прочее, что не составляетъ нашего я и что можно назвать своимъ не-Я, узнаемъ опосредствованнымъ способомъ — именно посредствомъ умозаключенія: мы находимъ въ себѣ ощущенія, которыя не зависятъ отъ нашего произвола,

и *заключаемъ* отсюда о причинѣ ихъ существованія, о такой причинѣ, которая существуетъ внѣ насъ.

Но ни та, ни другая часть этого положенія не вѣрна. Во-первыхъ — если бы знаніе о нашемъ не-Я дѣйствительно пріобрѣталось такимъ путемъ, то наши ощущенія, напримѣръ бѣлизна бумаги, голубой цвѣтъ неба и т. д., оставались бы въ насъ самихъ, а не объектировались бы. Вѣдь мы говоримъ, что находимъ ихъ въ себѣ, какъ независящія отъ нашей воли, и потому *внѣ себя* предполагаемъ *причину*, которая вызываетъ ихъ *въ насъ*; слѣдовательно, сами ощущенія, какъ дѣйствія *на насъ* этой *внѣ насъ* находящейся причины, должны быть и оставаться *въ насъ самихъ*, а внѣ насъ должно явиться *то, что ихъ вызываетъ*. Вѣдь если я нахожу на своихъ рукахъ тѣневое пятно, существованіе котораго не зависитъ отъ моего произвола, и поэтому предполагаю причиной его существованія на мнѣ что-нибудь находящееся внѣ меня, то пятно все таки остается на мнѣ и не переходитъ, вслѣдствіе этого предположенія — съ меня на внѣшніе предметы.

Во-вторыхъ, не вѣрно и то, будто мы познаемъ сами себя, т.-е. свое Я *непосредственно*, какъ одну изъ вещей, находящихся среди другихъ вещей. Если бы это было справедливо, то мы знали бы свое Я отдѣльно отъ всего, что не составляетъ его самого, отдѣльно отъ всякаго не-Я: вѣдь предполагается, что всякое не-Я узнается путемъ умозаключенія; слѣдовательно, предполагается, что я сперва знаю *только* свое Я (безъ всякаго не-Я), а потомъ заключаю, что существуетъ на свѣтѣ и еще что то кромѣ меня. Это предполагается, а между тѣмъ своего Я нельзя знать безъ не-Я.

Дѣйствительно — если мы захотимъ отвлечь отъ нашего Я все, что его не составляетъ, весь внѣшній міръ цѣликомъ, въ томъ числѣ и мое тѣло, то у насъ останется пустое слово (Я), котораго не къ чему примѣнить. Разумѣется, такое отвлеченіе надо дѣлать не только относительно настоящаго, но и относительно прошлаго, т.-е. надо удалить и всякое воспоминаніе о внѣшнемъ мірѣ и связанныхъ съ нимъ событіяхъ, напримѣръ о гнѣвѣ на что бы то ни было находящееся *внѣ* меня; если этого не сдѣлать, то это значитъ, что мы взяли наше Я не вполнѣ обособленнымъ отъ всякаго не Я. Наоборотъ — если мы станемъ разсматривать то, чѣмъ свидѣтельствуетъ о своемъ существованіи наше Я (хотѣніе, чувствованіе, а главнымъ образомъ представленіе, потому что и хотѣнія, и чувствованія, разъ мы ихъ сознаемъ, должны быть представляемы нами), то все это оказывается связаннымъ съ нашимъ не-Я и безъ него теряетъ всякое реальное значеніе, превращается въ никуда непримѣнимыя слова. Дѣйствительно, хотѣть, чувствовать (любить), ощущать, представлять надо что-нибудь *внѣ* себя, т.-е. какое нибудь не-Я. Напримѣръ — хотѣніе, чтобы не остаться безсодержательнымъ словомъ, должно содержать въ себѣ желаніе того, что не есть я самъ, или по крайней мѣрѣ желаніе, чтобы я относился къ тому, что находится *внѣ* меня, иначе чѣмъ до сихъ поръ; слѣдовательно хотѣніе прямо или косвенно связано съ какимъ нибудь не-Я. Равно гнѣвъ есть гнѣвъ на кого-нибудь кромѣ меня, или же недовольство собой за свои поступки съ тѣмъ, кто или что не есть Я самъ; гнѣвъ, который не связанъ ни съ чѣмъ внѣшнимъ, остается пустымъ словомъ.

Изъ всего сейчасъ сказаннаго слѣдуетъ, что мы вовсе не знаемъ свое Я безъ одновременнаго знанія о томъ, что не оно само: Я, которое не сопровождается никакимъ не-Я, есть пустое ни къ чему не примѣнимое *слово*. Мы говоримъ, что наше сознаніе есть знаніе о самомъ себѣ — о своемъ Я.

Но реальное Я существуетъ только во время *противопоставленія* его съ тѣмъ, что не есть оно само, съ какимъ либо не-Я, съ объектомъ; а объекты сами по себѣ, т.-е. вещи въ себѣ намъ недоступны—взамѣнъ того мы имѣемъ лишь *субъективныя* ощущенія, наглядныя *представленія* вещей, а не сами вещи; слѣдовательно, реальное Я существуетъ не иначе, какъ въ ихъ объектированіи. Я существуетъ не иначе какъ въ противопоставленіи съ какимъ нибудь не-Я, но мы можемъ знать *только то*, что представляемъ, а чего не представляемъ того, разумѣется, и не знаемъ; слѣдовательно, реальное Я существуетъ въ объектированіи своихъ представленій; хотя часть ихъ должна принять объективный характеръ.

Мы *понимаемъ* свои ощущенія и составляющіяся изъ нихъ представленія какъ свое не-Я: въ этомъ и *состоитъ* наше сознаніе. Оттого-то и происходитъ, что наши ощущенія принимаютъ объективное значеніе, *являются* намъ нашимъ не-Я. Некритическое мышленіе предполагаетъ, будто бы мы производимъ изъ себя ощущенія и такъ какъ не можемъ не производить ихъ, то *отсюда заключаемъ*, что есть вынуждающая насъ къ тому внѣшняя причина, которая и составляетъ внѣшній міръ или наше не-Я. Совершенно наоборотъ — при такихъ условіяхъ ощущенія являлись бы существующими *въ* насъ, а не *внѣ* насъ; напротивъ — *сами ощущенія* мы разсматриваемъ какъ причину (а не какъ дѣйствіе), и чрезъ это они являются намъ *внѣ* насъ, объектируются. Я безъ всякаго не-Я или, что то-же, сознаніе безъ знанія объ не-Я есть пустое слово, поэтому нельзя находить *въ себѣ* (т.-е. сознавать) ощущеній, еще не имѣя никакого не-Я, еще не имѣя внѣшняго міра. Коль скоро мы находимъ или сознаемъ что-либо *въ* себѣ, то мы *уже* должны имѣть какое-нибудь не-Я, слѣдовательно уже произвели актъ объектированія».

2) (Стр. 302—303) «Если поставить вопросъ, въ чемъ состоитъ наше Я, взятое само по себѣ (помимо всякаго не-Я), то единственно возможнымъ отвѣтомъ будетъ то, что оно состоитъ въ сознаніи: Я есть сознаніе. Но сознаніе есть знаніе. Реально переживаемое знаніе должно быть знаніемъ о чемъ-нибудь Если мы не укажемъ, какое именно знаніе, т.-е. въ знаніи о чемъ именно состоитъ наше Я, то, значитъ, мы взамѣнъ указанія на что-либо реально переживаемое произнесли пустое слово, которое остается ни къ чему не примѣненнымъ; а тогда и Я, которое отдѣлено отъ всякаго не-Я (т.-е. то Я, которое, по нашимъ словамъ, состоитъ въ этомъ знаніи), есть столь же пустое, ничему реальному не соотвѣтствующее слово, какъ и то знаніе, относительно котораго не дѣлается указанія, въ знаніи, о чемъ именно состоитъ это знаніе. Итакъ, въ знаніи о чемъ именно состоитъ наше Я? Такъ какъ оно разсматривается безъ всякаго не-Я, то можетъ состоять только въ знаніи о самомъ себѣ. Слѣдовательно Я есть знаніе объ Я. Но и второе Я есть знаніе; слѣдовательно, мы получаемъ: Я есть знаніе о знаніи. О чемъ же? Объ Я, т.-е. знаніе о знаніи о знаніи о знаніи и т. д. до безконечности. Ясно, слѣдовательно, что мы не дѣлаемъ указанія ни на какое реально переживаемое знаніе, а лишь повторяемъ тѣ самыя пустыя слова. Только тогда и получится указаніе на реально переживаемое знаніе, когда мы къ знанію о знающемъ Я присоединимъ еще и то не-Я, о которомъ оно знаетъ; Я, т.-е. сознаніе есть знаніе о своемъ знаніи о какомъ либо не-Я. Слѣдовательно Я безъ не-Я пусто и существуетъ только въ актѣ ихъ противопоставленія. А такъ какъ мы не можемъ имѣть дѣла ни съ чѣмъ кромѣ продуктовъ своего сознанія, то Я существуетъ только въ актѣ ихъ объекти-

рованія, т.-е. въ такомъ (со стороны внутренней природы неизвѣстномъ) актѣ, вслѣдствіи котораго они въ нашемъ пониманіи *являются* объектами».

Какъ видно изъ приведенныхъ отрывковъ, вся аргументація г. Введенскаго основана на отожествленіи сознанія съ знаніемъ. На основаніи вполнѣ вѣрныхъ соображеній о томъ, что наше Я познается только въ противоположеніи его какому то не-Я г. Введенскій заключаетъ, что такое же противоположеніе составляетъ также необходимое условіе всяческаго *сознанія*. На страницѣ 302 прямо говорится: „Но сознаніе есть знаніе". Мы очень далеки отъ такого отожествленія, а потому соглашаясь въ общихъ чертахъ съ соображеніями г. Введенскаго объ относительности и взаимной обусловленности Я и не-Я, *въ качествѣ болѣе или менѣе ясныхъ представленій или понятій*, вовсе не видимъ никакой необходимости признавать такую раздвоенность и какъ бы полярность въ чистомъ сознаніи.

Совершенно справедливо, что простѣйшія формы объективированія вовсе не совершаются по какому-то правильному умозаключенію о существованіи внѣшнихъ причинъ, обусловливающихъ наши ощущенія, и что въ области ощущеній объективація совершается нами невольно, при чемъ мы объективируемъ наши же собственныя ощущенія. Но отъ этого еще далеко до того всеобщаго и категорическаго закона сознанія, который признаетъ г. Введенскій. Во-первыхъ, такая безотчетная, можно сказать, инстинктивная, объективація имѣетъ мѣсто лишь въ области высшихъ ощущеній, по преимуществу зрѣнія и осязанія, во-вторыхъ, мы можемъ съ увѣренностью приписывать ее лишь высшимъ формамъ сознательной жизни, да и то начиная съ извѣстнаго возраста, когда образовалось уже представленіе пространства 3-хъ измѣреній и наполняющихъ его матеріальныхъ вещей. Мы сомнѣваемся, чтобы кто-либо могъ доказать, что новорожденный младенецъ уже понимаетъ звукъ, свѣтъ или цвѣта, которые онъ созерцаетъ, за нѣчто ему внѣшнее и отъ него обособленное. Мы думаемъ, что для такого младенца еще нѣтъ ни внутренняго ни внѣшняго, а потому нѣтъ и объективаціи въ томъ смыслѣ, какой придаетъ этому слову г. Введенскій.

Какъ мы уже указывали раньше, первою и простѣйшею формою объективаціи слѣдуетъ признать простое выдѣленіе изъ хаоса сознанія отдѣльныхъ его элементовъ или ихъ группъ, происходящее путемъ фиксированія на нихъ своего вниманія. Сущность такой объективаціи состоитъ лишь въ сознаніи отдѣльности, или вѣрнѣе въ сознаніи отдѣленія, одного отъ другого. Но тутъ нѣтъ еще ни внутренняго ни внѣшняго, а лишь простое разграниченіе. Нужно сначала научиться вообще раздѣлять и только тогда могутъ появиться условія для образованія хотя бы самыхъ смутныхъ представленій о чемъ-то внѣшнемъ и чуждомъ, а также и о

своемъ Я. Вѣдь для этого необходимо нѣкоторое сравненіе и сопоставленіе какихъ-либо элементовъ или ихъ группъ другъ съ другомъ; необходимо подмѣтить въ этихъ группахъ то, что служитъ основаніемъ для отнесенія ихъ въ ту или иную категорію, т.-е. къ Я или къ не-Я. А все это возможно лишь тогда, когда уже появилась способность къ раздѣленію вообще. Чтобы доказать свой законъ, г. Введенскій долженъ былъ бы доказать способность и даже *необходимость объективаціи* и для сознанія новорожденнаго младенца, что мы считаемъ совершенно невозможнымъ, такъ какъ внѣшнія проявленія такого ребенка скорѣе противорѣчатъ такому утвержденію, чѣмъ могутъ его какъ-либо подтверждать. Но намъ могутъ сказать, что если проявленія ребенка и не могутъ подтверждать предположеніе о способности объективаціи, то они не даютъ также никакихъ данныхъ для рѣшительнаго и категорическаго отрицанія такого предположенія, могущаго имѣть за собою какія-либо основанія болѣе общаго характера. Поэтому мы постараемся опровергнуть законъ г. Введенскаго совсѣмъ инымъ путемъ. Положеніе: „Я безъ не-Я пусто“ падаетъ коль скоро мы укажемъ хотя бы на одно состояніе сознанія, которое не сопровождалось бы какимъ-нибудь представленіемъ или понятіемъ о не-Я. А такія состоянія, безъ сомнѣнія, есть. Къ нимъ относятся нѣкоторыя эмоціи, внутреннія органическія ощущенія и даже настроенія. Если я, напримѣръ, страдаю отъ сильной зубной боли и при этомъ (какъ это ошибочно и дѣлаютъ многіе) бросаю всѣ свои занятія и сосредоточиваю все свое вниманіе именно на своей боли, то часто можетъ наступить такое состояніе, когда все сознаніе наполнено исключительно болевымъ ощущеніемъ и никакихъ иныхъ элементовъ въ себѣ не заключаетъ. Подобное состояніе и есть именно такого рода, при которомъ нѣтъ рѣшительно никакой объективаціи. Вѣдь никто же не понимаетъ въ такомъ случаѣ свою боль чѣмъ-то внѣшнимъ себѣ. Въ такихъ случаяхъ боль просто чувствуется, а никакъ не понимается. Конечно, при размышленіи объ этой боли является мысль о зависимости ея отъ чего-то внѣшняго, но такое размышленіе вовсе не обязательно при ея испытываніи. Намъ скажутъ, что мы все-таки такъ или иначе локализируемъ боль, ощущаемъ ее протекающею во времени. Но, во-первыхъ, при нѣкоторомъ ослабленіи дѣятельности мысли, какъ напримѣръ при засыпаніи, и это можетъ исчезать, и боль можетъ испытываться безъ всякаго сознанія ея длительности и ея мѣстонахожденія. Во-вторыхъ, испытываніе ощущеній въ порядкѣ времени и даже пространства, если только оно ограничено предѣлами собственнаго тѣла, нельзя считать чѣмъ-то равнозначущимъ объективаціи въ смыслѣ противопоставленія своего Я какому то не-Я. Вѣдь мы относимъ все-таки наши чувства и желанія

къ нашему Я, а не къ не-Я, не смотря на то, что испытываемъ ихъ во времени. Что же касается до локализаціи боля и другихъ ощущеній, то и тутъ нѣтъ еще никакого намека на не-Я, такъ какъ все наше тѣло относится нами къ нашему Я, и только философы, да и то не всѣ, избавлены отъ этой, вполнѣ естественной и на нѣкоторыхъ ступеняхъ развитія неизбѣжной ошибки разума. Точно такъ же многія эмоціи осуществляются въ нашемъ сознаніи безъ какой бы то ни было объективаціи ихъ въ качествѣ чего то намъ внѣшняго, т.-е. не-Я. Если я чувствую стыдъ при воспоминаніи о совершенномъ мною поступкѣ, то вѣдь не считаю же я этотъ испытываемый мною стыдъ какою-то внѣшнею мнѣ сущностью, а, напротивъ, отношу его къ своему Я. Конечно, всякое наше мышленіе, о чемъ бы мы ни думали, хотя бы о нашихъ внутреннихъ состояніяхъ, включаетъ въ себя такія представленія и понятія, которыя такъ или иначе относятся къ міру не-Я. А такъ какъ наше мышленіе прекращается только во снѣ и даже самыя интенсивныя эмоціи сопровождаются почти непрерывными ассоціаціями идей или размышленіями, то мы, конечно, въ моментъ испытыванія стыда или другихъ чувствъ имѣемъ въ нашихъ процессахъ мысли тѣ или иныя объективированныя нами данныя сознанія, представленія или понятія. Мы не можемъ испытывать стыдъ, не вспоминая хотя бы на время своего поступка, относящагося обыкновенно къ какому-нибудь живому существу, а также совершеннаго при извѣстныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ и т. п. Но всѣ эти мысли, относящіяся къ міру не-Я, вовсе не представляютъ изъ себя той объективаціи, о которой идетъ рѣчь: присутствіе ихъ во всякій данный моментъ бодрственнаго состоянія нисколько не говоритъ въ пользу закона объективаціи. Въ самомъ дѣлѣ, законъ былъ бы вѣренъ, если бы каждое состояніе сознанія, само по себѣ, по самой своей природѣ, не могло бы испытываться иначе, какъ при одновременномъ противопоставленіи его въ качествѣ не-Я, какъ-то происходитъ у насъ, напр., при видѣ стола, дома, человѣка и т. п. Но вѣдь испытываемый мною стыдъ вовсе не требуетъ самъ по себѣ одновременнаго представленія какого-нибудь не-Я. Предположимъ, мнѣ стыдно, что у меня не хватило въ томъ или иномъ случаѣ рѣшимости, смѣлости и т. п. Хотя фактически такой стыдъ возникаетъ на почвѣ того или иного взаимодѣйствія нашего съ внѣшнимъ міромъ, а потому уже въ силу этого своего происхожденія можетъ при рефлексіи вызывать тѣ или иныя ассоціаціи объ этомъ мірѣ, тѣмъ не менѣе разъ онъ появился въ нашемъ сознаніи—для его длительности въ сознаніи вовсе нѣтъ никакой необходимости непремѣнно думать о какомъ-нибудь не-Я. Мое вниманіе можетъ быть исключительно устремлено на анализъ своего собственнаго душевнаго состоянія, я, напр., могу

въ себѣ находить тотъ или иной внутренній дурной стимулъ при совершеніи моего поступка, приводить его въ ту или иную связь съ другими моими состояніями, и весьма возможно, что въ нѣкоторые моменты мое мышленіе можетъ состоять исключительно изъ представленій и понятій относящихся къ міру Я и вовсе не имѣть ни одного элемента изъ міра не-Я. Безспорно, что всѣ наши хотѣнія, чувствованія вообще все то, чѣмъ свидѣтельствуетъ о своемъ существованіи наше Я, оказывается въ мысли связаннымъ съ не-Я и безъ него теряетъ всякое значеніе. Но дѣло въ томъ, что эта связность и соотносительность касается только познанія, но вовсе не сознанія. Въ познаніи все относительно и всѣ элементы его другъ друга взаимно опредѣляютъ, но для сознанія такая коррелятивность вовсе не обязательна. У меня не можетъ быть правильнаго понятія о солнцѣ, или лунѣ, если у меня нѣтъ понятія о планетной системѣ. Но вѣдь изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что смотря на солнце или луну, я непремѣнно долженъ въ тотъ же моментъ созерцать Марсъ, Юпитеръ, или вообще думать о всѣхъ планетахъ нашей системы. Если бы мы стали на основаніи коррелятивности познанія устанавливать законы сознанія, то такихъ законовъ у насъ оказалось бы безчисленное количество, потому что въ познаніи все взаимно обусловлено и посредственно или непосредственно связано. Намъ пришлось бы говорить о законѣ одновременнаго испытыванія тьмы и свѣта или одновременнаго созерцанія тупого и остраго угла, такъ какъ все это является взаимно обусловленнымъ въ сферѣ познанія. Но мы думаемъ, что подобно тому какъ мы можемъ находиться въ темнотѣ, вовсе не испытывая свѣта, точно такъ же мы можемъ сознавать свое Я въ тѣхъ или иныхъ состояніяхъ сознанія, не имѣя никакого знанія объ не-Я. Хотя, конечно, это осуществимо во всей чистотѣ только въ младенчествѣ или же въ тѣхъ повышенныхъ состояніяхъ чувства, когда наше мышленіе, которое всегда содержитъ въ себѣ тѣ или другіе объективированные элементы совершенно ослабѣваетъ и дѣлаетъ насъ, хотя бы не мгновеніе, существами, какъ бы лишенными разсудка и только сознающими.

Въ этомъ вопросѣ мы опять встрѣчаемся съ весьма для насъ страннымъ мнѣніемъ о томъ значеніи, которое имѣетъ для нашего сознанія и познанія порядокъ времени. Мнѣніе это, вообще весьма характерное для критицизма, состоитъ въ томъ, что время словно какъ-то измѣняетъ или искажаетъ то, что въ немъ является, что будто бы если бы отдѣльныя состоянія нашего сознанія не подлежали формѣ времени, то они отъ этого какъ-то выиграли бы и уже не „являлись“ намъ, а представляли бы нѣкоторую въ себѣ сущую реальность. Г. Введенскій по этому поводу говоритъ (стр. 60, § 10). „Время объектируется, т.-е. понимается какъ отдѣльно отъ насъ существующее. Это обстоятельство даетъ отвѣтъ на

тотъ вопросъ, который, можетъ быть, уже возникъ у читателя. Мы говоримъ, что все сознаваемое объектируется, понимается какъ отдѣльное отъ нашего Я бытіе. Но мы сознаемъ свои внутреннія состоянія, напримѣръ—гнѣвъ, и сознаемъ, какъ свои; слѣдовательно не объектируемъ ихъ. Нѣтъ—объектируемъ и ихъ, понимаемъ и ихъ какъ независящія отъ насъ. Вѣдь мы ихъ сознаемъ во времени, теченіе котораго понимается нами, какъ независящее отъ насъ, какъ существующее помимо насъ, такъ что оно продолжалось бы, если бы не было и самихъ насъ; а эту самую точку зрѣнія мы переносимъ и на свои внутреннія состоянія. То, что я пережилъ (гнѣвъ) *является* мнѣ какъ уже независящій отъ меня объектъ; а настоящаго никто не сознаетъ, ибо настоящее мигъ и подъ этимъ словомъ подразумѣвается ближайшее прошедшее въ связи съ ближайшимъ будущимъ. Что мы объектируемъ и свои собственныя внутреннія состоянія, лучше всего показываетъ то, какъ мы относимся къ будущему. Развѣ непріятность, которая намъ предстоитъ завтра не является въ нашихъ глазахъ какъ объектъ?“ Изъ того, что время въ своемъ теченіи представляется независящимъ отъ насъ, изъ этого, по мнѣнію г. Введенскаго, слѣдуетъ, что и наши внутреннія состоянія, сознаваемыя во времени, являются намъ уже независящими отъ насъ объектами. Весьма возможно, что когда мы философствуемъ, то мы приходимъ къ мысли о зависимости всѣхъ нашихъ состояній отъ чего-то внѣ насъ находящагося, но это опять-таки нисколько не касается сознанія и обычнаго способа пониманія его состояній. Когда крестьянинъ идетъ пахать и приступаетъ къ своей работѣ онъ ужь, конечно, не считаетъ каждое свое движеніе чѣмъ-то ему навязаннымъ извнѣ, а, не мудрствуя лукаво, думаетъ, что это именно онъ пашетъ, а не кто-нибудь другой, тѣмъ не менѣе, всѣ эти свои дѣйствія онъ, конечно, сознаетъ и болѣе или менѣе ясно понимаетъ происходящими во временной смѣнѣ. Изъ того, что наши собственныя состоянія являются намъ уже минувшими, вовсе не слѣдуетъ, что они представляются намъ уже чѣмъ-то отъ насъ независящимъ и уже какъ будто бы относящимися къ не-Я. То, что прошедшаго нельзя вернуть и передѣлать, нисколько не дѣлаетъ наши прошедшія состоянія уже какими-то словно не нашими, а чужими. Представленіе и понятіе о Я складывается по преимуществу именно изъ внутреннихъ событій прошедшаго, а не настоящаго, которое является только какъ бы однимъ пунктомъ нашего Я. Тутъ мы опять встрѣчаемся у г. Введенскаго съ отожествленіемъ знанія съ сознаніемъ, потому что только съ такой точки зрѣнія допустима фраза: „настоящаго никто не сознаетъ“. Намъ кажется еще возможнымъ говорить о томъ, что настоящее не познаваемо, въ силу того обстоятельства, что оно никогда не успѣваетъ,

оставаясь настоящимъ, сдѣлаться однимъ изъ пунктовъ какого-нибудь активнаго сопоставленія или синтеза (хотя и это еще спорно). Но говорить о томъ, что мы не *сознаемъ* настоящаго, кажется намъ чѣмъ-то грозящимъ привести насъ въ какую-то безвыходную пустоту небытія. Въ самомъ дѣлѣ, что же такое прошедшее, какъ не воспроизведеніе того, что было когда-то переживаемо, какъ настоящее. Но если настоящее нами не можетъ сознаваться, то оно значитъ пусто и безсодержательно, а потому, значитъ, и все прошедшее состоитъ изъ однихъ лишь пустыхъ и безсодержательныхъ моментовъ, т.-е. то же пусто и безсодержательно. Такимъ образомъ, г. Введенскій, вычеркивая изъ сознанія настоящее, разсуждая послѣдовательно, долженъ придти къ отрицанію сознанія вообще, такъ какъ все прошедшее состоитъ изъ моментовъ бывшихъ настоящими. Между тѣмъ, изъ того, что настоящее есть лишь одинъ мигъ, вовсе не слѣдуетъ, что оно есть ничто для сознанія, но лишь то, что оно не раздробимо, т.-е. не имѣетъ частей. Кромѣ того, настоящее, понимаемое, какъ мигъ, есть уже философская абстракція. Въ дѣйствительности для насъ настоящимъ является все переживаемое, прошедшимъ же все воспоминаемое. Большинство же переживаемыхъ состояній имѣетъ нѣкоторую длительность, а не ограничивается однимъ мигомъ. Мы способны воспринимать нѣкоторую часть такихъ длительныхъ состояній, какъ одно непрерывное и недѣлимое цѣлое, причемъ это цѣлое нами переживается, а не воспоминается. Когда мы сидимъ въ комнатѣ и имѣемъ передъ глазами всю нашу комнатную обстановку, то вѣдь мы не воспринимаемъ ее въ видѣ какихъ-то отдѣльныхъ мгновеній настоящаго, что было бы подобно мельканью движущейся фотографіи, а какъ нѣчто неподвижное стойкое по сравненію съ другими смѣняющимися состояніями нашего сознанія. Это стойкое и длительно переживаемое, всегда находящееся въ нашемъ сознаніи, и составляетъ наше настоящее съ психологической точки зрѣнія, такъ какъ оно переживается нами не при помощи воспоминанія, т.-е. вторичной репродукціи, а въ первый разъ, и при томъ слитно и нераздѣльно съ тѣмъ мгновеніемъ, которое мы только при помощи абстракціи опредѣляемъ, какъ настоящее. Настоящее понимаемое, какъ мигъ, есть уже слѣдствіе философской теоріи, понимающей каждый мигъ отличнымъ отъ предыдущаго, а потому чѣмъ-то отдѣльнымъ, незамѣнимымъ и невозвратнымъ. Для сознанія же нашего такія тонкости совершенно недоступны и оно соединяетъ въ единое цѣлое множество такихъ, лишь теоретически различимыхъ, мгновеній и называетъ это цѣлое, поскольку оно дано въ реальномъ переживаніи, настоящимъ. Такимъ образомъ, совершенно невѣрно, что будто бы мы сознаемъ себя только въ прошедшемъ и что настоящее для насъ какъ бы не существуетъ. Напротивъ, скажемъ мы, только на-

стоящее и дано намъ реально, т.-е. дѣйствительно, все же прошедшее дано для насъ только, какъ идеальное бытіе, т.-е. представимо при помощи воспоминаній въ представленіяхъ или идеяхъ. Но и то, что дано намъ, какъ прошедшее, хотя и является, объективированнымъ, но вовсе не въ томъ смыслѣ, какой придаетъ этому слову г. Введенскій. Объективація не состоитъ непремѣнно въ пониманіи чего-нибудь отдѣльнымъ нашему Я, т.-е. уже чѣмъ-то относящимся къ міру не-Я, а лишь въ пониманіи чего-либо отдѣльнымъ отъ даннаго наличнаго состоянія сознанія. Когда я вспоминаю мои вчерашнія чувства и настроенія, я объективирую ихъ, т. е. понимаю относящимися къ моему вчерашнему состоянію, отдѣленными отъ тѣхъ состояній, которыя переживаю въ ближайшую минуту, множествомъ промежуточныхъ звеньевъ, но я вовсе не понимаю эти воспоминаемыя мною состоянія относящимися къ міру не-Я, иначе я вспоминалъ бы ихъ не какъ свои, а какъ чужія. Вообще, съ точки зрѣнія г. Введенскаго получается довольно странный выводъ, далеко переходящій за предѣлы того положенія, которое онъ старается обосновать. Въ самомъ дѣлѣ, если Я въ настоящемъ не сознается, въ прошедшемъ же все содержаніе сознанія нами объективируется, т.-е. по тому смыслу, который придаетъ этому слову г. Введенскій, полагается, какъ нѣкоторое отдѣльное отъ нашего Я бытіе, т.-е. не-Я, то выходитъ, что мы въ сущности никогда себя не сознаемъ, а сознаемъ все что угодно кромѣ самихъ себя. Г. Введенскій утверждаетъ: „Я безъ не-Я пусто“, но изъ его аргументаціи въ пользу этого утвержденія выходитъ, что Я пусто не только что безъ не-Я, но и при немъ пусто, вообще всегда пусто и представляетъ ничего не значущее слово.

Мы не можемъ также согласиться съ г. Введенскимъ и въ томъ, что будто бы нельзя указать, въ чемъ состоитъ сознаніе нашего Я помимо всякаго не-Я и что всякая попытка такого указанія сводится къ пустословію, состоящему въ безконечномъ повтореніи, что знаніе объ Я есть знаніе о знаніи о знаніи о знаніи и т. д. до безконечности (см. стр. 92 выписка изъ стр. 302). Мы не видимъ никакой надобности въ такомъ переливаніи изъ пустого въ порожнее и недоумѣваемъ, почему г. Введенскій на предполагаемый имъ вопросъ, въ чемъ состоитъ наше Я, взятое само по себѣ, не нашелъ ничего болѣе подходящаго, какъ представить возможный отвѣтъ въ видѣ такого пустословія. Мы съ своей стороны дадимъ на поставленный г. Введенскимъ вопросъ два отвѣта, такъ какъ и самый вопросъ съ нашей точки зрѣнія распадается на два, а именно: во-первыхъ, въ чемъ состоитъ сознаніе Я и, во-вторыхъ, въ чемъ состоитъ знаніе Я. Сознаніе своего Я состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ переживаніи ощущеній, чувствъ, желаній, актовъ воли, представленія и мысли въ ихъ связности

и подвижности. Первоначально состоянія сознанія являются вполнѣ равноцѣнными другъ другу и всѣ попеременно составляютъ содержаніе Я, но по мѣрѣ образованія представленія пространства всѣ зрительныя и осязательныя ощущенія, а также нѣкоторыя моторныя, образуютъ изъ себя стойкія ассоціаціи, которыя начинаютъ пониматься, какъ нѣчто отдѣльное, обособленное и существующее само по себѣ, т.-е. то, что называется потомъ матеріальными вещами. Въ этотъ моментъ впервые обозначается въ умѣ ребенка представленіе т.-е. знаніе о Я и не-Я. Коль скоро представленіе пространства образовалось, всѣ зрительныя ощущенія, кромѣ зрительныхъ воспріятій своего собственнаго тѣла, не могутъ пониматься иначе, какъ пространственно отдѣленными отъ Я и относящимися уже къ не-Я. Такимъ образомъ, отдѣльность Я отъ не-Я обозначается, прежде всего, какъ пространственная внѣшность другъ другу различныхъ состояній сознанія, а именно цвѣтовыхъ, осязательныхъ и нѣкоторыхъ моторныхъ ощущеній, съ одной стороны, и всѣхъ остальныхъ состояній сознанія: чувствъ, стремленій, желаній—съ другой. Изъ этого, впрочемъ, вовсе не слѣдуетъ, что мы не сознаемъ своего Я въ тѣ минуты, когда мы смотримъ, осязаемъ, поднимаемъ тяжести и т. п., такъ какъ нами понимаются свойствами внѣшнихъ намъ сущностей только лишь качественное содержаніе всѣхъ этихъ ощущеній, т.-е. цвѣтность, гладкость или шероховатость, тяжесть, сопротивляемость т. п., все же, что относится къ нашему активному участію по отношенію къ этимъ будто бы внѣ насъ находящимся качествамъ, т.-е. тѣ акты воли, посредствомъ которыхъ мы переходимъ отъ созерцанія однихъ предметовъ къ другимъ, тѣ усилія которыя, мы употребляемъ для измѣненія существующихъ между вещами соотношеній, все это сознается нами какъ наше Я. Конечно, новорожденный младенецъ или даже взрослый человѣкъ, посколько онъ можетъ иногда отдѣлаться отъ всякаго размышленія и рефлексіи и жить только чистымъ сознаніемъ, не сознаетъ своего Я такъ, какъ его сознаетъ человѣкъ, мыслящій о своемъ Я. Ребенокъ просто сознаетъ, и только мы взрослые можемъ называть это сознаніе сознаніемъ Я на томъ основаніи, что анализъ понятія Я показываетъ намъ, что оно не изъ чего иного и не состоитъ, какъ именно изъ этихъ состояній сознанія, которыя переживаются ребенкомъ въ состояніяхъ усилія, пріятнаго или непріятнаго, въ чувствахъ радости, въ его желаніяхъ и т. п., взрослымъ же, кромѣ того, въ разнообразнѣйшихъ чувствахъ и настроеніяхъ, въ актахъ мысли и творчества.

Въ содержаніе знанія объ Я входятъ всѣ тѣ состоянія сознанія, которыя не представляются намъ пространственно внѣшними, а также всѣ наши представленія и мысли, посколько мы имѣемъ въ виду ихъ *динамическую* природу, т.-е. понимаемъ, какъ свои собственные

акты *). Такимъ образомъ, въ знаніе объ Я входятъ всѣ тѣ-же элементы, что и въ сознаніе Я, но только въ связномъ единствѣ представленій или понятій, охватывающемъ все или часть пережитого въ болѣе или менѣе характерныхъ чертахъ, въ большей или меньшей яркости или схематичности.

То, что обозначается словами Я и не-Я обыкновенно есть уже представленіе или же понятіе. Но можно говорить и объ ихъ сознаніи, а именно разумѣя подъ сознаніемъ Я всѣ тѣ состоянія сознанія, которыя впослѣдствіи входятъ въ понятіе Я, и подъ сознаніемъ не-Я—всѣ тѣ состоянія, которыя входятъ въ понятіе не-Я. Конечно, эти два рода состояній сознанія еще до образованія соотвѣтствующихъ понятій сознаются нѣсколько различно, и именно это-то различіе въ сознаніи и обусловливаетъ возможность образованія этихъ различныхъ понятій, т.-е. различіе въ знаніи. Чистое сознаніе переживается только, какъ настоящее, прошедшее же дается намъ лишь въ представленіяхъ воспоминанія, т.-е. уже въ познавательныхъ актахъ. Поэтому наше Я посколько оно только сознается нами исчерпывается содержаніемъ настоящаго. Понятіе же Я обнимаетъ въ своемъ содержаніи всѣ соотвѣтствующія состоянія сознанія, т.-е. какъ сознаваемыя въ настоящемъ такъ и представляемыя какъ бывшія въ прошедшемъ и возможныя въ будущемъ. Эти представленія могутъ быть болѣе или менѣе разрозненными и случайными, но на высшихъ ступеняхъ умственнаго и нравственнаго развитія обыкновенно соединяются въ единую связную систему, содержаніе которой и составляетъ понятіе о своей личности. Въ соединеніи съ идеей безсмертія это понятіе личности понимается въ своемъ содержаніи, какъ безконечное и непрерывное по отношенію къ временному порядку.

Понятіе о Я можетъ заключать въ себѣ и тѣ элементы, которые сознаніемъ относятся къ не-Я. Кто понялъ весь, такъ называемый, матеріальный міръ, какъ разнаго рода комплексы своихъ же ощущеній, тотъ, конечно, и всѣ такъ называемые матеріальные предметы, долженъ признавать за состоянія своего сознанія вполнѣ равноправныя съ другими въ смыслѣ признанія ихъ относящимися къ содержанію своего Я, хотя можетъ быть и болѣе обусловленными въ своемъ возникновеніи отъ чего то внѣшняго, чѣмъ всѣ другія состоянія. Но такое пониманіе возможно только въ сферахъ абстрактнаго мышленія, вполнѣ отрѣшающагося отъ всѣхъ формъ пространственнаго представленія. Всякое же пространственно-чувственное представленіе неминуемо понимается нами, какъ

*) Это не мѣшаетъ намъ *содержаніе* нѣкоторыхъ изъ нихъ понимать какъ воспроизведеніе міра не-Я.

нѣчто отдѣльное отъ Я, какъ бы настойчиво это не отвергали высшія проявленія нашего мышленія. Этотъ конфликтъ имѣетъ, между прочимъ, роковое значеніе и для всей философіи, до сего времени не могущей вполнѣ освободиться отъ ложнаго понятія матеріи, какъ какой-то воспринимаемой нашими высшими чувствами сущности протяженной, вѣсомой и движущейся. Мы не будемъ теперь вдаваться въ разсмотрѣніе весьма интереснаго вопроса о томъ, почему именно зрительныя и осязательныя ощущенія ведутъ насъ къ этому ложному понятію матеріальнаго міра, почему мы не проецируемъ во внѣ другихъ нашихъ состояній и не считаемъ, напр., нашъ гнѣвъ за свойство человѣка его въ насъ возбудившаго, какъ мы, напр., считаемъ шероховатость за свойство вещей, обусловливающихъ въ насъ появленіе этого моторно-осязательнаго ощущенія. Этотъ вопросъ, какъ и многіе другіе вопросы теоріи познанія, можетъ быть рѣшенъ лишь съ точки зрѣнія болѣе или менѣе развитого ученія о природѣ міра и составляющихъ его существъ въ ихъ взаимной связи и соотношеніяхъ, т.-е. той части философскаго міровоззрѣнія, которая носитъ обыкновенно названіе метафизики.

Разсматривая все сказанное по поводу положенія г. Введенскаго: Я безъ не-Я внутри сознанія пусто, мы должны сказать, что его можно принять лишь по отношенію къ знанію и то въ такой формѣ: понятіе Я образуется одновременно съ понятіемъ не-Я, при чемъ содержаніе этихъ понятій всецѣло опредѣляется ихъ взаимнымъ ограниченіемъ. Не говоря уже о томъ, что сознаніе Я вовсе не обусловлено сознаніемъ не-Я, какъ чего-то пространственно отдѣльнаго, даже самое понятіе Я можетъ быть мыслимо безъ непремѣннаго *одновременнаго* противопоставленія его не Я. *Они обусловливаютъ другъ друга лишь въ своемъ возникновеніи, но разъ они, такъ или иначе, образовались въ нашемъ умѣ и опредѣлились въ своемъ содержаніи, они могутъ быть мыслимы и отдѣльно другъ отъ друга, все равно какъ вполнѣ возможно отдѣльно мыслить другъ отъ друга южный или сѣверный полюсъ, не смотря на то, что образованіе этихъ понятій было связано съ ихъ взаимнымъ противопоставленіемъ.* Такимъ образомъ, Я вовсе не дается намъ въ сознаніи и въ познаніи черезъ что то другое, а только черезъ самое себя. То, что понятіе объ Я въ своемъ возникновеніи взаимно обусловливается съ понятіемъ о не-Я вовсе не уменьшаетъ его значимость и не искажаетъ какъ-либо его содержаніе въ отношеніи воспроизводимости соотвѣтствующаго ему объекта. Всѣ наши понятія возникаютъ во взаимной обусловленности другъ съ другомъ. Мы лишь настолько можемъ составить себѣ понятіе о водородѣ, какъ химическомъ элементѣ, насколько мы имѣемъ понятіе о кислородѣ,

хлорѣ, углеродѣ, азотѣ и другихъ элементахъ *). Но слѣдуетъ ли изъ этого, что наше знаніе о водородѣ сдѣлалось чрезъ эту взаимозависимость какимъ то фальшивымъ и не соотвѣтствующимъ дѣйствительности. Напротивъ, скажемъ мы, это свойство познанія вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительной природѣ вещей, которыя никогда не существуютъ въ отдѣльности другъ отъ друга, а только въ реальномъ и живомъ взаимодѣйствіи другъ съ другомъ. Но если такое взаимодѣйствіе существуетъ и никакое А не можетъ никакъ выражать свою природу иначе какъ во взаимодѣйствіи съ В, С. и другими, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что это взаимодѣйствующее А есть какое-то фиктивное и что ему должно соотвѣтствовать еще какое-то, гдѣ-то таящееся и отъ всѣхъ скрытое „настоящее“ А., проявляющееся совершенно особымъ и непостижимымъ образомъ. Точно также изъ понятія взаимодѣйствія вовсе не слѣдуетъ, что это взаимодѣйствіе всегда дано намъ въ сознаніи, т.-е. что мы всегда сознаемъ себя взаимодѣйствующими съ не-Я. Взаимодѣйствіе можетъ только пониматься, но не сознаваться, такъ какъ для этого понятія необходимо уже познаніе нѣсколькихъ отдѣльныхъ сущностей, что недоступно чистому сознанію, замкнутому въ самомъ себѣ **).

По высказаннымъ соображеніямъ мы думаемъ, что старое ученіе философовъ—раціоналистовъ, о томъ, что мы знаемъ наше Я непосредственно вовсе не опровергнуто критической философіей, которая, въ концѣ концовъ, сама запутывается въ своихъ хитроумныхъ и замысловатыхъ возраженіяхъ и аргументахъ. Конечно, выраженіе, что мы себя знаемъ непосредственно, должно имѣть условный смыслъ, которымъ только обозначается отличіе знанія о нашемъ Я отъ знанія о какомъ бы то ни было не-Я. Вообще же всякое знаніе посредственно, какъ возникающее на почвѣ простого сознанія и обусловленное имъ какъ въ своемъ качественномъ такъ и структурномъ содержаніи. Но знаніе нашего Я можно назвать непосредственнымъ въ

---

*) Нашъ примѣръ можетъ показаться аргументомъ противъ насъ самихъ. Можно подумать, что какъ не можетъ быть понятія о водородѣ, взятомъ въ отдѣльности. точно также не можетъ быть и мысли объ одномъ только Я, помимо всякаго не-Я. Но это не такъ. Водородъ, кислородъ и другіе элементы, какъ неразложимыя сущности, не имѣютъ въ себѣ частей и не доступны анализу, а потому и познаніе ихъ не можетъ состоять ни въ чемъ иномъ, какъ въ понятіяхъ выражающихъ синтезъ ихъ съ другими элементами. Сознаніе же. или наше Я, вовсе не элементарно и наше мышленіе можетъ быть направлено исключительно на внутреннюю координацію его элементовъ, хотя бы эта координація и была въ реальной зависимости отъ внѣшнихъ взаимодѣйствій. Подобнымъ образомъ мы можемъ разсматривать внутреннюю координацію элементовъ въ частицахъ кислотъ или спиртовъ, временно упуская изъ виду ихъ отношеніе къ частицамъ иного химическаго типа.

**) О возможности сознанія Я помимо какого бы, то ни было не Я находятся весьма вѣскія соображенія у Лотце (см. «Микрокосмъ», пер. Корша, т., 3 стр. 678—682), высказанныя по поводу понятія Бога. какъ личности.

томъ смыслѣ, что содержаніемъ его являются элементы, данные намъ именно *въ нашемъ же* сознаніи Я, какъ его состоянія, при чемъ разумъ только конструируетъ изъ этихъ данныхъ сознанія, разбросанныхъ въ разныхъ пунктахъ временного порядка, единую связную познавательную систему, представляющую все это сознаніе въ его характерныхъ чертахъ сразу. Знаніе же о мірѣ не-Я всегда посредственное, такъ какъ содержаніе тѣхъ понятій, которыми оно воспроизводится, выражено *чрезъ посредство* ничьихъ иныхъ, а именно нашихъ же состояній сознанія. Такъ, сущность матеріальныхъ предметовъ или вообще матеріи выражается въ качественномъ содержаніи нашихъ зрительныхъ, осязательныхъ и моторныхъ (тяжесть или вѣсомость) ощущеній, представленія и понятія о другихъ одушевленныхъ существахъ выражаются чрезъ посредство всѣхъ состояній всего нашего же сознанія, понятыхъ нами въ тѣхъ или иныхъ комбинаціяхъ, какъ бы повторенными внѣ нашего сознанія и существующими отъ него совершенно отдѣльно въ видѣ органически-связныхъ системъ, подобныхъ той, какая дана намъ въ жизни нашего собственнаго сознанія.

Мы остановились, такимъ образомъ, пока на единственномъ утвержденіи онтологическаго характера, а именно на утвержденіи нашего Я, какъ до извѣстной степени связной и объединенной системы состояній сознанія. Мы утверждаемъ, что это понятіе Я вполнѣ соотвѣтствуетъ своему объекту, т.-е. живому реальному сознанію въ его цѣломъ и схематично передаетъ его сущность, насколько она намъ дана въ сознаніи. Мы считаемъ невозможнымъ отрицать это положеніе, не отрицая въ то же время значимость всѣхъ остальныхъ понятій къ какимъ только способенъ умъ человѣческій, т.-е. не впадая въ абсолютный скептицизмъ, который самъ себя уничтожаетъ тѣмъ, что онъ не имѣетъ права на употребленіе словъ (обозначающихъ всегда какой-нибудь продуктъ познанія), и долженъ, оставаясь себѣ послѣдовательнымъ, замолчать. Мы отрицаемъ всякую возможность предполагать въ основѣ нашего Я еще какую-то непознаваемую сущность или „вещь въ себѣ“, недоступную ни для какого сознанія, ни для познанія. Для такого предположенія мы не видимъ никакихъ достаточныхъ основаній. Но это нисколько не мѣшаетъ намъ дѣлать предположеніе о существованіи другихъ сущностей, познаваемыхъ или непознаваемыхъ, существующихъ наряду съ нашимъ Я и, можетъ быть, даже съ нимъ взаимодѣйствующихъ.

Точка зрѣнія, на которой мы теперь останавливаемся, проведенная окончательно, какъ законченная система, носитъ названіе солипсизма, т.-е. міровоззрѣнія, по которому весь міръ состоитъ собственно изъ нашего же Я, изъ нашего сознанія, и ничего кромѣ этого сознанія не заключаетъ. Не считая такое воззрѣніе на міръ достаточнымъ и удовлетвори-

тельно отвѣчающимъ на тѣ вопросы, которые предлагаетъ самъ себѣ нашъ разумъ, мы думаемъ, однако, что эта точка зрѣнія есть надежнѣйшій и вѣрнѣйшій опорный пунктъ для какихъ бы то ни было философскихъ изысканій и что вѣчная заслуга Декарта состоитъ въ томъ, что онъ поставилъ новую философію именно на этотъ опорный пунктъ, тогда какъ до него она отправлялась обыкновенно отъ чего-нибудь внѣшняго и даннаго въ сознаніи и въ разумѣ лишь какъ вторичное и опосредствованное. Мы обратимся теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ путей, которые выводятъ насъ изъ этого философскаго одиночества и вводятъ въ сообщество съ другими сущностями, безъ признанія которыхъ философская система была бы далеко не полна и вообще была бы лишена всякаго осмысливающаго и освѣщающаго нашу жизнь значенія.

ГЛАВА V.

Бытіе неодушевленное. Матерія и сила.

Всѣ разнообразнѣйшія по своему содержанію понятія о мірѣ не-Я, воспроизводимыя человѣческимъ мышленіемъ, относятся по преимуществу къ области бытія матеріальнаго или вещественнаго. Понятія о бытіи духовномъ въ общемъ необычны для человѣческаго ума, образуются имъ съ трудомъ и обыкновенно лишены той сверхчувственной чистоты, которая требуется самой сущностью этихъ понятій. Духовность въ обычномъ мышленіи является лишь нѣкоторымъ смутнымъ и второстепеннымъ ингредіентомъ въ понятіяхъ (какъ общихъ, такъ и конкретныхъ) о сущемъ. Даже себѣ подобныхъ мы представляемъ и мыслимъ въ значительной мѣрѣ со стороны тѣлесности, при чемъ духовная сторона примышляется нами лишь какъ нѣчто, тѣсно связанное съ тѣлеснымъ. Представленія и понятія о чисто-духовномъ бытіи, т.-е. лишенномъ всяческой чувственной воспреемлемости, почти недоступны человѣческому уму, не только что наивному, но даже и философствующему. Такое бытіе прежде всего должно быть безпространственнымъ, такъ какъ пространство есть форма чувственнаго, т.-е. вещественнаго созерцанія. А понятіе о безпространственномъ бытіи является уже одной изъ высочайшихъ, для большинства головокружительныхъ, вершинъ человѣческой мысли.

Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть понятія неодушевленнаго бытія и рѣшить вопросъ, можемъ ли мы считать ихъ соотвѣтствующими какой-либо дѣйствительности, а также въ какой мѣрѣ можемъ мы ихъ считать выражающими, или воспроизводящими эту дѣйствительность. Мы начнемъ съ понятій о матеріальныхъ предметахъ и матеріи вообще, при чемъ разсмотримъ только общіе типы существующихъ по этому предмету воззрѣній.

Самымъ простымъ воззрѣніемъ на матеріальный міръ является такъ-называемый наивный реализмъ. Сущность его состоитъ въ признаніи матеріальныхъ вещей такими, какими они намъ кажутся, т.-е. цвѣтными, твердыми или мягкими, звучащими, двигающимися и т. п. По этому воз-

зрѣнію, свойственному вообще всѣмъ не философствующимъ людямъ, любая матеріальная обстановка, будь то комната или пейзажъ, представляющаяся глазамъ человѣка, существуетъ въ томъ видѣ, какъ она представляется, не только въ присутствіи одареннаго ощущеніями существа, но и совершенно самостоятельно, помимо какого бы то ни было зрителя и вообще чьихъ-либо глазъ. Такое отношеніе къ матеріальнымъ предметамъ настолько привычно человѣческому уму, что даже тотъ, кто въ теоріи вполнѣ ясно понялъ ошибочность такого взгляда, въ обыденной жизни не въ силахъ освободиться отъ такого способа представленія самосущихъ видимыхъ и осязаемыхъ вещей. Ошибочность этого воззрѣнія состоитъ въ неправильномъ пониманіи нѣкоторыхъ состояній своего сознанія, а именно по преимуществу ощущеній зрительныхъ, осязательно-моторныхъ и слуховыхъ, чѣмъ-то находящимся внѣ этого сознанія, совершенно отъ него въ своемъ существованіи независимымъ и отдѣльнымъ. Въ этомъ случаѣ мышленіе разъединяетъ и противополагаетъ другъ другу въ качествѣ вполнѣ особыхъ и только иногда взаимодѣйствующихъ сущностей, то, что въ дѣйствительности составляетъ одно нераздѣльное цѣлое, а именно съ одной стороны всѣ высшія ощущенія, а съ другой—всѣ остальныя состоянія сознанія, т.-е. чувства, желанія и проч. При этомъ первое понимается какъ содержаніе или свойства внѣшнихъ вещей, второе же—какъ наше Я. Ошибка эта имѣетъ весьма роковое значеніе въ человѣческой жизни. Она является самымъ первымъ и самымъ упорнымъ заблужденіемъ человѣческаго разума и нельзя не видѣть горькой иронія въ томъ, что тотъ самый моментъ человѣческой жизни, когда разумъ впервые дѣлаетъ эту ошибку, т.-е. когда ребенокъ, какъ говорится, начинаетъ отличать и понимать внѣшніе предметы—этотъ моментъ и признается обыкновенно первымъ проявленіемъ пробуждающагося разума. Ошибка эта закрѣпляется затѣмъ послѣдующимъ образованіемъ, какъ элементарнымъ, такъ и высшимъ, которое въ общемъ своемъ строѣ и по настоящее время совершенно игнорируетъ данныя чистой философіи. Впрочемъ, упорство этой ошибки человѣческаго ума обусловлено, главнымъ образомъ, причиною обще-психологическаго характера, а именно весьма существеннымъ различіемъ психологической природы высшихъ ощущеній (главнымъ образомъ зрѣнія, слуха и осязанія) и другихъ состояній сознанія. Насколько первыя являются въ нашемъ сознаніи стойкими и въ нѣкоторыхъ своихъ сочетаніяхъ однообразными, настолько послѣднія живоподвижны, неопредѣленны и измѣнчивы.

Чувства и хотѣнія смѣняются въ душѣ ребенка, сливаясь въ одно цѣлое съ его волевыми актами и составляютъ такимъ образомъ какъ бы ядро активныхъ проявленій, его Я. Напротивъ того, видимые и осязаемые имъ образы неподвижно предстоятъ передъ нимъ въ своей без-

жизненной косности, сохраняя иногда одни и тѣ же сочетанія въ продолженіи всего того времени, которое охватывается его памятью. Они возникаютъ въ немъ при нѣкоторыхъ условіяхъ совершенно помимо его воли, при чемъ онъ безсиленъ ихъ какъ-либо измѣнить, напримѣръ, сдѣлать тяжелое легкимъ, зеленое краснымъ и т. п. Полная независимость этихъ состояній сознанія отъ усилій воли и ихъ неподвижность, соединяющаяся съ чрезвычайною отчетливостью и многообразіемъ комбинацій дѣлаетъ возможнымъ образованіе въ представленіи и умѣ ребенка той системы или порядка, въ которой всѣ эти комбинаціи распредѣляются, а именно порядка пространства. Самый этотъ порядокъ вслѣдствіе своей косной независимости невольно понимается чуждымъ и внѣшнимъ измѣнчивому Я. Равнымъ образомъ признается внѣшнимъ и чуждымъ и все то, что въ этомъ порядкѣ распредѣляется. Для признанія матеріальныхъ вещей за продукты своего собственнаго сознанія необходимо понять свое Я участвующимъ въ тѣхъ состояніяхъ, въ которыхъ внутреннее сознаніе собственнаго участія (обусловливаемое усиліемъ воли и возможностью внести измѣненіе въ комбинаціи испытываемыхъ состояній) почти совершенно исчезаетъ. Ощущенія цвѣтовъ, звуковъ, гладкость и шероховатость и т. п. какъ въ отдѣльности, такъ и въ обычныхъ комбинаціяхъ, по сравненію съ другими нашими состояніями настолько пассивны, что наше собственное Я, наиболѣе ярко сознаваемое именно въ актахъ свободнаго дѣйствія, совершенно въ нихъ теряется и становится незамѣтнымъ. Съ другой стороны, нигдѣ наша обусловленность чѣмъ-то внѣшнимъ не обнаруживается столь явственно и наша воля столь безсильной, какъ въ этихъ ощущеніяхъ; мы нигдѣ не можемъ разрушить и какъ-либо измѣнить ту прочную связь, въ силу которой все, что кажется намъ цвѣтнымъ, является вмѣстѣ съ тѣмъ и чѣмъ-то осязательнымъ, твердымъ или жидкимъ, вообще оказывающимъ сопротивленіе нашему прикосновенію или движенію. Эта никогда ненарушимая связь невольно принуждаетъ насъ видѣть въ самомъ этомъ неразрывномъ сочетаніи нѣсколькихъ данныхъ, какое-то одно цѣлое, вполнѣ самостоятельное и отдѣльное отъ насъ. И разбить этотъ миражъ внѣшняго цвѣтного вещественнаго предмета оказывается для нашего разума весьма нелегкой задачей. Даже когда мы приходимъ къ вполнѣ ясному пониманію, какъ своихъ ощущеній, такъ-называемыхъ, качествъ предметовъ, взятыхъ въ отдѣльности, тѣ же самыя качества, взятыя въ совокупности и въ связи, представляются намъ уже какъ бы чѣмъ-то болѣе простой комбинаціи ощущеній, и мы чувствуемъ въ нихъ какую-то самостоятельную силу и отдѣльное существованіе.

Мы считаемъ излишнимъ въ настоящее время входить въ какія-нибудь подробныя опроверженія наивнаго реализма, такъ какъ вопросъ о его состоятельности является въ философіи уже давно порѣшеннымъ и

трактуемымъ на первыхъ страницахъ элементарныхъ курсовъ логики и психологіи. Независимость и стойкость нашихъ высшихъ ощущеній и ихъ комбинацій, т.-е. образовъ, такъ-называемыхъ, матеріальныхъ предметовъ, конечно, не можетъ служить какимъ-нибудь аргументомъ въ пользу наивнаго реализма, а указываетъ лишь на то, что въ сферѣ этихъ ощущеній наше сознаніе наиболѣе обусловлено, чѣмъ-то ему внѣшнимъ и чуждымъ. При этомъ, конечно, нѣтъ никакой надобности отожествлять это внѣшнее или это не-Я съ тѣми состояніями сознанія, которыя имъ обусловливаются. Мы обусловлены въ тѣхъ перемѣнахъ и связяхъ, въ которыхъ созерцается нами красное и зеленое, ощущается твердое и тяжелое, самыя же *качества* зелености, красноты и тяжести обусловливаются нашею организаціею, хотя и возникаютъ въ сознаніи по какимъ-то опредѣленнымъ внѣшнимъ поводамъ. Наивное мышленіе не разбирается въ этихъ тонкостяхъ и переноситъ обусловленность извнѣ изъ области структурности въ сферу качественности, при чемъ, понимая эту обусловленность абсолютною, считаетъ качественность за что-то цѣликомъ пришедшее въ сознаніе извнѣ. Между тѣмъ несомнѣнно, что вся эта качественность ощущеній представляетъ результатъ взаимодѣйствія двухъ факторовъ: во-первыхъ, природы нашего Я, или нашего сознанія и, во-вторыхъ, природы того неизвѣстнаго внѣшняго, которое можно обозначить въ общемъ какъ не-Я; но при этомъ данный результатъ находится все-таки въ нашемъ же сознаніи и составляетъ его элементы, а не качества отдѣльныхъ отъ него вещей.

Слѣдующимъ воззрѣніемъ на матерію является то, которое лежитъ въ основѣ такъ-называемаго научнаго матеріализма, а также вообще естественныхъ наукъ. По этому воззрѣнію матерія сама по себѣ не обладаетъ цвѣтностью, звучностью, гладкостью или шероховатостью, а состоитъ лишь изъ протяженныхъ двигающихся субстанцій, производящихъ въ нашемъ сознаніи всѣ эти чувственные эффекты. Эти субстанціи понимаются обыкновенно, какъ мельчайшія неизмѣнныя по своей массѣ частички, называемыя атомами, въ отдѣльности нашимъ чувствамъ недоступныя, и производящія въ своихъ безчисленныхъ сочетаніяхъ и движеніяхъ эффектъ всего этого видимаго матеріальнаго міра. Свойства, которыми надѣляются эти атомы, довольно разнообразны. По наиболѣе типичнѣйшему воззрѣнію они обладаютъ протяженностью, формою, массою или плотностью и движеніемъ. Качества эти на первый взглядъ могутъ показаться уже совершенно иного порядка, чѣмъ тѣ, которыя приписываются матеріи наивнымъ воззрѣніемъ; эти же качества съ присоединеніемъ числа были названы еще Локкомъ первичными качествами матеріи (въ противоположность цвѣтности, звучности и т. п., названнымъ вторичными), единственно сущими въ вещахъ и производящими въ насъ вполнѣ адекватныя имъ

впечатлѣнія фигуры движенія, плотности и числа. Если мы анализируемъ всѣ эти приписываемыя атомамъ свойства, то увидимъ, что они хотя и не представляютъ ощущеній въ ихъ простой и элементарной формѣ, но тѣмъ не менѣе выражаются нами въ представленіяхъ и понятіяхъ, построенныхъ изъ сочетаній этихъ же нашихъ ощущеній. Не заключая въ себѣ никакого другого содержанія, кромѣ ощущеній и разныхъ способовъ ихъ связи и соотношеній, они и не могутъ поэтому признаваться за какія-либо отдѣльныя отъ насъ независимыя сущности или ихъ свойства. Въ самомъ дѣлѣ, что станется со свойствами протяженности и формы, если мы извлечемъ изъ нихъ весь чувственный матеріалъ, составляющій содержаніе зрительныхъ, осязательныхъ и моторныхъ ощущеній. Въ чемъ же могутъ выразиться эти свойства, какъ не въ соотношеніяхъ различно окрашенныхъ и освѣщенныхъ поверхностей или въ сопротивленіяхъ, испытываемыхъ поверхностью нашей кожи и мускулами. Какою бы минимально-протяженною сущностью не представлялись намъ атомы, мы не можемъ мыслить ихъ иначе, какъ совокупностью нѣкоторой минимальной цвѣтности, минимальнаго сопротивленія движенію, минимальнаго осязательнаго ощущенія и минимальнаго возможнаго обхвата. Безъ этихъ чувственныхъ данныхъ понятія формы и протяженности станутъ пустыми, ничего не выражающими словами. Конечно, мы можемъ всѣ эти понятія связать съ математическими величинами и выражать ихъ въ этихъ величинахъ, лишенныхъ всякой чувственности. Но для того, чтобы эти математическія величины обозначали что-нибудь реально сущее, а не простую абстракцію по поводу разныхъ возможныхъ соотношеній, необходимо, чтобы онѣ все-таки относились къ этимъ представленіямъ и понятіямъ чувственнаго происхожденія и ихъ какъ-либо символизировали. Безъ такой связи у насъ будутъ только, можетъ быть, очень правильныя математическія построенія, но не останется никакихъ слѣдовъ отъ физики или натуръ-философіи. Точно такими же должны мы признать и свойства, выражаемыя понятіями массы и движенія. Что останется въ понятіи массы или плотности, если мы исключимъ изъ него всякое представленіе о сопротивленіи движенію, выражающееся опять-таки въ нашихъ ощущеніяхъ осязательныхъ, моторныхъ и зрительныхъ *). Насколько плотность стоитъ въ связи съ понятіемъ вѣса и можетъ быть выводима изъ него, она имѣетъ въ своей основѣ ощущеніе давленія на наше тѣло, или же сложныя соотношенія зрительныхъ ощущеній, входящихъ въ представленіе коромысла вѣсовъ ихъ движенія, наклона и т. п. физическихъ явленій, служащихъ основой для образованія понятія вѣса. Въ какой бы минимальной сте-

*) Самымъ обычнымъ *зрительнымъ* представленіемъ сопротивленія движенію тѣлъ является представленіе сближенія какихъ нибудь конфигурацій останавливающихся при соприкосновеніи ихъ контуровъ.

пени мы ни приписывали это свойство какому-нибудь атому, мы не можемъ не представлять и не мыслить въ немъ нѣкоторой минимальной дозы тѣхъ ощущеній, на почвѣ которыхъ это понятіе въ насъ образуется, иначе мы придемъ къ ничего незначущей схемѣ соотношеній между какими-то пустыми безсодержательными пунктами. Опять-таки, какъ можемъ мы представить и мыслить движеніе, если мы отрѣшимся отъ представленій перемѣны взаимоотношеній въ зрительныхъ ощущеніяхъ или отъ представленія собственнаго передвиженія, состоящаго въ одновременныхъ перемѣнахъ въ моторныхъ и зрительныхъ ощущеніяхъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ основнымъ содержаніемъ нашихъ представленій и понятій оказываются тѣ же наши простыя ощущенія, которыя уже давно признаны достояніемъ нашего собственнаго сознанія, а не свойствами вещей. Но въ этой новой формѣ сложныхъ комбинаціи и соотношеній ихъ чувственный характеръ теряется и на первый планъ выдвигаются, особенно въ сложныхъ естественно-научныхъ понятіяхъ, схемы законообразныхъ соотношеній, которыя и заключаютъ въ себѣ какъ будто нѣчто чуждое и навязывающееся намъ извнѣ. На самомъ же дѣлѣ нельзя считать это чуждое внѣшнее какъ-либо даннымъ намъ въ этихъ сложныхъ построеніяхъ которыя даютъ лишь *поводъ* предполагать опредѣляющее ихъ внѣшнее. Естественно-научное понятіе матеріи является, поэтому, слѣдствіемъ въ сущности той же самой ошибки, что и понятіе матеріи наивнаго реализма. Переходя отъ послѣдняго къ первому человѣческое мышленіе подвергается довольно грубому самообману. Вмѣсто того, чтобы признавать свойствами вещей ощущенія, оно переноситъ эту роль на тѣ представленія и понятія, которыя конструируются изъ этихъ же самыхъ ощущеній. Носителями этихъ свойствъ признаются при этомъ не видимыя и осязаемыя нами тѣла, а мельчайшія, матеріальныя недѣлимыя, обладающія столь незначительными размѣрами, что наши органы чувствъ неспособны къ воспріятію ихъ въ отдѣльности и обособленности. Цвѣтъ, звукъ, осязательныя ощущенія оказываются при этомъ только результатами воздѣйствія на насъ этихъ атомовъ, которые сами не цвѣтны, и не гладки, а только имѣютъ форму, массу и способны двигаться. Въ этомъ, на первый взглядъ безукоризненномъ, построеніи упущено изъ виду, что наши представленія, а также образовавшіяся на ихъ почвѣ понятія о формѣ, массѣ и движеніи, всецѣло основаны на тѣхъ же ощущеніяхъ цвѣтовъ, гладкости, шероховатости, сопротивленія, звука и проч., которыя только что отрицались, какъ объективные признаки вещей, и что минимальная степень этихъ ощущеній непремѣнно входила бы въ то представленіе атома, которое мы могли бы имѣть, если бы наша способность ощущенія обладала соотвѣтственною тонкостью, остротою и отзывчивостью на мельчайшія соотношенія и перемѣны въ мірѣ не-Я. Такимъ образомъ, по-

нятія протяженности, плотности, движенія и формы, образовавшіяся изъ представленій и ощущеній, объективное значеніе которыхъ отрицается, сами вдругъ получаютъ откуда-то объективное значеніе и служатъ для выраженія объективныхъ свойствъ какихъ-то мельчайшихъ частицъ. Но тутъ можетъ возникнуть слѣдующее возраженіе, которое и приходится зачастую слышать отъ защитниковъ обычныхъ физическихъ понятій матеріи. Намъ могутъ сказать, что, вѣдь, вообще всѣ наши представленія и понятія по своему происхожденію и содержанію построены изъ элементовъ нашего сознанія, но тѣмъ не менѣе большинство изъ этихъ представленій и понятій выражаетъ нѣчто внѣшнее этому сознанію; что въ такомъ случаѣ всѣ они должны потерять свое значеніе, какъ выраженіе внѣшняго міра, и превратиться въ схематичное выраженіе нашего же собственнаго сознанія. Другими словами—оказывается, что всѣ наши познанія о внѣшнемъ мірѣ иллюзорны и когда мы думаемъ, что мы его познаемъ, мы познаемъ въ сущности только себя же въ различныхъ своихъ проявленіяхъ. Мы въ этомъ мѣстѣ не можемъ всецѣло разрѣшить это могущее возникнуть недоумѣніе; отвѣтомъ на него собственно и послужитъ вся вторая половина нашего изслѣдованія. Насколько рѣчь идетъ о понятіяхъ, касающихся всего, такъ-называемаго, матеріальнаго міра, мы, конечно, должны ихъ всѣ признать не имѣющими объективнаго значенія въ смыслѣ воспроизводимости внѣшняго намъ міра. Насколько же это возраженіе имѣетъ въ виду наши представленія и понятія объ одушевленныхъ существахъ, которыя по своему содержанію, конечно, тоже построены изъ элементовъ нашего же сознанія, то ихъ философская правоспособность будетъ разсматриваться нами въ слѣдующихъ главахъ. Но и здѣсь мы должны сдѣлать по этому поводу одно весьма важное разъясненіе. Дѣло въ томъ, что хотя наши представленія о существахъ одушевленныхъ и матеріальныхъ предметахъ въ обоихъ случаяхъ состоятъ изъ элементовъ нашего же сознанія, но въ отношеніи воспроизводимости соотвѣтствующихъ имъ объектовъ они имѣютъ весьма существенную разницу. Въ представленіяхъ о чужой душевной жизни мы, хотя и пользуемся своими собственными душевными состояніями, такъ, напр., при представленіи любящаго человѣка надѣляемъ его тѣми состояніями сознанія, которыя сами когда-либо испытывали, но при этомъ все-таки не считаемъ эти испытанныя нами состоянія сознанія за состоянія представляемаго человѣка, а, такъ сказать, дуплицируемъ ихъ, т.-е. считаемъ оставшіяся намъ въ воспоминаніи состоянія сознанія все-таки своими же и только предполагаемъ *другія имъ подобныя* въ сознаніи другого человѣка. Другими словами, мы въ этомъ случаѣ не проицируемъ нашу собственную душевную жизнь во внѣ, а лишь строимъ вторичную, ей подобную и совершенно отдѣльную, которую и понимаемъ независимо отъ насъ

существующею. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло въ представленіяхъ и понятіяхъ о матеріальныхъ предметахъ и матеріи вообще. Когда мы смотримъ на зеленую листву дерева, то мы при этомъ вовсе не считаемъ эту зеленость принадлежащею намъ, какъ наше ощущеніе, а всецѣло относимъ ее къ внѣшнему предмету, т.-е. въ данномъ случаѣ уже проицируемъ внѣ себя свое собственное состояніе сознанія. Сознаніе своей дѣятельности ограничивается при этомъ только сознаніемъ созерцанія, при чемъ по преимуществу мы сознаемъ себя дѣйствующими въ актахъ перемѣны этихъ созерцаній, насколько они зависятъ отъ насъ, т.-е. отъ нашихъ усилій и отъ перехода вниманія то на тотъ, то на другой пунктъ предстоящаго намъ чувственнаго міра. Такимъ образомъ, матеріальные предметы вовсе не считаются нами особымъ отдѣльнымъ отъ нашихъ ощущеній бытіемъ лишь подобнымъ нашимъ чувственнымъ созерцаніямъ, какъ понимается нами чужая душевная жизнь по отношенію къ нашему собственному сознанію, а прямо-таки отожествляются съ этими созерцаніями.

Но намъ могутъ сказать, что, можетъ быть, ошибка матеріалистическихъ воззрѣній состоитъ лишь въ ошибочномъ отожествленіи ощущеній реальныхъ или воображаемыхъ съ качествами предметовъ и что если избѣжать этой ошибки, т.-е. признать эти наши созерцанія не за самыя качества предметовъ, а за выраженія или, такъ сказать, копіи этихъ качествъ на подобіе того, какъ дѣло происходитъ по отношенію къ духовнымъ сущностямъ, то и всѣ высказанныя нами возраженія и нападки на понятіе матеріи потеряютъ всякое значеніе. Съ такой точки зрѣнія всѣ матеріальные предметы, данные намъ въ воспріятіи, а равно и атомы и частицы, какъ объекты теоретически возможнаго утонченнаго воспріятія, слѣдовало бы признавать продуктами нашего же сознанія и мышленія, хотя и не представляющими самихъ матеріальныхъ вещей, какъ онѣ есть, но являющимися какъ бы ихъ повтореніемъ въ нашемъ сознаніи, вполнѣ передающимъ и воспроизводящимъ ихъ сущность. Прежде всего мы должны отмѣтить, что къ такому пониманію матеріальныхъ образовъ и предметовъ въ сущности нѣтъ никакихъ достаточныхъ основаній и въ этомъ отношеніи наши представленія о тѣлахъ имѣли бы коренное отличіе отъ нашихъ представленій о чужой одушевленности. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы представляемъ себѣ чужую душу, то въ содержаніе этихъ представленій входитъ зачастую совсѣмъ не то, что составляетъ реальную наличность нашего сознанія данной минуты. Такъ, напримѣръ, наблюдая гнѣвающагося человѣка и составляя себѣ о немъ представленіе, какъ о гнѣвающемся, мы сами вовсе не должны при этомъ испытывать гнѣвъ, а судимъ о его гнѣвности на основаніи какихъ-либо другихъ состояній сознанія, ничего общаго съ гнѣвомъ не имѣющихъ. Мы можемъ испытывать при этомъ состоянія даже прямо противоположнаго свойства, напримѣръ, страхъ, сми-

реніе и т. п. Такимъ образомъ, представленія о чужой душевной жизни возникаютъ обыкновенно на почвѣ такихъ состояній собственнаго сознанія, которыя по своему качественному содержанію ничего общаго съ вызываемыми представленіями не имѣютъ. Очевидно, что въ этихъ случаяхъ происходитъ какой-то выводъ, болѣе или менѣе сознательный, и что самыя представленія являются продуктами нѣкотораго мыслительнаго процесса (какъ мы это покажемъ впослѣдствіи заключенія по аналогіи). Совсѣмъ не то въ сферѣ матеріальныхъ представленій. Если мы созерцаемъ зеленое дерево, то оно полагается нами такимъ же зеленымъ, какъ и испытываемое нами въ данную минуту ощущеніе зеленаго; далѣе оно имѣетъ ту же пространственную форму, какъ и наше ощущеніе и вообще по всѣмъ остальнымъ своимъ свойствамъ является точь-въ-точь такимъ, каковы испытываемыя нами въ данную минуту ощущенія, напримѣръ, твердость при прикосновеніи къ стволу и мягкость при прикосновеніи къ листвѣ. Во всемъ этомъ нѣтъ никакого вывода, никакого заключенія, а лишь безотчетное и неподдающееся никакому раціонализированію отожествленіе внѣшняго объекта съ чувственнымъ содержаніемъ нашего сознанія. Если бы мы въ этомъ случаѣ и избѣгли бы ошибки отожествленія, то все-таки намъ пришлось бы принимать этотъ внѣшній соотвѣтствующій нашимъ ощущеніямъ матеріальный міръ въ точности подражающимъ нашимъ ощущеніямъ и всѣмъ происходящимъ въ нихъ перемѣнамъ, для чего у насъ въ сущности не было бы никакого разумнаго основанія, все равно, какъ не было бы никакого основанія считать приводящаго насъ въ страхъ человѣка боязливымъ, любимаго человѣка—любящимъ, вообще человѣка, вызывающаго въ насъ тѣ или другія чувства и настроенія испытывающимъ эти же самыя чувства и настроенія. Наши представленія о матеріальныхъ предметахъ насквозь проникнуты именно такою наивностью. Изъ того, что мы имѣемъ образъ зеленой древесной листвы вовсе не слѣдуетъ, что то внѣшнее нашему сознанію, чѣмъ этотъ образъ обусловливается, имѣетъ и само по себѣ, помимо насъ, такую же зеленость, мягкость, форму и т. п. чувственныя данныя. Мало того, что къ этому нѣтъ никакого основанія, это опровергается многочисленными фактами, указывающими на различія чувственныхъ воспріятій при однихъ и тѣхъ же условіяхъ у разныхъ людей или у одного человѣка при происшедшихъ перемѣнахъ въ его способности воспріятія. Если утверждать, что сущность вещей выражается нашими ощущеніями, то человѣкъ съ обыкновеннымъ зрѣніемъ и дальтонистъ, смѣшивающій зеленое съ краснымъ, окажутся оба правыми, одинъ—утверждая, что цвѣтъ спѣлыхъ плодовъ и листвы вишневаго дерева одинаковъ, а другой,—что цвѣта въ данномъ случаѣ разные.

Было бы ошибочно думать, что научныя понятія матеріи, напримѣръ,

атомистическая теорія, чужды этихъ ошибокъ и что они вполнѣ свободны отъ наивнаго отожествленія по содержанію внѣшней причины съ вызываемымъ ею въ сознаніи чувственнымъ эффектомъ. Хотя научныя представленія и понятія о сущности матеріи и кажутся существенно отличающимися отъ представленій наивнаго реализма, но только лишь при поверхностномъ ихъ сравненіи. Въ сущности же они заключаютъ одну и ту же гносеологическую ошибку въ одномъ случаѣ явную, въ другомъ же болѣе запутанную и замаскированную.

Блаженъ, кто вѣруетъ въ безцвѣтность, неосязаемость и вообще не чувственность атомовъ, обладающихъ только протяженіемъ, массою, движеніемъ и производящихъ лишь въ огромныхъ количествахъ весь чувственный эффектъ видимаго и осязаемаго міра. Мы же, съ своей стороны отказываемся признавать ихъ такими чудодѣйственными сущностями, потому что ни протяженность, ни масса, ни движеніе для насъ ни въ чемъ иномъ не выразимы, какъ только въ тѣхъ или иныхъ зрительныхъ, осязательныхъ или моторныхъ ощущеніяхъ и ихъ комбинаціяхъ. Понятіе атома могло возникнуть только на почвѣ чувственнаго представленія маленькаго тѣла и есть не что иное, какъ отвлеченная схема такого представленія. Если бы въ умѣ человѣческомъ никогда не было понятія о видимыхъ предметахъ, какъ о внѣшнихъ сущностяхъ, то не могло бы быть и понятія объ атомахъ. И придавать объективную значимость атомамъ можно только настолько, насколько мы признаемъ видимые предметы. Вслѣдствіе этого и атомы для насъ тѣ же чувственно-воспріемлемыя тѣла, уменьшенныя воображеніемъ и мыслью до минимальныхъ размѣровъ и лежащія по ту сторону нашей чувственности и для нея трансцендентныя лишь въ количественномъ, а не въ качественномъ отношеніи. Такимъ образомъ, атомы, по своему качественному содержанію, представляютъ въ сущности такую же непосредственную проэкцію и объективацію ощущеній, какъ и предметы наивнаго реализма, съ тою только разницею, что въ послѣднемъ случаѣ объективируются реальныя ощущенія, въ первомъ-же лишь воображаемыя и мыслимыя. Поэтому, съ нашей точки зрѣнія, на объективную значимость атомовъ падаетъ та же отвѣтственность, что и на значимость доступныхъ нашему воспріятію видимыхъ и осязаемыхъ тѣлъ, которыя въ гносеологическомъ отношеніи являются ихъ родоначальниками и какъ бы образцами. И все, что подрываетъ объективную значимость этихъ матеріальныхъ образовъ, въ то же время колеблетъ и все зданіе атомистики.

Впрочемъ, гипотеза о соотвѣтствіи внѣшняго, такъ-называемаго, матеріальнаго міра нашимъ воспріятіямъ и построеннымъ на ихъ почвѣ понятіямъ, можетъ получить нѣкоторое правдоподобіе и возможность, насколько мы удалимъ изъ нея проникающую обычныя понятія матеріи

ошибку, состоящую въ смѣшеніи причины съ ея эффектомъ. Предположеніе о томъ, что сущность внѣшнихъ предметовъ до извѣстной степени подобна производимому ею въ нашемъ сознаніи эффекту не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, если мы примемъ въ разсчетъ всѣ главныя условія, измѣняющія эту сущность при отраженіи ея въ нашемъ сознаніи.

Первымъ такимъ условіемъ является то, что наша чувственность подвергается массовымъ вліяніямъ со стороны множества отдѣльностей внѣшняго міра, а потому многое отражающееся въ нашемъ сознаніи, какъ стойкое, неподвижное и косное, въ объективной реальности можетъ быть въ сущности живоподвижнымъ и измѣнчивымъ, но лишь въ массовой комбинаціи представлять стойкую неизмѣнную форму. Физическія и химическія теоріи атомовъ, частицъ, свѣта, теплоты и т. п. какъ будто бы принимаютъ въ разсчетъ это обстоятельство, но, къ сожалѣнію, далеко не вполнѣ, а только до извѣстнаго предѣла. Конечно, съ точки зрѣнія этихъ теорій, все косное и неподвижное должно представляться намъ системами безконечнаго множества подвижныхъ и комбинирующихся частицъ качественно различной или же первичной, примордіальной матеріи. Но самое представленіе и понятіе объ этихъ частицахъ унаслѣдовало отъ своего образца, т.-е. видимаго и осязаемаго тѣла, это ошибочно приписываемое свойство косности и неизмѣнности. Отсюда и это понятіе объ атомахъ, какъ о неизмѣнныхъ во всѣхъ отношеніяхъ частицахъ матеріи, измѣняющихъ лишь свои положенія относительно другъ друга. Между тѣмъ такое понятіе вовсе не требуется сущностью дѣла, и всѣ химическіе законы могли бы быть объяснены при совершенно иномъ понятіи атома, а именно, какъ нѣкоторой подвижной сущности. Законность и количественное постоянство въ массовыхъ соотношеніяхъ основаны вовсе не на косности и неизмѣнности составныхъ элементовъ, а лишь на постоянствѣ ихъ соотношеній. Статистическія цифры относительно населенности мѣстъ, рожденій, смертей и т. п. могутъ обладать достаточною стойкостью, но тѣмъ не менѣе относиться къ подвижнымъ и измѣнчивымъ сущностямъ, а именно къ людямъ. Въ физическихъ же и химическихъ явленіяхъ, доступныхъ нашимъ чувствамъ и измѣренію, мы, конечно, имѣемъ дѣло съ процессами *гораздо болѣе массовыми* чѣмъ въ области человѣческой статистики, а потому и получаемыя законности и количественныя соотношенія являются гораздо болѣе близкими къ средней неизмѣнной нормѣ.

Вторымъ условіемъ, необходимо вносящимъ значительное искаженіе въ отраженіе внѣшняго міра въ нашемъ сознаніи, является то, что возникающія въ насъ, при тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ, ощущенія фиксируются въ нашихъ представленіяхъ въ видѣ опредѣленной качественности, имѣющей нѣкоторое однообразное и вполнѣ косное содержаніе. Если мы созерцаемъ какой-нибудь цвѣтной камень, напримѣръ, рубинъ,

то при этомъ его свойствомъ цвѣтности является то, что называется краснотою, т.-е. то качество нашего зрительнаго ощущенія, которое возникаетъ въ насъ при обращеніи къ нему нашихъ глазъ и устремленіи на него нашего вниманія. Между тѣмъ эта качественность, представляемая нами, какъ нѣкоторое неизмѣнное свойство, называемое краснотою, есть въ сущности уже до извѣстной степени абстракція. Дѣйствительное реальное ощущеніе есть нѣчто подвижное, усиливающееся и ослабѣвающее, имѣющее это цвѣтовое неподвижное качество только какъ бы въ своемъ результатѣ или среднемъ выводѣ. Словомъ, ощущеніе, какъ состояніе сознанія, есть не одно только косное качественное содержаніе, но живая дѣятельность, внутренно-подвижная, связанная своими живыми корнями со всѣми отдѣльными состояніями сознанія и представляющая въ этой жизненной связи нѣчто большее, чѣмъ то, что составляетъ ея качественное содержаніе. Мы же въ нашихъ воззрѣніяхъ на матерію надѣляемъ ее именно только этой однообразно-тягучею мертвою качественностью, которая въ сущности не есть наше ощущеніе, какъ таковое, а только фиксированная нашимъ представленіемъ и умомъ его заключительная стадія или содержаніе. Такимъ образомъ, въ наше представленіе внѣшняго міра вкрадывается новая фальшь, состоящая въ пониманіи его свойствъ какими-то неподвижными однообразными качествами. Между тѣмъ, ужь если признавать міръ производящимъ въ нашемъ сознаніи соотвѣтствующій и ему подобный въ качественномъ содержаніи отзвукъ, то намъ слѣдовало бы признавать его качества въ видѣ тѣхъ состояній сознанія, которыя онъ въ насъ пробуждаетъ, т.-е. нѣкоторыми живыми дѣятельностями подобными нашимъ ощущеніямъ. Съ такой точки зрѣнія зеленый цвѣтъ древесной листвы долженъ былъ бы нами пониматься не какъ неподвижное качество, словно покрывающее снаружи формы матеріальной сущности (какъ это принимается наивнымъ реализмомъ), а какъ нѣкоторое внутренно-сознаваемое кѣмъ-то ощущеніе той самой зелености, которую сознаемъ и мы. Другими словами: мы должны были бы признавать внѣшніе предметы или составляющіе ихъ атомы, нѣкоторыми ощущающими сущностями, какъ-то отражающими свои живыя, подвижныя дѣятельности массовыми воздѣйствіями и въ нашемъ собственномъ сознаніи. Такое воззрѣніе, конечно, не имѣло бы ничего общаго съ обычными воззрѣніями на матерію, и матерія, такимъ образомъ понимаемая, перестала бы уже быть матеріею въ обычномъ смыслѣ этого слова, а превратилась бы уже въ бытіе духовнаго порядка.

Изложенные выше доводы относительно философской несостоятельности понятія матеріи нерѣдко вполнѣ раздѣляются даже самими защитниками его, но самое понятіе, тѣмъ не менѣе, ими постулируется въ силу разнаго рода соображеній, косвеннымъ образомъ оправдывающихъ его

объективное значеніе. При этомъ происходитъ какой-то странный компромиссъ. Защитники его съ одной стороны, понимаютъ наивно-проективистическую природу этого понятія, съ другой же—не могутъ отказаться отъ признанія его выраженіемъ чего то реально сущаго. Главнымъ аргументомъ въ пользу этого понятія является въ такихъ случаяхъ связь его со всею совокупностью естественно-научныхъ понятій, представляющихъ въ общемъ и цѣломъ стройную систему знанія, оправдываемую постояннымъ совпаденіемъ и соотвѣтствіемъ научныхъ построеній съ переживаемою дѣйствительностью. Аргументъ этотъ въ общемъ состоитъ изъ такихъ соображеній: понятіе матеріи лежитъ въ основѣ всей естественно-научной системы и составляетъ съ нею одно цѣлое; за вѣрность этой системы и соотвѣтствіе ея дѣйствительности ручается постоянное ея подтвержденіе дѣйствительностью. Если же вся эта система въ цѣломъ представляетъ изъ себя истину, то истиннымъ нужно признать и ея основное понятіе, т.-е. понятіе матеріи, входящее въ эту систему необходимымъ звеномъ. Отрицая же это понятіе, намъ пришлось бы отвергнуть и всю основанную на немъ систему, т.-е. отвергнуть то, въ достовѣрности чего мы постоянно убѣждаемся.

Аргументація эта имѣетъ нѣкоторую долю истины. Дѣйствительно, понятіе матеріи является основнымъ въ естественныхъ наукахъ и отрицаніе его неизбѣжно повело бы за собою существенныя перемѣны во всѣхъ естественно-научныхъ воззрѣніяхъ. Несомнѣнно и то, что данныя естественныхъ наукъ, дающія возможность предсказывать событія, имѣютъ въ себѣ нѣчто абсолютно достовѣрное, съ чѣмъ необходимо считаться и что является ручательствомъ правильности ихъ методовъ и исходныхъ положеній. Но является вопросъ, какъ же относится эта, несомнѣнно заключающаяся въ естественныхъ наукахъ, истина къ понятію матеріи и дѣйствительно ли это понятіе должно непремѣнно быть сохранено въ естественныхъ наукахъ въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ въ настоящее время. Мы думаемъ, что примиреніе философской и естественно-научной истины по отношенію къ данному понятію было бы вполнѣ возможно. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ состоитъ сущность естественныхъ наукъ, какъ не въ установленіи закономѣрныхъ связей между разнаго рода матеріальными системами (неорганическими и органическими) и совершающихся съ ними явленій. Вѣдь признаніе всѣхъ этихъ системъ и явленій за нѣчто совершающееся внѣ нашего сознанія и отъ него въ своемъ существованіи независимое является лишь молчаливо принятымъ предразсудкомъ, въ сущности не имѣющимъ никакой необходимой связи съ тѣмъ, что въ естественныхъ наукахъ оказывается истиннымъ и неопровержимымъ, а именно съ закономѣрностью связей. Все содержаніе естественныхъ наукъ нисколько не потеряло бы отъ того, если бы всѣ такъ называемыя матеріальныя системы,

какъ-то: минералы, растенія, животныя, планеты, планетныя системы и т. п., считались бы только за продукты нашего сознанія (именно ощущенія), представленія и мышленія, т.-е. если бы вмѣсто того, чтобы считать ихъ за внѣшнія матеріальныя системы, мы считали бы ихъ за сочетанія нашихъ ощущеній, а также за представленія и понятія, выражающія наиболѣе тонкія и неуловимыя для нашихъ чувствъ комбинаціи (напр., атомистическая теорія). Вѣдь та закономѣрная связь, которая утверждается естественными науками, между перемѣнами во всѣхъ этихъ системахъ, отъ этого нисколько не нарушилась бы; мы точно также могли бы предсказывать явленія, къ нимъ приготовляться и ихъ предупреждать, какъ это дѣлается и теперь. Разница была бы только въ томъ, что мы считали бы всѣ эти системы и происходящія въ нихъ закономѣрныя перемѣны относящимися къ области нашего же сознанія. Это, конечно, нисколько не мѣшало бы придавать этой области сознанія особое значеніе, какъ символическому или условному отображенію воздѣйствующаго на наше сознаніе міра не-Я. Но только, конечно, при такомъ воззрѣніи самое это воздѣйствіе ни въ какомъ случаѣ нельзя было бы представлять и понимать въ обычномъ естественно-научномъ смыслѣ, напр., въ видѣ представленія частицъ эфира, ударяющихъ въ сѣтчатку глаза и т. п., такъ какъ всѣ эти представленія намъ пришлось бы относить лишь къ области возможнаго при абсолютной тонкости ощущенія созерцанія, т.-е. все-таки къ эффекту нашего предполагаемаго взаимодѣйствія съ внѣшнимъ міромъ, а не къ самой его сущности. Объ истинной же сущности этого внѣшняго міра и нашего съ нимъ взаимодѣйствія намъ пришлось бы тогда строить особую философскую гипотезу или просто отказаться отъ возможности ее какъ-либо постигнуть, какъ это и дѣлается теперь многими философствующими естествовѣдами. Подобнаго рода отношеніе къ естественно-научнымъ построеніямъ, какъ къ символамъ дѣйствительности, и теперь имѣетъ мѣсто въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ этихъ наукъ. По химической теоріи строенія физическія и химическія свойства соединеній зависятъ не только отъ качественнаго и количественнаго состава химическихъ частицъ изъ атомовъ, но также отъ различныхъ способовъ связи этихъ атомовъ между собою. Связь эта имѣетъ въ химіи общепринятое символическое обозначеніе. Атомы, связанные между собою, непосредственно обозначаются соотвѣтствующими буквами, соединенными чертою, двойныя и тройныя связи—двумя и тремя чертами. Эти способы обозначенія даютъ возможность по написанной структурной формулѣ сразу возсоздавать типъ и свойства соотвѣтствующихъ соединеній. Но вѣдь ни одинъ химикъ не считаетъ въ силу этого употребляемые имъ символы за выраженіе дѣйствительно существующихъ связей между атомами. Изъ

того, что частица бензола по теоріи строенія обозначается въ видѣ шестиугольнаго сочетанія равнаго числа углеродныхъ и водородныхъ атомовъ, вовсе не слѣдуетъ, что и въ дѣйствительности частица бензола имѣетъ въ своей пространственной конфигураціи видъ шестиугольника, а лишь то, что внутреннія связи атомовъ въ частицѣ бензола, а также отношеніе этой частицы къ другимъ, наилучше символизируются такимъ именно, а не инымъ способомъ. Точно такое же символическое значеніе можетъ и, по нашему мнѣнію, должно быть придано всѣмъ естественно-научнымъ построеніямъ, которыя должны быть разсматриваемы лишь какъ удачная символизація въ понятіяхъ и представленіяхъ (чувственнаго происхожденія) какого-то не чувственнаго и не пространственнаго бытія *). Символы эти существуютъ лишь въ нашемъ сознаніи и только его и могутъ выражать, при чемъ одни изъ построеній являются выраженіемъ бывшихъ, другія же хотя бы только теоретически возможныхъ состояній сознанія. Атомы и частицы при этомъ получатъ значеніе предполагаемыхъ чувственныхъ значковъ какихъ-то не чувственныхъ сущностей. Конечно, эти чувственные значки недоступны для нашего человѣческаго сознанія, но ихъ можно съ большимъ или меньшимъ основаніемъ допускать какъ возможные чувственные эффекты въ сознаніи, подобномъ нашему, но утонченномъ до послѣднихъ предѣловъ и отзывчивомъ на минимальнѣйшія воздѣйствія внѣшняго міра. Съ такой точки зрѣнія все содержаніе естественныхъ наукъ явится особымъ отдѣломъ общей психологіи, трактующимъ о высшихъ ощущеніяхъ въ ихъ независимой отъ сознающаго субъекта связности и взаимоотношеніи. При такомъ взглядѣ вся достовѣрность и незыблемость естественныхъ наукъ со стороны ихъ фактическаго содержанія нисколько не уменьшается, но только все это содержаніе понимается уже съ нѣсколько иной, философски оправданной точки зрѣнія. Если бы такая точка зрѣнія и потребовала нѣкоторыхъ существенныхъ измѣненій въ содержаніи естественныхъ наукъ, то лишь въ области естественно-научныхъ гипотезъ, которыя въ такомъ случаѣ должны были бы согласоваться съ основными принципами философіи и перейти изъ области чувственно-значковаго міра къ изображенію реальнаго, въ себѣ сущаго бытія **). При этомъ

*) Терминами «чувственность» и «чувственный» мы обозначаемъ все то, что составляетъ содержаніе нашихъ высшихъ ощущеній, изъ которыхъ и конструируются образы пространственнаго міра, въ противоположность «нечувственному», т.-е. не выразимому въ содержаніи ощущеній, но лишь въ содержаніи другихъ состояній сознанія (эмоцій, желаній) или въ мысли.

**) Въ видѣ примѣра мы можемъ указать на ту разницу, которая должна была бы произойти въ воззрѣніяхъ на такъ называемый органическій и неорганическій міръ, которые при пониманіи всего сущаго живоподвижнымъ и измѣнчивымъ бытіемъ должны были бы быть признаны лишь различными стадіями развитія одного и того же бытія. При такомъ воззрѣніи естественно долженъ былъ бы воз-

многія явленія могли бы получить новое освѣщеніе и разъясненіе и вообще могли бы открыться въ этой области совершенно новые горизонты. Важнѣе же всего, то, что умъ человѣческій освободился бы такимъ образомъ отъ лживой фикціи какого-то мертваго неизмѣннаго бытія, состоящаго изъ однообразныхъ внутренно не связныхъ качествъ, фикціи, представляющей порожденіе наивнаго довѣрчиваго разума, признавшаго стойкіе и необходимые элементы сознанія (высшія ощущенія) чѣмъ-то чуждымъ и отдѣльнымъ отъ всего этого сознанія, взятаго въ цѣломъ.

Существуетъ еще одна возможность удержанія понятія матеріи въ естественно-научномъ и философскомъ обиходѣ, состоящая въ признаніи матеріи нѣкоторой непознаваемой сущностью, лежащею въ основѣ всѣхъ происходящихъ въ нашемъ сознаніи чувственныхъ эффектовъ. Матерія въ этомъ случаѣ не опредѣляется никакими положительными свойствами, а лишь противополагается переживаемымъ нами состояніямъ, относящимся къ классу явленій психическихъ, въ качествѣ сущности совершенно особаго порядка, недоступной для нашего воспріятія и познанія. Основаніемъ для такого дуалистическаго взгляда на міръ является, конечно, коренное различіе возникающихъ въ нашемъ сознаніи образовъ съ одной стороны, такъ называемой, мертвой матеріи и съ другой — живыхъ организмовъ, указывающихъ на лежащее въ ихъ основѣ живое начало, подобное нашему сознанію. Къ организмамъ относятся всѣ тѣ образы, которые представляются въ видѣ самодвижущихся системъ, претерпѣвающихъ извѣстнаго рода циклы превращеній и процессовъ, называемыхъ въ естественныхъ наукахъ питаньемъ, ростомъ, размноженіемъ. Процессы эти въ общемъ и цѣломъ выражаются въ рядѣ передвиженій частей этихъ системъ и ихъ самихъ, при чемъ передвиженія эти хотя и вызываются внѣшними воздѣйствіями, но въ то же время являются результатомъ сложной внутренней дѣятельности. Эта сложная внутренняя передача и перераспредѣленіе движенія въ болѣе или менѣе замкнутыхъ системахъ и считается показателемъ внутренней, нами непосредственно не воспринимаемой, жизни, состоящей въ смѣнѣ состояній подобныхъ, тѣмъ, какія мы переживаемъ въ нашемъ внутреннемъ опытѣ. Выводъ этотъ всецѣло основанъ на аналогіи между подобными системами и тѣмъ образомъ, который весьма тѣсно связанъ съ нашимъ собственнымъ сознаніемъ и который мы называемъ нашимъ тѣломъ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мы имѣемъ систему, аналогичную въ своихъ статическихъ или динамическихъ соотношеніяхъ съ той системой, которая представляется намъ

никнуть вопросъ объ эволюціи атомовъ, органическихъ и неорганическихъ химическихъ частицъ, и въ химіи, можетъ быть, возникли бы совершенно новыя и для нея въ настоящее время невозможныя понятія о питаніи, ростѣ и даже размноженіи химическихъ атомовъ и частицъ.

въ образѣ нашего тѣла, или же съ другими системами, уже ранѣе нами признанными (опять-таки по аналогіи съ нашимъ тѣломъ) одухотворенными, мы признаемъ такія системы организмами, т.-е. считаемъ ихъ показателями нѣкотораго самодѣятельнаго жизненнаго начала духовнаго порядка. Съ другой стороны, всѣ образы вещей, не обнаруживающіе въ своихъ предѣлахъ никакихъ внутреннихъ двигательныхъ процессовъ и способные только къ механическому и массовому передвиженію путемъ внѣшнихъ толчковъ, признаются лишенными и внутренней сознательной жизни. Но заключающееся въ этихъ образахъ законосообразное и отъ нашей воли независимое соотношеніе частей, а также перемѣны въ этихъ соотношеніяхъ заставляютъ насъ предполагать существованіе какихъ-то причинъ, обусловливающихъ въ нашемъ сознаніи появленіе тѣхъ, а не иныхъ образовъ и соотношеній. При этомъ, разъ мы признали ошибочнымъ и невозможнымъ понимать эту сущность, какъ цвѣтныя или даже только плотныя и протяженныя тѣльца—атомы, остается единственный выходъ признать лежащую въ основѣ ихъ сущность непознаваемою и назвать ее—въ противоположность сознательному началу органическихъ системъ, т.-е. духу,—матеріей. Не смотря на кажущуюся непритязательность того значенія, которое въ данномъ случаѣ придается понятію матеріи, принимающему совершенно своеобразный, чисто отрицательный характеръ, оно представляется намъ все-таки столь же ошибочнымъ, какъ и въ его обычномъ смыслѣ и, кромѣ того, совершенно излишнимъ. Понятіе это настолько прочно ассоціировалось въ нашемъ мышленіи съ обычнымъ значеніемъ его, какъ нѣкоторой сущности, воспринимаемой нашими чувствами и ими характеризуемой, что мы, оставляя его въ употребленіи, невольно соединяемъ съ нимъ и его обычный смыслъ. Поэтому-то признаютъ матерію за непознаваемую сущность только на словахъ, на самомъ же дѣлѣ съ большею или меньшею степенью сознательности подъ такой, будто бы, непознаваемой матеріей разумѣется обыкновенно нѣчто, обладающее нѣкоторыми качествами, хотя бы неопредѣленно и туманно понимаемыми, въ родѣ косности, инертности, которыя имѣютъ въ сущности то же проективистически-чувственное происхожденіе и состоятъ въ представленіи пространственной неподвижности. Но даже и въ чисто отрицательномъ смыслѣ понятіе матеріи содержитъ въ себѣ уже нѣкоторое познаніе, состоящее въ томъ, что разумѣемая въ данномъ случаѣ сущность предполагается совершенно особаго рода бытіемъ, не имѣющимъ ничего общаго съ бытіемъ духовнымъ, при чемъ если послѣднее есть нѣчто внутренно-измѣнчивое и подвижное, то первое должно быть понимаемо неизмѣнной и неотзывчивой на внѣшнія воздѣйствія сущностью, производящей на насъ впечатлѣнія перемѣнъ и разнаго рода процессовъ только путемъ перемѣны въ сочетаніяхъ раздробленныхъ

частей, передающихъ другъ другу внѣшнія воздѣйствія безъ всякаго ихъ внутренняго измѣненія и переработки, т.-е. только механически. Но такое противоположеніе можетъ относиться только къ тѣмъ чувственнымъ образамъ, которые возникаютъ въ нашемъ представленіи, перенесеніе же его на внѣшнюю дѣйствительность, и установленіе въ этой дѣйствительности особаго, отличнаго отъ извѣстнаго намъ въ сознаніи рода бытія, является уже въ сущности произволомъ, тѣмъ болѣе, что и въ этомъ значково-чувственномъ мірѣ мы нигдѣ не можемъ провести демаркаціонной черты между органическими и неорганическими системами и самое это раздѣленіе, даже въ области естественныхъ наукъ, начинаетъ пріобрѣтать лишь условное значеніе, въ родѣ подраздѣленія химическихъ соединеній на органическія и неорганическія, или минеральныя. Признаніе одноклѣточныхъ организмовъ за послѣднее звено внутренно-живыхъ системъ въ сущности не имѣетъ за собою никакихъ достаточныхъ основаній. Нѣкоторыя составныя части клѣтки имѣютъ на это ни чуть не меньшее право. Протоплазма, ядро, ядрышко, центрозомы, находящіяся въ растительныхъ клѣткахъ пластиды, отличаются вполнѣ достаточной обособленностью и своеобразностью въ совершающихся съ ними при разныхъ условіяхъ процессахъ, чтобы быть признанными въ такомъ же смыслѣ живыми элементами клѣтки, въ какомъ смыслѣ клѣтка признается живымъ элементомъ болѣе сложнаго организма. Сложный и вмѣстѣ съ тѣмъ законообразно-правильный процессъ дѣленія ядра, извѣстный подъ названіемъ каріокинеза, достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, что и ядро слѣдуетъ уже разсматривать, какъ нѣкоторую органически-связную систему частей, подвергающуюся нѣкоторымъ внутреннимъ закономѣрнымъ перемѣнамъ и перераспредѣленіямъ частей. Но и на этомъ мы въ сущности не можемъ остановиться. Самая протоплазма и ядро обнаруживаютъ въ себѣ нѣкоторыя различно проявляющіяся (хотя бы въ процессѣ искусственной окраски) части, которыя съ точки зрѣнія органической химіи должны быть отнесены къ различнымъ видамъ бѣлковыхъ тѣлъ. Эти части, представляющія системы весьма сложнаго химическаго состава, въ свою очередь, могутъ быть разсматриваемы, какъ проявленіе той же органической жизни на низшихъ и простѣйшихъ стадіяхъ ея развитія. Отъ этихъ системъ, различимыхъ лишь подъ микроскопомъ, одинъ шагъ къ сложнымъ химическимъ частицамъ бѣлковыхъ или протеиновыхъ соединеній, уже совершенно недоступнымъ въ отдѣльности чувственнымъ воспріятіямъ и являющимся лишь теоретическими построеніями химіи. Съ химической точки зрѣнія частицы эти должны быть признаны системами атомовъ, имѣющими громадный частичный вѣсъ и чрезвычайно сложное строеніе, такъ что по отношенію къ частицамъ минеральнаго вещества они должны быть признаны гигантами, превосходящими ихъ своимъ простран-

ственнымъ размѣромъ въ нѣсколько тысячъ разъ, что даетъ основаніе думать, что, можетъ быть, нѣкоторыя изъ этихъ частицъ находятся не очень далеко отъ порога чувственнаго воспріятія при помощи микроскопа; и эти высшіе члены, такъ называемой, мертвой матеріи въ сущности нѣтъ никакихъ основаній выдѣлять изъ категоріи органическихъ системъ низшаго порядка. Особыя условія ихъ образованія въ средѣ организмовъ, ихъ легкая разрушимость отъ разныхъ физическихъ и химическихъ воздѣйствій и даже физическій видъ ихъ аггрегацій (студенистость) дѣлаетъ ихъ очень родственными организмамъ. Мы, конечно, не можемъ пока говорить объ ихъ ростѣ, питаніи, размноженіи, раздражимости,—этихъ признанныхъ отличительныхъ свойствахъ органическаго міра,—но вовсе не потому, чтобы были какія-либо основанія отрицать въ нихъ ту или иную форму названныхъ процессовъ, но лишь вслѣдствіе ихъ недоступности нашимъ изслѣдованіямъ иначе, какъ *въ массовыхъ проявленіяхъ*, между тѣмъ какъ естественно-научныя понятія роста, питанія, размноженія и раздражимости могутъ быть обнаружены прежде всего на проявленіяхъ *индивидуумовъ*.

Если, наконецъ, отказаться отъ проведенія во что бы то ни стало хотя бы и неопредѣленнаго дуализма въ области реальнаго бытія, т.-е. не придавать понятію матеріи значеніе противоположной духовному бытію сущности и признавать ее абсолютно непознаваемой, то теряется и всякій смыслъ обозначенія этой сущности вообще какимъ-либо особымъ терминомъ, а тѣмъ болѣе терминомъ матерія, являющимся выраженіемъ привычнѣйшаго и упорнѣйшаго заблужденія человѣческаго ума.

Понятіемъ матеріи не исчерпывается предполагаемая человѣческимъ умомъ область мертваго, лишеннаго сознанія бытія. Къ этому же бытію относится еще то, что разумѣется подъ понятіемъ силы. Понятіе это имѣетъ весьма разнообразныя различія и оттѣнки у философовъ и философствующихъ естествовѣдовъ. Въ наиболѣе грубыхъ значеніяхъ въ содержаніе его входятъ грубо чувственные элементы, входящіе и въ содержаніе понятія матеріи. Зачастую во встрѣчающихся опредѣленіяхъ силы можно замѣтить наклонность отожествить силу съ движущейся матеріей или по крайней мѣрѣ, приписать силѣ нѣкоторыя свойства этой матеріи. Дѣйствіе силы посредствомъ толчка при этомъ вполнѣ отожествляется съ представленіемъ толчка одного тѣла другимъ и сущность силъ при этомъ предполагается чувственно-воспреемлемой и вполнѣ наглядно данной въ опытѣ. На самомъ дѣлѣ сущность силъ остается всегда скрытой и совершенно недоступной для какого-либо воспріятія, и въ болѣе осторожныхъ воззрѣніяхъ сила всегда опредѣляется посредственно, а именно черезъ понятіе движущейся матеріи, т.-е. уже по ея дѣйствію и результату. Самымъ обычнымъ воззрѣніемъ на силу является, такъ назы-

ваемое, механическое, по которому сила существуетъ на-ряду съ матеріей, какъ нѣкоторое особое начало, распредѣляющееся въ ея средѣ посредствомъ толчковъ, передаваемыхъ частицами матеріи другъ другу. Въ этомъ воззрѣніи сила представляется скрытой внутри матеріи сущностью, проявляющейся лишь въ движеніи матеріи и дѣйствующей лишь посредствомъ толчка. Мы не считаемъ нужнымъ входить въ какую-либо подробную критику объективной значимости, этого понятія уже по одному тому, что въ этой своей формѣ оно всецѣло опредѣляется черезъ понятіе движущейся матеріи и не имѣетъ въ своемъ содержаніи ничего такого, что какъ-либо выражало бы самую сущность соотвѣтствующаго ему объекта. Насколько образъ двигающагося тѣла не можетъ служить для насъ выраженіемъ какого-то особаго рода бытія, настолько же должны мы отрицать это значеніе и у механическаго понятія силы. Строгая закономѣрность и механичность движенія матеріальныхъ системъ, предполагаемая на вполнѣ законныхъ основаніяхъ въ физикѣ, вовсе не даетъ права предполагать ихъ факторами какія-то однообразныя, безжизненно и безразлично переливающіяся изъ частицы въ частицу, сущности. Надо всегда имѣть въ виду, что вся эта закономѣрность и механичность имѣетъ мѣсто лишь въ области нашего сознанія, именно ощущенія, отражающаго воздѣйствія *безчисленныхъ массъ* какихъ-то отдѣльныхъ отъ него существующихъ реальностей и имѣющаго дѣло какъ бы со среднимъ статистическимъ выводомъ всѣхъ этихъ воздѣйствій. Самые же воздѣйствующіе на сознаніе сущности въ своей *индивидуальности* могутъ быть совершенно лишены этой однообразной и полной механичности *).

По другому воззрѣнію, носящему названіе динамизма, сила признается вполнѣ самостоятельнымъ и даже единственнымъ началомъ, дѣйствующимъ, помимо какихъ бы то ни было толчковъ, на разстояніи и производящимъ въ своихъ внутреннихъ взаимоотношеніяхъ весь чувственно-воспринимаемый міръ. По такому воззрѣнію тѣлесность или вещественность, проявляющаяся въ непроницаемости, т.-е. сопротивляемости движенію, представляетъ не что иное, какъ дѣйствіе отталкивающихъ силъ, производящихъ на пространственныхъ границахъ своего воздѣйствія эффекты тѣлесныхъ непроницаемыхъ поверхностей. При такомъ взглядѣ понятіе матеріи, какъ таковое, устраняется и матерія является лишь чувственнымъ символомъ самого по себѣ невещественнаго на-

*) Болѣе подробное и обстоятельное развитіе мысли о совмѣстимости «законовъ природы» съ принципами «свободы» и «измѣнчивости» читатель можетъ найти въ богатомъ оригинальными и глубокими взглядами сочиненіи Люгославскаго «Seelenmacht». (Wincenty Lutoslawski. Leipzig.» 1899 г., стр. 72—77), къ сожалѣнію, совсѣмъ не извѣстномъ у насъ, въ Россіи.

чала *). Содержаніе такого понятія силы исчерпывается двумя признаками, выражающими сущность силы, какъ таковую, а именно способностью притяженія и отталкиванія. Притяженіе производитъ образованіе болѣе прочныхъ системъ тѣлъ, при чемъ ихъ непроницаемость является слѣдствіемъ силъ отталкивательныхъ. И въ этомъ своемъ видоизмѣненіи понятіе силы оказывается насквозь проективистичнымъ и не имѣющимъ въ своемъ содержаніи ни одного элемента, который мы могли бы отнести къ самой сущности выражаемаго имъ объекта, а не къ чувственному эффекту его въ нашемъ сознаніи. Притяженіе и отталкиваніе ни въ чемъ иномъ не могутъ состоять, какъ въ зрительномъ образѣ движеній какихъ-либо чувственныхъ качествъ или же въ осязательно-моторномъ ощущеніи сопротивленія. Такимъ образомъ, и эти признаки, какъ представляющіе по своему содержанію созерцаніе перемѣны въ соотношеніяхъ нашихъ же ощущеній, никакъ не могутъ претендовать быть адекватнымъ выраженіемъ внѣшняго нашему сознанію бытія. Если же притяженіе и отталкиваніе разсматривать лишь какъ эффектъ какихъ-то непротяженныхъ сущностей, то мы опять-таки приходимъ къ проблемѣ о невѣдомой причинѣ чувственныхъ образовъ тѣлъ. И опять-таки, насколько въ этой невѣдомой причинѣ хотятъ видѣть противоположность данному намъ въ сознаніи духовному бытію, она характеризуется неопредѣленными признаками однообразности, механичности и неизмѣнности своего дѣйствія во всѣхъ элементарныхъ пунктахъ своего обнаруженія. И тутъ дѣлается та же ошибка, состоящая въ неправильномъ умозаключеніи о неизмѣнномъ однообразіи и тожествѣ каждой индивидуальной единицы на основаніи неизмѣнности и тожественности массовыхъ воздѣйствій при одинаковыхъ условіяхъ.

Нѣсколько иной характеръ можетъ получать динамическое понятіе силы, насколько въ немъ мыслится нѣкоторое одухотворенное начало, т.-е. внутренно-измѣнчивая и способная къ развитію сущность, имѣющая своимъ содержаніемъ состоянія, подобныя тѣмъ, какія мы переживаемъ въ нашемъ сознаніи, какъ, напр., стремленія, желанія и отвращенія; таковы, напр, лейбницевскія монады, внутреннія состоянія которыхъ состоятъ изъ стремленій и малыхъ воспріятій (petites perceptions). Въ такихъ воззрѣніяхъ понятіе силы уже вполнѣ теряетъ свой обычный физическій смыслъ и перестаетъ быть выраженіемъ какого-то мертваго вещественнаго бытія.

*) Въ естественно-научныхъ теоріяхъ зачастую, впрочемъ, понятіе матеріи совмѣщается съ динамическимъ понятіемъ силы (какъ причины движенія, дѣйствующей на разстояніи). Динамизмъ удерживается въ современной физикѣ главнымъ образомъ благодаря принципу всемірнаго тяготѣнія, который, не смотря на существующія попытки дать ему механическое объясненіе, связывается обыкновенно съ динамическими представленіями.

Эта теорія психическаго динамизма будетъ нами разсмотрѣна впослѣдствіи, а теперь мы сдѣлаемъ краткое резюме и общій обзоръ, расчистившагося отъ загромождавшихъ его мертвыхъ тѣлъ, философскаго горизонта.

Центральнымъ, и пока единственнымъ, пунктомъ, существованіе котораго не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, является наше собственное сознаніе во всемъ его содержаніи. доступномъ воспоминанію, т.-е. то, что мы называемъ нашимъ Я. Наше Я представляетъ живую подвижную систему взаимозависимыхъ состояній, какъ-то: ощущеній, чувствъ и желаній, а также представленій и мыслей, подчиненную въ своихъ перемѣнахъ нѣкоторому порядку и закономѣрности, отчасти принудительной, отчасти же связанной съ сознаніемъ воли и творенія, т.-е. спонтанной. Всѣ воспоминанія, касающіяся жизни этого Я, будь то въ видѣ яркихъ представленій или же только схематичныхъ понятій, представляютъ болѣе или менѣе полное или частичное воспроизведеніе этого Я. Воспроизведеніе это, насколько оно касается и выражаетъ только наше Я, можно назвать адекватнымъ познаніемъ, такъ какъ то, что составляетъ его содержаніе, является какъ бы повтореніемъ или копіей воспроизводимаго объекта, Мы вовсе этимъ не хотимъ сказать, чтобы это познаніе своего Я, данное намъ въ воспоминаніи, было бы совершенно, т.-е. вполнѣ замѣняло бы свой объектъ; напротивъ, многое въ немъ передается лишь частично и только въ общихъ чертахъ и при томъ въ блѣдной, иногда почти безкачественной и лишь структурной формѣ (понятія). Подъ адекватностью мы разумѣемъ въ данномъ случаѣ лишь то, что это воспроизведеніе нашего Я есть его непосредственная репродукція, не прошедшая ни черезъ какую измѣняющую и искажающую сущность объекта среду.

Но мысль человѣческая при первомъ же ея пробужденіи не останавливается на этомъ самомъ знакомомъ и находящимся у нея, такъ сказать, подъ руками объектѣ; первымъ ея дѣломъ является предположеніе множества особыхъ, другъ отъ друга отдѣльныхъ и совершенно отъ содержанія сознанія независимыхъ объектовъ. Жизнь ребенка на каждомъ шагу сопровождается сознаніемъ препятствій и помѣхи, сознаніемъ новизны и какого-то могучаго вторженія извнѣ, вслѣдствіе чего и образуется смутное представленіе чего-то внѣшняго, какъ бы входящаго и выходящаго безъ спросу, въ эту близкую и родную среду послушныхъ ощущеній (главнымъ образомъ моторныхъ), чувствъ и представленій. Мало-по-малу все это внѣшнее начинаетъ заполняться тѣми качествами и ихъ ассоціаціями, которыя оказываются самыми принудительными и стойкими. Появляется понятіе о внѣшнемъ мірѣ въ самыхъ разнообразныхъ его формахъ. Всѣ эти представленія и понятія строются человѣческимъ умомъ какъ-то безотчетно и инстинктивно, какъ бы пробиваясь по давно прото-

реннымъ и знакомымъ дорожкамъ и въ концѣ-концовъ получается эта пестрая картина чувственнаго міра съ его тѣсно связанными и нераздѣлимыми началами духа и матеріи.

Въ настоящей главѣ мы показали, что весь этотъ внѣшній міръ, насколько онъ понимается состоящимъ изъ мертваго вещественнаго начала, представляетъ ошибочное построеніе нашего разума, распредѣлившаго всю чувственную область сознанія въ пространственномъ порядкѣ и признавшаго этотъ порядокъ, со всѣми размѣщенными въ немъ чувственными качествами, за нѣчто внѣшнее и отдѣльное отъ остального содержанія этого сознанія. Насколько есть основаніе считать всѣ чувственныя и отвлеченныя построенія матеріальнаго міра обусловленными какими-то внѣшними (не въ пространственномъ смыслѣ, а по обособленности своего бытія) сущностями, съ которыми наше сознаніе какъ-то взаимодѣйствуетъ, они нисколько не передаютъ и не воспроизводятъ природы этихъ сущностей. Построенія эти состоятъ исключительно изъ элементовъ нашего же сознанія, которые могутъ быть признаваемы лишь дѣйствіемъ этихъ внѣшнихъ причинъ, но никакъ не самыми причинами. По прекрасному сравненію Платона, дѣйствительность также отличается отъ производимаго ею въ нашемъ сознаніи эффекта матеріальности, какъ тѣ тѣни, которыя видятъ связанные и не могущіе повернуть головы плѣнники на заднемъ фонѣ пещеры отъ проходящихъ и движущихся сзади, между ними и источникомъ свѣта, людей и предметовъ. Если бы эти плѣнники стали дѣлиться между собою впечатлѣніями, то они несомнѣнно стали бы называть видимыя ими тѣни именами самихъ предметовъ; и если бы въ глубинѣ пещеры было эхо, повторяющее слова проходящихъ, то они должны были бы подумать, что это звуки, исходящіе отъ наблюдаемыхъ ими тѣней. Въ концѣ-концовъ плѣнники могли бы подумать, что, кромѣ этихъ тѣней, болѣе ничего реальнаго и не существуетъ. Ошибка эта является для разума весьма естественной, какъ естественно для дикаря считать радугу цвѣтною дугою, помѣщаемою кѣмъ-то послѣ дождя на небосклонѣ, или считать солнце, луну и звѣзды за небольшіе свѣтильники, обѣгающіе землю разъ въ сутки въ цѣляхъ ея освѣщенія. Для разоблаченія ея вовсе не нужно непремѣнно проникнуть въ сущность вещей и, сравнивъ ихъ съ отраженіемъ, убѣдиться въ иллюзорности привычныхъ воззрѣній. Плѣнники въ пещерѣ имѣютъ всѣ данныя къ тому, чтобы, не оборачиваясь назадъ, понять видимыя ими тѣни только за отраженіе реальности; для этого нужно только болѣе внимательно присмотрѣться къ соотношеніямъ тѣхъ вещей, которыя находятся у нихъ передъ глазами, и ихъ тѣнями, наконецъ, постараться отыскать на стѣнѣ свои собственныя тѣни и т. п., а главное, дѣло быть всегда готовыми отказаться отъ вкоренившихся привычекъ и предразсудковъ, хотя бы и принявшихъ видъ непреложныхъ истинъ.

Такимъ образомъ, все наше познаніе, насколько оно состоитъ изъ представленій и понятій о матеріальномъ, или неодушевленномъ бытіи, ни въ какомъ случаѣ не можетъ претендовать на адекватность какой бы то ни было дѣйствительности, а если и можетъ быть названо познаніемъ, то лишь *символическимъ* или *условнымъ*, такъ какъ въ немъ выражается не дѣйствительность сама въ себѣ, а только отраженіе ея въ нашемъ сознаніи. Познаніе это является очень цѣннымъ съ извѣстныхъ точекъ зрѣнія, насколько оно позволяетъ намъ предугадывать и предвидѣть не испытанныя еще состоянія сознанія на основаніи замѣченныхъ законностей и однообразія въ ихъ пространственно-временной связи. Наконецъ, при правильномъ пониманіи и сопоставленіи этихъ символическихъ познаній мы можемъ получить болѣе или менѣе полныя познанія, воспроизводящія самую сущность вещей, т.-е. ей адекватныя, подобно тому, какъ на основаніи изученія тѣней можно придти къ нѣкоторымъ заключеніямъ о сущности тѣхъ предметовъ, которые ихъ отбрасываютъ. Поэтому наша точка зрѣнія вовсе не приводитъ къ пренебреженію этимъ символическимъ познаніемъ, а только лишь къ нѣсколько иному его пониманію, а главное, къ установленію извѣстныхъ границъ для его авторитетности и значимости. Такъ, напримѣръ, съ нашей точки зрѣнія является вопіющей гносеологической ошибкой, если понятія, относящіяся къ области этого иллюзорнаго міра, напримѣръ, анатомическія или физіологическія, понимаемыя въ ихъ буквальномъ, а не символическомъ, значеніи, переносятся въ сферу философскихъ понятій и вводятся въ разнаго рода теоретическія соображенія, имѣющія цѣлью адекватное воспроизведеніе дѣйствительности. А между тѣмъ, это оказывается самымъ обычнымъ явленіемъ въ философскихъ и психологическихъ изслѣдованіяхъ позитивистическаго направленія, гдѣ неумѣренный культъ естественно-научнаго метода доводитъ зачастую до весьма грубаго смѣшенія и перепутыванія представленій и понятій, имѣющихъ лишь символическое и условное значеніе съ представленіями и понятіями, относящимися къ области адекватнаго познанія. Такъ, напримѣръ, явленія психическаго порядка ставятся въ причинную зависимость отъ явленій физическихъ или физіологическихъ, внѣшнихъ раздраженій, нервныхъ процессовъ и т. п. Между тѣмъ послѣднія, пока они не имѣютъ какого-нибудь философскаго истолкованія, адекватно раскрывающаго ихъ реальную, а не кажущуюся, сущность, никакъ не могутъ объяснять, а тѣмъ болѣе признаваться обусловливающими то, что является уже нѣкоторою дѣйствительною реальностью, а не символомъ, т.-е. наше сознаніе.

Философія, какъ наука о мірѣ въ его цѣломъ, имѣющая цѣлью познать его адекватно, а не символически, должна быть совершенно свободна отъ такихъ вторженій, условныхъ точекъ зрѣнія частныхъ, въ

томъ числѣ и естественныхъ, наукъ и пользоваться данными этихъ наукъ только со стороны ихъ фактическаго матеріала, смыслъ и истолкованіе котораго дается только ею. И будь естественныя науки безконечно обширнѣе и точнѣе въ сферѣ своихъ общепризнанныхъ данныхъ, чѣмъ философія, они все-таки, какъ стоящія на условной и символической точкѣ зрѣнія на міръ, не могутъ служить вожделѣннымъ идеаломъ и образцомъ для философіи. Напротивъ, философія по самому своему своеобразному положенію среди другихъ наукъ должна имѣть свой особый методъ изслѣдованія и свои особые принципы. При этомъ, если она, по трудности и своеобразности своихъ задачъ, такъ далека еще по сравненію съ другими науками до того состоянія, когда среди накопленныхъ знаній и теорій разныхъ изслѣдователей обрисовывается твердая и непоколебимая схема общепризнанныхъ положеній, связанныхъ въ органическую связь, то это вовсе не указываетъ на недостижимость и невозможность намѣченныхъ ею цѣлей и вовсе не должно служить основаніемъ для перехода на болѣе удобныя и привычныя условныя точки зрѣнія. Одна безусловная (въ смыслѣ адекватности, а не полноты) истина безконечно цѣннѣе тысячи условныхъ. И отыскивать первыя и исключать изъ своего содержанія послѣднія, есть главный девизъ всякаго философскаго изслѣдованія.

Теперь является вопросъ, насколько вообще законно и оправдываемо съ философской точки зрѣнія признаніе особаго отъ сознанія міра, а также, что же должно заступить мѣсто этого иллюзорнаго тѣлеснаго міра, которымъ въ неосмотрительной поспѣшности окружилъ себя философски не искусившійся разумъ. Или, быть можетъ, ему слѣдуетъ признать себя одинокимъ созерцателемъ всего этого имъ же созданнаго разнообразія, находящимся въ безпредѣльной и абсолютной пустотѣ и самооткрывающимся въ сложной чередѣ откуда-то появляющихся и куда-то исчезающихъ состояній. Передъ нами три возможныхъ исхода: или оправдать и дополнить существующія въ нашемъ разумѣ понятія о бытіи одушевленномъ, подобномъ нашему сознанію, или построить какое-то особое понятіе бытія, не относящееся ни къ одному изъ двухъ знакомыхъ, или же, наконецъ, отказаться отъ познанія какого-либо отдѣльнаго и обособленнаго отъ даннаго въ собственномъ сознаніи бытія.

ГЛАВА VI.

Проблема внѣшней одушевленности.

Въ этой главѣ намъ придется обосновывать то, въ чемъ ни у кого не возникаетъ настоящаго реальнаго сомнѣнія и что можетъ быть опровергаемо или не признаваемо исключительно въ цѣляхъ гносеологической методологіи, а именно бытіе подобныхъ намъ духовныхъ существъ. Въ предыдущей главѣ мы имѣли дѣло тоже съ такими понятіями, въ объективной значимости которыхъ не сомнѣвается почти никто, и даже сами сомнѣвающіеся способны отказаться отъ своей привычной вѣры въ нихъ только въ моменты теоретическаго обсужденія. И тѣмъ не менѣе мы должны были ихъ признать ошибочными и не удовлетворяющими требованіямъ философской критики. Послѣ этого нѣтъ ничего невѣроятнаго, что и всѣ понятія о бытіи одушевленномъ окажутся скрывающими въ себѣ какую-нибудь ошибку разума или просто ни на чемъ не основанными построеніями, принявшими вслѣдствіе нашей привычки къ нимъ видъ несомнѣнной истины. Поэтому, для критической повѣрки этихъ понятій мы должны хотя бы теоретически усомниться въ ихъ значимости, и признать ихъ философски правоспособными не иначе, какъ по отысканіи и оправданіи того метода разума, которымъ они создаются или могутъ быть созданы.

Мы должны, такимъ образомъ, на первыхъ порахъ признать этотъ міръ не-Я совершенно намъ неизвѣстнымъ по своей сущности и отыскать тотъ путь, который могъ бы насъ привести къ болѣе или менѣе адекватному познанію объ этомъ мірѣ. При этомъ мы должны различать двѣ точки зрѣнія на нашъ вопросъ—гносеологическую и психологическую. Съ гносеологической точки зрѣнія вопросъ этотъ состоитъ въ томъ, какимъ процессомъ мышленія мы можемъ придти къ понятію объ одушевленномъ, отъ насъ отдѣльномъ, бытіи и каково должно быть это понятіе по содержанію своему. Съ психологической же точки зрѣнія, вопросъ состоитъ въ томъ, какими вообще духовными процессами (т.-е. не только мышленіемъ, а можетъ быть и чувствомъ или непосредственной интуиціей)

мы фактически приходимъ къ понятію міра не-Я. Очевидно, что первоначально долженъ быть, рѣшенъ вопросъ гносеологическій и уже только съ точки зрѣнія болѣе или менѣе законченной философской системы долженъ рѣшаться гораздо болѣе сложный вопросъ о психологическомъ генезисѣ понятія духовнаго бытія. При этомъ мы полагаемъ, что если бы намъ какъ-либо и удалось дать вѣрную психологическую картину происхожденія искомаго понятія, то мы этимъ нисколько не рѣшили бы вопросъ объ истинности этого понятія въ смыслѣ соотвѣтствія его дѣйствительности, такъ какъ критеріемъ этой истинности должна быть, по нашему, только гносеологическая цѣнность и правильное примѣненіе того метода разума, которымъ раскрывается сущность этого понятія. Поэтому мы совершенно исключаемъ всякую возможность постулировать подобныхъ намъ существъ и вообще внѣшній міръ черезъ посредство какихъ-либо процессовъ не раціональнаго свойства, какъ напр., черезъ посредство нравственнаго чувства, нуждающагося для своего осуществленія въ признаніи намъ подобныхъ существъ и т. п. Если же наши изслѣдованія привели бы насъ къ заключенію, что нѣтъ никакого разумнаго метода, посредствомъ котораго мы могли бы составить понятіе о мірѣ не-Я, то тѣмъ самымъ мы признали бы, что этотъ міръ не познаваемъ и что всѣ фактически имѣющіяся у насъ о немъ представленія произошли путемъ вѣры и, какъ таковыя, не имѣютъ никакой философской цѣнности.

Но прежде всего намъ могутъ задать вопросъ: что побуждаетъ насъ признать существованіе внѣшняго намъ міра и ставить вопросъ о его сущности? Всѣ наши представленія и понятія о немъ, какъ матеріальнаго, такъ и духовнаго порядка, состоятъ изъ элементовъ нашего же собственнаго сознанія. Что-либо внѣшнее этому сознанію никакъ не можетъ быть дано. И если мысль объ этомъ внѣшнемъ какъ-либо появилась въ нашемъ умѣ, то она должна быть обоснована, прежде всего, независимо отъ того содержанія, которое приписывается ею этому внѣшнему міру. Но возможно ли какъ-либо *раціонально* обосновать эту мысль о существованіи внѣшняго нашему сознанію бытія или, иначе говоря, на что мы можемъ указать въ нашемъ сознаніи, что логически требовало бы признанія чего-то ему внѣшняго. Мы, съ своей стороны, должны признаться, что не находимъ никакихъ *раціональныхъ* основаній, могущихъ оправдать эту мысль. Всѣ тѣ основанія, какія обыкновенно приводятся по этому поводу, представляются намъ совершенно недостаточными. Сущность ихъ сводится къ тому, что все, совершающееся въ нашемъ сознаніи помимо нашей воли и желанія, все неожиданное и новое должно имѣть какую-то причину своего появленія, которая можетъ быть только внѣ сознанія. Здѣсь мы встрѣчаемся, въ сущности, съ совершенно голословнымъ утвержденіемъ, что будто бы наше сознаніе не можетъ быть единствен-

ной причиной всѣхъ появляющихся въ немъ состояній, а въ особенности тѣхъ, которыя связаны съ сознаніемъ неудовольствія и нежеланія. Вѣдь никѣмъ не доказано, что наше сознаніе такъ устроено, что всѣ имъ воспроизводимыя состоянія не могутъ быть неожиданными и должны быть непремѣнно пріятнаго чувственнаго тона, все же непріятное можетъ имѣть только внѣшнее происхожденіе. Вообще, нѣтъ ничего невозможнаго въ мысли, что состоянія сознанія, смѣняя другъ друга, являются производящими причинами другъ друга. О первой причинѣ тутъ, конечно, не можетъ быть рѣчи, такъ какъ наша память, сохраняющая только ничтожное количество пережитыхъ состояній, и простирающаяся только до извѣстнаго предѣла въ прошедшемъ, не даетъ намъ никакихъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса. Вообще требованіе внѣшней причины для объясненія смѣны состояній сознанія заключаетъ въ себѣ „petitio principii“, такъ какъ оно вполнѣ основывается на обычныхъ воззрѣніяхъ, такъ называемаго, здраваго смысла на сущность и взаимодѣйствіе матеріальныхъ предметовъ и живыхъ существъ. Но коль скоро мы отрицаемъ эти обычныя воззрѣнія или подвергаемъ ихъ критикѣ и провѣркѣ, мы уже лишаемся возможности пользоваться заключающимися въ нихъ привычными истинами и должны искать какихъ-либо другихъ основаній.

Существуетъ воззрѣніе, по которому познаніе живыхъ существъ и вообще внѣшняго міра не выводимо никакимъ раціональнымъ методомъ; во всякомъ случаѣ появленіе въ умѣ ребенка представленія объ отдѣльныхъ лицахъ, съ которыми ему приходится вступать во взаимодѣйствіе, какъ о внѣшнихъ ему сущностяхъ, не можетъ быть признано результатомъ какого-либо чисто логическаго процесса, а должно имѣть другое объясненіе. Единственнымъ такимъ объясненіемъ является признаніе непосредственнаго воздѣйствія существъ другъ на друга, вслѣдствіе чего у насъ существуетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ интуитивное познаніе, состоящее въ прямомъ проникновеніи во внѣшнюю намъ сущность безъ посредства какихъ-либо процессовъ мысли. Оставляя пока въ сторонѣ оцѣнку этого, по нашему мнѣнію, въ извѣстномъ отношеніи вѣрнаго воззрѣнія, мы должны сказать, что и оно непригодно для нашей цѣли, такъ какъ уже предполагаетъ существованіе внѣшнихъ намъ существъ, т.-е. то, что намъ еще только требуется доказать. Вообще воззрѣніе это можетъ быть обосновано и развито только уже на почвѣ оправданныхъ и болѣе или менѣе выработанныхъ понятій о мірѣ, его элементахъ и ихъ взаимодѣйствіи, а никакъ не въ гносеологической части философскаго изслѣдованія.

Въ невозможности раціонально оправдать идею внѣшняго намъ бытія заключается весьма сильный аргументъ солипсизма; и если теорія со-

липсизма не имѣла въ исторіи философской мысли послѣдовательнаго и полнаго выраженія, а лишь значеніе исходнаго пункта или методологическаго пріема въ нѣкоторыхъ системахъ, какъ, напр., у Декарта, то только вслѣдствіе ея практической невозможности и требованія человѣческой природы выйти во что бы то ни стало, какъ практически, такъ и теоретически, изъ тѣсныхъ рамокъ своего Я. Хотя мы тоже считаемъ идею внѣшняго міра, взятую во всей ея общности, не доказуемой и не выводимой изъ понятія о нашемъ сознаніи или о нашемъ Я, тѣмъ не менѣе мы не думаемъ, чтобы доказательство внѣшняго міра было бы отъ этого безнадежнымъ. Вообще, по нашему мнѣнію, въ основѣ этого затрудненія лежитъ весьма обычная въ подобныхъ случаяхъ неправильность въ постановкѣ вопроса. Дѣло въ томъ, что участь общихъ понятій во всемъ ихъ объемѣ можетъ рѣшаться только при обсужденіи ихъ логической ошибочности или правильности. Если общее понятіе оказывается скрывающимъ въ себѣ какую-либо ошибку, то оно исчезаетъ съ философскаго горизонта цѣликомъ, со всѣми его видовыми подраздѣленіями. Не такъ обстоитъ дѣло при *выведеніи* общихъ понятій, т.-е. въ случаяхъ, когда отъ общаго, не заключающаго въ себѣ никакой завѣдомой ошибки, понятія требуются лишь достаточныя основанія на право его существованія. Въ такихъ случаяхъ общее рѣшеніе не всегда можетъ быть дано сразу, но является иногда зависящимъ отъ разсмотрѣнія вопроса въ тѣхъ или иныхъ его частностяхъ. Такой именно случай имѣемъ мы въ разбираемомъ нами вопросѣ. Понятіе о внѣшнемъ *мірѣ вообще*, какъ таковое, не имѣетъ за себя никакихъ аргументовъ и не можетъ быть постулировано на какомъ-нибудь раціональномъ основаніи во всей его *общности*. Но оно за то можетъ быть выведено изъ другихъ *частныхъ* понятій, входящихъ въ его содержаніе въ качествѣ видовыхъ, коль скоро мы найдемъ, что тѣ или иныя изъ нихъ могутъ быть построены какимъ-либо раціональнымъ методомъ. Другими словами, данный вопросъ можетъ, и по нашему долженъ, рѣшаться индуктивно-синтетическимъ методомъ, а не обратнымъ ему дедуктивно-аналитическимъ, какъ онъ обыкновенно рѣшается. Мы утверждаемъ, что бытіе внѣшняго намъ міра можетъ быть раціонально выведено сначала въ отдѣльныхъ его представителяхъ, а затѣмъ, на основаніи полученныхъ такимъ образомъ частныхъ понятій, и въ общей формѣ. Прежде всего можетъ быть доказано бытіе намъ подобныхъ существъ; это и явится въ нашей задачѣ первымъ прорубленнымъ во внѣшній міръ окномъ.

Представленія, а затѣмъ и понятія о подобныхъ намъ существахъ имѣютъ въ своей основѣ тотъ процессъ мышленія, который называется аналогіей. Сущность аналогіи состоитъ въ дополненіи и расширеніи нашего представленія или понятія о какомъ-либо объектѣ, доступномъ намъ

только отчасти, на основаніи сходства этого объекта съ другимъ или съ другими извѣстными намъ во всей полнотѣ. Въ данномъ случаѣ происходитъ расширеніе и дополненіе тѣхъ представленій, которыя мы находимъ подобными представленію нашего собственнаго тѣла. Къ нимъ примышляется нѣчто въ нихъ непосредственно не наблюдаемое и данное только во внутреннемъ опытѣ, какъ тѣсно связанное съ представленіемъ собственнаго тѣла, а именно сначала тѣ или иныя душевныя состоянія въ отдѣльности, а затѣмъ и вообще душевная жизнь. Механизмъ этого аналогизированія весьма простой и не нуждается ни въ какихъ предварительныхъ общихъ положеніяхъ. Выводъ здѣсь идетъ отъ частнаго къ частному. Проявленія нашего тѣла, доступныя намъ, посколько мы имѣемъ о немъ внѣшнимъ образомъ полученныя данныя зрительныя, слуховыя, осязательныя и моторныя, какъ въ отдѣльности, такъ *и въ способахъ взаимодѣйствія* съ разнаго рода предметами, напр., обработкѣ матеріаловъ, питаніи и т. п., представляютъ нѣкоторую весьма сложную систему элементовъ, распространенную по всему тому протяженію времени, какое доступно нашей памяти. При этомъ, во всей этой системѣ наблюдаются довольно сложныя перемѣны и перераспредѣленія соотношеній, повторяющіяся иногда съ нѣкоторой правильностью черезъ извѣстные промежутки времени и составляющія самыя обычныя процедуры и проявленія нашей повседневной жизни, въ родѣ ходьбы, работы, питанія, разговора, выраженій чувствъ и т. п. Нечего и говорить, что вся эта система внѣшнихъ проявленій нашей жизни, которую назовемъ для краткости тѣлесною жизнью *) нашего Я, находится въ самой тѣсной связи и соотношеніи со всею внутреннею, внѣшними чувствами не воспринимаемою жизнью нашего Я, при чемъ многія внутреннія состоянія нашего сознанія входятъ какъ необходимыя звенья въ сложныя комбинаціи внѣшнихъ перераспредѣленій и перемѣнъ, напр., чувство гнѣва во внѣшнюю картину оскорбленія, чувство любви во внѣшнія проявленія ласки и т. п. Такимъ образомъ, система тѣлесной жизни нашего Я является тѣсно и неразрывно связанной со всѣмъ содержаніемъ нашего сознанія, понимаемымъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ качествѣ пассивно-воспріимчиваго, въ другихъ

*) Подъ тѣлесной жизнью, вообще подъ словами тѣло, предметы, матеріальные процессы и т. п., которыя намъ придется употреблять въ нашемъ изложеніи, мы будемъ подразумѣвать только извѣстныя группы и сочетанія состояній нашего сознанія, а именно входящія въ составъ тѣхъ представленій и понятій, которыя этими словами обыкновенно обозначаются, совершенно опуская ихъ обычный смыслъ и значеніе какихъ-то внѣшнихъ самостоятельныхъ сущностей. Мы оставимъ только за ними ту правильность и закономѣрность ихъ сочетаній, которая въ общемъ и цѣломъ выражается въ естественно-научныхъ законахъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи понятія эти являются безупречными и вполнѣ достаточными для построенія на основаніи этой правильности тѣхъ или иныхъ умозаключеній и даже оправданія и повѣрки на нихъ тѣхъ или иныхъ методовъ разума.

въ качествѣ активно-творческаго центра всѣхъ тѣлесныхъ проявленій. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что представленіе нашего тѣла и его жизни, какъ по своей сложности и своеобразности, такъ и по своей тѣсной связи съ нашими волевыми проявленіями, вполнѣ отчетливо и ясно изолировано и отдѣлено отъ всѣхъ другихъ нашихъ представленій. Коль скоро мы теперь замѣчаемъ среди нашихъ представленій такія, которыя во всѣхъ своихъ существенныхъ частяхъ совершенно сходны съ представленіемъ нашего собственнаго тѣла во всѣхъ его важнѣйшихъ проявленіяхъ, то и является вполнѣ естественнымъ и законнымъ дополнить этотъ образъ тѣмъ же или, по крайней мѣрѣ, подобнымъ содержаніемъ, которое является тѣсно связаннымъ съ проявленіями нашего собственнаго тѣла, т.-е. сознаніемъ или одухотворенностью.

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о гносеологической убѣдительности и цѣнности этого аналогизированія, мы разсмотримъ сперва нѣкоторыя возраженія относительно возможности указаннаго нами метода признанія внѣшней одушевленности. Въ этомъ отношеніи интересныя соображенія по поводу нашего вопроса находимъ мы въ сочиненіи проф. А. И. Введенскаго „О предѣлахъ и признакахъ одушевленія“. Въ этомъ сочиненіи разсматриваемый нами вопросъ подвергнутъ весьма всестороннему и глубокому анализу. По пріемамъ и направленію сочиненіе это написано въ духѣ Канта и по своей блестящей и послѣдовательной аргументаціи, а также по важности разсматриваемаго вопроса является весьма крупнымъ и гармоничнымъ включеніемъ въ величественной системѣ критицизма. Сочиненіе это сыграло не маловажную роль въ исторіи русской философіи, между прочимъ и тѣмъ, что привлекло на нѣкоторое время общее вниманіе на этотъ весьма важный гносеологическій вопросъ. Свой главный выводъ, состоящій въ томъ, что объективныхъ признаковъ одушевленія вовсе не существуетъ, г. Введенскій выразилъ въ видѣ особаго психофизіологическаго закона: „законъ отсутствія объективныхъ признаковъ одушевленія“, при чемъ сдѣлалъ вызовъ на споръ относительно правильности этого закона. Философскій турниръ происходилъ, на страницахъ московскаго журнала „Вопросы философіи и психологіи“ (см. книги №№ 16, 18 и 19—1893 г.). Мы не можемъ въ настоящее время входить во всѣ перипетіи этой весьма интересной борьбы. Мы отмѣтимъ только, что нападенія противниковъ г. Введенскаго, главнымъ образомъ, были устремлены на вторую часть его работы, представляющую, собственно, слѣдствіе первой и содержащую обоснову метода практическо-нравственныхъ постулатовъ для разрѣшенія метафизическихъ проблемъ. Первая же половина изслѣдованія г. Введенскаго, въ которой собственно и изложенъ самый „законъ одушевленія“, является, по нашему мнѣнію, наименѣе пострадавшей отъ логическихъ уда-

ровъ противниковъ, которые, при всей своей силѣ, не всегда отличались особенной мѣткостью и иногда, минуя намѣченную цѣль, сыпались только кругомъ да около. Нѣкоторые критики, напримѣръ, г. Радловъ, почти согласились съ закономъ г. Введенскаго. Покойный П. Е. Астафьевъ нашелъ во всей аргументаціи этого закона собственно только одну ошибку, состоящую въ игнорированіи факта нашей собственной одушевленности, вслѣдствіе чего у г. Введенскаго отрицаніе и признаніе внѣшняго одушевленія является въ гносеологическомъ отношеніи совершенно равноправнымъ. Существенныя возраженія противъ закона мы находимъ главнымъ образомъ въ статьѣ проф. Лопатина: „Новый психофизіологическій законъ г. Введенскаго“ (см. „Вопросы философіи“ 1893 г. книга 4 (19). Возраженія проф. Лопатина кажутся намъ настолько вѣскими и между прочимъ, настолько удачно выраженными, что мы считаемъ необходимымъ рекомендовать всѣмъ, заинтересовавшимся этимъ вопросомъ познакомиться съ названной статьей, въ которой, между прочимъ, чрезвычайно удачно развитъ „телеологическій аргументъ“ въ пользу признанія внѣшней одушевленности. Мы все-таки не считаемъ этотъ вопросъ исчерпаннымъ и съ своей стороны выскажемъ нѣкоторыя соображенія по поводу „закона“ г. Введенскаго тѣмъ болѣе, что въ связи съ нашею постановкою этого самаго вопроса онъ получаетъ нѣсколько другое освѣщеніе и даетъ основаніе къ критикѣ его съ новыхъ точекъ зрѣнія. Кромѣ того, разсмотрѣніе „закона“ г. Введенскаго, явится вмѣстѣ съ тѣмъ развитіемъ и обосновкой нашего собственнаго рѣшенія проблемы внѣшняго духовнаго бытія.

Мы не находимъ возможнымъ дать изложеніе брошюры г. Введенскаго, такъ какъ всякое сокращеніе нарушило бы цѣльность и убѣдительность его аргументаціи, вообще весьма сжатой и компактной, и предлагаемъ нашимъ читателямъ самимъ ознакомиться съ нею *). Для тѣхъ же, кто по какимъ-либо причинамъ не можетъ этого сдѣлать, мы приводимъ тезисы г. Введенскаго, напечатанные въ книгѣ 16 „Вопросовъ“ (1893 г.) въ XCVII протоколѣ засѣданія (стр. 115 ч. II.), резюмирующіе главные выводы его работы. Кромѣ того, по мѣрѣ надобности, мы будемъ приводить и излагать тѣ или иныя соображенія г. Введенскаго по поводу нашего вопроса.

Тезисы проф. Введенскаго.

1) Чужая душевная жизнь не только не наблюдается извнѣ, но и не представима. И то, что называется ея представленіемъ, состоитъ или въ умствен-

*) Настоящее сочиненіе г. Введенскаго было сначала напечатано въ 5, 6 и 7 книгахъ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1892 г., а потомъ отдѣльною брошюрою, въ обоихъ случаяхъ подъ заглавіемъ «О предѣлахъ и признакахъ одушевленія».

ной подстановкѣ самого себя въ условія чужой душевной жизни, или же въ представленіи ея внѣшнихъ обнаруженій, которыя сопровождаются прежде пріобрѣтеннымъ знаніемъ ихъ значенія.

2) Всякое познаніе чужой душевной жизни пріобрѣтается при помощи подстановки самого себя въ ея условія; и потому чужая душевная жизнь всегда конструируется изъ элементовъ собственной душевной жизни познающаго лица.

3) Всякая существующая во вселенной душевная жизнь подчинена закону «отсутствія объективныхъ признаковъ одушевленія». Его формула такова: «матеріальные процессы *во всѣхъ* безъ исключенія тѣлахъ протекаютъ *всегда* такъ, какъ если бы нигдѣ и никогда не было душевной жизни, т.-е. *всякій* матеріальный процессъ можетъ быть объясняемъ *одними* матеріальными процессами безъ помощи душевныхъ».

4) Существованіе чужого одушевленія, предѣлы его распространенія и продолжительность существованія душевной жизни (въ прошломъ и будущемъ) лежатъ внѣ чисто эмпирическаго познанія; и въ этихъ вопросахъ, безъ всякаго противорѣчія съ опытомъ, можно допускать *любыя* предположенія, а потому позволительно пользоваться, по мѣрѣ надобности, каждымъ изъ нихъ, какъ вспомогательнымъ средствомъ для развитія эмпирическаго познанія.

5) Существованіе типовъ *одушевленія*, согласованіе съ опытомъ предположенія *общности* основныхъ психофизіологическихъ и психологическихъ законовъ (не исключая отсюда и общности априорныхъ идей)—все это зависитъ отъ субъективныхъ условій нашего познанія, и все это имѣло бы мѣсто, если бы даже всѣ животныя (включая и человѣка), кромѣ ихъ наблюдателя, были бездушными автоматами.

6) Или признаніе существованія чужого одушевленія должно быть объявлено ничѣмъ не доказуемымъ мнѣніемъ, или же надо допустить возможность достовѣрнаго трансцедентно-метафизическаго познанія и существованіе особаго органа такого познанія.

7) При современномъ состояніи философіи таковымъ органомъ съ наибольшею вѣроятностью можно считать *нравственное* чувство, и такимъ путемъ мы приходимъ къ кантовскому методу трансцендентной метафизики.

8) Признавъ нравственное чувство за органъ достовѣрнаго метафизическаго познанія, придется считать міръ устроеннымъ телеологически, именно устройство всѣхъ тѣлъ, принаровленнымъ къ требованіямъ нравственности, а устройство одушевленныхъ тѣлъ—приспособленнымъ къ душевной жизни, хотя обѣ стороны остаются не связанными причинной зависимостью.

9) Успѣхъ критической трансцендентной метафизики обусловленъ выясненіемъ эмпирически неразрѣшимыхъ вопросовъ.

„Законъ одушевленія“ г. Введенскаго зиждется на возможности объясненія всѣхъ тѣлесныхъ проявленій человѣческаго организма, какъ-то: движеній, разговора, разнаго рода цѣлесообразныхъ дѣйствій и т. п., одними матеріальными (т.-е. въ данномъ случаѣ физико-физіологическими) процессами, безъ всякаго предположенія какихъ-либо стоящихъ за ними и представляющихъ ихъ дѣятельную причину или необходимое звено духовныхъ процессовъ. Съ точки зрѣнія г. Введенскаго чужое одушевленіе не можетъ быть доказуемо эмпирическимъ путемъ, и всякая попытка такого доказательства, по достаточномъ разсмотрѣніи, должна оказаться

ошибочной или не убѣдительной. При этомъ весьма важно замѣтить, что г. Введенскій необходимымъ условіемъ рѣшенія проблемы чужого одушевленія ставитъ воздержаніе отъ всяческой трансцендентной метафизики, которую онъ вообще считаетъ невозможной. Г. Введенскій вовсе не отрицаетъ возможности признавать чужое одушевленіе, которое онъ вообще считаетъ вовсе не противорѣчащимъ эмпирическимъ даннымъ. Онъ настаиваетъ только на отсутствіи необходимости его признавать въ виду имѣющагося вполнѣ достаточнаго объясненія тѣлесныхъ процессовъ законами физики, химіи и физіологіи. При этомъ, конечно, предполагается, что это объясненіе естественно-научнаго характера вполнѣ удовлетворяетъ тому требованію, которое поставилъ самъ же г. Введенскій, т.-е. отсутствію трансцендентно-метафизическихъ построеній, иначе онъ или не выставлялъ бы этого требованія (относящагося, конечно, къ обѣимъ сторонамъ, т.-е. и къ отрицающей, и защищающей чужое одушевленіе) или же не приводилъ бы именно это объясненіе, какъ само по себѣ достаточное и не требующее никакихъ другихъ. Такимъ образомъ, вся аргументація г. Введенскаго опирается, съ одной стороны, на убѣдительность и неопровержимость физическаго и физіологическаго объясненія тѣлесной жизни и съ другой—на отсутствіе какихъ-либо эмпирическихъ данныхъ, которыя могли бы дать твердую почву для конструированія чужой психики. Поэтому и наша критика его закона должна быть проведена по этимъ двумъ основнымъ флангамъ. Мы приведемъ доказательства, во-первыхъ, въ пользу гносеологической несостоятельности и ошибочности исключительно „матеріальнаго“ объясненія тѣлесной жизни и, во-вторыхъ, въ пользу нѣкоторой обязательности ея объясненія при помощи построенія представленій и понятій о чужой душевной жизни. Возможность матеріальнаго объясненія формулируется г. Введенскимъ такъ: „матеріальные процессы во всѣхъ безъ исключенія тѣлахъ протекаютъ всегда такъ, какъ если бы нигдѣ и никогда не было душевной жизни, т.-е. всякій матеріальный процессъ можетъ быть объясняемъ одними матеріальными процессами безъ помощи душевныхъ“. Первое и самое важное возраженіе, которое мы сдѣлаемъ, состоитъ въ томъ, что эта формула, являющаяся общимъ выраженіемъ всей аргументаціи г. Введенскаго, во-первыхъ, не удовлетворяетъ поставленнымъ г. Введенскимъ условіямъ, такъ какъ она всецѣло основана на трансцедентно-метафизическихъ предпосылкахъ и, во-вторыхъ, что она основана на предпосылкахъ ошибочныхъ, не выдерживающихъ гносеологической критики. Въ самомъ дѣлѣ, о какихъ матеріальныхъ процессахъ, объясняющихъ процессы тѣлесной жизни, говоритъ г. Введенскій? Конечно, о процессахъ физическихъ, химическихъ, физіологическихъ и т. п. Но что такое всѣ эти представленія и понятія о физіологическихъ процессахъ, совершающихся въ мозгу и въ

нервахъ, къ которымъ обращается г. Введенскій и пользуется для своего объясненія, какъ не достояніе матеріалистической метафизики. Вѣдь всѣ эти естественно-научныя построенія всецѣло основаны на понятіяхъ матеріи, силы, пространства и др., понятыхъ не критически, а въ самомъ обычномъ естественно-научномъ смыслѣ, т.-е. въ качествѣ нѣкихъ сущностей и порядковъ независимо и внѣ сознающаго и мыслящаго субъекта существующихъ. Вѣдь всякаго рода физическія и физіологическія объясненія тѣхъ или иныхъ явленій только въ той мѣрѣ и могутъ быть названы объясненіями, въ какой мы считаемъ ихъ объективно существующими, т.-е. вещами въ себѣ; а это съ точки зрѣнія критицизма уже есть трансцендентная метафизика. Коль скоро же мы относимся къ этимъ понятіямъ критически, т.-е. считаемъ ихъ относящимися къ феноменамъ нашего представленія и разума, то и всѣ построенныя на нихъ гипотезы и теоріи, въ томъ числѣ цѣликомъ вся физика, химія и физіологія перестаютъ уже быть, по крайней мѣрѣ для философа, объясненіемъ чего бы то ни было, а сами превращаются въ загадку, требующую того или иного объясненія и той или иной философской гипотезы, раскрывающей ихъ объективный смыслъ и значеніе. Такимъ образомъ, ссылаясь на физіологическіе процессы, какъ на какое-то объясненіе, г. Введенскій долженъ былъ бы признавать всѣ лежащія въ основѣ ихъ понятія за выраженіе вещей въ себѣ и существующихъ между ними отношеній. Но этого онъ, какъ критическій философъ, не можетъ дѣлать. А въ такомъ случаѣ всѣ эти процессы перестаютъ быть удовлетворительнымъ объясненіемъ процессовъ тѣлесныхъ проявленій *и сами вмѣстѣ со всѣми этими проявленіями превращаются въ проблему,* разрѣшаемую только тѣмъ или инымъ ученіемъ о вещахъ въ себѣ (раціональнымъ или критическимъ, т.-е. посредствомъ метода нравственныхъ постулатовъ). Физіологическія объясненія, понимаемыя въ самомъ обыденномъ смыслѣ, могутъ удовлетворить только естествовѣдовъ, не задающихся гносеологической и вообще философской постановкой вопроса, и только съ такихъ условныхъ точекъ зрѣнія и могутъ быть допускаемы. Мы очень далеки отъ того, чтобы дѣлать г. Введенскому упрекъ въ матеріализмѣ. Говоря, что г. Введенскій въ своемъ физіологическомъ объясненіи и въ аргументаціи имъ своего „закона“ впадаетъ въ матеріалистическую метафизику, мы утверждаемъ только то, что онъ въ данномъ случаѣ пользуется нѣкоторыми понятіями *въ смыслѣ* матеріалистической метафизики. Обыкновенно принято считать матеріализмомъ и относить къ матеріалистической метафизикѣ лишь то ученіе, которое сводитъ „на нѣтъ“ всѣ душевныя проявленія, замѣняя и объясняя ихъ цѣликомъ процессами матеріальнаго характера. Критицизмъ вообще, и г. Введенскаго въ частности, конечно, далекъ отъ матеріалистической метафизики въ этомъ смыслѣ. Но мы считаемъ этотъ смыслъ

черезъ чуръ узкимъ. Въ самомъ дѣлѣ, что является въ матеріализмѣ, какъ метафизической системѣ, наиболѣе существеннымъ съ гносеологической точки зрѣнія, то ли, что матеріализмъ пользуется извѣстными понятіями (а именно: матерія, сила, пространство, движеніе, масса и всѣ отъ нихъ производныя и зависимыя, составляющія содержаніе физики, химіи и другихъ естественныхъ наукъ), понимая эти понятія выражающими нѣкую въ себѣ сущую реальность, т.-е. вещь въ себѣ, или же то, что матеріализмъ сводитъ все безъ остатка именно на эти понятія и объявляетъ духовный міръ не существующимъ. По нашему, безусловно первое является гораздо болѣе важнымъ и существеннымъ въ матеріализмѣ. Насколько далеко проведена точка зрѣнія и гипотеза матеріализма, останавливается ли она передъ нѣкоторыми вопросами, признавая ихъ при теперешнемъ состояніи наукъ неразрѣшимыми, или же путемъ построенія смѣлыхъ теорій даетъ имъ матеріалистическое объясненіе и вообще идетъ до конца и полной систематичности—это уже, по нашему мнѣнію, дѣло второстепенное и зависящее не столько отъ различія гносеологическихъ принциповъ, сколько отъ большей или меньшей осторожности въ ихъ проведеніи. Поэтому, мы считаемъ сущностью матеріалистической метафизики—признаніе основныхъ понятій, такъ-называемаго, матеріальнаго міра за выраженіе вещей въ себѣ, т.-е. за выраженіе чего-то такого, что существуетъ и внѣ нашего сознанія и мысли такимъ же, какимъ оно является въ сознаніи и мысли. Такимъ образомъ, съ нашей точки зрѣнія всякій, кто пользуется этими понятіями въ указанномъ (не философскомъ и не критическомъ) смыслѣ *), тотъ уже впадаетъ въ матеріалистическую метафизику; и этотъ именно упрекъ кажется намъ возможнымъ и по отношенію къ г. Введенскому. Вопросъ о допустимости въ философіи понятій матеріи, силы и вообще неодушевленнаго мертваго бытія мы уже разбирали въ предыдущей главѣ, гдѣ и пришли къ заключенію, что всѣ эти понятія, какъ не выражающія никакой внѣшней намъ дѣйствительности и представляющія лишь продукты нашего сознанія и нашей мысли, не имѣютъ никакого философскаго значенія и могутъ служить въ своемъ условномъ смыслѣ лишь вспомогательнымъ матеріаломъ для построенія философскихъ теорій о дѣйствительно сущемъ, или же только символическимъ (но не адекватнымъ) выраженіемъ дѣйствительности. Мы считаемъ по-

*) Матеріализмъ есть съ такой точки зрѣнія до конца и систематично проведенная матеріалистическая метафизика и отличается отъ нея только, такъ сказать, количественно. Всякій дуализмъ, признающій и духъ, и матерію, есть, съ нашей точки зрѣнія, одновременно и матеріалистическая и вмѣстѣ съ тѣмъ спиритуалистическая метафизика. Въ матеріалистическую же метафизику впадаетъ и позитивизмъ, коль скоро онъ пользуется понятіями матеріи (а онъ это часто дѣлаетъ) въ указанномъ не критическомъ смыслѣ. Вообще, чистый позитивизмъ, дѣйствительно свободный отъ метафизики, возможенъ только въ духѣ Юма, т.-е. крайне скептическій.

этому излишнимъ входить теперь въ какую-либо критику объясненія тѣлесныхъ проявленій матеріальными процессами, и признавая, какъ самыя тѣлесныя проявленія, такъ и всяческіе матеріальные процессы, относящимися къ области сознанія и построеній ума, выражающихъ только то же самое сознаніе, считаемъ ихъ съ гносеологической точки зрѣнія не объясненіемъ, а напротивъ, проблемой, требующей объясненія.

Но намъ могутъ сказать, что все это наше возраженіе отличается чрезвычайной субъективностью и имѣетъ значеніе и силу только съ нашей раціоналистической точки зрѣнія. Съ точки зрѣнія же критицизма вообще не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо раціональномъ построеніи, объясняющемъ дѣйствительность, какъ „вещь въ себѣ“, а потому съ этой точки зрѣнія приходится удовлетворяться хотя бы и тѣми объясненіями, которыя, не претендуя на познаніе истинной сущности вещей, даютъ, однако, стройную систему знаній, подводящую разрозненныя состоянія нашего сознанія подъ опредѣленныя формы закономѣрныхъ соотношеній. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія критицизма понятіе матеріи и его производныя, не имѣющія значенія выраженія вещей въ себѣ, соотвѣтствуютъ, однако, нѣкоторой эмпирической реальности, въ сферѣ которой только и могутъ имѣть примѣненіе апріорныя начала нашего разума, и въ этой области, и въ этомъ смыслѣ, являются вполнѣ правоспособными. Или, выражаясь нашими терминами, критицизмъ, считая невозможнымъ какое-либо адекватное познаніе дѣйствительности, можетъ остановиться только на символическомъ и такъ какъ оно является единственно возможнымъ, то приходится и его признавать удовлетворительнымъ, если, конечно, оно удовлетворяетъ правиламъ логики и тѣмъ методамъ эмпирическаго изслѣдованія, которые касаются установленія закономѣрныхъ связей и соотношеній эмпирическихъ данныхъ, независимо отъ ихъ цѣнности въ смыслѣ адекватности вещи въ себѣ. Считая такую постановку вопроса вполнѣ правильною съ точки зрѣнія критицизма, мы признаемъ все-таки наше возраженіе имѣющимъ силу постолько, посколько намъ удалось показать въ предыдущихъ главахъ несостоятельность основъ критицизма вообще. Но мы думаемъ, что и съ точки зрѣнія критицизма гипотеза феноменально-матеріалистическаго объясненія тѣлесныхъ проявленій можетъ быть подвергнута весьма существеннымъ возраженіямъ, и мы сомнѣваемся, чтобы всѣ послѣдователи критицизма и даже самъ его основатель посмотрѣли бы на дѣло именно такъ, какъ смотритъ г. Введенскій, хотя и признаемъ его точку зрѣнія вполнѣ соотвѣтствующею духу критицизма, — вѣдь, по одному и тому же направленію можно ходить различными тропинками.

Свой законъ г. Введенскій обосновываетъ при помощи такого пріема: онъ представляетъ себѣ скептика, который считаетъ признаніе чужого

одушевленія излишнимъ и, объясняя всѣ тѣлесныя явленія исключительно матеріальными процессами, доказываетъ, что идея чужого одушевленія не вызывается никакою необходимостью. Задачи скептика и его противниковъ сводятся по г. Введенскому къ слѣдующему:

«Допуская возможность опровергнуть скептика, мы этимъ самымъ утверждаемъ, что существуютъ у другихъ людей такія тѣлесныя явленія, которыя *обязываютъ* допускать въ нихъ душевную жизнь. Поэтому намъ нельзя ограничиться указаніемъ на то, что предположеніе душевной жизни въ другихъ людяхъ прекрасно мирится со всѣми наблюдаемыми въ нихъ фактами, дѣлаетъ легкимъ ихъ изученіе, предугадываніе и т. п,, нисколько не противорѣчитъ имъ, и что оно всегда можетъ быть допущено: объ этомъ нѣтъ никакого спора, и скептикъ не отрицаетъ этого, хотя и находитъ предположеніе чужой душевной жизни излишнимъ. Мы вынуждены идти дальше и обязаны выставить на видъ такіе факты, при объясненіи которыхъ *необходимо* или *неизбѣжно* (а не только что возможно) предполагать обнаруженіе въ нихъ душевной жизни: мы должны доказать, что одни матеріальныя явленія, взятыя безъ ея участія, *не могли бы* породить этихъ фактовъ и что иное объясненіе для нихъ *невозможно* и будетъ *противорѣчить* нашимъ знаніямъ о законахъ тѣлесной жизни. Скептикъ же, напротивъ, обязанъ показать намъ, что предположеніе чужой душевной жизни, хотя и *допустимо, но въ немъ нѣтъ необходимости*; что тѣ же самые факты, которые онъ наблюдаетъ въ людяхъ при помощи своихъ внѣшнихъ чувствъ (въ томъ числѣ и ихъ горячія увѣренія, что они одушевлены. ихъ негодующія фразы, которыя они произносятъ по поводу его сомнѣній въ существованіи у нихъ ума и всей душевной жизни и т. п,), *могутъ* быть объяснены и безъ всякаго участія душевной жизни; что поэтому ея существованіе у нихъ *можно* отрицать *безъ всякаго противорѣчія съ законами чисто-матеріальныхъ явленій*. Словомъ, мы должны доказывать *необходимость* или *неизбѣжность* предположенія душевной жизни въ другихъ людяхъ; а скептикъ долженъ показать *отсутствіе необходимости* дѣлать такое предположеніе. А потому для всѣхъ явленій, которыя мы привыкли разсматривать, какъ обнаруженіе чужой душевной жизни, онъ долженъ подобрать другія объясненія, обходящіяся безъ предположенія ея существованія и на столько же не противорѣчащія даннымъ опыта, какъ и наши. Однимъ лишь могутъ они отличаться отъ общепринятыхъ: они будутъ слишкомъ *непривычны* для насъ, а потому неизбѣжно *трудны* для усвоенія и для ихъ дальнѣйшаго развитія, а сверхъ того по той же причинѣ будутъ казаться нѣсколько странными, *какъ бы неестественными* ибо все непривычное всегда кажется чѣмъ-то дикимъ, неестественнымъ. Но мы при ихъ оцѣнкѣ должны смотрѣть не на это ничтожное обстоятельство, а на то, насколько они логичны и не противорѣчатъ ли нашимъ свѣдѣніямъ о тѣлесныхъ явленіяхъ. Таковы задачи и обязанности обѣихъ сторонъ» *).

Теперь спрашивается, что слѣдуетъ разумѣть подъ той задачей, которая приходится на долю скептика, а именно, что значитъ дать возможное объясненіе тѣлесныхъ проявленій. Такъ какъ дѣло касается здѣсь области эмпиріи, при чемъ вопросъ идетъ о недоступныхъ внѣшнему наблюденію причинахъ и условіяхъ внѣшнихъ обнаруженій человѣческаго

* См. «О пред. и призн. одуш.» стр. 11 и 12.

организма, то мы, конечно, и должны имѣть въ виду такое объясненіе, которое удовлетворяло бы всѣмъ тѣмъ требованіямъ, какія вообще предъявляются теоріямъ и гипотезамъ эмпирическаго характера. Всякое же такое объясненіе должно представлять теорію или гипотезу, заключающую въ себѣ систему закономѣрныхъ и неразрывныхъ связей между тѣми явленіями, которыя подлежатъ объясненію и разнаго рода предполагаемыми явленіями, которыя въ этомъ объясненіи должны играть роль необходимыхъ причинъ или условій. Пробнымъ камнемъ всякой такой теоріи или гипотезы является способность предсказывать послѣдовательность и связь отдѣльныхъ явленій. Посмотримъ теперь, что же будетъ, если мы предъявимъ это требованіе къ той гипотезѣ, которая кажется такою удовлетворительною г. Введенскому. Не стоитъ большого труда, чтобы убѣдиться въ томъ, что эта гипотеза, если бы мы вздумали пользоваться только ею одною, оставила бы насъ въ самомъ безпомощномъ положеніи и вмѣсто внесенія свѣта и какого бы то ни было разъясненія ввергла бы насъ въ непроглядный мракъ и хаосъ всяческихъ возможностей и самыхъ неопредѣленныхъ комбинацій. Въ самомъ дѣлѣ, во что превратилась бы тогда осмысленная рѣчь и дѣйствія всѣхъ тѣхъ людей, съ которыми мы ежемгновенно сталкиваемся? Въ совершенно безпорядочные и другъ съ другомъ опредѣленно не связанные процессы, послѣдовательность которыхъ для насъ была бы совершенно необъяснимой, а потому и не предвидимой. На страницахъ 12—27 брошюры г. Введенскаго находится доказательство того, что осмысленная рѣчь не можетъ служить объективнымъ признакомъ одушевленія, такъ какъ она вполнѣ достаточнымъ образомъ можетъ быть объяснена разнаго рода физіологическими процессами, совершающимися въ человѣческомъ организмѣ. Все это, достаточное, по мнѣнію г. Введенскаго, объясненіе построено на основаніи данныхъ психо-физіологической теоріи и въ предположеніи строгаго параллелизма душевныхъ и матеріальныхъ процессовъ въ человѣческомъ организмѣ. Каждая фраза, каждый осмысленный поступокъ можетъ быть разсматриваемъ съ этой точки зрѣнія, какъ заключительная фаза того или иного нервнаго рефлекса *), при чемъ различіе возможныхъ отвѣтовъ, на одинъ и тотъ же предлагаемый вопросъ, со стороны простолюдина, интеллигентнаго человѣка, иностранца и т. п. можетъ быть вполнѣ объяснено различіемъ предыдущихъ вліяній и воздѣйствій на организацію этихъ людей, находившихся до предлагаемаго вопроса въ совершенно различныхъ условіяхъ развитія. Какъ ни остроумно и ни убѣдительно развиваетъ скептикъ г. Введенскаго свои доводы о достаточности физіо-

*) Функція головного мозга сводится при этомъ не къ чему иному, какъ къ осложненному рефлексу.

логическаго объясненія разумныхъ проявленій окружающихъ насъ людей, мы совершенно отказываемся съ нимъ въ этомъ согласиться по слѣдующимъ причинамъ. Разумныя проявленіи человѣка безконечно *разнообразны*, объясненіе же, которое въ каждомъ случаѣ можетъ дать со своей точки зрѣнія скептикъ г. Введенскаго, оказывается, наоборотъ, безконечно *однообразнымъ*. Все сваливается на какіе-то никому невѣдомые и другъ отъ друга ничѣмъ (въ объясненіяхъ скептика) не различающіеся нервные процессы въ мозгу и проводящихъ нервныхъ путяхъ. Такой невѣдомый нервный процессъ является въ объясненіи скептика совершенно равноправнымъ физіологическимъ эквивалентомъ всевозможныхъ осмысленныхъ отвѣтовъ и рѣчей, какіе только могутъ произнести люди всѣхъ націй, возрастовъ и положеній. Съ точки зрѣнія скептика мы напрасно пытались бы предугадать, что можетъ послѣдовать на предлагаемый нами вопросъ въ томъ или иномъ случаѣ, потому что дѣйствующимъ стимуломъ ожидаемаго отвѣта являются все тѣ же невѣдомые намъ нервные процессы, только теоретически предполагаемые нами, какъ различные, но совершенно недоступные намъ, какъ различные,—въ опытѣ и наблюденіи. Если бы намъ пришлось вступить въ споръ со скептикомъ г. Введенскаго, то мы, съ своей стороны, предложили бы ему такой способъ для разрѣшенія вопроса о годности и достаточности того или иного объясненія разумной рѣчи и другихъ разумныхъ проявленій человѣка. Мы попросили бы его сдѣлать на основаніи своего объясненія, т.-е. принимая въ разсчетъ одни лишь матеріальные процессы организма, хоть одно предсказаніе или предугаданіе возможнаго отвѣта или дѣйствія на то или иное обращеніе къ тѣмъ или инымъ изъ окружающихъ. Съ своей стороны, мы обязались бы съ точки зрѣнія признанія людей одушевленными и подобными намъ существами дать множество болѣе или менѣе вѣрныхъ, иногда даже вполнѣ точныхъ, предсказаній о поступкахъ и отвѣтахъ разнаго рода людей. Мы утверждаемъ, что скептикъ въ томъ случаѣ, если бы онъ вполнѣ добросовѣстно отказался отъ примѣненія къ дѣлу той гипотезы, которую онъ считаетъ не нужной и излишней, не могъ бы намъ предугадать и раціонально объяснить ни одного отвѣта на заданный кому-либо вопросъ. Скептикъ не могъ бы, напримѣръ, предугадать, что долженъ отвѣтить первый попавшійся на улицѣ городовой или дворникъ на вопросъ: „какая это улица?“, между тѣмъ какъ при гипотезѣ чужого одушевленія слѣдуемый на этотъ вопросъ отвѣтъ можно предсказать (зная напередъ названіе улицы) съ полною точностью. Положимъ, скептикъ предсказалъ бы намъ отвѣтъ и объяснилъ бы свое предвидѣніе тою подмѣченною имъ и другими людьми чисто матеріально-физіологическою особенностью, что физіологическія машины, называемыя людьми, отправляющія свои матеріальныя функціи (дворника

или городового) на той или другой улицѣ, въ силу какихъ-то невѣдомыхъ, но чисто матеріальныхъ, зависимостей обыкновенно отвѣчаютъ на такіе вопросы звуками, соотвѣтствующими названію данной улицы. На основаніи подобныхъ, будто бы, чисто эмпирическихъ обобщеній скептикъ, пожалуй, могъ бы намъ сдѣлать много предугадываній разумныхъ дѣйствій. Но, не говоря уже о психологической неправдивости такого возможнаго объясненія своихъ предугадываній, оно было бы непозволительно для скептика по другимъ основаніямъ. Дѣло въ томъ, что личнаго опыта скептика было бы совершенно недостаточно для открытія такихъ странныхъ законностей въ родѣ вышеприведенной, на свидѣтельство же другихъ людей скептикъ не имѣлъ бы права какъ-либо опираться, такъ какъ всякаго рода законности, найденныя другими людьми, основаны и обусловлены признаніемъ за этими людьми внѣшняго одушевленія, т.-е. тою гипотезою, которую скептикъ считаетъ ненужною и излишнею для объясненія. Наконецъ, всѣ свидѣтельства другихъ людей, которыя такъ или иначе сводились бы къ заявленіямъ: „я видѣлъ, слышалъ или чувствовалъ то-то и то-то“, не могутъ имѣть никакого значенія для скептика, такъ какъ онъ вообще не имѣетъ права, держась строго только своей матеріально-физіологичеслой точки зрѣнія, понимать подъ чужимъ видѣніемъ или слышаніемъ что-либо, кромѣ какихъ-то невѣдомыхъ процессовъ въ органахъ, проводящихъ путяхъ и мозговыхъ центрахъ зрѣнія, слуха и т. п. Понимать же эти процессы соотвѣтствующими тѣмъ или инымъ зрительнымъ или слуховымъ образамъ онъ не имѣетъ права, такъ какъ, по его же предположенію, слуховые и зрительные образы, *составляющіе уже элементы одушевленія*, связаны лишь съ его (скептика) первными процессами, у другихъ же людей всѣ эти нервные процессы совершаются безъ всякихъ зрительныхъ и слуховыхъ ощущеній и образовъ.

Вообще, мы думаемъ, что если бы къ скептику г. Введенскаго предъявить въ полной строгости всѣ вытекающія изъ занятой имъ позиціи требованія, то онъ не только что оказался бы безпомощнымъ какъ-либо предвидѣть поступки окружающихъ и съ ними сообразоваться, но даже не имѣлъ бы никакого права такъ изложить и оправдать свою физико-физіологическую гипотезу, какъ это дѣлаетъ г. Введенскій на протяженіи отъ 12 — 29 стр. Какъ это и отмѣчаетъ самъ г. Введенскій на стр. 29 своей брошюры, вся аргументація скептика зиждется на данныхъ психо-физіологіи, при чемъ онъ пользуется какъ понятіями, такъ и положеніями этой науки; онъ употребляетъ такія понятія, какъ „органы чувствъ“, „чувствующіе“ (въ отличіе отъ двигательныхъ) нервы, руководится общимъ положеніемъ о соотвѣтствіи каждаго психическаго состоянія какому-нибудь нервному процессу и т. п. Спрашивается, какое

право имѣетъ скептикъ на употребленіе тѣхъ средствъ аргументаціи, которыя всецѣло основаны на гипотезѣ имъ же признаваемой излишнею и ненужною. Вѣдь всѣ физіологическія и психо-физіологическія понятія, касающіяся процессовъ нашего мозга, основаны и выработаны въ предположеніи чужого одушевленія *) и даже при помощи этого предположенія. И ихъ же обращаетъ потомъ скептикъ противъ гипотезы одушевленія. Это выходитъ въ родѣ того, какъ если бы кто-либо, взобравшись по стволу дерева на его верхушку, сталъ бы оттуда пресерьезно увѣрять, что въ признаніи этого ствола существующимъ нѣтъ никакой надобности и что всѣ тѣ вѣтви и листва, на которыхъ держится его тѣло, можно съ полнымъ удобствомъ предположить висящими въ воздухѣ безъ всякой опоры. Г. Введенскій не замѣчаетъ, что положеніе его скептика совсѣмъ не равноправно съ положеніемъ послѣдовательнаго матеріалиста. Матеріалистъ, допуская чужое одушевленіе и придя чрезъ посредство этого допущенія къ извѣстнымъ положеніямъ и гипотезамъ, составляющимъ содержаніе психо-физіологіи, приходитъ къ мысли о томъ, что мозговой процессъ и соотвѣтствующій ему психическій актъ составляютъ одно и то же, т.-е., что психическій актъ и есть, въ сущности, лишь мозговой процессъ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о наивности и грубой ошибочности того разсужденія, которое приводитъ матеріалиста къ такому воззрѣнію, нельзя не сознаться, что воззрѣніе это не заключаетъ въ своей окончательной формѣ никакого видимаго противорѣчія. Матеріалистъ сводитъ на физіологическіе процессы мозга, какъ чужую душевную жизнь, *такъ и свою*, онъ игнорируетъ духовный актъ, какъ бытіе особаго порядка какъ у другихъ, такъ и *у себя*; пользуясь для своихъ построеній предположеніемъ чужого одушевленія, онъ его потомъ не отрицаетъ, какъ это дѣлаетъ скептикъ г. Введенскаго, а лишь понимаетъ въ *иномъ*, чѣмъ до своего изслѣдованія, *смыслѣ*. Скептикъ же г. Введенскаго, отлично понимая разницу и несводимость другъ на друга мозгового процесса и соотвѣтствующаго ему духовнаго акта, точно такъ же, какъ и матеріалистъ, тихомолкомъ пользуется предположеніемъ чужого одушевленія, въ видѣ психо-физіологическаго ученія, и потомъ съ неблагодарностью отвергаетъ, какъ не нужное, то, на чемъ онъ самъ же незамѣтно для себя основывался. Нечего и говорить, что если бы скептика г. Введенскаго предоставить лишь тѣмъ даннымъ, которыя онъ можетъ получать изъ чисто внѣшняго наблюденія жизненныхъ процессовъ чужого человѣческаго тѣла,

*) Только такое предположеніе и даетъ смыслъ, напр., физіологическому раздѣленію нервныхъ путей на двигательные и чувствующіе; при немъ только и возможна хотя бы самая общая постановка вопроса о психо-моторныхъ центрахъ, хотя бы самая приблизительная теорія локализаціи различныхъ функцій сознанія и т. п., т.-е. всего того, что даетъ важнѣйшія данныя для матеріалистическаго объясненія.

безъ всякаго предположенія его одушевленія и безъ всякаго сопоставленія и провѣрки предположенія о тѣхъ или иныхъ могущихъ сопутствовать имъ жизненныхъ актахъ съ данными наблюденія,—скептикъ не могъ бы намъ развить никакой психо-физіологической теоріи и вообще оказался бы при послѣдовательномъ проведеніи своей точки зрѣнія безпомощнѣйшимъ существомъ въ сношеніяхъ съ окружающими людьми. Разъ же гипотеза единоличнаго одушевленія не можетъ привести ни къ какой, хотя бы сколько-нибудь опредѣленной теоріи и оказывается совершенно безсильной и безполезной для какого бы то ни было практическаго примѣненія, съ другой же стороны гипотеза чужого одушевленія необходима для развитія цѣлыхъ научныхъ отдѣловъ (напр., психо-физіологіи) и, кромѣ того, оказывается ежемгновенно необходимой для того, чтобы оріентироваться въ весьма сложной и разнообразной области общественной жизни, то вопросъ о предпочтеніи и эмпирической цѣнности той или другой изъ нихъ рѣшается безповоротно въ пользу послѣдней. Впрочемъ, можетъ быть, г. Введенскій и самъ не отказался бы отъ признанія того, что гипотеза чужого одушевленія въ практическомъ отношеніи предпочтительнѣе, чѣмъ та, которую защищаетъ его скептикъ, но самую возможность ею пользоваться, а также ея происхожденіе все-таки усмотрѣлъ бы не въ какихъ-либо эмпирико-логическихъ процессахъ ума, а лишь въ требованіи нравственнаго чувства, какъ это г. Введенскій выводитъ во второй половинѣ своей работы. Въ своемъ отвѣтѣ на возраженіе кн. Трубецкого (стр. 126 „Вопросовъ“ № 18, примѣчаніе) г. Введенскій, между прочимъ, замѣчаетъ „...такъ какъ я по другимъ основаніямъ вѣрю въ чужое одушевленіе, то и руковожусь рѣчью какъ признакомъ перемѣнъ въ ходѣ чужой душевной жизни. Обыкновенно признаки перемѣнъ смѣшиваютъ съ признаками существованія чужой душевной жизни, я же указываю необходимость различать тѣ и другіе“. Изъ этого видно, что г. Введенскій совершенно не придаетъ никакого гносеологическаго значенія въ вопросѣ о душевной жизни тѣмъ связямъ, которыя можетъ установить эмпирическое мышленіе между разнаго рода тѣлесными проявленіями человѣка (главнымъ образомъ осмысленныя дѣйствія и рѣчь) и весь центръ тяжести идеи чужого одушевленія переводитъ на точку опоры совершенно не гносеологическаго порядка, а именно на нравственное чувство, постулирующее эту идею, какъ необходимую для его активнаго проявленія. При этомъ г. Введенскій предостерегаетъ отъ смѣшенія признаковъ перемѣнъ чужой душевной жизни съ признаками ея существованія. Мы въ данномъ случаѣ совершенно не видимъ никакого основанія пренебрегать указанными эмпирическими данными для гносеологической обосновки идеи одушевленія и вопреки предостереженію г. Введенскаго видимъ въ нихъ не только признаки перемѣнъ, но и признаки существова-

нія. Для доказательства этого мы разсмотримъ, что можетъ намъ дать при рѣшеніи даннаго вопроса предполагаемое г. Введенскимъ нравственное чувство и что—эмпирическія данныя, состоящія въ разумныхъ внѣшнихъ проявленіяхъ людей. Если только мы не будемъ считать нравственное чувство какимъ-то чудодѣйственнымъ, то самое большое, что оно намъ можетъ дать,—это идею чужого одушевленія въ самой ея общей формѣ *). Нравственное чувство совершенно безсильно въ рѣшеніи такихъ, напримѣръ, вопросовъ: какого рода мысль, или какое намѣреніе имѣетъ данный человѣкъ, находящійся въ тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ. Нравственное чувство можетъ лишь дать намъ увѣренность, что мы находимся не въ мертвой пустынѣ сложныхъ машинъ, что около насъ находятся подобныя же намъ живыя души, которыя такъ же, какъ и мы, ощущаютъ, чувствуютъ и думаютъ. Но оно совершенно не въ состояніи указать намъ, что именно въ тотъ или иной моментъ думаютъ, чувствуютъ и желаютъ эти находящіяся около насъ души. Согрѣваемые однимъ только нравственнымъ чувствомъ, мы были бы совершенно такъ же безпомощны въ сношеніяхъ нашихъ съ людьми, какъ и безъ него, и движимые состраданіемъ къ тоскующему около насъ близкому существу насыщали бы хлѣбомъ требующаго любви и осыпали бы любовными ласками голоднаго. Впрочемъ, можетъ быть кто-нибудь сошлется на тѣ многочисленные случаи, когда, какъ говорится, человѣкъ „сердцемъ понимаетъ“ страданіе ближняго, или когда близкія другъ другу души, молча и безъ всякихъ внѣшнихъ проявленій, знаютъ, что творится въ душѣ у каждаго изъ нихъ. Не отрицая нѣкотораго элемента интуитивнаго созерцанія душъ (т.-е. духовнаго процесса совершенно иного порядка, чѣмъ нравственное чувство, на которое ссылается г. Введенскій) мы все-таки утверждаемъ, что существеннымъ и важнѣйшимъ средствомъ для пониманія и представленія совершающихся въ окружающихъ насъ людяхъ духовныхъ процессовъ являются ихъ тѣлесныя проявленія, и что только на почвѣ пріобрѣтенной эмпирической опытности можетъ имѣть мѣсто то, иногда геніальное, проникновеніе въ чужую душу, которое совершается на основаніи ничтожнѣйшихъ и для большинства неуловимыхъ внѣшнихъ проявленій. Вообще, если исключить всѣ необыкновенные случаи, основанные или на какихъ-либо особыхъ процессахъ взаимодѣйствія людей другъ съ другомъ (имѣющіе гораздо болѣе сложную и трудную разгадку, чѣмъ нравственное чувство) или просто на детальномъ знаніи людей другъ

*) Строго говоря, мы не можемъ даже и такъ выражаться, потому что чувство, какъ таковое, никакъ не можетъ конструировать сложной и разнородной по своему элементарному составу, идеи. Правильнѣе было бы выразиться, что это чувство утверждаетъ и автономно санкціонируетъ идею, возникшую путемъ тѣхъ или иныхъ процессовъ ума, самихъ по себѣ шаткихъ и проблематичныхъ.

друга (напр., при совмѣстной жизни), то окажется, что мы руководимся въ нашемъ познаніи духовныхъ состояній людей исключительно ихъ внѣшними проявленіями. Только слово или движеніе можетъ намъ дать несомнѣнное знаніе о томъ, *что именно* данный человѣкъ въ настоящую минуту думаетъ, чувствуетъ или желаетъ. Сопоставляя по своей цѣнности то, что можетъ дать въ вопросѣ объ одушевленіи нравственное чувство и эмпирическія данныя, мы не можемъ не придти къ заключенію, что главною опорою идеи одушевленія могутъ явиться только послѣднія и что безъ нихъ утвержденіе единоличнаго одушевленія было бы совершенно равноправно съ утвержденіемъ множественности одушевленія. Но мы уже показали раньше, что такой равноправности нѣтъ, что при сравненіи этихъ двухъ предположеній въ качествѣ эмпирическихъ гипотезъ вторая является несравненно болѣе объясняющею и предсказывающею тѣлесныя проявленія, чѣмъ первая, совершенно безсильная объяснять и отличать каждое индивидуальное проявленіе, какъ таковое. Изъ этого съ очевидностью вытекаетъ, что идея чужого одушевленія имѣетъ гносеологическое (въ данномъ случаѣ эмпирическое) обоснованіе, а не нравственное, какъ думаетъ г. Введенскій. Поэтому мы совершенно не согласны съ утвержденіемъ г. Введенскаго, что внѣшнія разумныя проявленія можно признавать только признаками „перемѣнъ“ душевной жизни, но не признаками „существованія“. Разъ именно эти проявленія даютъ намъ возможность провѣрить наши предположенія о чужой душевной жизни и многократнымъ совпаденіемъ совершающагося съ предвидѣннымъ дѣлаютъ это предположеніе твердымъ и гносеологически болѣе цѣннымъ, чѣмъ всякое другое, *то несомнѣнно, что они являются вмѣстѣ съ тѣмъ и признаками существованія того, что помимо ихъ было бы лишь проблематичнымъ предположеніемъ, т.-е. чужого одушевленія.* Съ этой точки зрѣнія ихъ можно назвать признаками существованія чужого одушевленія съ такимъ же правомъ, какъ, напримѣръ, въ исторіи химіи законы „постоянства состава“ и „кратныхъ отношеній“ могутъ быть признаны признаками существованія атомовъ, такъ какъ только гипотеза атомовъ могла дать этимъ законамъ наглядное и раціональное объясненіе. Конечно, одновременно съ этимъ оба эти закона дали возможность къ открытію и правильному представленію о совершающихся перемѣнахъ въ распредѣленіи атомовъ въ химическихъ реакціяхъ и къ символическому изображенію ихъ въ химическихъ уравненіяхъ. Но, являясь показателями и руководителями въ этихъ частныхъ вопросахъ химической, атомистики, они нисколько не потеряли свое значеніе главныхъ краеугольныхъ камней общей гипотезы атомовъ и поскольку они ее сдѣлали единственно вѣроятной и объясняющей химическія явленія, постолько же они являются признаками существованія атомовъ.

Но пренебреженіе тѣмъ значеніемъ, какое имѣетъ идея чужого одушевленія для предугадыванія внѣшнихъ проявленій людей, имѣетъ у г. Введенскаго совершенно своеобразное объясненіе. Въ сущности г. Введенскій даже не признаетъ, чтобы у насъ было какое-либо представленіе о чужой душевной жизни. По его мнѣнію, мы всегда представляемъ только свою душевную жизнь и она же и служитъ средствомъ для предугадыванія. На основаніи этого новаго, установленнаго „закона непредставимости чужой душевной жизни“ г. Введенскій и утверждаетъ независимость предугадыванія отъ какого бы то ни было представленія и существованія чужой душевной жизни *). Все это, по мнѣнію, г. Вве-

*) Приводимъ изъ брошюры г. Введенскаго относящееся къ данному вопросу мѣсто (см. стр. 53, 54 и 55): «Мы не только не наблюдаемъ чужой душевной жизни, но даже не въ состояніи ее представить себѣ, какъ чужую, а взамѣнъ того представляемъ себѣ свою собственную душевную жизнь, воображая ее въ условіяхъ чужой, то-есть, мысленно подставляемъ самихъ себя на мѣсто другихъ существъ. А если такъ, то, значитъ, всякій разъ, когда я наблюдаю (вѣрнѣе, предполагаю, *будто бы* я наблюдаю) въ другомъ лицѣ такое или иное душевное явленіе, на самомъ дѣлѣ я только его строю въ своемъ умѣ; и строю, разумѣется, изъ тѣхъ самыхъ элементовъ, изъ которыхъ состоитъ моя собственная душевная жизнь (ибо никакихъ другихъ элементовъ я не могу представить себѣ), то-есть, я ихъ какъ бы *переношу* изъ самого себя въ другое лицо.

И какимъ путемъ я совершаю это перенесеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда я увѣренъ, что мои отзывы о событіяхъ чужой душевной жизни соотвѣтствуютъ дѣйствительности? Чѣмъ я провѣряю свои мнѣнія, коль скоро нельзя наблюдать самыхъ душевныхъ состояній другого лица? Разумѣется, я руковожусь одними лишь наблюденіями надъ его тѣлесной жизнью: ничто другое для меня недоступно. И если я знаю, что во мнѣ самомъ элементарное душевное состояніе a всегда возникаетъ въ связи съ тѣлеснымъ состояніемъ a_1, то я только тамъ и предположу a, гдѣ я нахожу a_1. То же самое имѣетъ мѣсто и относительно другихъ элементовъ душевной жизни b, c, d, и т. д.: каждый изъ нихъ я допущу только тамъ, гдѣ существуютъ соотвѣтствующія имъ (то же элементарныя) тѣлесныя состоянія b_1, c_1, d_1, и т. д., то-есть, тамъ, гдѣ я наблюдаю тѣ тѣлесныя состоянія, которыя по законамъ *моей собственной* душевной жизни всегда сопровождаютъ возникновеніе во мнѣ этихъ психическихъ элементовъ. Не поступай я такъ, не ограничивай я себя этими условіями при перенесеніи моихъ психическихъ элементовъ на другое лицо, то мое построеніе чужого душевнаго состоянія являлось бы въ моихъ глазахъ вполнѣ произвольнымъ, не соотвѣтствующимъ ничему дѣйствительному. Но вѣдь при объективныхъ наблюденіяхъ я помогаюсь построить предъ собой *правдивую* картину чужой душевной жизни; поэтому я стану строить ее только изъ такихъ элементовъ, которые по законамъ моей собственной душевной жизни *соотвѣтствовали бы* наблюдаемымъ мною въ другомъ лицѣ тѣлеснымъ процессамъ. Напримѣръ, я не перенесу свѣтовыхъ ощущеній на то существо, у котораго я не нахожу ничего похожаго на органы зрѣнія, или же они и существуютъ, но въ данную минуту почему-либо въ нихъ не замѣчается никакой дѣятельности, ибо у меня самого цвѣтовыя ощущенія (возникающія извнѣ) всегда связаны съ этою дѣятельностью. Подобнымъ же образомъ, если я одушевляю атомы, то я переношу на нихъ только такіе элементы моей душевной жизни, которые согласуются съ простотой внѣшнихъ атомныхъ явленій. Такимъ образомъ, тѣ же основные законы, которые управляютъ во мнѣ самомъ взаимоотношеніями душевной и тѣлесной жизни, приводятъ меня къ построенію такой картины чужой душевной жизни, что послѣдняя неизбѣжно будетъ подчиняться тѣмъ же самымъ (основнымъ) законамъ. И если я, не подозрѣвая объ отсутствіи объективныхъ признаковъ одушевленія, думаю, будто бы предположеніе этой картины подтверждается опытомъ, то мнѣ невольно покажется, что опытъ подтверждаетъ и общій характеръ этихъ законовъ. Даже и въ томъ случаѣ, *если бы* моя увѣренность относительно одушевленія другихъ людей

денскаго, достигается знаніемъ законовъ связи между собственной душевной жизнью и ея проявленіями, а затѣмъ подстановкой самого себя въ условія чужой жизни и въ истолкованіи данныхъ объективнаго наблюденія при посредствѣ представленія своихъ собственныхъ душевныхъ актовъ. Изъ сказаннаго видно, что для того, чтобы отвергнуть окончательно „законъ одушевленія", намъ нужно разобраться сначала съ „закономъ непредставимости чужой душевной жизни". Къ нему мы и перейдемъ.

Въ своемъ возраженіи противъ проф. Грота, выставившаго противоположный тезисъ по данному вопросу, мы находимъ у г. Введенскаго слѣдующее мѣсто („Вопросы", кн. 18, стр. 135). „Я же не говорю, что чужая душевная жизнь со стороны внутренняго содержанія непредставима *вообще*, т.-е., что въ насъ нѣтъ такихъ процессовъ, которые можно было бы *назвать* ея представливаніемъ, но утверждаю только, что она непредставима *какъ чужая*, какъ обособленная отъ меня"... Изъ приведеннаго и другихъ мѣстъ видно, что г. Введенскій находитъ для обычнаго мнѣнія о представимости чужой душевной жизни нѣкоторыя основанія; но, находя его словесно допустимымъ, считаетъ все-таки ошибочнымъ по существу, при чемъ, какъ главный аргументъ противъ этого мнѣнія, выставляетъ непредставимость душевной жизни, *какъ чужой*, *какъ обособленной отъ насъ*. Мы, съ своей стороны, готовы защищать противоположный тезисъ, а именно, что душевная жизнь представима и какъ обособленная, и какъ чужая, хотя и конструируется изъ элементовъ нашего собственнаго сознанія. Сначала мы разсмотримъ, что нужно разумѣть подъ представленіемъ чужой душевной жизни. Мы утверждаемъ, что подъ этимъ слѣдуетъ разумѣть представленіе нѣкоторой группы душевныхъ состояній (или даже одного состоянія) *въ качествѣ отдѣльной* отъ другой группы состояній, составляющей содержаніе *нашего* сознанія. Отдѣльность или обособленность этихъ группъ обнаруживается и выражается трояко: во-1-хъ различіи по интенсивности между переживаемыми состояніями одной группы, сознаваемыми мною, какъ мои собственныя, и состояніями другой группы, понимаемой чужою; наше страданіе, наше счастье переживается нами гораздо интенсивнѣе, чѣмъ то нами представляемое, которое называется чужимъ; во-2-хъ, въ раздѣльности и изолированности въ отношеніи внутренней связности между состояніями, входящими въ группу нашего сознанія и состояніями, представляемыми нами, какъ чужія; наше горе связано со всѣми послѣдующими состояніями, нашего сознанія самою тѣсною и неразрывною связью, обнаруживающеюся

была ошибочна, то все-таки до тѣхъ поръ, пока я не знаю этого и по прежнему думаю, будто бы опытъ свидѣтельствуетъ мнѣ о томъ, что они одушевлены, мнѣ невольно будетъ казаться, что тѣ основные законы связи душевной жизни съ тѣлесной, которые дѣйствуютъ во мнѣ, дѣйствуютъ также и въ другихъ людяхъ».

въ появленіи элементовъ сознанія, вполнѣ гармонирующихъ съ полученнымъ потрясеніемъ, послѣ представленія же себѣ (въ театрѣ или въ художественномъ произведеніи) чужой душевной драмы мы въ состояніи на другой день предаваться безумному веселью; въ-3-хъ, въ числовой самостоятельности каждой изъ этихъ группъ; все наше сознаніе представляется намъ, какъ особая самостоятельная единица, связанная съ особымъ тѣлеснымъ предметомъ —нашимъ тѣломъ—и съ особымъ звуковымъ символомъ, группа же состояній, считаемая нами выраженіемъ чужихъ душевныхъ состояній, какъ бы она ни была похожа на содержаніе нашего собственнаго сознанія, *представляется намъ новою особою единицею, никогда не сливающеюся въ своемъ отдѣльномъ бытіи съ нашимъ собственнымъ сознаніемъ.* Все это нисколько не стоитъ въ противорѣчіи съ тѣмъ, что мы получаемъ представленіе о чужой душевной жизни только черезъ посредство нашей собственной, что въ нашихъ представленіяхъ о духовной природѣ существъ не можетъ быть ни одного элемента, который предварительно не былъ бы нами самими когда-нибудь сознанъ. Наша духовная жизнь настолько богата, что изъ разнообразныхъ сочетаній ея элементовъ можетъ быть построено безконечное разнообразіе совершенно не похожихъ другъ на друга системъ. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что художественное творчество доказываетъ представимость чужой душевной жизни. Иначе пришлось бы утверждать, что Викторъ Гюго, создавая своего Квазимодо, создавалъ собственно самого себя, точно также, что Шекспиръ изобразилъ себя въ Калибанѣ, и т. п. Утверждать же, что мы въ нашихъ представленіяхъ о чужой душевной жизни занимаемся ни болѣе, ни менѣе, какъ только подстановкой самихъ себя въ условія чужого существованія, можно только игнорируя жизненную правду ради вывода какого-нибудь фиктивнаго закона, какъ, смѣемъ думать, и случилось въ данномъ случаѣ съ г. Введенскимъ, которому во что бы то ни стало понадобилось установить „законъ непредставимости чужой душевной жизни“, играющій у г. Введенскаго роль леммы, необходимой для доказательства теоремы — „закона одушевленія“. Мы не сомнѣваемся, что г. Введенскому приходилось когда-нибудь негодовать на поведеніе человѣка, считаемаго имъ негодяемъ. Неужели же въ подобныхъ случаяхъ г. Введенскій, наблюдая поступки такого субъекта и представляя себѣ ихъ внутренніе духовные стимулы (которые и составляютъ всегда сущность всякой нравственной негодности) подставлялъ только себя въ условія даннаго человѣка и негодовалъ на самого же себя. Мы не понимаемъ, о какой еще большей обособленности можетъ быть рѣчь, чѣмъ въ тѣ моменты, когда мы, какъ въ только что указанномъ примѣрѣ, сталкиваемся съ людьми совершенно намъ чуждой и непріязненной природы, душевный складъ которыхъ намъ отвратителенъ, ненавистенъ или му-

чителенъ. Наибольшія наши душевныя страданія проистекаютъ зачастую отъ яснаго представленія чужой психики, совершенно не согласующейся съ нашей. Шекспиръ въ своемъ Гамлетѣ даетъ примѣръ той душевной драмы, которая возникаетъ отъ яснаго представленія духовной сущности окружающихъ людей, составляющихъ въ общемъ и цѣломъ чуждую и душную атмосферу, совершенно не гармонирующую съ собственною организаціею. Въ такихъ случаяхъ не можетъ быть и рѣчи о подстановкѣ самого себя, потому что тутъ-то мы и чувствуемъ глубокую пропасть, раздѣляющую наше собственное существо отъ другихъ людей; мы глядимъ черезъ эту пропасть, но мы не можемъ хозяйничать на той сторонѣ, какъ у себя дома. Гамлетъ ясно представлялъ тотъ душевный соръ, который наполнялъ душу его матери, и это представленіе, при сознаніи собственнаго безсилія по отношенію къ возмущающимъ его душевнымъ состояніямъ близкаго существа, и составляло реальное переживаніе его собственной отчужденности и изолированности отъ нея.

Г. Введенскій поясняетъ свое положеніе о подстановкѣ самого себя въ условія другого при представленіи чужой душевной жизни примѣромъ того, какъ мы представляемъ себѣ душевное состояніе первобытнаго человѣка, впервые увидѣвшаго солнечное затменіе (см. стр. 37). Въ подобныхъ случаяхъ, по мнѣнію г. Введенскаго, мы просто воображаемъ себя самихъ столь же неопытными и несвѣдущими, каковъ первобытный человѣкъ, и заключаемъ далѣе о томъ, что мы при такихъ условіяхъ должны были бы переживать. По этому поводу мы должны возразить, что въ данномъ случаѣ нельзя говорить о томъ, что мы подставляемъ только самихъ себя на мѣсто другого, потому что если мы дѣйствительно построимъ себѣ образъ наивнаго, довѣрчиваго и совершеноо несвѣдущаго взрослаго человѣка, то уже мы не можемъ говорить, что этотъ образъ и есть мы сами, такъ какъ содержаніе этого образа существенными чертами отличается отъ нашего собственнаго сознанія. Но, можетъ быть, намъ возразили бы, что мы можемъ припомнить наше дѣтство и вообразить себя ребенкомъ въ указанныхъ условіяхъ. Въ такомъ случаѣ, какъ бы сталъ объяснять г. Введенскій другіе случаи, не столь легко согласующіеся съ его теоріей, напримѣръ, когда мы возмущаемся какой-нибудь душевной низостью, которой мы сами никогда не совершали и духовный образъ которой построили уже не по воспоминанію о самихъ себѣ, но путемъ совершенно своеобразнаго (въ нашемъ сознаніи никогда не осуществлявшагося) комбинированія различныхъ душевныхъ состояній. Неужели же и въ такихъ случаяхъ, т.-е. когда мы построили духовный образъ совершенно чуждой намъ природы, можно говорить о подстановкѣ самого себя. Намъ представляется это полнымъ произволомъ. Во всякомъ случаѣ, если допустить признаніе тео-

ріи подстановки себя въ представленіи чужой душевной жизни на томъ лишь только основаніи, что эта представляемая чужая жизнь состоитъ изъ тѣхъ же *элементовъ*, что и наше сознаніе, то намъ слѣдовало бы допустить множество утвержденій подобнаго же характера относительно природы вещей, совершенно различныхъ и иногда даже противоположныхъ. Такъ, напримѣръ, мы стали бы утверждать, что всѣ 9 симфоній Бетховена представляютъ въ сущности повтореніе одной и той же, такъ какъ *по своему элементарному составу* онѣ состоятъ все изъ однихъ и тѣхъ же тоновъ. Можно было бы также утверждать, что множество картинъ въ картинныхъ галлереяхъ представляютъ копіи одной и той же картины въ виду одинаковости элементарныхъ красокъ. Если г. Введенскій согласится съ подобными утвержденіями, то только въ такомъ случаѣ готовы согласиться и мы съ его утвержденіемъ, что, будто бы, всѣ представляемые нами духовные образы, воспроизведенные въ насъ дѣйствительною жизнью или фантазіей художника, суть не что иное, какъ повтореніе насъ же самихъ.

Намъ кажется, что, формулируя и выводя свой законъ непредставимости чужой душевной жизни, г. Введенскій имѣлъ, между прочимъ, въ виду и нѣчто другое, съ чѣмъ, въ сущности, нельзя не согласиться, а именно невозможность „непосредственно воспринимать чужую душевную жизнь“ (см. конецъ стр. 35). Безъ сомнѣнія, съ чужой душевной жизнью мы вообще знакомимся только посредственно, а именно, черезъ посредство наблюденія внѣшнихъ проявленій окружающихъ насъ людей и конструированія на основаніи ихъ тѣхъ или иныхъ духовныхъ образовъ изъ элементовъ нашего же сознанія. Но отъ этого, совершенно справедливаго, положенія до закона непредставимости чужой душевной жизни еще очень далеко. Если вышеприведенную мысль формулировать въ формѣ закона, то, пожалуй, мы имѣли бы право ее высказать, какъ законъ непереживаемости чужой душевной жизни или законъ несознаваемости чужихъ душевныхъ состояній сознанія. Представимость же чужой душевной жизни находится внѣ всякой зависимости отъ вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ она посредственна или непосредственна, и потому г. Введенскій напрасно отожествляетъ эти два, совершенно различныя, положенія и переноситъ несомнѣнность и очевидность одного изъ нихъ на другое весьма проблематичное и, по нашему, совершенно произвольное. Вопросъ о представимости чужой душевной жизни не зависитъ также отъ того, вполнѣ ли точно можемъ мы ее представить. Мы, безъ сомнѣнія, представляемъ ее не вполнѣ такою, какова она въ дѣйствительности, потому что всѣ мы, конечно, не вполнѣ одинаково ощущаемъ, чувствуемъ и желаемъ. Но и это соображеніе нисколько не приводитъ къ „закону непредставимости“, а только къ тому положенію, что душевная жизнь другихъ людей пред-

ставляется нами лишь съ большею или меньшею вѣрностью. Впрочемъ, та невѣрность, которую мы можемъ въ данномъ случаѣ предполагать, касается лишь *оттѣнковъ* въ передачѣ качественности чужихъ душевныхъ состояній, такъ какъ иначе мы другъ друга совершенно не понимали бы и все наше общеніе съ себѣ подобными представляло бы сплошное трагическое qui pro quo *). Настаивать же на этомъ основаніи на непредставимости чужой душевной жизни было бы такъ же неправильно, какъ утверждать неизобразимость въ пейзажахъ художниковъ картинъ природы на томъ лишь основаніи, что тѣ краски, которыми пишутъ художники, никогда не могутъ вполнѣ передать, въ точности оттѣнки цвѣтовъ, встрѣчающіеся въ природѣ, и только приближаются къ нимъ въ большей или меньшей степени.

Такимъ образомъ, мы считаемъ утвержденіе г. Введенскаго о непредставимости чужой душевной жизни недоказаннымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его выводъ, что мы строимъ ее исключительно черезъ подстановку въ тѣ или иныя условія самихъ себя. Послѣднее, дѣйствительно, имѣетъ мѣсто лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ, дѣйствія котораго мы истолковываемъ, весьма сходенъ съ нами по развитію, характеру, темпераменту и т. п., въ противныхъ же случаяхъ (которыхъ большинство) такой способъ истолкованія приводилъ бы къ полному непониманію человѣческихъ дѣйствій, потому что во множествѣ случаевъ люди поступаютъ при тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ совершенно не такъ, какъ поступали бы мы.

Мы остановимся теперь на болѣе подробномъ разсмотрѣніи того процесса, посредствомъ котораго совершается истолкованіе и предугадываніе чужихъ дѣйствій, а также на той роли, которую играетъ въ этомъ истолкованіи и предугадываніи представленіе чужихъ душевныхъ процессовъ. Какъ это и показываетъ г. Введенскій въ вышеприведенной выпискѣ, построеніе чужой душевной жизни происходитъ на основаніи наблюденій внѣшнихъ проявленій людей. Нельзя только согласиться съ тѣмъ, что будто бы, при этомъ наблюденіи все дѣло ограничивается простымъ сопоставленіемъ наблюдаемыхъ проявленій даннаго человѣка со своими собственными. Этотъ процессъ, конечно, имѣетъ большое значеніе, особенно первоначально, и безъ труда открываетъ намъ наиболѣе простыя и обыденныя душевныя состоянія другихъ людей. Но множество психическихъ чертъ и проявленій открываемъ мы въ людяхъ путемъ сопоставленія различныхъ ихъ проявленій между собою, а также путемъ подтвер-

*) Отдѣльные случаи такихъ qui pro quo, основанные на взаимномъ непониманіи людей другъ другомъ и все то, что даетъ поводъ къ пословицамъ, въ родѣ: «Чужая душа—потемки» и т. п., нисколько не доказываетъ непредставимость чужой душевной жизни, а лишь трудность во многихъ случаяхъ жизни ее конструировать, особенно людямъ неопытнымъ.

жденія нѣкоторыхъ догадокъ о ихъ состояніяхъ послѣдующими проявленіями, гармонирующими съ предположенными состояніями. Тотъ способъ, который указываетъ г. Введенскій, не всегда примѣнимъ уже по той простой причинѣ, что и наши-то собственныя тѣлесныя проявленія мы знаемъ очень плохо и во всякомъ случаѣ гораздо хуже, чѣмъ проявленія другихъ людей. Мы совершенно не знаемъ мимики и выразительности своего собственнаго лица, множество движеній всей нашей фигуры (походки и т. п.) совершенно ускользаютъ отъ нашего собственнаго наблюденія. Между тѣмъ, всѣ эти данныя являются характерными показателями чужой душевной жизни. Мы отлично понимаемъ и истолковываемъ гнѣвное выраженіе лица, хотя сами своего такого выраженія никогда не наблюдали. Если же подобныя проявленія оказываются все-таки показателями чужой душевной жизни, то стало быть уже совершенно инымъ путемъ, а вовсе не черезъ сравненіе съ самимъ собою. Да и на тѣ свои проявленія, которыя мы можемъ наблюдать, мы, въ сущности, не обращаемъ обыкновенно никакого вниманія; и вообще, врядъ ли можно сказать, что мы когда-либо наблюдаемъ свои собственныя тѣлесныя проявленія (они насъ, обыкновенно, нисколько не интересуютъ), тогда какъ безусловно вѣрно, что мы наблюдаемъ проявленія другихъ людей. Такимъ образомъ, сущность процесса образованія представленій чужой душевной жизни мы скорѣе всего видимъ въ сопоставленіи и сравненіи чужихъ тѣлесныхъ проявленій другъ съ другомъ, при чемъ происходитъ постоянное, болѣе или менѣе ясное, ихъ истолкованіе посредствомъ подстановки за тѣми или иными внѣшними проявленіями тѣхъ или иныхъ образовъ душевныхъ состояній, взятыхъ, конечно, изъ внутренняго опыта и самонаблюденія. По мѣрѣ того, какъ эти подстановки оправдываются частымъ предугадываніемъ и тою законосообразной связностью, которую начинаютъ пріобрѣтать чужія тѣлесныя проявленія, первоначальныя гипотетическія и смутныя представленія начинаютъ все болѣе и болѣе опредѣляться и дѣлаться достовѣрными и несомнѣнными. Такимъ образомъ, умъ человѣческій дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ какъ бы ощупью и лишь путемъ многочисленнаго и весьма сложнаго опыта приходитъ къ болѣе или менѣе вѣрнымъ и подробнымъ результатамъ. Но является вопросъ, на какихъ же основаніяхъ происходятъ тѣ первоначальныя и гипотетическія догадки о чужихъ психическихъ состояніяхъ, которыя представляютъ все-таки необходимое основаніе для какихъ бы то ни было дальнѣйшихъ соображеній, разсчетовъ и предугадываній. Почему, напримѣръ, мы, по тому или иному выраженію наблюдаемаго человѣка, по тѣмъ или инымъ его дѣйствіямъ, догадываемся, что этотъ человѣкъ разгнѣванъ, или опечаленъ и т. п. Для этого безусловно единственнымъ гносеологическимъ даннымъ

является связь нашей собственной душевной жизни *со всѣми внѣшними условіями и обстоятельствами ея проявленій*. Надо только имѣть въ виду, что мы вовсе не руководимся въ подобныхъ случаяхъ исключительно связью нашихъ душевныхъ проявленій съ нашими же тѣлесными, которыя, какъ уже было нами упомянуто, мы даже рѣдко и лишь частично наблюдаемъ, *а со всею матеріальною обстановкою нашихъ собственныхъ проявленій, составляющею, съ одной стороны, ея условія, съ другой же, ея результатъ*. Такъ напримѣръ, для предположенія о гнѣвѣ лица А достаточнымъ даннымъ можетъ явиться враждебная рѣчь или дѣйствіе лица В, напоминающая намъ о такомъ же условіи, бывшемъ поводомъ для нашего собственнаго гнѣва, или послѣдующій за, такъ или иначе выразившеюся, сценою гнѣва лица А видъ плача или испуга лица В, или какія-либо другія сопровождающія послѣдствія этой сцены, напоминающія намъ послѣдствія проявленій нашего собственнаго гнѣва. Такимъ образомъ, дѣло обстоитъ въ такихъ случаяхъ вовсе не такъ просто, какъ описываетъ г. Введенскій, и далеко не исчерпывается распространеніемъ основныхъ законовъ взаимоотношенія нашей собственной тѣлесной и духовной жизни на всѣхъ наблюдаемыхъ людей, которые; при такомъ способѣ ихъ пониманія, оказались бы въ нашихъ глазахъ точными копіями насъ самихъ. Поэтому и построеніе картины чужой душевной жизни происходитъ вовсе не такъ неизбѣжно по методу уподобленія, что наше представленіе о ней должно въ насъ появляться совершенно независимо отъ того, существуетъ ли эта душевная жизнь на самомъ дѣлѣ или нѣтъ. Напротивъ, мы находимъ, что это наше представленіе постоянно оправдывается опытомъ, т.-е. внѣшнимъ наблюденіемъ и что если бы оно было ошибочнымъ, т.-е., если бы нашимъ представленіямъ не соотвѣтствовало никакой духовной дѣйствительности, или же соотвѣтствовала бы духовная жизнь совершенно иного рода, чѣмъ нами представляемая, то мы совершенно не могли бы согласовать свои дѣйствія съ дѣйствіями другихъ, которыя въ общемъ и цѣломъ представлялись бы для насъ совершенно безсвязными и хаотическими. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь всѣ тѣ разговоры и дѣйствія, которыя обращены къ намъ со стороны окружающихъ насъ людей, только тогда могутъ вызвать въ насъ рядъ дѣйствій, соотвѣтствующихъ заявленнымъ намъ желаніямъ, требованіямъ или извѣстіямъ, когда мы предполагаемъ, что за всѣми этими внѣшними тѣлесными проявленіями окружающихъ насъ людей скрываются какія-либо *опредѣленныя* мысли, чувства и желанія. Только изъ за нихъ (а не внѣшнихъ проявленій, взятыхъ какъ простые физіологическіе акты) мы предпринимаемъ то или иное дѣло, такъ или иначе отвѣчаемъ и т. п., и только при предположеніи ихъ можемъ мы ожидать тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ проявленій удовлетворенія, благо-

дарности, неудовольствія и т. п. И если эти ожидаемыя внѣшнія проявленія сбываются, то тѣмъ самымъ они подтверждаютъ правильность нашихъ предположеній о вполнѣ опредѣленныхъ духовныхъ процессахъ людей. Предположимъ, нашъ знакомый условливается съ нами встрѣтиться съ нимъ въ городѣ Кіевѣ, который онъ убѣждаетъ насъ посѣтить, чтобы полюбоваться его окрестностями, памятниками и другими достопримѣчательностями. Предположимъ далѣе, что мы черезъ нѣкоторое время послѣ этого заключеннаго условія пріѣзжаемъ въ Кіевъ, встрѣчаемъ тамъ, какъ и предполагали, нашего знакомаго, получаемъ тѣ или иныя, тоже предполагаемыя, впечатлѣнія, видимъ тѣ холмы, тѣ зданія, о которыхъ говорилъ намъ нашъ знакомый и т. п. Очевидно, что, какъ самый нашъ пріѣздъ, такъ и встрѣча со знакомымъ, и новыя впечатлѣнія могли произойти только при предположеніи, что нашъ знакомый, при заключеніи съ нами условія, выражалъ намъ свое *желаніе*, свои *планы* относительно встрѣчи и переживалъ затѣмъ въ разсказѣ о достопримѣчательностяхъ тѣ самыя *представленія*, которыя этотъ разсказъ вызвалъ въ насъ и которыя въ общихъ чертахъ осуществились при нашемъ пріѣздѣ. Вѣдь только при предположеніи, что мы имѣемъ *дѣло* съ *желаніемъ* другого человѣка, могли мы быть увѣрены, что найдемъ его въ извѣстномъ городѣ, въ опредѣленное время. Вѣдь, если взять, съ одной стороны, одни только матеріальныя событія нашего разговора, т.-е. тѣ внѣшнія физіологическія дѣйствія, которыя обнаруживаются въ разговорѣ, а также тѣ ихъ физическія послѣдствія, которыя мы восприняли въ рядѣ звуковъ, съ другой же стороны фактъ нашего пріѣзда въ Кіевъ и нашей встрѣчи, то между этими двумя группами событій нельзя установить никакой связи. Связь эта можетъ существовать лишь при наличности одного звена, а именно нашего представленія о томъ, что нашъ знакомый *желаетъ* съ нами встрѣтиться въ Кіевѣ. Такимъ образомъ, фактъ нахожденія его въ Кіевѣ можетъ быть разсчитанъ и предвидѣнъ лишь при предположеніи существованія нѣкотораго *внѣшняго намъ* (ни въ какомъ случаѣ не нашего) *желанія*, и при томъ желанія не какого-либо другого лица, но именно нашего знакомаго. Безъ этого предположенія наша мысль о встрѣчѣ его въ Кіевѣ и ея осуществленіе были бы невозможными и необъяснимыми. Для совершенія этого факта встрѣчи въ условленномъ мѣстѣ и въ опредѣленное время необходима наличность двухъ воль и двухъ представляющихъ способностей, потому что изъ чисто матеріальныхъ процессовъ первоначальнаго разговора ни предвидѣніе, ни осуществленіе этой встрѣчи никакъ не могутъ быть объяснены. Точно также наше представленіе о тѣхъ мѣстахъ и предметахъ, которые мы увидимъ, и совпаденіе ихъ, хотя бы въ общихъ чертахъ, съ дѣйствительностью возможны лишь при томъ условіи, что мы представляли себѣ нашего зна-

комаго видѣвшимъ все это и передающимъ намъ это, имъ видѣнное, при разсказѣ. Такимъ образомъ, въ разобранномъ нами случаѣ нѣкоторыя событія, а именно предвидѣнная нами встрѣча знакомаго, а также предвидѣнное нахожденіе въ новомъ мѣстѣ разныхъ предметовъ могли произойти лишь при предположеніи нами чужого одушевленія. Наша повседневная жизнь переполнена такими разсчетами, основанными на предположеніи тѣхъ или иныхъ душевныхъ состояній другихъ людей, и если даже только нѣкоторые изъ подобныхъ разсчетовъ осуществляются, то является несомнѣннымъ, что наши предположенія о чужой душевной жизни вѣрны. По этому поводу мы находимъ у г. Введенскаго слѣдующее мѣсто (стр. 58, 59): „То, что мы *называемъ* предугадываніемъ чужихъ душевныхъ явленій, въ дѣйствительности составляетъ удачное предугадываніе не ихъ самихъ (ибо ихъ нельзя наблюдать, а поэтому никогда нельзя провѣрить, правильно ли они предугаданы, или нѣтъ), но только — тѣхъ тѣлесныхъ явленій, которыя мы считаемъ обнаруженіемъ предугаданныхъ душевныхъ. Напримѣръ, если я утверждаю, что при извѣстныхъ условіяхъ у даннаго лица наступитъ душевное состояніе A, то это значитъ, что при этихъ условіяхъ у него наступитъ тѣлесное состояніе a^1, которое я считаю обнаруженіемъ A; коль скоро у него дѣйствительно наступитъ a^1, или же оно наступило бы, да его что-нибудь задерживаетъ, то мое предугадываніе называется удачнымъ. Если же на самомъ дѣлѣ удачно предугадываются не душевныя, а тѣлесныя явленія, то ясное дѣло, что возможность удачныхъ предугадываній свидѣтельствуетъ о чемъ угодно, только не о существованіи объективныхъ признаковъ одушевленія: вѣдь матеріальныя-то явленія можно предугадывать и у такихъ тѣлъ, которыя считаются завѣдомо бездушными. Вся разница только въ томъ, что здѣсь я дѣлаю предугадываніе чрезъ подстановку самого себя на мѣсто другого лица“. Совершенно вѣрно указываетъ г. Введенскій, что, строго говоря, мы въ большинствѣ случаевъ предугадываемъ лишь тѣлесныя явленія. Но разъ это предугадываніе возможно *лишь чрезъ посредство предположенія чужой душевной жизни* (какъ мы уже показали выше, о постоянной подстановкѣ самого себя не можетъ быть и рѣчи *), то ея дѣйствительность этимъ предугадываніемъ безусловно подтверждается.

Если мы обозначимъ буквами A, B, C, D.... всѣ тѣ тѣлесныя проявленія, посредствомъ которыхъ окружающіе насъ люди вступаютъ въ общеніе съ нами и другъ съ другомъ, а буквами a, b, c, d.... тѣ душевныя состоянія этихъ людей, которыя мы обыкновенно считаемъ

*) Разъ мы предполагаемъ, хотя бы вполнѣ такое же Я, какъ наше собственное, но уже, такъ сказать, во второмъ экземплярѣ, то это другое Я есть уже для насъ отдѣльное и чужое, хотя и весьма схожее существо.

соотвѣтствующими тѣлеснымъ, то окажется, что всѣ закономѣрныя связи, которыя существуютъ и нами постоянно предугадываются въ рядѣ явленій A, B, C, D.....M, N,—всецѣло обусловливаются тѣми связями, которыя существуютъ между a, b, c, d....m, n. Если мы, признавъ ненужнымъ, откинемъ этотъ второй рядъ, то нарушится всякая связь между членами перваго ряда и весь онъ для насъ станетъ совершенно безсмысленнымъ и ничего не говорящимъ, по той простой причинѣ, что члены A, B, C, D....M, N — непосредственно другъ съ другомъ не связаны, а лишь черезъ посредство a, b, c, d....m, n. Съ другой стороны, если бы члены a, b, c, d и связь между ними были установлены нами ошибочно, то и наши разсчеты относительно ряда A, B, C, D тоже были бы ошибочны и постоянно насъ обманывали бы. Разъ этого нѣтъ, то значитъ и наши построенія, касающіяся ряда a, b, c, d—вѣрны.

Но намъ могутъ сказать, что въ данномъ случаѣ мы можемъ обойти и сдѣлать излишнимъ представленіе о чужой душевной жизни, замѣнивъ ихъ соотвѣтствующими процессами тѣлесной жизни и разсуждать, напр., такъ: я могу разсчитывать встрѣтиться съ моимъ знакомымъ въ такомъ-то городѣ, такъ какъ по его внѣшнимъ проявленіямъ я заключаю, что его организмъ будетъ дѣйствовать такъ, *какъ если бы* онъ имѣлъ желаніе встрѣтиться со мною въ этомъ городѣ, или другими словами: потому что въ его организмѣ (мозгу) происходитъ процессъ, соотвѣтствующій желанію встрѣтиться со мною... Подобнымъ образомъ аргументируетъ скептикъ г. Введенскаго (см. стр. 43), отстаивая свое право дѣлать только условное предположеніе о чужихъ душевныхъ процессахъ. Становясь на такую точку зрѣнія, можно, казалось бы, утверждать, что предугадываніе тѣлесныхъ проявленій вовсе не зависитъ отъ предположеній о чужой душевной жизни, а лишь—о тѣхъ физіологическихъ процессахъ (въ мозгу, нервахъ и т. п.), которые соотвѣтствуютъ тѣмъ или инымъ душевнымъ состояніямъ. Утверждающій это строитъ, такимъ образомъ, второй дополнительный рядъ данныхъ для объясненія ряда A, B, C, D, а именно онъ предполагаетъ, что каждому опредѣленному явленію душевной жизни a, b, c, d....m, n, соотвѣтствуютъ такіе же опредѣленные нервные процессы a′, b′, c′, d′ ....m′, n′, при чемъ этотъ-то второй рядъ и можетъ служить вполнѣ достаточнымъ средствомъ для объясненія и предугадыванія событій въ ряду A, B, C, D....M, N, вслѣдствіе чего рядъ a, b, c, d можетъ быть совершенно откинутъ. Такова точка зрѣнія, защищаемая въ данномъ вопросѣ г. Введенскимъ. Намъ думается, что тутъ аргументація г. Введенскаго впадаетъ въ тотъ самый заколдованный кругъ, который онъ усматриваетъ въ построеніи идеи чужого одушевленія. Дѣло въ томъ, что тотъ второй рядъ a′, b′, c′, d′..., который долженъ служить

достаточнымъ объясненіемъ тѣлесныхъ проявленій, самъ имѣетъ своимъ гносеологическимъ основаніемъ первый рядъ a, b, c, d и всецѣло имъ опредѣляется. Вѣдь мы не можемъ иначе различать нервные процессы другъ отъ друга и вообще ихъ какъ-либо точно опредѣлить, какъ только черезъ соотвѣтствующіе имъ духовные процессы. Вѣдь всѣ эти нервные процессы не даны намъ въ воспріятіи, а лишь въ общемъ научномъ представленіи и мысли, не дающихъ никакихъ основаній для той или иной ихъ индивидуализаціи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Опредѣлить же каждый нервный процессъ какъ таковой, можемъ мы въ этомъ случаѣ лишь чрезъ представленіе соотвѣтствующаго ему душевнаго процесса. А потому, если бы мы дѣйствительно откинули рядъ a, b, c, d.... то весь рядъ a′, b′, c′, d′... не только не могъ бы служить намъ въ качествѣ гипотезы, но самъ превратился бы въ рядъ неизвѣстныхъ величинъ, никакою опредѣленною связью другъ съ другомъ и съ рядомъ A, B, C, D.... не связанныхъ. Намъ могли бы, пожалуй, сказать, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ заколдованнымъ кругомъ въ гносеологическомъ отношеніи, но что въ дѣйствительности рядъ a′, b′, c′, d′, являясь гносеологическимъ производнымъ ряда a, b, c, d, въ то же время самъ представляетъ его *реальное* основаніе и причину. Но именно этого-то возраженія намъ и не можетъ сдѣлать съ своей точки зрѣнія г. Введенскій, такъ какъ оно явилось бы уже однимъ изъ положеній матеріалистической метафизики, отъ которой онъ самъ обязался воздерживаться. Для него же, какъ для критическаго философа, какъ нервные процессы, такъ и душевныя состоянія, являются совершенно равноправными членами феноменальнаго міра; и разъ гносеологическая цѣнность и необходимость какихъ-либо изъ этихъ членовъ является доказанной, то подмѣна ихъ другими при помощи той или иной гипотезы метафизическаго характера явилась бы вопіющимъ противорѣчіемъ. Послѣдовательный матеріалистъ былъ бы въ настоящемъ случаѣ въ гораздо болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ г. Введенскій, такъ какъ онъ, безъ дальнихъ разговоровъ, слилъ бы рядъ a, b, c, d въ одно съ рядомъ a′, b′, c′, d′, т.-е. отожествилъ бы духовный процессъ съ нервнымъ и, пользуясь привычными психологическими терминами, обозначалъ бы ими нервные процессы. Для Введенскаго такое отожествленіе невозможно, а потому ему никакъ не избѣжать ряда a, b, c, d...., значеніе котораго, какъ *необходимой* эмпирической гипотезы, является неоспоримымъ.

Что же касается притязаній матеріализма, то противъ нихъ у насъ есть весьма надежный аргументъ, а именно внутренняя фальшивость, или же пустота понятія матеріи, составляющаго фундаментъ всей системы матеріализма. Въ предыдущей главѣ мы уже показали, что это божество стоитъ на глиняныхъ ногахъ.

Но, можетъ быть, гносеологическая обязательность чужого одушевленія не признается г. Введенскимъ отчасти и по другимъ соображеніямъ, т.-е. не потому, чтобы оно было непримѣнимо вообще и излишне, какъ эмпирическая теорія, но потому, что оно *логически* не принудительно и представляетъ лишь полезную возможность, которую можно съ полнымъ правомъ и не принимать. Нѣкоторыя выраженія г. Введенскаго подтверждаютъ правдоподобность такого предположенія. Такъ, на стр. 42 г. Введенскій задается вопросомъ „возможно ли, посредствомъ ссылки на сходство другихъ существъ съ нашимъ скептикомъ сдѣлать для него *обязательнымъ* признаніе душевной жизни, т.-е. поставить его въ *логическую* *) невозможность отрицать ее у нихъ“. Противополагая своему скептику защитниковъ чужого одушевленія, г. Введенскій предъявляетъ имъ требованіе указать „такіе факты, при объясненіи которыхъ необходимо или неизбѣжно (а не только что возможно) предполагать обнаруженіе въ нихъ душевной жизни“. Такимъ образомъ, предоставляя скептику право дать лишь возможное объясненіе или гипотезу, г. Введенскій требуетъ отъ его антагонистовъ обязательную и для всѣхъ логически принудительную теорію. Такое, казалось бы, несправедливое отношеніе г. Введенскаго къ спорящимъ, при которомъ онъ взваливаетъ на одну сторону обязанность рѣшить трудную философскую проблему съ аподиктичностью геометрической теоремы, другой же сторонѣ предоставляетъ право отдѣлаться гипотетическимъ рѣшеніемъ въ общей формѣ, объясняется самою постановкой вопроса и своеобразною формулировкою открытаго г. Введенскимъ закона. Г. Введенскій называетъ свой законъ „закономъ отсутствія объективныхъ признаковъ одушевленія“. Разумѣется и защита этого отрицательнаго закона должна имѣть чисто отрицательный характеръ, она сводится лишь къ тому, чтобы требовать объясненій отъ другихъ и, предъявляя къ этимъ объясненіямъ требованіе возможно большей гарантіи и прочности, отвергать ихъ съ неумолимостью до той поры, пока эти объясненія не сдѣлаются принудительными. Со стороны же законодателя при этомъ не требуется ничего, кромѣ представленія хотя бы самой проблематичной возможности. Не отрицая правильности высказанныхъ г. Введенскимъ требованій при данной постановкѣ вопроса, мы не можемъ никакъ согласиться съ самою этою постановкою. Дѣло въ томъ, что при такого рода постановкѣ самый законъ г. Введенскаго долженъ потерять всякое значеніе, и не потому, чтобы онъ оказался не вѣренъ, а потому, что эта постановка даетъ возможность наряду съ закономъ одушевленія провозгласить *множество подобныхъ ему законовъ*. Мы утверждаемъ, что если бы теорія познанія стала на ту точку зрѣнія, съ которой г. Введен-

*) Курсивъ въ этомъ словѣ нашъ.

скій обосновывалъ свой законъ, и послѣдовательно стала бы примѣнять ее ко всѣмъ областямъ знанія, то законы всяческихъ отсутствій стали бы появляться въ теоріи познанія и вообще въ наукахъ въ несмѣтномъ количествѣ. Мы, съ своей стороны, обязались бы, напримѣръ, параллельно со скептикомъ, защищать законъ отсутствія объективныхъ признаковъ существованія небесныхъ свѣтилъ. Нѣтъ ничего невозможнаго, говорили бы мы своимъ противникамъ, что всѣ законы механики, физики и химіи имѣютъ силу лишь на земной поверхности и что распространеніе ихъ значенія внѣ этой поверхности въ небесное пространство основано лишь на легковѣрности человѣческаго ума; поэтому всѣ добытыя астрономіею понятія о небесныхъ свѣтилахъ, *какъ основанныя на недоказанномъ и неподдающемся непосредственному наблюденію предположеніи о дѣйствительности этихъ законовъ и внѣ земли*, являются лишь возможными, но вовсе не *логически* обязательными для человѣческаго ума построеніями. Можетъ быть, сказали бы мы, въ дѣйствительности солнце, луна и звѣзды не болѣе тарелки или блюдца; вѣдь никто не убѣждался въ томъ, что и внѣ земной атмосферы законы прохожденія свѣтовыхъ лучей черезъ среду (эфиръ или что-нибудь другое) таковы же, какъ и здѣсь, на землѣ, черезъ воздухъ, воду, стекло и т. д. Напрасно намъ стали бы доказывать, что только при распространеніи дѣйствія этихъ законовъ и на небесное пространство могутъ быть объяснены и предсказаны такія явленія, какъ правильная смѣна дня ночью, солнечныя и лунныя затмѣнія, мѣстоположеніе планетъ на небѣ черезъ извѣстные промежутки времени и т. п. Все это игнорировали бы мы подобно тому, какъ скептикъ г. Введенскаго игнорируетъ возможность *только при предположеніи чужого одушевленія осмысленно относиться къ человѣческимъ дѣйствіямъ и рѣчи, ихъ предвидѣть и среди нихъ ориентироваться*. Нѣтъ, сказали бы мы, вы намъ докажите, что признаніе небесныхъ свѣтилъ логически необходимо; укажите намъ на такіе факты, которые обязывали бы ихъ признать. Кромѣ того аргумента, что астрономическія понятія основаны на тѣхъ же физико-механическихъ законахъ, которые обнаруживаются на нашей планетѣ, что только эти понятія объясняютъ и придаютъ смыслъ совершающимся на небесномъ сводѣ свѣтовымъ перемѣнамъ, а также объясняютъ нѣкоторые процессы изъ жизни нашей собственной планеты,— кромѣ всего этого, намъ, конечно, ничего не могли бы привести. Но если бы мы запаслись тою же дозою скептицизма, что и скептикъ г. Введенскаго, то ничто изъ этого насъ не могло бы удовлетворить. Какъ скептикъ настаиваетъ на полной возможности мыслить душевныя явленія сопровождающими только его собственныя тѣлесныя проявленія и представляющими какъ бы его исключительную привилегію, также точно настаивали бы и мы на возможности мыслить всѣ физико-механическіе законы лишь осо-

бенностями нашей земли. Какъ никто никогда не можетъ дать скептику сознать чужую духовную жизнь и какъ бы выйти изъ самого себя, точно также никто не въ состояніи вывести насъ изъ предѣловъ земной атмосферы и показать тожественность физико-механическихъ условій за ея предѣлами. Но, можетъ быть, намъ скажутъ, что иныя физико-механическія условія непредставимы и немыслимы, физіологическіе же процессы безъ всякихъ сопровождающихъ духовныхъ явленій вполнѣ представимы и даже составляютъ содержаніе особой науки физіологіи. На это мы опять напомнили бы, что физіологическіе процессы мозга представимы и мыслимы безъ соотвѣтствующихъ имъ духовныхъ *только на словахъ*, на дѣлѣ же они имѣютъ своимъ гносеологическимъ основаніемъ представленія о душевныхъ процессахъ, которые въ этомъ отношеніи первоначальнѣе ихъ. Такимъ образомъ, мы думаемъ, что законъ отсутствія объективныхъ признаковъ существованія небесныхъ свѣтилъ имѣлъ-бы нисколько не мéньшую обязательность, чѣмъ и законъ одушевленія. Вся разница между ними только въ томъ, что первый изъ нихъ касается недоступныхъ нашему воспріятію матеріальныхъ объектовъ, второй же духовныхъ.

Намъ остается разсмотрѣть нашъ вопросъ еще съ одной стороны. А именно, окончательно намѣтить тотъ гносеологическій методъ, посредствомъ котораго конструируется идея чужого одушевленія. Какъ мы уже указали въ началѣ этой главы, такимъ методомъ, прежде всего, является аналогія. Для того, чтобы у насъ явилась мысль о чужомъ одушевленіи, совершенно достаточно того сходства, которое мы замѣчаемъ между своимъ собственнымъ тѣломъ и тѣлами другихъ людей. При этомъ надо имѣть въ виду, что для появленія этой мысли не столько имѣетъ значеніе самый видъ тѣла со статической точки зрѣнія, сколько его проявленія и, главнымъ образомъ, его отношеніе, въ особенности цѣлесообразное, къ другимъ предметамъ. Если бы какая-нибудь совершенно на наше тѣло не похожая матеріальная система (за исключеніемъ нами же сдѣланныхъ машинъ) производила бы цѣлесообразныя дѣйствія, рубила бы дрова, зажигала огонь, добывала себѣ пищу и т. п., то мы могли бы предположить въ ней духовную жизнь, ничуть не съ меньшимъ основаніемъ, чѣмъ въ подобныхъ намъ, по виду тѣла, существахъ. Такимъ образомъ, подъ аналогіей тѣла нашего и другихъ мы имѣемъ въ виду не только сходство внѣшняго вида, *но по преимуществу сходство дѣйствій и подвижныхъ отношеній къ другимъ тѣламъ*. И въ этомъ пунктѣ намъ опять-таки приходится считаться съ противоположнымъ мнѣніемъ г. Введенскаго, который отрицаетъ возможность придти чрезъ посредство аналогіи къ предположенію чужой душевной жизни. Г. Введенскій разсуждаетъ такимъ образомъ:

«Положимъ, мы наблюдаемъ, что человѣкъ шелъ сначала вполнѣ спокойно, глядя по сторонамъ, потомъ его взоръ сосредоточился на приближающейся къ

нему съ громкимъ лаемъ собакѣ, онъ замедлилъ шаги, остановился на минуту, въ выраженіи его лица произошла быстрая перемѣна (воплощеніе испуга) и онъ обращается въ бѣгство. Видя все это, мы заключаемъ, что имъ овладѣлъ испугъ (слово «испугъ» употребляется здѣсь не въ смыслѣ физіологическаго воплощенія, а для обозначенія самого чувствованія, т.-е. психическаго состоянія, взятаго отдѣльно отъ его внѣшнихъ обнаруженій). Здѣсь несомнѣнно произошло умозаключеніе и, можетъ быть, — по аналогіи (этотъ чисто логическій вопросъ для насъ не важенъ); но чего оно касается и въ чемъ состоитъ? Его итогъ высказывается слѣдующими словами: «наблюдаемый мной человѣкъ поступаетъ (съ внѣшней стороны) такъ, какъ поступалъ бы я самъ во время сильнаго испуга; слѣдовательно имъ овладѣлъ испугъ» (стр. 33).

Вслѣдъ за тѣмъ г. Введенскій утверждаетъ, что въ приведенномъ итогѣ въ сущности заключается два умозаключенія, при чемъ первое касается лишь наблюдателя и приводитъ къ выводу о томъ, что происходило бы съ собственной душевной жизнью наблюдателя, если бы онъ былъ въ условіяхъ и въ роли наблюдаемаго имъ человѣка; второе же умозаключеніе, дающее выводъ объ испугѣ наблюдаемаго человѣка возможно лишь при двухъ заранѣе принятыхъ предпосылкахъ, а именно 1) въ этомъ человѣкѣ есть душевная жизнь; 2) ея теченіе подчиняется такимъ же законамъ, какъ и теченіе моей собственной. Далѣе г. Введенскій заключаетъ:

«Значитъ если и дѣлается нами умозаключеніе по аналогіи при истолкованіи нашихъ наблюденій чужой душевной жизни, то только въ первой части толкованія; въ той, которая отмѣчена словами: «наблюдаемый мною человѣкъ поступаетъ такъ, какъ поступалъ бы я самъ во время сильнаго испуга». Такъ и назовемъ безъ всякаго спора этотъ выводъ умозаключеніемъ по аналогіи: разборъ правильности примѣненія того или другого названія очень скученъ, и желательно всячески избѣгать его. Но о чемъ же говоритъ эта допущенная нами аналогія: о *чужой* душевной жизни или о *моей* собственной? О *моей*: она указываетъ мнѣ только то, что было бы со *мной самимъ*, а не съ другимъ. Про другого же человѣка я заключаю уже *послѣ* того, какъ аналогія откроетъ мнѣ, что пережилъ бы я самъ при тѣхъ же обстоятельствахъ, которыя я наблюдалъ въ немъ и вокругъ него. Слѣдовательно, при наблюденіяхъ чужой душевной жизни допущенная аналогія не раскрываетъ ея самой передомной, а служитъ лишь средствомъ для того, чтобы я могъ представить *самого себя на мѣстѣ другого человѣка*; заключенія же объ его душевной жизни получаются лишь *послѣ* подстановки себя на мѣсто другого, и притомъ *силлогистическимъ путемъ*» (стр. 34, 35).

Мы находимъ процессъ, описанный г. Введенскимъ, чрезвычайно искусственнымъ и совершенно не видимъ никакой необходимости представлять его именно таковымъ. По нашему, дѣло происходитъ на самомъ дѣлѣ гораздо проще. Во-первыхъ, мы не видимъ никакой необходимости представлять себѣ итогъ производимаго наблюденія надъ испугавшимся человѣкомъ въ формѣ *условнаго* предположенія: „наблюдаемый мною человѣкъ поступаетъ (съ внѣшней стороны) такъ, какъ поступалъ бы

я самъ во время сильнаго испуга; слѣдовательно имъ овладѣлъ испугъ". Мы съ своей стороны утверждаемъ, что здѣсь нѣтъ никакой надобности въ условномъ предположеніи себя на его мѣстѣ. Процессъ аналогизированія можетъ происходить въ данномъ случаѣ въ такой формѣ *): 1) Это наблюдаемое мною тѣло, похожее на мое тѣло, производитъ тѣ же дѣйствія, какія производило мое тѣло, и стоитъ въ такихъ же взаимоотношеніяхъ къ окружающей обстановкѣ (предположимъ, вчера при такихъ же обстоятельствахъ); 2) состоянія моего тѣла были тѣсно связаны съ нѣкоторымъ внутреннимъ состояніемъ, называемымъ испугомъ; 3) это наблюдаемое мною, отдѣльное отъ меня, тѣло связано съ такимъ же, тоже отдѣльнымъ отъ моего, внутреннимъ состояніемъ, именно испугомъ. Мы совершенно не видимъ надобности для этого заключенія въ какихъ-либо недоказанныхъ предпосылкахъ кромѣ одной, составляющей основоположеніе всѣхъ заключеній по аналогіи: „системы какихъ бы то ни было элементовъ, сходныя между собой въ нѣкоторыхъ изъ своихъ элементовъ и ихъ взаимоотношеніяхъ, съ большей или меньшей степенью вѣроятности сходны и въ остальныхъ элементахъ и ихъ взаимоотношеніяхъ". Раздѣльность и обособленность моего тѣла отъ тѣла наблюдаемаго человѣка совершенно не даетъ мѣста для какой бы то ни было подмѣны и подстановки самого себя на мѣсто другого съ заключеніемъ о самомъ же себѣ. Мое Я тѣсно слито съ образами моего тѣла и его дѣйствіями, и разъ я вижу рядомъ съ нимъ другое, хотя и такое же, но вполнѣ обособленное, то тотъ, не наблюдаемый внѣшними чувствами, элементъ внутренней психической жизни, который я примышляю къ этому чужому тѣлу, точно также вполнѣ ясно представляется мною совершенно отдѣльнымъ отъ меня внутреннимъ состояніемъ, тѣсно связаннымъ съ этимъ чужимъ тѣломъ. Связь эта, конечно, представляется мною на подобіе той, которую я переживаю въ себѣ самомъ. Для этого совершенно нѣтъ никакой надобности въ какихъ-либо общихъ предварительныхъ положеніяхъ о существованіи душевной жизни вообще, о законахъ ея связи съ тѣломъ и т. п. Напротивъ того, эти общія положенія могутъ возникнуть только на почвѣ множества подобныхъ *частныхъ* аналогій, подтвержденныхъ затѣмъ возможностью предугадыванія. Вообще, заключенія по аналогіи не нуждаются ни въ какихъ предварительныхъ общихъ посылкахъ, за исключеніемъ приведеннаго основоположенія, и могутъ быть построены отъ одного единич-

*) Мы говоримъ «можетъ происходить», такъ какъ вовсе не утверждаемъ, что въ дѣйствительности, т.-е. психологически, мы приходимъ къ мысли о чужомъ одушевленіи именно такимъ способомъ. Мы имѣемъ въ виду только гносеологическую сторону вопроса, поэтому, если мы даже укажемъ на такой методъ разума, который былъ бы только возможнымъ и примѣнимымъ лишь діалектически, то наша задача будетъ выполнена. Словомъ, мы имѣемъ въ виду тотъ методъ разума, который мы, взрослые, въ спорѣ другъ съ другомъ могли бы примѣнять.

наго случая къ другому, такому же единичному. Надежность аналогій зависитъ не только отъ числа сходныхъ случаевъ, но также отъ того, насколько существенны и многочисленны тѣ признаки, на основаніи которыхъ мы аналогизируемъ. Г. Введенскій, впрочемъ, какъ будто бы сомнѣвается въ возможности аналогизировать по поводу единичныхъ случаевъ. На стр. 45 онъ говоритъ:

«Правда, бываютъ случаи, гдѣ, повидимому, мы дѣлаемъ обобщенія на основаніи всего лишь одного наблюденія связи двухъ фактовъ: напримѣръ, коль скоро мы *однажды* опредѣлили удѣльный вѣсъ *одного лишь* куска золота, то мы тотчасъ же, на основаніи лишь этого наблюденія, заключаемъ что и *всякій* другой кусокъ золота *всегда* будетъ обладать такимъ же удѣльнымъ вѣсомъ. Но вѣдь это только кажется, будто бы мы здѣсь руководимся однимъ лишь единичнымъ случаемъ; въ дѣйствительности, путемъ множества прежде сдѣланныхъ разнообразныхъ наблюденій, которыя, благодаря ихъ разнообразію, пополняютъ и контролируютъ другъ друга, мы издавна пришли къ непоколебимому убѣжденію, что куски золота (или, говоря общѣе, одного и того же металла, и еще общѣе — всякаго *неорганизованнаго* вещества) не отличаются одинъ отъ другого никакими *индивидуальными* особенностями и всегда при однихъ и тѣхъ же условіяхъ обладаютъ одинаковыми свойствами, такъ что все подмѣченное нами въ одномъ кускѣ *всегда* будетъ найдено при тѣхъ же условіяхъ какъ въ немъ самомъ, такъ и въ другихъ кускахъ того же вещества. Съ такимъ убѣжденіемъ вполнѣ позволительно обобщать единичные факты, не рискуя ошибиться».

Мы съ своей стороны думаемъ, что аналогія, какъ методъ разума, нисколько не зависитъ отъ числа случаевъ, къ которымъ она примѣняется. Умозаключаемъ ли мы по сходству признаковъ отъ одного единичнаго случая къ другому единичному или отъ 10-го къ 11-му,—самый методъ съ формальной стороны остается одинаковымъ, и если въ послѣднемъ случаѣ нашъ выводъ является болѣе вѣроятнымъ, то вовсе не потому, чтобы тутъ именно мы и имѣли настоящую аналогію, но лишь въ силу того, что тутъ уже примѣшивается совершенно новый психологическій факторъ, состоящій въ повторности явленій, вслѣдствіе чего дается основаніе къ образованію неразрывной ассоціаціи. Если мы разъ увидѣли въ дѣйствіи какую-нибудь сельскохозяйственную машину, положимъ вѣялку, и хорошо присмотрѣлись къ ея конструкціи, то увидѣвши во второй разъ другую такую машину, мы съ полнымъ правомъ можемъ умозаключать отъ сходства конструкціи къ сходству дѣйствія и не усомниться въ ея назначеніи производить имечно ту, а не другую работу. И для такой аналогіи намъ вовсе нѣтъ никакой надобности видѣть 10 или 100 такихъ машинъ, чтобы заключать только объ 11-й или 101-й. Точно также, хотя намъ извѣстна непосредственно одна только наша земля, но этого одного примѣра достаточно, чтобы представлять себѣ подобными ей и всѣ остальныя планеты. Конечно, астрономическія понятія гарантированы не одной только этой аналогіей, но ея все-таки достаточно

если не для оправданія представленія о другихъ планетахъ, то, по крайней мѣрѣ для его появленія въ человѣческомъ умѣ. И мы, ссылаясь на аналогію въ разбираемомъ нами вопросѣ, вовсе не утверждаемъ, что ею именно можно доказать существованіе чужой душевной жизни. Мы считаемъ только аналогію единственнымъ раціональнымъ методомъ, посредствомъ котораго въ нашемъ умѣ *конструируются первоначальныя* представленія и понятія о чужой душевной жизни. И хотя мы считаемъ эту аналогію обладающею весьма большою степенью вѣроятности, въ виду существенности и многочисленности сходныхъ признаковъ, тѣмъ не менѣе полную достовѣрность ея обосновываемъ лишь на эмпирическомъ оправданіи тѣхъ выводовъ, которые мы изъ нея дѣлаемъ.

Въ общемъ и цѣломъ раціональный методъ появленія и оправданія идеи чужого одушевленія будетъ съ нашей точки зрѣнія таковъ. Сначала могутъ быть сдѣланы предположенія, посредствомъ аналогіи съ собой, о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ актахъ чужой душевной жизни, напр., о чувствѣ голода при видѣ человѣка, жадно уничтожающаго пищу, о вспышкахъ гнѣва, проявленіи любви т. п. Этихъ отдѣльныхъ данныхъ, при общемъ сходствѣ человѣческаго тѣла и его проявленій съ нашими собственными, вполнѣ достаточно, чтобы представить и мыслить себѣ всѣ эти наблюдаемыя нами, отдѣльныя отъ насъ, тѣла снабженными непрерывною жизнью сознанія, подобною нашей, но столь же отъ насъ обособленною, какъ наблюдаемыя тѣла обособлены отъ нашего тѣла. При этомъ, при видѣ множества отдѣльныхъ подобныхъ тѣлъ, возникаетъ представленіе и мысль о множественности и отдѣльности одухотворяющихъ эти тѣла сознаній. Такимъ образомъ, конструируется идея чужого одушевленія. Затѣмъ, пользуясь этой идеей и событіями обыденной повседневной жизни, мы начинаемъ истолковывать дѣйствія окружающихъ насъ людей, представлять себѣ на основаніи тѣхъ или иныхъ проявленій, ихъ представленія, чувства и желанія, мыслить ихъ мысли, проникаться ихъ настроеніями и т. п. При посредствѣ такого истолкованія устанавливается масса законообразныхъ и мыслимыхъ лишь при вѣрномъ пониманіи другъ друга взаимоотношеній, напр., разговорная рѣчь, правила вѣжливости, приличія и т. п., а главное, является возможность предвидѣть человѣческія дѣйствія. Всѣ эти, весьма разнообразныя и ежеминутно повторяющіяся послѣдствія, принятой сначала, какъ предположеніе, идеи чужого одушевленія дѣлаютъ ее одной изъ достовѣрнѣйшихъ истинъ. При этомъ тѣ ошибки, которыя мы дѣлаемъ зачастую въ своихъ разсчетахъ относительно чужой душевной жизни *не наносятъ ни малѣйшаго ущерба самой этой идеѣ*, такъ какъ они показываютъ лишь неправильность того или иного отдѣльнаго разсчета, а вовсе не самой идеи; если мы приняли злоумыш-

ляющаго на насъ человѣка за преданнаго друга, то отъ этого человѣкъ этотъ вовсе не долженъ становиться въ нашихъ глазахъ бездушной машиной, но лишь обладающимъ нѣсколько иной душой, чѣмъ мы раньше предполагали.

Такимъ образомъ, достовѣрность идеи чужого одушевленія мы основываемъ на томъ обстоятельствѣ, что только она и можетъ служить единственнымъ разъясненіемъ всей разнообразнѣйшей сферы человѣческихъ отношеній, которая безъ нея превратилась бы въ совершенно безсмысленный калейдоскопъ ничего не значащихъ и другъ съ другомъ ничѣмъ не связанныхъ дѣйствій. И эта роль дѣлаетъ ее уже не гипотезой, а одной изъ незыблемыхъ теорій подобно тому, какъ астрономическія понятія также составляютъ незыблемую теорію, не смотря на недоступность ихъ объектовъ непосредственному воспріятію, въ силу того же объяснительнаго ихъ значенія для совершающихся перемѣнъ въ жизни земли, какъ планеты.

Всѣ другія гипотезы, которыми, казалось бы, можно было бы замѣнить идею чужого одушевленія, въ родѣ теоріи условной подстановки себя, или физіологической теоріи, оказываются, по ближайшемъ разсмотрѣніи, опирающимися на эту же самую идею, или лишь искусственно ее же въ себѣ скрывающими. Можно было бы, пожалуй, высказать соображеніе въ родѣ того, что хотя психо-физіологія и опирается на предположеніе о чужомъ одушевленіи, но на это послѣднее все-таки можно смотрѣть лишь какъ на гипотезу, которая является лишь служебной и все значеніе которой сводится къ познанію физіологической дѣятельности мозга. Разъ этотъ результатъ достигнуть, она уже можетъ быть откинута какъ безполезная, подобно тому какъ въ исторіи наукъ многія гипотезы, сыгравшія свою роль въ установленіи тѣхъ или иныхъ истинныхъ научныхъ понятій, были замѣнены новыми безъ всякаго ущерба для этихъ понятій, которыя между тѣмъ, имѣли въ нихъ свое гносеологическое основаніе. Но такое весьма естественное соображеніе можетъ имѣть лишь кажущуюся правдивость въ примѣненіи къ данному случаю. Въ самомъ дѣлѣ, если роль какихъ бы то ни было гипотезъ сводится лишь къ тому, чтобы служить лишь какъ бы переводными путями къ другимъ болѣе правильнымъ гипотезамъ, то значеніе ихъ, какъ объяснителей тѣхъ или иныхъ фактовъ, совершенно прекращается съ того момента, какъ появилась новая гипотеза, замѣняющая старую; болѣе того, подобнаго рода гипотезы всегда находятся въ томъ или иномъ противорѣчіи съ фактами, а потому, при первой возможности найти наилучшее объясненіе, дѣлаются ненужными а также несообразными съ полнѣе открывающейся истиной. Онѣ являются какъ бы временными станціями въ развитіи человѣческой мысли и представ-

ляютъ всегда значительныя неудобства для пользованія ими на долгое время. Ничего подобнаго не находимъ мы въ идеяхъ чужого одушевленія. Не смотря на появленіе физіологической теоріи, мы не можемъ обойтись безъ нихъ ни шагу, и онѣ оказываются, такимъ образомъ, не переводнымъ къ ней путемъ, а постоянной ея поддержкой и какъ бы справочной книгой, въ которую физіологической теоріи приходится постоянно заглядывать для истолкованія своихъ фактовъ и предположеній. Такимъ образомъ, физіологическая теорія нисколько не замѣнила и въ настоящее время совершенно безсильна замѣнить теорію чужого одушевленія. Мы ничего не поймемъ и не предугадаемъ въ дѣйствіяхъ окружающихъ насъ людей, если будемъ только представлять себѣ, что въ этотъ моментъ въ ихъ мозгу и нервахъ происходятъ разнаго рода нервные процессы, являющіеся причинами ихъ внѣшнихъ проявленій. Если же мы захотимъ дать себѣ какое-либо болѣе опредѣленное представленіе объ этихъ процессахъ, хотя бы смутно ихъ локализировать въ тѣхъ или иныхъ представляемыхъ отдѣлахъ мозга, то придется сейчасъ же обратиться за помощью къ психо-физіологической теоріи, которая и устанавливаетъ связь между душевными и мозговыми процессами, конечно, въ предположеніи существованія душевныхъ состояній, какъ таковыхъ, и отправляясь отъ нихъ, какъ заранѣе извѣстныхъ. Но можетъ быть намъ скажутъ, что такъ какъ рѣчь идетъ о вопросѣ чисто теоретическаго характера, то и нѣтъ никакой надобности требовать отъ физіологической теоріи тѣхъ практическихъ результатовъ, которые основаны уже, такъ сказать, на технической разработкѣ теоріи, но нисколько не нужны для доказательства ея теоретической правдивости и цѣнности. Пускай, скажутъ намъ, физіологія теперь безсильна безъ помощи идеи одушевленія сдѣлать ясными, опредѣленными и доступными для воспріятія тѣ или иные нервные процессы въ живомъ человѣкѣ, но *въ идеѣ* эти процессы намъ все-таки даны какъ несомнѣнные и, не давая объясненія внѣшнихъ проявленій для практическихъ цѣлей предугадыванія, являются ихъ идеальнымъ возможнымъ объясненіемъ, вполнѣ достаточнымъ для теоріи. На это мы возразили бы, что если бы даже все идеально возможное и предположительное въ физіологіи стало бы воспріемлемымъ и осуществленнымъ, и если бы даже мы были когда-либо въ состояніи, проникая взоромъ сквозь черепную коробку, видѣть всѣ мельчайшія измѣненія и процессы мозга и на основаніи ихъ предугадывать внѣшнія дѣйствія, то и тогда идея чужого одушевленія ни чуть не потеряла бы своей гносеологической обязательности и оставалась бы по прежнему неопровержимою. Ея обязательность была бы, во всякомъ случаѣ, ни чуть не менѣе, чѣмъ обязательность физіологической теоріи, для которой она все таки осталась бы необходимымъ гносеологическимъ основаніемъ, хотя бы и въ прошедшемъ. При

этомъ, такъ какъ она не стояла бы ни въ какомъ противорѣчіи съ фактами и въ практическомъ отношеніи была бы вполнѣ равносильна физіологической, то она вовсе не имѣла бы вида старой отжившей истины, а, напротивъ, имѣла бы передъ физіологической теоріей лишнее преимущество—а именно, гносеологическую первоначальность. Если бы даже тогда скептикъ г. Введенскаго сталъ бы доказывать ея безполезность и необязательность при наличности всѣхъ физіологическихъ данныхъ, то и тогда мы всегда могли бы ему возразить, что каждое физіологическое данное имѣетъ объяснительное значеніе лишь въ силу того, что оно когда-либо было истолковано какъ физіологическій эквивалентъ того или иного психическаго процесса и что, такимъ образомъ, онъ самъ въ своемъ объясненіи, скрытымъ образомъ, пользуется тою самою теоріею, которую отвергаетъ, какъ необязательную. А разъ совершенно независимо отъ нея нельзя объяснить тѣлесныя проявленія, то значитъ она обязательна.

Мы разсматривали „законъ одушевленія“ г. Введенскаго по возможности ставъ на его же точку зрѣнія и сдѣлали это въ виду особаго интереса поднятаго г. Введенскимъ вопроса, имѣющаго весьма важное гносеологическое значеніе для всѣхъ философскихъ направленій. По высказаннымъ уже нами соображеніямъ, мы убѣждены въ ошибочности этого закона даже со строго феноменалистической точки зрѣнія, т.-е. принимая, какъ представленія внѣшнихъ тѣлесныхъ предметовъ, такъ и внутреннія состоянія сознанія, за совершенно равноправные элементы феноменальнаго міра, единственно доступнаго нашему познанію. Съ нашей же собственной точки зрѣнія „законъ одушевленія“ не можетъ быть принятъ уже по той простой причинѣ, что онъ всецѣло основанъ на физіологической теоріи, которая для насъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить объясненіемъ внѣшнихъ тѣлесныхъ проявленій и какъ-либо замѣнить предположеніе о чужомъ одушевленіи. Для насъ, какъ физіологическіе процессы, такъ и внѣшнія тѣлесныя проявленія являются лишь условнымъ символическимъ познаніемъ, требующимъ для себя того или иного философскаго истолкованія. Съ другой стороны, все содержаніе сознанія есть, по нашему, не феноменальное бытіе, а та самая „вещь въ себѣ“, которую критицизмъ полагаетъ безнадежно скрытою въ какихъ-то неприступныхъ нѣдрахъ. Поэтому бездушныя системы, какъ матеріальныхъ предметовъ, такъ и машинообразно дѣйствующихъ организмовъ, оказываются для насъ продуктами нашего же собственнаго представленія и мышленія, выражающаго схематически и законосообразно наше же собственное сознаніе и лишь символизирующаго внѣшній ему міръ. Напротивъ того, построенныя путемъ аналогіи и подтвержденныя затѣмъ удачнымъ истолкованіемъ и предугадываніемъ, представленія и понятія о подобныхъ намъ существахъ являются уже не условными сим-

волами, но выражающимъ это внѣшнее намъ бытіе и ему адекватнымъ познаніемъ. Познаніе это можетъ быть не совсѣмъ точно и опредѣленно, но его преимущество и значеніе состоитъ въ томъ, что оно воспроизводитъ соотвѣтствующіе ему объекты въ тѣхъ именно качествахъ, которыя входятъ въ содержаніе внѣшняго объекта. Наше представленіе о гнѣвѣ другого человѣка воспроизводитъ именно то, отъ насъ отдѣльное, внутреннее состояніе, которое переживается даннымъ человѣкомъ, между тѣмъ какъ представленіе соотвѣтственнаго физіологическаго процесса не выражаетъ и не воспроизводитъ ничего внѣшняго нашему сознанію, такъ какъ внѣ нашего представленія ничего подобнаго этому процессу не существуетъ. Такимъ образомъ, мысль о существованіи намъ подобныхъ существъ, т.-е. людей, имѣетъ полную философскую правоспособность и является гносеологически необходимой, какъ единственное истолкованіе появляющихся въ нашемъ сознаніи образовъ человѣческихъ тѣлъ, подобныхъ нашему. Вмѣстѣ съ этимъ, мысль эта является первымъ имѣющимъ философскую обосновку понятіемъ, относящимся къ категоріи міра не-Я, и представляетъ первую и основную посылку въ системѣ міропознанія, такъ какъ всѣ другія понятія, относящіяся къ области міра не-Я и могущія быть философски оправданными, выводятся только при посредствѣ этой идеи.

Конечно, можно всегда усомниться въ существованіи одушевленія внѣ насъ, какъ вслѣдствіе формальной *логической* возможности этого сомнѣнія, такъ и въ виду того, что чужое одушевленіе намъ непосредственно не дано, т.-е. нами, какъ чужое, не переживается, а только представляется. Но всякое такое сомнѣніе будетъ только тогда законно и неопровержимо, когда оно будетъ распространено также и на всѣ другія истины, которыя относятся къ тому, что непосредственно не воспринимается, и отрицаніе которыхъ не стоитъ въ противорѣчіи съ дѣйствительностью. А почти все содержаніе наукъ состоитъ именно изъ такихъ посредственно найденныхъ истинъ, возникшихъ въ человѣческомъ умѣ, въ объяснительныхъ цѣляхъ, но вовсе не съ тѣмъ, чтобы избѣжать противорѣчія съ дѣйствительностью. Такимъ образомъ, относящіеся скептически къ одушевленности человѣческихъ тѣлъ должны распространять свой скептицизмъ почти на всѣ науки и смотрѣть на нихъ только какъ на возможныя предположенія. Тогда достовѣрнымъ и обязательнымъ останется лишь только то, что было когда-либо нами непосредственно воспринимаемо. Но приведенный къ такому узкому кругу скептицизмъ теряетъ свою силу, такъ какъ тутъ-то и обнаруживается чрезмѣрность и несуразность его требованій, не соотвѣтствующихъ ни природѣ нашего мышленія, ни природѣ внѣшняго нашему сознанію бытія, дѣйствующаго на это сознаніе лишь посредственно.

ГЛАВА VII.

Всеобщая одушевленность.

Представленія и понятія о подобныхъ намъ, сознающихъ и мыслящихъ существахъ являются истолкованіемъ образа человѣческаго тѣла, взятаго какъ единое цѣлое. Но въ насъ возникаетъ множество другихъ образовъ, для объясненія которыхъ должны быть найдены и философски оправданы какія-либо другія представленія и понятія. Наконецъ, самый образъ человѣческаго тѣла, разсматриваемый въ своихъ частяхъ и элементахъ, а также въ перемѣнахъ ихъ состояній, требуетъ новыхъ понятій, которыя могли бы адекватно воспроизвести ту въ себѣ сущую дѣйствительность, которая обусловливаетъ появленіе въ нашемъ сознаніи сложнаго феномена человѣческаго организма. Другими словами, мы должны философски объяснить всѣ образы животныхъ, растительныхъ и, такъ-называемыхъ, неорганическихъ системъ, а также внутреннюю связь и координацію этихъ системъ. Это наше объясненіе должно отличаться отъ обычнаго символическаго, т.-е. отъ естественно-научнаго, тѣмъ, что самые эти образы и всѣ понятія, на нихъ построенныя (являющіяся ихъ общими схемами), будутъ у насъ играть роль лишь нашихъ же внутреннихъ *показателей* или символовъ настоящей внѣшней дѣйствительности. Поэтому за все время нашего изслѣдованія мы не должны ни на минуту упускать изъ виду то обстоятельство, что всѣ чувственные образы организованныхъ и неорганизованныхъ тѣлъ, не смотря на ихъ пространственную внѣшность и изолированность отъ нашего тѣла вмѣстѣ со всѣмъ этимъ безконечнымъ пространствомъ представляютъ лишь внутренній и, въ сущности, безпространственный продуктъ нашего ощущенія, представленія и мышленія. Правда, продуктъ этотъ возникъ въ насъ непроизвольно и съ нѣкоторою извнѣ навязанною принудительностью, но самъ онъ, какъ таковой, не является выраженіемъ чего-нибудь внѣшняго нашему сознанію, такъ какъ находится также въ зависимости и отъ нашего сознанія и мышленія. Мы не въ силахъ пока рѣшить вопросъ, какой изъ двухъ факторовъ, а именно внѣшній или внутренній, т.-е. Я или не-Я, наиболѣе обусловли-

ваетъ возникающій въ насъ чувственный міръ; кто именно наиболѣе даетъ ему эти яркія краски, это ихъ распредѣленіе и закономѣрную смѣну. Мы можемъ только съ несомнѣнностью утверждать, что міръ этотъ воспроизведенъ нашимъ сознаніемъ и умомъ по какимъ-то внѣшнимъ и отъ насъ независимымъ поводамъ и условіямъ. Доказательству этой мысли были посвящены предыдущія главы настоящаго сочиненія. Теперь наша задача состоитъ въ открытіи самихъ этихъ поводовъ и условій, на основаніи производимыхъ ими въ нашемъ сознаніи эффектовъ.

Самыми легкими и простыми для истолкованія являются образы тѣлъ высшихъ животныхъ. Общее сходство ихъ строенія и дѣйствій вызываетъ несомнѣнное убѣжденіе въ томъ, что образамъ этимъ соотвѣтствуетъ нѣкоторая духовная сущность, переживающая множество состояній подобныхъ тѣмъ, которыя переживаемъ и мы. Вздрагивающее на морозѣ тѣло животнаго и его стонъ не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что вмѣстѣ съ этими проявленіями связано такое же ощущеніе холода, какое испытываемъ и мы. О такой же способности ощущать свидѣтельствуетъ видъ жаднаго пожиранія животными пищи, ихъ половыхъ отправленій и т. п. Объясненіе всего этого одними лишь физіологическими процессами, т.-е. представленіями и понятіями, того же чувственнаго порядка и происхожденія, при нашей постановкѣ вопроса, не можетъ, конечно, имѣть никакого философскаго значенія. Сущность такого объясненія состояла бы лишь въ замѣнѣ однихъ символовъ другими, при чемъ, ни тѣмъ ни другимъ не соотвѣтствовало бы внѣ нашего сознанія и мышленія никакой подобной и *имъ воспроизводимой* дѣйствительности *). Если мы и не можемъ быть увѣрены, что душевная жизнь животныхъ вполнѣ похожа на низшія формы нашей душевной жизни, то-есть все-таки полное основаніе утверждать, что она того же рода, что, напр., причиненная боль испытывается животнымъ приблизительно также, какъ и человѣкомъ, что съ этою болью

*) Впрочемъ, даже и съ чисто-феноменалистической точки зрѣнія такое объясненіе было бы недостаточнымъ и весьма мало вѣроятнымъ. Разъ установлена несомнѣнная связь между процессами организма и жизнью сознанія у людей, то отрицать такую же связь у аналогичныхъ организмовъ животныхъ было бы ни на чемъ не основаннымъ скептическимъ капризомъ. Общій строй и механизмъ тѣлесной жизни человѣка и животныхъ вполнѣ схожъ и имѣетъ всѣ переходныя ступени, такъ что примитивныя формы сознанія, т.-е. область ощущеній и нѣкоторыя чувства, должны быть, примышляемы такъ же и къ образамъ животныхъ организмовъ. Если Декартъ и считалъ возможнымъ признавать животныхъ хорошо устроенными машинами, то это мнѣніе находилось въ соотвѣтствіи съ его воззрѣніями и на человѣческую организацію, которую онъ вообще склоненъ былъ понимать механически, давая матеріалистическую окраску низшимъ формамъ сознанія. Вообще Декартъ являлся настоящимъ матеріалистомъ въ истолкованіи извѣстной области сознанія и исповѣдовалъ вполнѣ отчетливый спиритуализмъ лишь по отношенію къ высшимъ проявленіямъ человѣческаго духа, которыхъ именно и не находилъ у животныхъ. Въ настоящее время такой половинчатый матеріализмъ былъ бы, конечно, невозможенъ.

никакъ не можетъ быть ассоціирована веселость, что животное стремится ея избѣжать, а не какъ не продлить. Подобныхъ, хотя бы и смутныхъ, но укладывающихся въ опредѣленныя психологическія понятія, представленій о животной психикѣ вполнѣ достаточно для образованія понятій объ ихъ духовной природѣ и для построенія лѣстницы живыхъ существъ, соотвѣтствующей зоологическимъ градаціямъ появляющихся въ нашемъ представленіи образовъ животныхъ организмовъ.

Сходство организмовъ можетъ привести насъ къ безспорному признанію существованія лишь тѣхъ духовныхъ существъ, которыя болѣе или менѣе близки намъ по своей природѣ. Нисходя по зоологической лѣстницѣ мы, наконецъ, встрѣчаемся съ такими органическими системами, которыя на первый взглядъ уже не даютъ никакого повода связывать съ ними какія-либо представленія о духовной жизни и могутъ быть разсматриваемы съ одинаковымъ правомъ, какъ бездушными, такъ и одушевленными. Таковы, напр., всѣ одноклѣточные организмы, намекающіе на свою одушевленность лишь способностью самопроизвольнаго движенія. Наконецъ, къ такому же недоумѣнію въ вопросѣ объ одушевленности приведетъ насъ все царство растеній. Что касается системъ неорганическихъ: минераловъ, жидкостей, газовъ, вообще такъ-называемой мертвой матеріи, то мысль объ ея одухотворенности высказывалась только въ философіи, да въ туманной пантеистической поэзіи, житейскій же „здравый смыслъ“, основывающійся на повседневномъ жизненномъ опытѣ, не подозрѣваетъ даже возможности этого вопроса—до того противоположными другъ другу являются въ нашемъ воспріятіи чувственные образы организмовъ и такъ-называемыхъ неодушевленныхъ предметовъ.

Переходя къ разсмотрѣнію этихъ спорныхъ вопросовъ, мы вступаемъ въ область философской гипотезы. По крайней мѣрѣ, первоначально то или иное рѣшеніе намѣченныхъ вопросовъ можетъ быть набросано лишь гипотетически и только послѣдующіе выводы, а также общая связность и взаимная поддержка различныхъ частей развитого гипотетическаго построенія могутъ дать ему прочность теоріи. Мы не найдемъ въ этой области никакихъ фактовъ, могущихъ безповоротно рѣшить вопросъ въ ту или иную сторону, и вообще весь находящійся въ нашемъ распоряженіи эмпирическій матеріалъ даетъ намъ лишь слабую поддержку при проведеніи тѣхъ или иныхъ взглядовъ. Намъ придется опираться, главнымъ образомъ, на соображеніяхъ общаго характера, не имѣющихъ какой-либо спеціальной и очевидной обосновки въ той или иной области доступнаго намъ опыта, но вытекающихъ изъ общей связи всего пережитого человѣческимъ сознаніемъ.

Въ виду трудности намѣченныхъ нами теперь задачъ и во избѣжаніе нѣкоторыхъ недоразумѣній и возраженій, могущихъ возникнуть у чита-

телей при дальнѣйшемъ изложеніи нашихъ воззрѣній, мы считаемъ необходимымъ указать, а также оправдать тѣ общіе критеріи, которыми мы будемъ руководиться при избраніи того или иного пути въ открывающейся передъ нами области. Первое и самое важное правило, котораго мы считаемъ необходимымъ держаться, состоитъ въ постоянномъ согласованіи всѣхъ новыхъ выводовъ и взглядовъ съ ранѣе выработанными и обоснованными положеніями. Мы должны избирать только такія рѣшенія, которыя не противорѣчили бы тому, что раньше признано нами достовѣрнымъ. Только такимъ путемъ можно достигнуть результатовъ, заслуживающихъ какого-либо довѣрія. Если же руководиться въ рѣшеніяхъ вопросовъ лишь частными условіями вѣроятности и удобства того или иного рѣшенія, не сопоставляя его съ принципами всей системы, то наше знаніе будетъ имѣть лишь условный характеръ и будетъ годиться только при извѣстныхъ условіяхъ времени, общественнаго или личнаго настроенія. Это, имѣющее лишь формальный характеръ, требованіе, логическую сущность котораго составляютъ законы тожества и противорѣчія, далеко не безполезно всегда имѣть въ виду. Конечно, мы почти нигдѣ не встрѣтимъ грубыхъ прегрѣшеній противъ этихъ законовъ, но въ болѣе тонкой и неуловимой формѣ этотъ кажущійся для всѣхъ столь очевиднымъ и обязательнымъ принципъ нарушается, даже и въ философіи, сплошь да рядомъ.

Слѣдующимъ требованіемъ, которое мы будемъ имѣть въ виду при возможныхъ рѣшеніяхъ, состоитъ въ отысканіи какихъ-либо эмпирическихъ данныхъ, дающихъ основаніе или поводъ къ тому именно, а не иному, построенію и предположенію. Безъ этого условія рѣшеніе можетъ имѣть лишь формальную правоспособность, но оно можетъ вовсе не соотвѣтствовать дѣйствительности. Необходимо, чтобы въ нашемъ рѣшеніи мы опредѣлялись бы чѣмъ-либо внѣшнимъ и отъ нашего произвола не зависящимъ. Конечно, ничто внѣшнее намъ въ опытѣ не дано, но оно обусловливаетъ то или иное распредѣленіе и порядокъ большей части нашихъ состояній сознанія и этою независимою отъ насъ связностью намъ и слѣдуетъ руководиться.

Еще одинъ важный критерій, котораго мы намѣрены держаться, но которому обыкновенно придаютъ очень мало значенія, состоитъ въ объединительномъ и объяснительномъ значеніи теорій. Возможность объединенія и объясненія чрезъ посредство какихъ-либо гипотетическихъ принциповъ всѣхъ областей опыта, подлежащихъ изслѣдованію, проистекающая изъ этого взаимная координація и связность всѣхъ понятій, бывшихъ дотолѣ разрозненными—все это является уже весьма надежнымъ ручательствомъ въ правильности сдѣланныхъ предположеній. Вся исторія наукъ подтверждаетъ постоянную связь движенія истины съ

появленіемъ объединительныхъ принциповъ. И это не представляетъ собою какой-либо случайности, но коренится въ самой сущности изслѣдуемыхъ объектовъ, которые по внимательномъ разсмотрѣніи оказываются всегда имѣющими между собою нѣкоторое внутреннее родство. Коль скоро мы начинаемъ разсматривать ихъ съ точки зрѣнія этого родства, то вмѣстѣ съ тѣмъ уясняется и самая природа изъ различій и оттѣнковъ, которыя перестаютъ уже при этомъ быть совершенно чуждыми и лишь механически связанными качествами, но являются развѣтвленіемъ и детализаціей какихъ-либо общихъ связующихъ принциповъ. Стремленіе къ объединяющимъ принципамъ часто ведетъ къ злоупотребленію, состоящему въ томъ, что изслѣдователи успокаиваются на подведеніи цѣлыхъ группъ явленій къ одной категоріи и затѣмъ при разсмотрѣніи отдѣльныхъ явленій ограничиваются неопредѣленнымъ балансированіемъ на почвѣ общихъ понятій безъ разслѣдованія причинъ и условій тѣхъ или иныхъ индивидуализацій. Но общность и всеобъемлемость принциповъ вовсе не обязательно ведетъ къ такому безразличному блужданію въ сумракѣ всеобщаго и нисколько не исключаетъ необходимости устанавливать частныя понятія о сущности и закономѣрности тѣхъ или иныхъ индивидуальныхъ явленій. Только всѣ частныя и индивидуальныя явленія получаютъ при этомъ новое освѣщеніе изъ общаго источника, вслѣдствіе чего и становятся въ нѣсколько иное отношеніе другъ къ другу. Какъ бы хорошо мы не изучили частныя связи и сочетанія изучаемыхъ явленій, но если только они представляются намъ въ разрозненныхъ группахъ и какъ бы раздѣленными непроницаемыми перегородками, то это вѣрный признакъ, что мы не имѣемъ правильнаго и яснаго понятія объ ихъ природѣ. Идеалъ знанія—единство многообразнаго. И идеалъ этотъ вовсе не проистекаетъ изъ утилитарныхъ стремленій удобства и легкости объясненій, но коренится въ единствѣ природы вещей, поддающихся, поэтому, нашему изслѣдованію и изученію лишь въ общей связности и родствѣ.

Обращаясь къ нашей задачѣ—истолкованію образовъ видимыхъ и осязаемыхъ животныхъ, растительныхъ и неорганическихъ тѣлъ, мы, прежде всего, должны отрѣшиться, возможно отчетливѣе, отъ обычнаго естественно-научнаго способа ихъ пониманія. Пониманіе этихъ образовъ существующими такъ, какъ они намъ кажутся или въ качествѣ аггрегатовъ маленькихъ, недоступныхъ нашимъ воспріятіямъ, тѣлецъ-атомовъ (въ сущности такихъ же воображаемыхъ и умопостигаемыхъ микроскопическихъ образовъ) противорѣчило бы сдѣланной нами въ 5 й главѣ критикѣ понятія матеріи и силы, которая привела насъ къ убѣжденію въ условности и символичности этихъ понятій. Такимъ образомъ, ни въ простомъ наблюденіи, ни въ какихъ бы-то ни было от-

крытіяхъ и построеніяхъ естественныхъ наукъ мы не найдемъ ничего такого, что могло бы служить для насъ философскимъ истолкованіемъ появляющихся въ нашемъ сознаніи и представленіи образовъ. Мы можемъ прекрасно узнать связь этихъ образовъ между собою, ввести принципы, объединяющіе ихъ въ стройную цѣльную систему матеріализма, но мы этимъ ни на іоту не подвинемся въ познаніи внѣшней дѣйствительности, а только достигнемъ совершенства въ познаніи законовъ нашей ощущающей дѣятельности. Правда законовъ навязанныхъ намъ извнѣ, но ни чуть не выражающихъ намъ природу этого внѣшняго и лишь символически намекающихъ на его существованіе. — Вообще вся область высшихъ ощущеній, т.-е. все чувственное содержаніе, какъ ярко представляемое, такъ и схематически умопостигаемое въ понятіяхъ, должно быть нами исключено изъ возможнаго объясненія. Все это можетъ и должно служить намъ лишь нашимъ же внутреннимъ показателемъ внѣшней дѣйствительности, но никогда не можетъ быть съ нею отожествлено.

Въ настоящее время въ философіи весьма часто встрѣчаются попытки примиренія и сліянія спиритуалистической и матеріалистической точекъ зрѣнія на дѣйствительность. Въ этихъ попыткахъ высказывается мысль о двойственности природы вещей, выражающейся внутренно въ формахъ духовнаго порядка, внѣшнимъ же образомъ въ вещественности и матеріальности. Это, въ общемъ туманное, воззрѣніе, претендующее быть всеобъемлющимъ и всепримиряющимъ монизмомъ, соблазняетъ многихъ возможностью вводить въ истолкованіе явленій, смотря по надобности и удобству, то духъ, то матерію. При этомъ взглядѣ весьма удобно можно сохранить нѣкоторые излюбленные и привычные матеріалистическіе принципы и въ то же время не прослыть матеріалистомъ, что въ наше время становится уже отчасти какъ бы зазорно, въ виду все яснѣе и яснѣе обнаруживающейся наивности и непродуманности чистаго матеріализма. Мы, съ своей стороны, видимъ въ подобныхъ попыткахъ только знакъ того, что и сфера чистой мысли не чужда компромиссовъ и сдѣлокъ, если не съ совѣстью, то съ голосомъ истины, который заглушается въ угоду привычнымъ традиціямъ ума. Не говоря уже о произвольности и фигуральности этого взгляда, представляющаго природу вещей чѣмъ-то въ родѣ полыхъ мѣшковъ, имѣющихъ лицо (матеріальность) и изнанку (духовность), онъ не выдерживаетъ критики съ гносеологической точки зрѣнія, такъ какъ считаетъ представленія и понятія матеріальности выражающими хотя бы и одну сторону внѣшняго бытія. Какъ мы уже неоднократно указывали, понятія эти не воспроизводятъ вообще ничего изъ внѣшней дѣйствительности и не могли бы относиться ни къ лицевой поверхности, ни къ изнанкѣ вещей, если бы даже и было какое-нибудь основаніе къ такому геометрическому способу ихъ пониманія.

*

Итакъ, сфера матеріальныхъ образовъ и соотвѣтственныхъ понятій должна быть исключена совсѣмъ изъ содержанія тѣхъ построеній, которыя мы должны сдѣлать относительно внѣшней дѣйствительности. Но что же остается въ нашемъ распоряженіи, что могло бы замѣнить этотъ привычный намъ пестрый міръ ощущеній. На первый взглядъ можетъ показаться, что безъ этихъ данныхъ мы остаемся совершенно безпомощными и что у насъ отнято все безусловно необходимое для какихъ бы то ни было процессовъ ума. Но если мы обратимся отъ этихъ привычныхъ намъ образовъ ко всему внутреннему міру нашего сознанія, то для насъ станетъ ясно, что средства и матеріалъ для выполненія нашей задачи не только что не убавились, но значительно увеличились. Прежде для построенія внѣшняго міра мы пользовались лишь *качественностью* нашихъ высшихъ ощущеній. Теперь же для насъ остается все содержаніе нашего сознанія во всемъ его разнообразіи и реальной живоподвижности. Но и по отношенію ко всей этой области намъ необходимо сдѣлать нѣкоторыя ограниченія. Мы должны во всякомъ случаѣ остеречься той же ошибки, въ которую мы впадаемъ при созданіи чувственнаго міра, а именно абстрагированія качественности состояній сознанія и признанія ее косными фиксированными свойствами вещей. Сущность состояній сознанія не исчерпывается одною качественностью, а состоитъ также въ ихъ подвижности и связности. Наше сознаніе не есть собраніе мертвыхъ качествъ, но представляетъ подвижный сплошной потокъ переходящихъ другъ въ друга и взаимно оттѣняющихъ и видоизмѣняющихъ состояній. Поэтому если бы мы вмѣсто внѣшнихъ вещей, имѣющихъ яркія качества цвѣтовъ, звуковъ, сопротивляемости и т. п., построили бы, подобнымъ же образомъ, міръ изъ другихъ состояній сознанія и положили бы гдѣ-либо за предѣлами нашего сознанія, носящимися въ качествѣ неизмѣнныхъ и неподвижныхъ сущностей, гнѣвъ, любовь, ненависть, боль и т. п. состоянія сознанія, то мы впали бы въ ту же ошибку, что и при матеріалистическомъ воззрѣніи. Только въ первомъ случаѣ эта ошибка была бы еще менѣе простительною, такъ какъ смѣшеніе съ внѣшними намъ сущностями качествъ нашихъ ощущеній обусловлено наибольшею зависимостью ихъ отъ внѣшняго міра, въ силу чего они, являясь весьма точными и отчетливыми показателями внѣшнихъ перемѣнъ, легко могутъ сдѣлаться для непривычнаго и непредубѣжденнаго ума ихъ замѣстителями. Чувства же гнѣва, любви и т. п. гораздо болѣе опредѣляются въ своей качественности внутренними стимулами, а потому къ признанію ихъ внѣшними намъ вещами не представляется ни практическихъ, ни теоретическихъ основаній. Вообще, при нашемъ построеніи внѣшняго міра, мы должны постоянно считаться съ нашею привычкою къ абстракціи *), привычкою,

*) Обыкновенно подъ абстракціею или отвлеченностью разумѣютъ отсутствіе яркости, а также общность и схематизмъ понятій. Мы же имѣемъ въ данномъ

вызванною, главнымъ образомъ, практическими потребностями и удобствами, но вовсе не имѣющею никакого оправданія въ философіи, поскольку она ставитъ цѣлью познаніе міра въ его *живой* реальности. Поэтому, при пользованіи всѣмъ содержаніемъ нашего сознанія, какъ матеріаломъ для построенія представленій и понятій о внѣшней дѣйствительности, мы должны постоянно имѣть въ виду его подвижность, цѣлостность и неразрывность и представлять себѣ внѣшніе сущности обладающими этими же свойствами, съ тѣми или другими видоизмѣненіями въ элементарныхъ качествахъ и ихъ комбинаціяхъ.

Уже этими, только что высказанными нами, положеніями ограничительнаго характера опредѣляется способъ рѣшенія нашей задачи. Намъ не дано въ опытѣ ничего кромѣ нашего сознанія, и вообще оно представляетъ единственно извѣстное намъ данное. Очевидно, что все искомое неизвѣстное можетъ быть нами опредѣлено только чрезъ него. Далѣе, мы не можемъ строить наше представленіе о мірѣ изъ фиксированныхъ качествъ нашихъ состояній сознанія, такъ какъ такія качества являются мертвой абстракціей, вся же непосредственно данная намъ дѣйствительность, т.-е. чистое сознаніе, подвижна и текуча. Это, въ свою очередь, опредѣляетъ наше представленіе о внѣшнихъ намъ сущностяхъ, какъ о подобныхъ нашему сознанію вообще, т.-е. какъ о сущностяхъ, сознательныхъ или одухотворенныхъ. Такимъ образомъ, идея всеобщей одушевленности является передъ нами, какъ единственно возможное рѣшеніе проблемы внѣшняго міра. Всякое другое рѣшеніе было бы лишено какой бы то ни было жизненной правды. Разъ у насъ нѣтъ другихъ данныхъ для сужденія о сущности вещей кромѣ нашего сознанія, то этимъ единственнымъ образчикомъ бытія мы можемъ воспользоваться не иначе, какъ сохранивъ его неотъемлемое и самое общее свойство, а именно жизненность и подвижность. Мы въ правѣ видоизмѣнять и комбинировать какъ угодно отдѣльные элементы сознанія, предполагать даже ихъ въ другихъ существахъ совершенно иными по качеству, но мы не въ правѣ ихъ лишать того, что составляетъ ихъ общую природу и безъ чего они являются лишь фикціями ума.

Но этого недостаточно для оправданія идеи всеобщаго одушевленія или всеобщей сознательности. Изъ того, что у насъ не можетъ быть другихъ рѣшеній, еще не слѣдуетъ, что это единственно возможное рѣшеніе вѣрно. Мы спокойно можемъ воздержаться отъ какого бы то ни было предположенія и объявить нашу проблему неразрѣшимой. Словомъ—для этой идеи необходимо, кромѣ указаннаго отрицательнаго, еще положитель-

случаѣ въ виду не отрѣшенность отъ чувственнаго содержанія, но лишь вивисекцію живого единства бытія. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ матеріализмъ гораздо абстрактнѣе самаго туманнаго и неопредѣленнаго пантеизма.

ное достаточное основаніе. Основаніе это должны мы, конечно, искать въ тѣхъ представленіяхъ и понятіяхъ, которыя возникаютъ въ насъ вслѣдствіе воздѣйствія на насъ внѣшняго міра. Точность и отчетливость ихъ, какъ показателей внѣшнихъ перемѣнъ, удостовѣрена всею жизнью человѣчества, такъ какъ возможность разсчета и какого бы то ни было приноровленія къ внѣшнимъ условіямъ жизни основана именно на постоянномъ и весьма тонкомъ соотвѣтствіи между опредѣленными чувственными данными и внѣшними намъ сущностями. Въ томъ, что мы будемъ пользоваться этими чувственными данными, относящимися, главнымъ образомъ, къ области естественныхъ наукъ, не будетъ никакого противорѣчія съ предыдущею нашею критическою оцѣнкою всѣхъ представленій и понятій чувственнаго происхожденія. Мы отвергли только воспроизводимость этими данными внѣшней дѣйствительности, но признали ихъ хорошими показателями (индикаторами) этой дѣйствительности.

Базисомъ для опредѣленія того соотвѣтствія, которое существуетъ между образами вещей и ихъ сущностью должно для насъ служить то, что намъ наилучше извѣстно какъ въ чувственномъ значкѣ, такъ и въ своей не чувственной природѣ, а именно человѣкъ и высшія животныя. Вся совокупность наблюденій въ этой области даетъ возможность твердо установить слѣдующее общее положеніе: *усложненію органическаго строенія и физіологическихъ функцій соотвѣтствуетъ усложненіе сознанія и его проявленій.* Это положеніе кажется намъ не нуждающимся въ какихъ бы то ни было подтвержденіяхъ и доказательствахъ, настолько общеизвѣстны и общепризнанны тѣ данныя, на которыхъ оно основано. Человѣческому организму, самому сложному изъ всѣхъ извѣстныхъ, соотвѣтствуетъ самая сложная духовная организація, проявляющаяся въ безконечно разнообразныхъ дѣятельностяхъ ощущенія, чувства и мышленія. Многія высшія животныя изъ млекопитающихъ и даже птицъ обладаютъ духовной организаціей, проявляющейся въ функціяхъ тѣхъ же психологическихъ категорій, хотя уже гораздо менѣе разнообразныхъ и утонченныхъ. Спускаясь ниже, мы находимъ у рептилій, гадовъ, рыбъ и высшихъ безпозвоночныхъ несомнѣнныя проявленія дѣятельности ощущеній а также нѣкоторые признаки возможныхъ упрощенныхъ эмоцій, и пожалуй, даже ассоціативнаго мышленія. У низшихъ и простѣйшихъ представителяхъ животнаго царства, а также въ растительномъ мірѣ мы находимъ то, что обозначается въ естественныхъ наукахъ терминомъ чувствительность или раздражимость, психическимъ эквивалентомъ чего слѣдуетъ считать простѣйшія ощущенія, осязательныя, термическія, и разнаго рода смутныя и примитивныя органическія ощущенія.

Мы, конечно, не могли бы аподиктически вывести и доказать эту при-

близительную и общую характеристику органическихъ системъ со стороны ихъ духовной жизни. Мы, не могли бы указать какіе-либо признаки въ строеніи животныхъ и факты изъ ихъ тѣлесныхъ проявленій, которые позволили бы намъ съ полною точностью и опредѣленностью провести ту или иную психологическую классификацію органическаго міра, распредѣливъ всѣхъ его представителей въ опредѣленныя рубрики. Въ такомъ смыслѣ у насъ, конечно, нѣтъ опредѣленныхъ и несомнѣнныхъ признаковъ одушевленія и тѣхъ или иныхъ его проявленій. Но все это мы считаемъ совершенно излишнимъ и ненужнымъ для рѣшенія обще-философскихъ задачъ. Намъ совершенно достаточно тѣхъ общихъ наведеній относительно душевной жизни животныхъ, для которыхъ ихъ внѣшнія проявленія и строеніе организма представляютъ вполнѣ достаточный матеріалъ. Мы, напр., считаемъ совершенно достаточнымъ для умозаключенія о примитивномъ мышленіи, хотя-бы и такъ называемомъ ассоціативномъ, множество фактовъ цѣлесообразныхъ проявленій высшихъ животныхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда эти проявленія не составляютъ инстинкта данной породы (какъ напр., перелетъ птицъ), а совершаются отдѣльными особями при своеобразныхъ и непривычныхъ условіяхъ. Равнымъ образомъ мы не можемъ отказать животнымъ, снабженнымъ органами зрѣнія, напр. птицамъ, въ способности имѣть свѣтовыя и цвѣтовыя ощущенія. Аналогія въ конструкціи этого органа, а также въ соотношеніяхъ его дѣятельности съ внѣшними физическими условіями и тѣлесными проявленіями съ тѣми же данными нашего тѣла слишкомъ велика и существенна, чтобы ее можно было игнорировать и не признавать этотъ органъ въ данномъ случаѣ показателемъ зрительныхъ ощущеній подобныхъ нашимъ. Та же аналогія дѣйствій и отношеній къ окружающей средѣ простѣйшихъ одноклѣточныхъ организмовъ съ такими же дѣйствіями организмовъ, стоящихъ на высшихъ ступеняхъ, заставляетъ предполагать, что и имъ соотвѣтствуютъ нѣкоторыя примитивныя формы сознательной жизни. Такія проявленія, какъ самопроизвольныя движенія одноклѣточныхъ организмовъ, напр., инфузорій или зооспоръ многихъ водорослей, видимое предпочтеніе этими организмами тѣхъ или иныхъ физическихъ условій, напр. свѣта или тепла, процессы питанія и др., указываютъ на нѣчто подобное нашимъ стремленіямъ къ движенію, ощущеніямъ боли, тепла, голода и т. п. Всѣ эти предположенія опираются, кромѣ того, на полную постепенность и непрерывность въ видоизмѣненіяхъ структуры и проявленій организмовъ при переходѣ отъ высшихъ формъ къ низшимъ. Эта постепенность и непрерывность не позволяетъ нигдѣ провести демаркаціонной черты, которая могла бы раздѣлить организмы одушевленные отъ бездушныхъ, а напротивъ даетъ возможность проводить полную аналогію между организмами, принадлежащими къ высшей ступени зоологической лѣстницы и—слѣ-

дующей низшей, и такимъ образомъ послѣдовательно провести принципъ одушевленности сверху до низу. Внѣшнія жизненныя проявленія органическихъ формъ въ основныхъ своихъ чертахъ остаются въ общемъ и существеннѣйшемъ всюду одни и тѣ же и лишь постепенно упрощаются, что указываетъ лишь на такое же упрощеніе духовной жизни, а не на полное ея исчезновеніе.

Впрочемъ, не рѣдкость встрѣтить мнѣніе, въ особенности среди естествовѣдовъ, что не только что жизнь растеній, но даже и низшихъ формъ животныхъ организмовъ, не даетъ никакихъ данныхъ предполагать ихъ связь съ какими-нибудь психическими состояніями. Всѣ явленія движенія, роста, раздражимости и размноженія, дающія поводъ къ предположенію объ одушевленности низшихъ организмовъ, легко могутъ быть объяснены одними лишь физико-химическими процессами. Химическія превращенія въ клѣткѣ, возникающія вслѣдствіе внѣшнихъ воздѣйствій и усвоенія воспринятаго питательнаго матеріала, вызываютъ перемѣщеніе ея полужидкой протоплазмы, а также органовъ ея движенія (жгутиковъ), состоящихъ изъ сократительнаго вещества и воспроизводящихъ процессъ движенія самой клѣтки уже по чисто механическимъ законамъ. Подобнымъ образомъ объясняются всѣ органическія проявленія въ жизни простѣйшихъ организмовъ. Но въ сущности такого рода объясненія можно было бы примѣнять всюду и объяснять такимъ же способомъ, конечно только при помощи болѣе сложныхъ физіологическихъ представленій и понятій, всѣ внѣшнія проявленія высшихъ животныхъ и людей. Мы уже убѣдились въ недостаточности такихъ объясненій на высшихъ представителяхъ органической жизни, при чемъ этому символическому объясненію противопоставили философское и адекватное дѣйствительности истолкованіе, состоящее въ признаніи внѣшней одушевленности. Признавать же одушевленность, начиная только съ какой-нибудь опредѣленной органической формы, было бы полнымъ произволомъ, такъ какъ мы не могли бы найти въ органическомъ мірѣ ни одной формы, ни одного проявленія, которыя нельзя было бы разсматривать какъ усложненіе и видоизмѣненіе низшихъ формъ и проявленій. Все высшее въ органической жизни можетъ быть приведено въ родственную связь съ низшимъ и введеніе духовнаго начала лишь съ какого-нибудь промежуточнаго звена являлось бы нарушеніемъ этой связи и противорѣчіемъ основнымъ и давно оправданнымъ принципамъ не только философіи, но и естественныхъ наукъ—непрерывности и постепенности. Въ этомъ отношеніи матеріалистическое міровоззрѣніе, послѣдовательно проводящее одни и тѣ же принципы въ пониманіи всего органическаго міра, стоитъ гораздо выше этого половинчатаго взгляда, имѣющаго въ своемъ обиходѣ какъ матеріалистическую, такъ и спиритуалистическую точку

зрѣнія и выдвигающаго, смотря по надобности и желанію, то ту, то другую. Объяснять одно движеніе „простымъ рефлексомъ“, а въ другомъ видѣть проявленіе сознательности и ощутимости, значитъ устанавливать лишь условное и по существу произвольное различіе, потому что всякое жизненное проявленіе можно всегда разсматривать, какъ рефлексъ болѣе или менѣе осложненный, и по существу всѣ проявленія органической жизни ничѣмъ, кромѣ какъ большею или меньшею сложностью, не отличаются. Разъ же родство всѣхъ органическихъ формъ *) установлено и, кромѣ того, коль скоро у нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ данномъ случаѣ у самыхъ высшихъ, существованіе духовной жизни доказано, то необходимымъ слѣдствіемъ этого является признаніе одушевленности въ той или иной формѣ во всѣхъ проявленіяхъ органической жизни, начиная съ человѣка до амебы. Мы думаемъ, что протестъ противъ этого взгляда, высказываемаго, впрочемъ, въ философіи и даже въ естественныхъ наукахъ все чаще и чаще, проистекаетъ больше изъ какого-то скептическаго каприза, а также изъ боязни придти къ какимъ-нибудь нежелательнымъ и непривычнымъ выводамъ, но вовсе не изъ дѣйствительныхъ сомнѣній въ возможности и обоснованности его проведенія. За этотъ взглядъ говоритъ вся совокупность нашего опыта, между тѣмъ какъ противъ него говоритъ только невозможность наглядной демонстраціи предполагаемыхъ низшихъ духовныхъ проявленій. Но мы должны всегда имѣть въ виду, что преимущество опытной наглядности принадлежитъ *только одному нашему собственному сознанію*, обо всякомъ же другомъ бытіи мы можемъ *только умозаключать*, при чемъ это наше умозаключеніе никогда не можетъ быть подтверждено непосредственнымъ воспріятіемъ внѣшней предполагаемой дѣйствительности. Самое большое оправданіе, на которое мы можемъ разсчитывать, заключается въ возможности предугадыванія, на основаніи сдѣланныхъ предположеній. Но не слѣдуетъ опять-таки думать, что безъ оправданія теоріи этимъ способомъ ее нельзя и принимать. Предугадываніе возможно лишь при нѣкоторой детализаціи нашихъ познаній о внѣшней дѣйствительности, до тѣхъ же поръ, пока они имѣютъ лишь общую форму, оно является совершенно невозможнымъ.

Если органическая жизнь даетъ достаточно очевидныя основанія къ предположенію одушевленности органическихъ формъ, признаваемыя только нѣкоторыми недостаточно вѣскими и доказательными, то неорганизованная матерія на первый взглядъ представляется феноменомъ, не

*) Родство растительнаго міра съ животнымъ устанавливается сходствомъ множества простѣйшихъ формъ, принадлежащихъ, съ одной стороны, къ животному съ другой—къ растительному міру; таковы, напр. жгутиковыя инфузоріи и простѣйшіе одноклѣточные водоросли, переходящіе другъ въ друга совершенно незамѣтно, при чемъ нѣкоторые виды этихъ организмовъ одновременно разсматриваются зоологіей, какъ простѣйшіе животные организмы а ботаникой—какъ растительные.

допускающимъ никакой мысли о какой бы то ни было одушевленности. Причина этого заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что такъ-называемая мертвая матерія не обладаетъ способностью къ самопроизвольному движенію, присущей, въ большей или меньшей степени, всему органическому міру. Единственно что въ мірѣ чувственныхъ образовъ до нѣкоторой степени выражаетъ нечувственную природу сознанія—это движеніе, и при томъ движеніе, происходящее не отъ толчка, а отъ внутренняго перераспредѣленія скрытыхъ силъ движущейся системы. Только такое движеніе намекаетъ намъ на нѣчто подобное нашимъ влеченіямъ и стремленіямъ. При движеніи черезъ толчекъ двигающееся тѣло играетъ совершенно индифферентную роль и представляетъ лишь временнаго носителя извнѣ полученной силы, не имѣющаго ничего схожаго съ перераспредѣляющимъ и постоянно дѣятельнымъ сознаніемъ. Такого именно движенія мы и не находимъ, по крайней мѣрѣ, на первый взглядъ, въ мертвой матеріи. Кромѣ того, и по внѣшнему виду она представляетъ весьма мало схожаго съ органическими формами. Если мы и находимъ въ ней нѣкоторую структурность, напр., кристалличность, то структурность эта представляется не имѣющею ничего общаго со структурою органическихъ формъ и совершенно не указываетъ на какую-либо внутреннюю жизнедѣятельность. Но, какъ мы уже указывали въ V-й главѣ, вся эта маска мертвенности облекаетъ лишь массовыя конгломераты настоящихъ системъ и формъ неорганизованной матеріи, и судить о ея сущности по этимъ массовымъ проявленіямъ было бы большою оплошностью. Значительное скопленіе микроорганизмовъ, напр. инфузорій или бактерій, могло бы дать невооруженному глазу картину совершенно неподвижнаго комочка мертваго вещества, не смотря на несомнѣнную подвижность и жизненность отдѣльныхъ индивидуумовъ. Въ данномъ случаѣ эту микроскопическую жизнь можетъ легко обнаружить микроскопъ. По отношенію же къ мертвой матеріи мы такого средства не имѣемъ, такъ какъ сильнѣйшіе микроскопы не въ состояніи обнаружить передъ нами чувственнаго образа тѣхъ индивидуальностей, которыя въ массѣ вызываютъ образъ мертваго неподвижнаго тѣла. Такимъ образомъ, бросающаяся въ глаза своеобразность и несходство неорганизованной матеріи съ органическими формами зависитъ не столько отъ внѣшней намъ дѣйствительности, сколько отъ насъ самихъ, а именно отъ грубости нашихъ чувствъ. Но этотъ недостатокъ нашей чувственной организаціи въ значительной мѣрѣ восполняется, въ данномъ случаѣ, нашею представляющею и мыслящею способностью, замѣняющими роль миpоскопа и обнаруживающими настоящія индивидуальныя формы такъ-называемой мертвой матеріи. Эти индивидуальныя формы выражаются физико-химическими понятіями атомовъ и частицъ. Эти именно формы намъ и придется сравнивать съ болѣе извѣстными и близ-

кими намъ формами органической жизни и для нихъ же намъ и придется подыскивать философское и адекватное внѣшней дѣйствительности истолкованіе.

Впрочемъ, многіе относятся скептически къ самымъ этимъ формамъ и склонны приписывать атомистической теоріи лишь роль рабочей гипотезы. По этому поводу мы должны замѣтить, что поскольку эти сомнѣнія имѣютъ своимъ основаніемъ недостаточность понятій атомовъ и частицъ для философскаго объясненія явленій жизни, а также тѣ противорѣчія, которыя получаются при признаніи этихъ понятій выражающими внѣшнее намъ бытіе, постолько и мы всецѣло присоединяемся къ нему и даже, ни мало не колеблясь, считаемъ атомы и частицы чистыми фикціями ума. Но поскольку мы можемъ признавать эти фикціи выражающими или символизирующими тѣ возможные чувственные образы, которые мы могли бы имѣть при абсолютной тонкости нашихъ чувствъ, постолько мы признаемъ полную законность и неопровержимую эмпирическую обоснованность этихъ фикцій и находимъ необходимымъ съ ними считаться и сообразоваться. Тѣмъ болѣе, что, вѣдь, никакихъ иныхъ данныхъ, хотя бы даже и символическаго характера, о внутренней природѣ матеріи у насъ не имѣется. Далѣе, хотя одинъ изъ наиболѣе гипотетическихъ и недоказуемыхъ пунктовъ атомистической теоріи, а именно абсолютная недѣлимость и простота атомовъ, признается и нами весьма проблематичнымъ, тѣмъ не менѣе это нисколько не мѣшаетъ намъ пользоваться этимъ понятіемъ и признавать его полную обоснованность и правоспособность съ маленькою поправкою, состоящею въ признаніи недѣлимости и простоты атомовъ лишь относительной, а именно при всѣхъ извѣстныхъ намъ пока на нашей планетѣ физико-химическихъ условіяхъ.

Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть, насколько имѣющіяся въ наукѣ данныя о природѣ атомовъ и частицъ, какъ возможныхъ чувственныхъ значкахъ внѣшняго намъ бытія могутъ подтверждать духовность этого бытія. Подобно тому какъ это имѣетъ мѣсто въ органическомъ мірѣ, индивидуумы неорганизованной матеріи могутъ быть расположены въ непрерывный восходящій, по сложности структуры и внутреннихъ превращеній, рядъ. На одномъ концѣ этого ряда мы находимъ простые атомы или элементы, представляющіе нѣкоторыя недѣлимыя и неразложимыя въ извѣстныхъ намъ условіяхъ единицы, обладающія особыми свойствами, обнаруживающимися въ способности соединяться другъ съ другомъ въ разнаго рода частицы различныхъ комбинацій и порядковъ. Простые атомы, вступая другъ съ другомъ въ сочетаніе, образуютъ новыя единицы высшаго порядка, такъ-называемыя, частицы, представляющія безконечное разнообразіе формъ, по возможнымъ комбинаціямъ и сложности. Наиболѣе простыми изъ нихъ являются неорганическія соединенія, типич-

нѣйшими представителями которыхъ служатъ минеральныя кислоты, щелочи, соли и т. п. Углеродъ въ соединеніи съ водородомъ, кислородомъ и азотомъ даетъ начало множеству частицъ высшей сложности структуры и превращеній, извѣстныхъ въ химіи подъ общимъ названіемъ органическихъ соединеній. Частицы органическихъ соединеній, начиная отъ сочетаній въ нѣсколько атомовъ, въ родѣ простѣйшихъ углеводородовъ, спиртовъ и кислотъ, постепенно доходятъ до чрезвычайной сложности сочетаній, состоящихъ изъ тысячъ, а можетъ быть и большаго числа отдѣльныхъ атомовъ. Къ этимъ послѣднимъ принадлежатъ такъ называемыя бѣлковыя тѣла; ихъ частицы признаются въ химіи, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, обладающими громаднымъ частичнымъ вѣсомъ и соотвѣтственною сложностью структуры и превращеній. Родство всѣхъ этихъ безконечно разнообразныхъ сочетаній другъ съ другомъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Химія точно такъ же классифицируетъ свои умопостигаемыя особи, какъ зоологія или ботаника живыя организмы и точно такъ же находитъ цѣлые ряды непрерывнаго и послѣдовательнаго восхожденія отъ болѣе простого къ сложному. Подобно тому, какъ въ зоологіи какой-нибудь анатомическій признакъ, напр., существованіе млечныхъ железъ, связываетъ множество индивидуумовъ въ одну большую группу, такъ точно и въ химіи нѣкоторыя прочныя сочетанія образуютъ какъ бы то же своего рода анатомическую особенность, позволяющую соединить всѣ частицы съ этою особенностью въ одну семью, обладающую нѣкоторыми общими физико-химическими признаками. Такъ, напримѣръ, бензольное ядро, символизирующееся въ химической теоріи строенія замкнутымъ шестиугольникомъ, имѣющимъ въ своихъ углахъ по атому углерода и водорода, объединяетъ въ одну группу, такъ-называемыхъ, ароматическихъ соединеній огромное количество родственныхъ другъ другу веществъ весьма разнообразнаго состава, имѣющихъ, однако, въ своей структурѣ это ядро, какъ неизмѣнную часть. Признававшееся въ былыя времена коренное различіе между соединеніями, выработанными организмами и собственно минеральными, въ настоящее время совершенно исчезло, такъ какъ много веществъ, образующихся въ живыхъ организмахъ, растительныхъ и животныхъ, могутъ быть теперь приготовлены искусственными синтезами. Это родство химическихъ соединеній другъ съ другомъ, постепенность и непрерывность въ усложненіи и видоизмѣненіи свойствъ и структуры, даютъ полное основаніе считать ту внѣшнюю дѣйствительность, которая соотвѣтствуетъ нашимъ символическимъ химическимъ построеніямъ, также принадлежащею къ одному роду бытія. Такимъ образомъ, если бы мы нашли основанія для приведенія въ связь и родство высшихъ индивидуумовъ такъ-называемой мертвой матеріи, т.-е. частицъ бѣлковыхъ веществъ съ низшими организмами, то тѣмъ самымъ

обосновали бы теорію всеобщей одушевленности или сознательности матеріальныхъ формъ.

Вопросъ о связующихъ звеньяхъ между организованной и неорганизованной природой представляетъ весьма значительныя трудности. Переходныя ступени между этими двумя мірами оказываются наименѣе извѣстными областями естествознанія. Съ одной стороны, строеніе высшихъ химическихъ формъ—бѣлковыхъ соединеній —совершенно неизвѣстно, какъ по своему численному атомному составу, такъ и по своей структурѣ. Съ другой стороны, элементы клѣтки, а именно протоплазма, ядро и дифференцирующіяся изъ нихъ при нѣкоторыхъ процессахъ (напр. при дѣленіи) части, представляютъ, по своей природѣ еще много загадочнаго и необъясненнаго. Постараемся, однако, воспользоваться всѣмъ тѣмъ, что имѣется въ этой области существеннаго, безспорнаго и твердо установленнаго и посмотримъ насколько эти данныя говорятъ въ пользу или противъ родства и непрерывнаго перехода организованныхъ формъ въ неорганизованныя.

Клѣтка, являющаяся по наиболѣе установившемуся взгляду послѣднимъ элементомъ жизни, далеко не представляетъ простой и элементарной формы въ отношеніи своего состава и структуры. Въ составъ клѣтки входитъ множество отдѣльностей и веществъ различной химической природы, частію различимыхъ подъ микроскопомъ безъ помощи реактивовъ, частію же обнаруживающихся лишь при дѣйствіи разнаго рода окрашивателей и реактивовъ (ядро, а также различаемые въ немъ нуклеинъ, парануклеинъ и лининъ, затѣмъ плазма, оболочка, пластиды, хроматофоры, бѣлковые кристаллы и др.). Нѣкоторыя изъ частей клѣтокъ являются временными включеніями, составляющими какъ бы пищевые запасы или же продукты распада въ тѣлѣ клѣтки, другія же представляютъ постоянные и необходимые ея элементы. Сложность строенія клѣтки яснѣе всего обнаруживается въ дѣленіи клѣточнаго ядра. Все тѣло клѣтки представляетъ въ различныя фазы этого процесса картину весьма сложной дифференцировки клѣточнаго вещества, вызванной, очевидно, столь же сложными, хотя морфологически и незамѣтными, предварительными химическими и физіологическими перераспредѣленіями клѣточныхъ элементовъ. Самые элементы клѣтки, обозначающіеся то морфологически, то воздѣйствіемъ искусственныхъ реагентовъ, не всегда представляютъ химически однородное вещество. Напротивъ, нѣкоторые изъ нихъ, въ свою очередь, должны быть разсматриваемы какъ системы различныхъ химическихъ соединеній, именно бѣлковыхъ, т.-е. сложнѣйшихъ по своей частичной структурѣ. Дифференцированность клѣтки обнаруживается, несомнѣннымъ образомъ, и въ функціональномъ отношеніи. Отдѣльныя ея части различнымъ образомъ проявляются

во всѣхъ жизненныхъ процессахъ клѣтки. Однѣ играютъ наибольшую роль въ питаніи и формирующей дѣятельности клѣтки (протоплазма), другія имѣютъ наиболѣе важное значеніе въ процессахъ размноженія (ядро, такъ называемыя полярныя тѣльца, или центрозомы). Вообще можно считать вполнѣ доказаннымъ и безспорнымъ, что клѣтка представляетъ весьма сложную систему, состоящую изъ частей, которыя въ свою очередь, образованы изъ болѣе простыхъ единицъ. Въ этомъ отношеніи структура клѣтки можетъ быть уподоблена строенію организмовъ высшихъ животныхъ, представляющихъ такъ же, какъ и клѣтка, объединенныя системы частей (органовъ), состоящихъ, въ свою очередь, изъ другихъ системъ низшаго порядка (тканей, клѣтокъ). Если это такъ, то является вопросъ, на чемъ же основанъ наиболѣе распространенный среди біологовъ взглядъ, по которому клѣтка оказывается послѣднимъ элементомъ жизни, такъ сказать біологическимъ атомомъ. Почему мы не можемъ распространить понятіе жизненности еще далѣе и признавать также живыми единицами нѣкоторые элементы клѣтки, напримѣръ, ядро, ядрышко, пластиды, центрозомы, наконецъ, далѣе тѣ химически разнородныя соединенія, изъ которыхъ состоятъ сами эти части и. т. д. Конечно, мы должны были бы признать въ нихъ какія-то еще болѣе простыя жизненныя проявленія, но все-таки того же порядка и рода бытія, что и у высшихъ органическихъ формъ. На это современная наука даетъ намъ въ общихъ чертахъ слѣдующій отвѣтъ. Всѣ органическія формы, начиная съ высшихъ до клѣтки включительно, обнаруживаютъ между собою несомнѣнное сходство и родство въ важнѣйшихъ сферахъ своихъ проявленій, а именно въ самопроизвольномъ движеніи, въ процессахъ питанія, роста, размноженія и, наконецъ, въ явленіяхъ раздражимости. Эти именно проявленія и позволяютъ связывать съ понятіемъ организма понятіе жизни вообще. Ниже клѣтки мы не находимъ никакихъ такихъ системъ, которыя по основнымъ своимъ проявленіямъ могли бы быть включены въ обширную семью организмовъ, а потому клѣтка именно и должна быть признана послѣднимъ заключительнымъ звеномъ органическаго міра и вмѣстѣ съ тѣмъ и жизни. Еще однимъ существеннымъ признакомъ организма и жизни считается способность самостоятельнаго и отдѣльнаго существованія, что мы опять-таки находимъ у клѣтки, но къ чему не способны ея части, которыя по выдѣленіи ихъ изъ нея подвергаются химическому распаду и разложенію. Приведенное основаніе для признанія именно клѣтки послѣднимъ элементомъ жизни должно быть подвергнуто обсужденію въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, слѣдуетъ разобрать насколько правильна та мысль, что между структурой и проявленіями клѣтки съ одной стороны, и составляющихъ ея частей съ другой, существуетъ рѣзкое различіе и граница, заставляющая подводить ихъ

подъ двѣ строго различающіяся и совершенно чуждыя одна другой категоріи: организма и неорганизованной формы. Во-вторыхъ, необходимо разсмотрѣть, какія собственно основанія заставляютъ связывать понятіе жизни непремѣнно съ понятіемъ организма и насколько такая обыкновенно неразрывная связь обязательна и необходима. Мы разберемъ эти два вопроса въ связи другъ съ другомъ.

Мы готовы признать, что проявленія, взятыя въ основу понятія организма (движеніе, питаніе, ростъ, раздражимость и размноженіе) и его опредѣляющія, являются безусловно весьма существенными для обнимаемаго ими класса формъ,а потому со стороны важности и характерности взятыхъ въ основу признаковъ понятіе организма является съ извѣстной точки зрѣнія безупречнымъ. Но это не мѣшаетъ намъ усматривать все-таки въ существующемъ рѣзкомъ разграниченіи органическаго и неорганическаго міра много условнаго и основаннаго главнымъ образомъ на возведеніи нѣкоторыхъ частныхъ отличій въ раздѣлительный по существу принципъ.

Относительно перваго признака, т.-е. самопроизвольности движеній, надо сказать, что выставлять его, какъ отличіе органическихъ формъ отъ неорганическихъ, можно только по недоразумѣнію. Молекулярная физика и химія цѣликомъ основаны на предположеніи постояннаго движенія и измѣненія между частицами и ихъ элементами. И движенія эти вовсе не обусловлены непремѣнно внѣшними чисто механическими толчками, но внутреннимъ притяженіемъ и сродствомъ частицъ и ихъ элементовъ. Въ чемъ же принципіальное различіе между этими движеніями частицъ и организмовъ. Мы, съ своей стороны, не видимъ никакого иного различія, кромѣ какъ только въ сложности, и считаемъ, что передвиженіе частицъ и атомовъ, совершающееся при каждой химической реакціи, можетъ быть названо самопроизвольнымъ съ такимъ же правомъ, какъ передвиженіе амебы изъ среды менѣе благопріятной въ болѣе благопріятную. Такую же самопроизвольность движенія мы находимъ и въ частяхъ клѣтки, какъ таковыхъ, примѣромъ чему могутъ служить сложныя перемѣщенія нуклеиновыхъ нитей ядра въ процессѣ его дѣленія.

То же самое можемъ мы сказать и о раздражимости. Подъ нею понимается въ біологіи реакція или отвѣтъ органической формы на внѣшнее раздраженіе. Отвѣтъ этотъ обыкновенно выражается въ движеніяхъ, обусловленныхъ нѣкоторой внутренней работой данной формы, вызванной внѣшнимъ раздраженіемъ. Такимъ образомъ, сущность раздражимости состоитъ во внутренней возбудимости формы, выражающейся въ перераспредѣленіи и видоизмѣненіи частей отъ внѣшнихъ воздѣйствій. Несомнѣнно, что и въ этомъ отношеніи химическія частицы, не представляютъ чего-либо по существу отличнаго отъ клѣтокъ. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ перемѣщенія и измѣненія, къ которымъ способны частицы происхо-

дятъ всегда при томъ или иномъ измѣненіи условій физическихъ или химическихъ. Кристаллизація и раствореніе, сопровождающіеся несомнѣннымъ передвиженіемъ частицъ, происходятъ при пониженіи и повышеніи температуры. Явленіе всякой химической реакціи указываетъ на внутреннюю возбудимость химическихъ частицъ и составляющихъ ихъ атомовъ, безъ которой взаимодѣйствіе различныхъ химическихъ реагентовъ могли бы сводиться лишь къ болѣе или менѣе равномѣрному смѣшенію взятыхъ веществъ, но никакъ не къ образованію новыхъ и вполнѣ опредѣленныхъ формъ. Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи мы можемъ признать лишь количественное различіе между способами взаимодѣйствія съ внѣшними условіями организмовъ и неорганическихъ системъ.

Обращаясь къ слѣдующимъ признакамъ, а именно къ росту, питанію и размноженію, мы должны сказать, что въ неорганическихъ системахъ дѣйствительно неизвѣстны какіе-либо общіе процессы соотвѣтствующіе этимъ біологическимъ понятіямъ и могущіе быть подъ нихъ подведены. Но, съ другой стороны, ничто и не доказываетъ намъ того, чтобы такихъ или подобныхъ имъ процессовъ вовсе не было. Въ этомъ отношеніи въ современныхъ химическихъ воззрѣніяхъ существуетъ нѣкоторый пробѣлъ, впрочемъ, вполнѣ понятный изъ самой сущности дѣла. Мы не имѣемъ возможности вступать во взаимодѣйствіе съ отдѣльными химическими *индивидуумами*, которые слишкомъ незначительны для того, чтобы производить на наши органы чувствъ какое-либо отдѣльно воспринимаемое воздѣйствіе. Поэтому у насъ и не можетъ быть никакихъ данныхъ, позволяющихъ намъ строить какія-либо теоріи относительно индивидуальныхъ измѣненій и процессовъ, совершающихся съ химическими частицами. Имѣя дѣло съ массовыми проявленіями, мы можемъ лишь судить о различныхъ фиксированныхъ стадіяхъ тѣхъ или иныхъ превращеній, при чемъ тотъ путь, посредствомъ котораго частицы пришли къ тому или иному виду, намъ совершенно неизвѣстенъ. Всѣ наши химическія формулы и уравненія представляютъ лишь чистую символику структуръ и ихъ измѣненій и при томъ символику, отмѣчающую лишь *конечные* и *начальные* пункты интересующихъ насъ процессовъ. Мы очень легко говоримъ объ „отщепленіяхъ“ и „синтезахъ“ химическихъ частицъ, но обыкновенно не имѣемъ при этомъ въ виду, что каждое такое отщепленіе или синтезъ можетъ быть лишь конечнымъ результатомъ множества болѣе мелкихъ процессовъ, хотя и совершающихся въ короткій промежутокъ времени. Такимъ образомъ, область неорганическаго міра *вовсе не представляетъ* въ разбираемой нами сферѣ проявленій чего-либо *противоположнаго* или рѣзко отличнаго отъ неорганическихъ формъ, а просто совершенно неизвѣстна и не даетъ никакихъ данныхъ для того или иного рѣшенія занимающаго насъ вопроса. Если бы про-

стѣйшіе организмы не были различимы въ отдѣльности въ микроскопъ, мы, конечно, съ такимъ же правомъ могли бы ихъ скопленія относить въ область мертваго міра. Образованіе видимыхъ простымъ глазомъ массъ бактерій въ благопріятной для нихъ средѣ ничѣмъ по внѣшнему виду не отличалось бы тогда для насъ отъ синтеза какого-нибудь нерастворимаго тѣла. Вѣдь въ конечномъ результатѣ вся масса размножившихся бактерій дѣйствительно „синтезировалась“ изъ разныхъ веществъ питательной среды, и если бы мы не могли никогда наблюдать за отдѣльными бактеріями, то совершенно не имѣли бы возможности узнать, что этотъ конечный „синтезъ“ произошелъ чрезъ размноженіе посредствомъ дѣленія отдѣльныхъ индивидуумовъ и ихъ роста. Впрочемъ, и въ неорганическомъ мірѣ существуютъ нѣкоторыя явленія, указывающія на развитіе неорганическихъ формъ непремѣнно отъ другихъ такихъ же формъ. Такъ, напр., явленіе кристаллизаціи, по установившемуся и вполнѣ доказанному въ химіи взгляду, происходитъ не иначе, какъ путемъ проникновенія въ среду, способную кристаллизоваться уже готовыхъ, хотя бы микроскопическихъ, кристалловъ, носящихся всюду въ воздухѣ. Растворы, искусственно или естественно огражденные отъ попаданія въ нихъ этихъ микроскопическихъ родоначальниковъ кристаллизаціи, могутъ стоять пересыщенными безъ всякой кристаллизаціи, подобно тому, какъ стерилизованная питательная среда не производитъ органическихъ формъ, пока въ нее не попадутъ микроорганизмы изъ воздуха. Подобнаго рода явленій, напоминающихъ и схожихъ съ проявленіями органическихъ формъ можно подыскать въ неорганическомъ мірѣ довольно много и по преимуществу въ процессахъ кристаллическихъ формъ, единственныхъ неорганическихъ индивидуумовъ доступныхъ наблюденію въ отдѣльности *).

Мы не находимъ, такимъ образомъ, между простѣйшими органическими формами и неорганическими системами какого-нибудь рѣзкаго и существеннаго различія, на основаніи котораго мы должны были бы признать эти два міра совершенно чуждыми другъ другу. Во всякомъ случаѣ, тѣ различія, которыя можно съ несомнѣнностью установить, представляются намъ ни чуть не болѣе рѣзкими, чѣмъ между высшими органическими формами и низшими, напримѣръ, человѣческимъ тѣломъ, и тѣми клѣтками, изъ которыхъ оно состоитъ. Весьма возможно, что въ такомъ же именно отношеніи стоятъ другъ къ другу клѣтки и ихъ элементы, т. е.

*) Въ весьма интересной и остроумной брошюрѣ М. Ю. Гольдштейна «Живое и мертвое» (Одесса, 1899 г.) собраны и другіе факты, доказывающіе аналогичность кристалловъ органическимъ формамъ. Рекомендуя эту брошюру вниманію нашихъ читателей, мы должны отмѣтить, что авторъ ея, въ стремленіи связать органическій и неорганическій міръ, повидимому, имѣетъ въ виду выводы, совершенно противоположные нашимъ, а именно онъ не столько хочетъ ввести принципъ жизни въ неорганическій міръ, сколько жизнь свести на безжизненные процессы.

живыя индивидуальныя системы, уже недоступныя наблюденію въ отдѣльности и представляющія химическія частицы. Наблюдаемыя нами отдѣльныя части клѣтки могутъ имѣть въ такомъ случаѣ значеніе, подобное тому, какое въ нашемъ тѣлѣ имѣютъ органы, вслѣдствіе чего онѣ, конечно, и не могутъ имѣть обособленнаго и отдѣльнаго существованія.

Такимъ образомъ мы можемъ сказать, что для подведенія высшихъ неорганическихъ формъ, именно частицъ, подъ понятіе организма въ имѣющихся научныхъ данныхъ въ сущности нѣтъ никакихъ противопоказаній, а существуетъ только нѣкоторая неполнота, дѣлающая такое подведеніе съ фактической стороны лишь гипотетическимъ. Мы не станемъ, впрочемъ, спорить о томъ, возможно ли на основаніи имѣющихся данныхъ о размноженіи формъ ограничить сферу организмовъ лишь тѣми изъ нихъ, которые слѣдуютъ въ этомъ общему біологическому принципу „omnis cellula e cellula“. Такое подраздѣленіе, конечно, можетъ быть принято въ виду важности взятаго въ его основу признака. Но это нисколько не должно рѣшать вопроса о жизненности въ смыслѣ соотвѣтствія чувственнымъ формамъ и ихъ проявленіямъ той или иной сознательности. То, что внутренняя жизнь можетъ быть допустима лишь у формъ съ опредѣленнымъ способомъ размноженія именно путемъ дѣленія, этого никто не доказалъ и не можетъ доказать. Поэтому, если дѣленіе, такъ-называемыхъ, матеріальныхъ формъ на организмы и неорганическія является съ логической и фактической стороны обоснованнымъ, то признаніе жизненными только первыхъ и мертвыми послѣднихъ оказывается въ сущности совершенно произвольнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему же мы должны въ этомъ вопросѣ основываться на такомъ сравнительно спеціальномъ признакѣ, какъ способность размноженія индивидуумовъ и пренебрегать множествомъ другихъ, гораздо болѣе важныхъ и общихъ свойствъ. Вѣдь вообще органическія формы, по мѣрѣ нисхожденія отъ высшихъ къ низшимъ, теряютъ съ каждою ступенью все новые и новые признаки и при томъ признаки не маловажные, какъ, напр., присутствіе центральнаго нервнаго аппарата, т.-е. головного мозга, наконецъ существованіе нервной системы. Почему же намъ не связать представленіе внутренней сознательной жизни съ этими указанными признаками? На этотъ счетъ мы нигдѣ не найдемъ никакого отвѣта. Да и не мудрено, граница положена въ данномъ случаѣ совершенно произвольно и обусловлена главнымъ образомъ не сущностью дѣла, но старинными научными традиціями и привычками, а также неусовершенствованными способами изслѣдованія, дающими намъ возможность наблюдать лишь массовыя проявленія неорганическихъ системъ. А такъ какъ эти наблюдаемыя нами массы представляютъ обыкновенно не живыя системы, а лишь механическія скопленія или конгломе-

раты, какъ, напр., поверхность нашей планеты *) или искусственныя сооруженія, настоящіе же живые индивидуумы воспріятію недоступны, то мы и получаемъ впечатлѣніе чего-то совершенно противоположнаго жизни, т.-е. мертвенности.

Мы, съ своей стороны, считаемъ, что въ обычномъ подраздѣленіи формъ на живыя и мертвыя упущены изъ виду нѣкоторые весьма важные признаки и проявленія формъ общіе и тому, и другому міру, могущіе связывать ихъ въ одну категорію, *живыхъ системъ* въ отличіе отъ системъ механическихъ. Къ разсмотрѣнію этихъ общихъ признаковъ съ точки зрѣнія связи ихъ съ понятіемъ жизненности мы теперь и перейдемъ.

Мы имѣемъ въ данномъ случаѣ въ виду слѣдующія три особенности какъ органическихъ, такъ и неорганическихъ формъ: во-первыхъ, структурность, т.-е. строеніе изъ неоднородныхъ частей, находящихся другъ съ другомъ въ нѣкоторыхъ правильныхъ соотношеніяхъ; во-вторыхъ, закономѣрность проявленій, т.-е. постоянство и правильность существующихъ въ системахъ динамическихъ соотношеній и ихъ измѣненій; въ-третьихъ, объединенность и вытекающую изъ нея конститутивность свойствъ. Структурность есть признакъ, отличающій систему отъ хаотическаго скопленія или конгломерата въ родѣ кучи камней, песку и т. п. множественностей, представляющихъ вседа продукты распада и разложенія какихъ-нибудь системъ. Этимъ именно признакомъ и отличаются какъ органическія, такъ и неорганическія системы. Этому можетъ на первый взглядъ показаться противорѣчащимъ то, что вся поверхность нашей планеты представляетъ какъ бы сплошной примѣръ неструктурности и безпорядочности. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что этотъ признакъ нужно считать присущимъ неорганическому міру, какъ исключеніе. Мы должны имѣть въ виду, что поверхность нашей земли представляетъ продуктъ распада и разложенія *лишь одного изъ видовъ неорганическихъ системъ*, а именно кристаллическихъ системъ минераловъ и горныхъ породъ, но самые эти продукты распада состоятъ изъ *другихъ* неповрежденныхъ и несомнѣнныхъ системъ, а именно *химическихъ частицъ* того или иного порядка и сложности. Структурность *этихъ* системъ мы, главнымъ образомъ, и имѣемъ въ виду при сопоставленіи органическаго и неорганическаго міра. Этотъ признакъ представляется намъ важнымъ и существеннымъ потому, что онъ указываетъ на нѣкоторую внутреннюю работу и изнутри опредѣляющуюся зависимость въ системахъ, отличаю-

*) Съ геологической и минералогической точки зрѣнія поверхность эта представляетъ въ большей своей части поле труповъ, явившееся результатомъ вѣковой борьбы воды и атмосферы съ царствомъ минераловъ, раздробляемыхъ этими упорными разрушителеми и дающими въ результатѣ то, что называется осадочными породами.

щую ихъ отъ всякаго сочетанія, получаемаго отъ силъ, дѣйствовавшихъ извнѣ, и безъ всякой внутренней координаціи. Всякая такая система является, поэтому, выраженіемъ какого-либо внутренняго организующаго принципа, и въ этомъ отношеніи такія системы неорганическаго міра, какъ химическія частицы и кристаллы, вполнѣ равноправны съ организмами.

Тотъ признакъ, который мы назвали закономѣрностью, есть слѣдствіе нѣкоторой внутренно-объединенной дѣятельности каждой данной системы, связующей части всегда въ опредѣленномъ, соотвѣтствующемъ природѣ цѣлаго, порядкѣ и направляющей всякія измѣненія въ соотношеніяхъ этихъ частей опять-таки опредѣленнымъ способомъ, зависящимъ отъ той или иной координаціи внутреннихъ силъ системы. Каждая химическая частица, поставленная въ какія-либо опредѣленныя условія синтеза или распада подвергается соотвѣтствующимъ измѣненіямъ всегда по извѣстному закону. Она превращается при этомъ въ какое-нибудь соединеніе новаго опредѣленнаго типа, высшаго или низшаго, путемъ отщепленія или присоединенія опредѣленныхъ атомовъ или радикаловъ въ опредѣленномъ порядкѣ и послѣдовательности. Точно также кристаллъ растворяется, раздробляется или псевдоморфируется всегда въ нѣкоторомъ опредѣленномъ порядкѣ, представляя различныя сопротивленія разрушенію по тѣмъ или инымъ плоскостямъ, обнаруживая выборъ въ соединеніяхъ или замѣнахъ, происходящихъ между веществомъ, его составляющимъ, и внѣшней средой,—жидкостями и газами. Закономѣрность мы опять-таки находимъ не только въ органическомъ, но и въ неорганическомъ мірѣ, за исключеніемъ сочетаній, представляющихъ продукты распада системъ. Конечно, песчаная дюна подъ вліяніемъ вѣтра будетъ разсыпаться и разноситься въ разныя стороны безъ всякой закономѣрности, но дюна, какъ таковая, и не составляетъ неорганической системы или индивидуума, хотя и состоитъ изъ такихъ индивидуумовъ въ видѣ отдѣльныхъ кристалликовъ и химическихъ частицъ.

Сущность признака, названнаго нами объединенностью, состоитъ въ такой связности частей, изъ которой получается новое цѣлое, являющееся новою недѣлимою единицею съ новыми свойствами и качествами. При этомъ каждый элементъ по своей природѣ и отношенію къ другимъ имѣетъ свое опредѣленное мѣсто и значеніе въ единствѣ цѣлаго и выполняетъ ту или иную функцію, зависящую не только отъ его природы, но и отъ сущности цѣлаго. Соотвѣтственно этому такія системы обладаютъ конститутивностью свойствъ, состоящею въ томъ, что свойства цѣлаго представляютъ въ своемъ качествѣ не простую совокупность отдѣльныхъ свойствъ элементовъ, т.-е. не получены черезъ простое сложеніе этихъ послѣднихъ (аддитивность), но обусловлены также взаимоотноше-

ніемъ этихъ элементовъ въ единствѣ всей системы, при чемъ изъ такого взаимоотношенія только и могутъ быть выведены. Только такія системы могутъ быть названы индивидуумами, такъ какъ именно онѣ не терпятъ никакого дѣленія, всегда уничтожающаго ихъ конституцію. Этими свойствами несомнѣнно обладаютъ и системы неорганическаго міра. Каждая химическая частица представляетъ совершенно самостоятельное и недѣлимое цѣлое, отличное по своимъ свойствамъ отъ суммы свойствъ, составляющихъ его частей и опредѣляющееся въ этой своей своеобразной природѣ не одними только качествами элементовъ, но также ихъ взаимными соотношеніями, т.-е. конституціей. Это обнаруживается въ химіи какъ нельзя болѣе ярко на изомерныхъ соединеніяхъ, т.-е. соединеніяхъ, частицы которыхъ имѣютъ совершенно одинаковый составъ и одинаковое количество атомовъ (метамерія), но атомы эти находятся другъ съ другомъ въ различныхъ связяхъ и соотношеніяхъ. Такія частицы отличаются другъ отъ друга совершенно иными физическими свойствами, а также способностью къ различнымъ химическимъ реакціямъ. Съ этой точки зрѣнія отношенія химическихъ частицъ къ внѣшнимъ условіямъ и другъ къ другу подобны тѣмъ же взаимоотношеніямъ организмовъ. Такъ же, какъ организмы, онѣ обладаютъ извѣстною стойкостью и сопротивляемостью по отношенію къ внѣшнимъ разрушающимъ ихъ вліяніямъ. Такъ же, какъ въ организмахъ отдѣльные органы, каждый элементъ химической частицы играетъ опредѣленную, ему одному присущую, роль въ созданіи цѣлаго и не можетъ быть выключенъ изъ частицы безъ болѣе или менѣе глубокаго нарушенія природы всей системы. Мы, конечно, не можемъ сравнивать организмы и частицы въ частностяхъ ихъ внутренней жизни. Въ организмахъ она намъ извѣстна, въ химіи же мы имѣемъ пока возможность судить лишь о структурѣ частицъ и о различныхъ стадіяхъ (обыкновенно заключительныхъ) ихъ превращеній. Имѣя дѣло съ массовыми проявленіями, мы совершенно не въ состояніи улавливать мельчайшія колебанія и видоизмѣненія частицъ, въ ихъ обычномъ состояніи, которое можно представлять и понимать, какъ подвижное равновѣсіе, т.-е. какъ подвижность и измѣнчивость въ извѣстныхъ предѣлахъ, безъ существеннаго нарушенія основныхъ соотношеній и структуры частицъ.

Въ разсмотрѣнныхъ нами отношеніяхъ явленія химизма вполнѣ родственны біологическимъ явленіямъ; и напрасно сторонники витализма въ біологіи стараются провести такую рѣзкую грань между ними и непремѣнно отстоять полную своеобразность явленій жизни. Враждебнымъ и противоположнымъ жизненному принципу является механизмъ, а вовсе не химизмъ. Между тѣмъ, обыкновенно эти два принципа ставятся на одну доску и вмѣстѣ противополагаются жизненнымъ проявленіямъ организмовъ. Только въ механизмѣ проявляется полное безразличіе тѣлъ къ внѣш-

нимъ воздѣйствіямъ, тогда какъ въ химизмѣ мы видимъ всегда то или иное видоизмѣненіе со стороны каждаго индивидуума вліяющихъ на него силъ. Сущность всѣхъ механическихъ процессовъ сводится къ толчку. Всякое тѣло, находящееся въ цѣпи другихъ тѣлъ, передающихъ другъ другу толчки, представляетъ при этомъ лишь безразличнаго передатчика полученной имъ извнѣ силы; если оно и видоизмѣняетъ какъ-либо полученное имъ воздѣйствіе, измѣняя направленіе или парализуя движеніе, то только посредствомъ полученнаго имъ ранѣе, опять-таки извнѣ, запаса силъ. Такіе процессы имѣютъ мѣсто во всякаго рода скопленіяхъ элементовъ, не составляющихъ системъ, но являющихся продуктами ихъ распада. Въ такомъ отношеніи другъ къ другу стоятъ почти всѣ находящіеся на земной поверхности отдѣльные предметы. На этихъ же принципахъ построены всякаго рода искусственныя сооруженія. Явленія химизма, равно какъ и біологическія, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть сведены на чистую механику. Химическое сродство и структурность соотношеній, опредѣляющія свойства химическихъ системъ ихъ синтезы, замѣщенія и распады, представляютъ совершенно самостоятельные принципы и при томъ совершенно иного порядка, чѣмъ механическіе. Во всякихъ механическихъ сочетаніяхъ и перемѣнахъ каждая отдѣльность является совершенно чуждой всѣмъ другимъ и передаетъ полученное ею воздѣйствіе съ полнымъ безразличіемъ въ ту или другую сторону. Результатомъ такого безразличія является полная случайность во всякихъ происходящихъ отъ внѣшнихъ воздѣйствій распредѣленіяхъ частей. Всякое такое распредѣленіе обусловливается геометрическими соотношеніями между частями конгломерата и полученною извнѣ, при посредствѣ толчка, силою; передача и перераспредѣленіе этой внѣшней силы отъ одной отдѣльности къ другой не направляется и не регулируется никакимъ конституитивнымъ закономъ. Поэтому, при каждомъ новомъ малѣйшемъ видоизмѣненіи геометрической конфигураціи отъ внѣшняго воздѣйствія могутъ получиться совершенно новыя другъ съ другомъ ничего общаго не имѣющія соотношенія *). Такія безпорядочныя и съ одинаковою легкостью получаемыя сочетанія можемъ

*) Разсматривая сущность механизма, мы имѣемъ въ виду лишь извѣстную сторону нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ явленій природы, а именно, сводимую на передачу силъ посредствомъ толчка и на перераспредѣленіе ихъ исключительно въ зависимости отъ массы и геометрическаго положенія частей. Но никакія явленія природы на самомъ дѣлѣ сполна на механическіе принципы не сводятся. Не говоря уже о законѣ тяготѣнія, сущность котораго вовсе не механической природы и можетъ быть сводима на механизмъ лишь путемъ разнаго рода гипотезъ, каждый видъ аггрегатнаго состоянія тѣлъ (газъ, жидкость, твердое состояніе) осуществляетъ въ себѣ нѣкоторыя законности не механическаго порядка, но зависимыя отъ внутренняго строенія частицъ и ихъ взаимнаго притяженія. Механизмъ обнаруживается въ наиболѣе чистомъ видѣ лишь въ столкновеніяхъ совершенно изолированныхъ другъ отъ друга отдѣльностей, и въ такихъ-то именно случаяхъ мы и можемъ наблюдать полную случайность и безпорядочность чисто-механическихъ распредѣленій.

мы получить, напр., изъ кучи камней, гдѣ геометрическое расположеніе въ каждую данную минуту случайно и обусловлено воздѣйствіемъ лишь внѣшнихъ силъ. Не то мы имѣемъ въ химической частицѣ, способной всегда лишь къ опредѣленнымъ измѣненіямъ, при чемъ производящія эти измѣненія внѣшнія воздѣйствія регулируются извѣстнымъ закономъ, по которому и происходитъ расщепленіе, синтезъ или обмѣнное разложеніе частицъ. Перераспредѣленіе отдѣльныхъ элементовъ идетъ при этомъ *не безразлично въ ту или другую сторону* или въ тѣхъ или другихъ комбинаціяхъ, но *по опредѣленному выбору* и въ опредѣленныхъ сочетаніяхъ. Изъ атомовъ *нельзя составить любое* сочетаніе, какъ изъ груды камней, или изъ обломковъ разноцвѣтнаго стекла. Въ химическихъ частицахъ мы имѣемъ всегда то или иное сопротивленіе и стойкость конституціи, а также нѣкоторую спонтанность и выборъ между возможными измѣненіями.

Но намъ могутъ сказать, что и въ области химіи въ настоящее время если и не возможно провести чисто механическіе принципы, то по крайней мѣрѣ намѣчается уже путь въ этомъ направленіи. Періодическій законъ, поставившій свойства элементовъ въ зависимость отъ атомнаго вѣса въ связи съ теоріей первичной матеріи можетъ дать возможность свести различіе всѣхъ извѣстныхъ намъ элементовъ на различіе массъ т.-е. на то или иное скопленіе въ каждомъ атомѣ этой простѣйшей и безконечной матеріи. На самомъ же дѣлѣ и въ этомъ случаѣ мы не имѣли бы полнаго сведенія качествъ элементовъ на механическіе принципы. Вѣдь принимая теорію разложимости элементовъ, мы должны признать атомы *такими же частицами*, но только меньшей сложности, какъ и другія намъ извѣстныя, а потому мы должны представлять ихъ обладающими тѣми же общими присущими частицамъ признаками, т.-е. структурностью, закономѣрностью возможныхъ измѣненій, объединенностью и конститутивностью свойствъ. Только при такихъ данныхъ возможно существованіе какихъ бы то ни было типовъ формъ, а атомы теперешнихъ элементовъ пришлось бы во всякомъ случаѣ разсматривать какъ опредѣленные типы; вообще химія, какъ современная, такъ и возможная на почвѣ теорій универсальной первичной матеріи, можетъ имѣть дѣло только съ тѣми или иными типами частицъ. Но чисто механическія сочетанія и воздѣйствія не могутъ привести ни къ какимъ типамъ. Если механическимъ путемъ и могутъ случайно образоваться какія-нибудь мало-мальски закономѣрныя сочетанія, то онѣ при первомъ же внѣшнемъ воздѣйствіи распадутся, если не будутъ фиксированы какимъ-нибудь связующимъ принципомъ. Если есть еще нѣкоторое основаніе выводить высшія формы изъ низшихъ теоріей подбора и жизненныхъ преимуществъ высшихъ, то эту теорію никакъ *нельзя примѣнить къ совершенно безформеннымъ и механическимъ сочетаніямъ.*

Безразлично передающіеся толчки могутъ лишь разрушать формы, но никогда не могутъ ихъ создать.

Намъ кажется, что это своеобразное значеніе механизма въ жизни природы обыкновенно недостаточно отмѣчаютъ и, приписывая ему ту или иную роль въ созидательныхъ и закономѣрныхъ процессахъ, просматриваютъ во многихъ явленіяхъ принципы совершенно иного порядка. Такъ, напр., думаютъ, что свѣтъ и звукъ представляютъ явленія чисто механическія. При этомъ не обращаютъ вниманія на то обстоятельство, что механическою является при этомъ лишь передача силъ отъ одной точки упругой среды (эфира или воздуха) къ другой, самое же колебаніе каждой частицы основано вовсе не на механизмѣ, а совсѣмъ на другомъ принципѣ, а именно, на извѣстномъ равновѣсіи притягательныхъ и отталкивательныхъ силъ частицъ. Это равновѣсіе есть уже слѣдствіе внутреннеживыхъ силъ частицъ, обусловливаемыхъ не внѣшнимъ толчкомъ, а внутреннею возбудимостью. Если бы всѣ частицы были предоставлены лишь механически дѣйствующимъ силамъ, то никакого закономѣрнаго явленія среди нихъ и не могло бы произойти. Толчокъ, данный при этихъ условіяхъ въ одномъ концѣ среды, произвелъ бы движеніе одной частицы къ другой, столкновеніе съ нею и затѣмъ совмѣстное движеніе къ третьей и такъ далѣе до тѣхъ поръ, пока не образовалось бы большое безпорядочное скопленіе частицъ, сомкнутыхъ безъ всякой правильности, при чемъ скорость движенія стала бы безконечно малою. Лишь при томъ условіи, что потрясенная въ одной точкѣ среда стремится во всѣхъ своихъ частяхъ сохранить вполнѣ опредѣленное, ранѣе существовавшее соотношеніе равновѣсія живыхъ (не механическихъ) силъ, можетъ быть переданъ на разстояніе, почти безъ всякой потери, излишекъ полученныхъ и не соотвѣтствующихъ даннымъ условіямъ равновѣсія силъ. Механическая закономѣрность обнаруживается въ природѣ лишь тамъ, гдѣ воздѣйствія механическихъ силъ на тѣ или иныя системы встрѣчаютъ сопротивленіе со стороны этихъ системъ, которыя, ничего не заимствуя изъ нихъ въ свою внутреннюю жизнь, лишь поверхностно воспринимаютъ ихъ съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же отдать ближайшему сосѣду. Если мы мысленно изолируемъ этотъ способъ взаимоотношенія частей отъ всѣхъ проявленій внутренней возбудимости системъ, то ясно увидимъ его творческую неспособность и безсиліе. Этимъ способомъ ничего въ природѣ не созидается и какихънибудь индивидуальныхъ системъ, основанныхъ исключительно на такого рода соотношеніяхъ частей, не существуетъ. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы живыя системы не пользовались временно и въ извѣстныхъ условіяхъ механическими соотношеніями. Цѣлесообразно построенныя системы могутъ пользоваться и придавать конечный смыслъ соотношеніямъ, которыя сами по себѣ совершенно безпорядочны и механичны. Такъ, напр.,

передвиженіе форменныхъ элементовъ крови въ нашемъ организмѣ происходитъ совершенно безпорядочно. Элементы эти разносятся кровянымъ потокомъ, производимымъ толчками сердца, при чемъ распредѣлены въ этомъ потокѣ хотя и равномѣрно, но совершенно безпорядочно. Но структура сосудистой системы и ея отношеніе къ тканямъ нашего организма таковы, что въ какомъ-нибудь систематическомъ и стройномъ передвиженіи элементовъ крови и нѣтъ никакой надобности. Питаніе и окисленіе тканей можетъ происходить и при случайномъ взаимодѣйствіи съ необходимыми для нихъ элементами, разъ ежемгновенный доступъ ихъ во всѣ уголки тѣла въ большомъ количествѣ для нихъ обезпеченъ. Такимъ образомъ жизнь пользуется механикой для своихъ цѣлей, регулируя механически образующіяся соотношенія и перемѣны какъ заранѣе созданною, по инымъ принципамъ, структурою, такъ и непосредственнымъ воздѣйствіемъ и видоизмѣненіемъ внутренно-живыми силами извнѣ полученныхъ толчковъ. Можно даже сказать, что чѣмъ совершеннѣе живая система, тѣмъ болѣе механическихъ соотношеній мы въ ней найдемъ. Работа живыхъ силъ всюду и вездѣ была бы неэкономическою затратою ихъ, а потому въ совершеныхъ организмахъ и устанавливаются по преимуществу такія структуры, при которыхъ всякія случайныя механическія встрѣчи и положенія пріобрѣтали бы смыслъ и значеніе, соотвѣтствующіе сущности цѣлой системы.

Разсмотрѣніе общихъ свойствъ органическихъ и неорганическихъ системъ приводитъ насъ къ тому выводу, что именно ихъ слѣдуетъ признать показателями внутренней жизни, подобной нашему сознанію. Эти именно свойства и составляютъ тѣ общія черты, которыя позволяютъ намъ объединить органическія и неорганическія формы въ одну общую категорію *„живыхъ системъ“*. Біологическій признакъ размножимости путемъ дѣленія является съ нашей точки зрѣнія чисто условнымъ, и если бы мы даже и могли съ увѣренностью отрицать такой способъ размноженія индивидуумовъ въ неорганическихъ системахъ, то и тогда мы не могли бы придать ему какое-либо существенное значеніе въ общемъ вопросѣ о сущности внѣшняго нашему сознанію бытія. Между тѣмъ разсмотрѣнныя нами общія свойства именно такого рода, что позволяютъ дѣлать требуемое нашимъ вопросомъ обобщеніе. Въ нихъ мы имѣемъ выраженнымъ въ общей формѣ все то существенное, что мы находимъ въ извѣстныхъ намъ символическихъ представленіяхъ всяческихъ закономѣрныхъ системъ. Этому общему и существенному, посколько оно можетъ быть признано отраженіемъ такихъ же общихъ свойствъ внѣшней дѣйствительности, можетъ соотвѣтствовать лишь *одинъ родъ бытія, а не два*, какъ это признаетъ обычная біологическая точка зрѣнія. Если мы находимъ въ этомъ символическомъ мірѣ вещей какія-либо два начала,

могущія быть другъ другу противопоставлены, то не въ самой природѣ органическихъ и неорганическихъ системъ-индивидуумовъ, а лишь въ способахъ ихъ взаимоотношенія, а именно, въ жизненной ихъ координаціи съ одной стороны, и въ механизмѣ ихъ связей и соотношеній съ другой. Въ самихъ же вещахъ подлежащихъ тому или иному способу соотношеній мы всегда найдемъ въ концѣ концовъ тѣ или иныя системы или элементы низшаго порядка, подчиненные уже въ своей внутренней сущности и видоизмѣненіяхъ не механическимъ, но жизненнымъ принципамъ.

Съ принятой нами точки зрѣнія намъ придется признать соотвѣтствующими сознательной жизни тѣ именно системы, которыя сами по себѣ обладаютъ разобранными нами общими своиствами: *структурностью, закономѣрностью, а также объединенностью и конститувностью проявленій* *). Нашъ выводъ подтверждается въ данномъ случаѣ еще и тѣмъ, что эти же свойства мы находимъ и въ нашемъ сознаніи. Конечно, а ргіогі слѣдовало ожидать, что дѣйствительная природа вещей какъ-либо отразится и въ тѣхъ чувственныхъ значкахъ, которыя она обусловливаетъ въ нашей ощущающей дѣятельности. Наша точка зрѣнія вполнѣ этому удовлетворяетъ. Самое общее въ этой природѣ, составляющее ея коренные признаки, мы находимъ и въ ея чувственныхъ символахъ. Такъ, въ чувственныхъ системахъ мы находимъ поводъ къ измѣненіямъ во внутреннихъ стремленіяхъ взаимнаго отталкиванія, притяженія и сродства частицъ; въ живой системѣ сознанія этому соотвѣтствуетъ такая же изнутри опредѣляющаяся дѣятельность, видоизмѣняющая, состоянія полученныя отъ внѣшнихъ вліяній и воздѣйствующая, въ свою очередь, на другія отдѣльныя сознательныя существа. Механическимъ сочетаніямъ безразлично передающимъ полученные толчки безъ всякой ихъ внутренней воспріимчивости и переформировки въ мірѣ сознанія, ничего не соотвѣтствуетъ, а потому такія системы мы и не можемъ признавать символомъ жизни.

Посмотримъ теперь, какое объединительное и объяснительное значеніе (см. стр. 177) можетъ имѣть идея всеобщаго одушевленія. Первое важное преимущество этой идеи то, что она является дѣйствительно всеобщимъ принципомъ, дающимъ возможность понимать все бытіе совершенно однороднымъ по своей природѣ и представляющимъ лишь видоизмѣненіе и усложненіе одной и той же сущности. Въ этомъ отношеніи наша точка зрѣнія имѣетъ всѣ преимущества матеріализма, но лишена гносеологической наивности и ошибочности послѣдняго. При ней уничто-

*) Этими же свойствами обладаютъ и нѣкоторыя мертвыя системы, а именно всякаго рода искусственные механизмы; и въ нихъ эти свойства являются показателями жизни если не самихъ системъ, то ихъ творцовъ, т.-е. людей, которые только и могли внести въ механизмъ чуждыя ему начала. Если бы механизмы создавались какъ-либо сами собою, то въ такомъ случаѣ могла бы идти рѣчь о признаніи ихъ одушевленными.

жается ничѣмъ не объяснимая, приводящая къ разнаго рода неразрѣшимымъ противорѣчіямъ, перегородка между живымъ и мертвымъ. Проблема взаимодѣйствія между этими двумя совершенно различными родами бытія со всѣми попытками ея, по существу дѣла, невозможнаго рѣшенія сама собою падаетъ и превращается въ проблему взаимодѣйствія однихъ живыхъ индивидуумовъ съ другими. Законы измѣненія, развитія и взаимодѣйствія всѣхъ существъ могутъ быть при ней выражены въ общихъ формулахъ, обнимающихъ всѣ извѣстныя и возможныя формы бытія. Въ этихъ законахъ все совершающееся можетъ быть объяснено изъ однихъ общихъ принциповъ и такъ или иначе другъ съ другомъ связано. Теорія всеобщаго одушевленія имѣетъ объяснительное значеніе не только для вопросовъ обще-философскихъ, но и для естественно-научныхъ. Такъ, напр., съ обычной дуалистической точки зрѣнія совершенно непонятенъ и не разрѣшимъ вопросъ о появленіи органической жизни на нашей планетѣ. Данныя астрономіи и геологіи приводятъ къ тому заключенію, что наша планета находилась нѣкогда въ условіяхъ, при которыхъ существованіе какой-либо органической жизни невозможно. Разъ это такъ, то становится очевиднымъ, что органическая жизнь такъ или иначе, но могла развиться только изъ неорганическихъ формъ. Напрасно сторонники коренного различія организованной и неорганизованной матеріи, игнорируя это соображеніе стараются отстоять законъ происхожденія клѣтки только изъ клѣтки, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ ссылаются на знаменитые опыты Пастёра, какъ на эмпирическое доказательство этого закона. Утвержденіе *эмпирической доказанности* этого закона является въ общемъ весьма страннымъ недоразумѣніемъ. Въ самомъ дѣлѣ опыты Пастёра ничего иного не доказали, какъ только то, что *въ тѣхъ условіяхъ*, при которыхъ онъ производилъ опыты возможнаго образованія низшихъ организмовъ изъ среды, лишенной органической жизни,—организмы эти развиться не могутъ. Но вѣдь условія и средства, находящіяся въ распоряженіи природы, безконечно разнообразнѣе условій и средствъ нашихъ лабораторій. И дѣлать отъ этихъ частныхъ данныхъ какой-нибудь общій выводъ можно только при желаніи провозгласить его во что бы то ни стало. При этомъ надо имѣть въ виду, что время играетъ весьма не маловажную роль въ эмпирическомъ рѣшеніи этого вопроса. Извѣстно, что химическіе синтезы совершаются въ весьма различные промежутки времени и въ общемъ можно подмѣтить тотъ законъ, что сложныя соединенія требуютъ для своего образованія гораздо больше времени, чѣмъ простыя. Синтезъ нѣкоторыхъ органическихъ соединеній заканчивается лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Если же уничтожить, границу между живымъ и мертвымъ и признать простѣйшія органическія формы, напр., бактеріи, въ то же время сложнѣйшими химическими час-

тицами, то всего вѣроятнѣе предположить, что развитіе ихъ изъ простыхъ соединеній обусловлено предварительнымъ образованіемъ множества переходныхъ формъ, на что въ общей сложности можетъ потребоваться очень большое количество времени. И нѣтъ ничего невозможнаго, что длительность подобныхъ „біологическихъ реакцій“ въ природѣ значительно превышаетъ среднюю продолжительность человѣческой жизни и тѣмъ самымъ дѣлаетъ невозможнымъ какую-либо эмпирическую обосновку даннаго вопроса, иначе какъ путемъ наслѣдственной передачи веденія опыта черезъ нѣсколько поколѣній. Такимъ образомъ единство естественно-научнаго міровоззрѣнія (въ данномъ случаѣ согласованность астрономическихъ и геологическихъ воззрѣній съ біологическими) требуетъ уничтоженія какихъ бы то не было перегородокъ между живымъ и мертвымъ и признанія одного лишь низшей стадіей развитія другого.

Приведенныя въ этой главѣ соображенія достаточно показываютъ, что идея всеобщей одушевленности является не только что единственно возможной и мыслимой съ чисто гносеологической точки зрѣнія, но также вполнѣ подтверждается данными эмпирическихъ наукъ. Необходимо только подходить къ этимъ даннымъ освободившись отъ обычнаго у спеціалистовъ преувеличенія значенія всякаго рода частныхъ отличій и видоизмѣненій. То, что важно для спеціальныхъ классификацій, имѣющихъ цѣлью лишь ввести систематизацію и порядокъ во все разнообразіе формъ, теряетъ всякое значеніе для рѣшенія обще-философскихъ проблемъ. Здѣсь множественность основныхъ принциповъ можетъ допускаться лишь въ силу необходимости, указывающей обыкновенно не столько на дѣйствительное различіе природы вещей, сколько на тѣ или иные пробѣлы въ нашихъ познаніяхъ. Недовѣріе и пренебреженіе, выражаемое обыкновенно учеными спеціалистами, а также философами позитивистами къ философскимъ обобщеніямъ, отрицаніе самой возможности какихъ бы то ни было обобщеній, касающихся сущности вещей въ виду невозможности ихъ опытной обосновки и провѣрки,—все это проистекаетъ зачастую не столько отъ дѣйствительной шаткости этихъ обобщеній, сколько отъ нежеланія отрѣшиться отъ обычныхъ способовъ пониманія дѣйствительности, неразрывно координированныхъ со многими привычными чувствами и настроеніями.

Пониманіе всѣхъ дѣйствующихъ на наше сознаніе сущностей внѣшняго міра отдѣльными сознательными индивидуумами и ихъ системами является адекватнымъ познаніемъ. Въ противоположность этому, познаніе этихъ сущностей только въ ихъ чувственныхъ значкахъ (что мы имѣемъ, напр. въ чистомъ матеріализмѣ), составляющихъ содержаніе нашего же сознанія, является ихъ символическимъ познаніемъ. Какъ бы ни было неопредѣленно и обще наше познаніе о психическомъ атомѣ, со-

отвѣтствующемъ химическому понятію атома, какъ нѣкоторой вѣсомой пространственной частицѣ, оно гораздо болѣе воспроизводитъ ту дѣйствительность, къ которой оно относится, чѣмъ самое опредѣленное и детализированное понятіе тѣлеснаго или мертваго атома. Мертвый атомъ есть отвлеченіе нашего ума, содержаніемъ котораго являются нѣкоторыя фиксированныя качества, осуществляющіяся только, какъ отдѣльные, хотя и часто повторяющіеся, моменты нашего сознанія. Понятіе же живого психическаго атома включаетъ въ себѣ, какъ необходимое содержаніе, подвижность и измѣнчивость нѣкоторыхъ совершенно обособленныхъ и отдѣльныхъ отъ нашего собственнаго сознанія качествъ. Этому содержанію можетъ соотвѣтствовать подобное ему, хотя, конечно, болѣе полное и опредѣленное внѣшнее бытіе, потому что несомнѣнные образцы этого рода бытія мы имѣемъ въ сознаніи нашемъ собственномъ и въ представленіяхъ о ближайшихъ намъ существахъ.

ГЛАВА VIII.

Понятіе души. Іерархія душъ.

Въ 4-ой главѣ мы опредѣлили данное намъ въ непосредственномъ сознаніи бытіе, какъ нѣкоторую объединенную систему подвижныхъ элементовъ сознанія, другъ съ другомъ связанныхъ и другъ друга обусловливающихъ. Опредѣленіе это представляетъ лишь простое краткое описаніе того, что намъ дано въ нашемъ сознаніи. Придя къ заключенію, что весь внѣшній намъ міръ представляетъ не что иное, какъ подобныя намъ, по роду своего бытія, сознательныя единства, мы должны теперь вывести болѣе полное и законченное понятіе о внутренней сущности этихъ единствъ. Наше понятіе должно при этомъ выйти изъ тѣсныхъ рамокъ психологическаго описанія и получить нѣкоторую общность, соотвѣтствующую той метафизической точкѣ зрѣнія на нашъ вопросъ, на которую мы именно теперь становимся. Для выполненія нашей задачи намъ придется все-таки обратиться къ нашему внутреннему опыту. Въ немъ мы имѣемъ единственный случай обнаруженія дѣйствительнаго бытія такимъ, каково оно само въ себѣ, помимо какого бы то ни было преломленія или отраженія въ другомъ бытіи. То, что мы найдемъ въ насъ самихъ, разъяснитъ намъ сущность и всѣхъ другихъ отъ насъ обособленныхъ сознаній, которыя, какъ мы уже признали, по роду своего бытія подобны намъ и могутъ отличаться отъ насъ только въ видоизмѣненіяхъ, но не въ основныхъ и коренныхъ чертахъ своей природы. Опредѣливъ природу нашего Я, намъ придется лишь принять въ разсчетъ тѣ видоизмѣненія, которыя значковый міръ образовъ заставляетъ насъ предположить во внѣшнихъ намъ существахъ, и вывести требуемое понятіе, соотвѣтствующее этой общей основѣ.

Самымъ важнымъ фактомъ нашего внутренняго опыта является то, что сознаніе дано намъ въ одно и то же время и какъ множественность, и какъ единство. Все различимое въ сознаніи, какъ отдѣльное, вмѣстѣ съ тѣмъ связано въ одно цѣлое, называемое нами Я. Вопросъ о природѣ нашего сознанія, главнымъ образомъ, и сводится къ объясненію этого

первоначальнаго факта сознанія и къ познанію тѣхъ отношеній, которыя существуютъ между отдѣльными элементами сознанія, а также между этими элементами и тѣмъ объединяющимъ центромъ, который мы называемъ нашимъ Я. Задача наша состоитъ въ томъ, чтобы выяснить, представляетъ ли наше Я что-либо отдѣльное отъ всѣхъ элементовъ сознанія, взятыхъ вмѣстѣ, или же оно является ни чѣмъ инымъ, какъ связной системой всѣхъ отдѣльныхъ его элементовъ и вполнѣ исчерпывается сущностью и взаимною связью этихъ послѣднихъ.

Разсмотримъ сначала, что даетъ намъ въ этомъ отношеніи нашъ внутренній опытъ. Прежде всего мы должны отмѣтить, что наше сознаніе дано намъ, какъ нѣчто непрерывное. Сознаніе не есть простое собираніе разнородныхъ элементовъ только лишь соприкасающихся другъ съ другомъ, но какъ бы сплошной спаянный потокъ этихъ элементовъ. Мы приводимъ прекрасную характеристику этого свойства сознанія, данную Джэмсомъ:

«Непрерывнымъ рядомъ я могу назвать только такой, въ которомъ нѣтъ перерывовъ и дѣленій. Мы можемъ представить себѣ только два рода перерывовъ въ сознаніи: или временные пробѣлы, въ теченіе которыхъ сознаніе отсутствуетъ, или столь рѣзкую перемѣну въ содержаніи познаваемаго, что послѣдующее въ сознаніи не имѣетъ никакого отношенія къ предшествующему. Положеніе: «сознаніе непрерывно» заключаетъ въ себѣ двѣ мысли:

1) Мы сознаемъ душевныя состоянія, предшествующія временному пробѣлу и слѣдующія за нимъ, какъ части одной и той же личности.

2) Перемѣны въ качественномъ содержаніи сознанія никогда не совершаются рѣзко. Разберемъ сначала первый, болѣе простой случай.

1) Когда спавшіе на одной кровати Петръ и Павелъ просыпаются и начинаютъ припоминать прошлое, каждый изъ нихъ ставитъ въ связь данную минуту со своимъ собственнымъ прошлымъ. Подобно тому какъ токъ анода, зарытаго въ землю, безошибочно находитъ соотвѣтствующій ему катодъ черезъ всѣ промежуточныя вещества, такъ настоящее Петра вступаетъ въ связь съ *его* прошедшимъ и никогда не сплетается по ошибкѣ съ прошлымъ Павла. Такъ же мало способно ошибиться сознаніе Павла. Прошедшее Петра присвояется только его настоящимъ. Онъ можетъ имѣть совершенно вѣрныя свѣдѣнія о томъ состояніи дремоты, послѣ котораго Павелъ погрузился въ сонъ, но это знаніе безусловно отличается отъ сознанія его собственнаго прошлаго. Свои собственныя состоянія сознанія Петръ помнитъ, а Павловы только представляетъ себѣ. Припоминаніе аналогично съ непосредственнымъ ощущеніемъ: его объектъ всегда бываетъ проникнутъ живостью и родственностью, которыхъ нѣтъ у объекта простого воображенія. Этими качествами живости, родственности и непосредственности обладаетъ настоящее Петра. Какъ настоящее есть часть моей личности, мое, такъ точно и все другое, проникающее въ мое сознаніе съ живостью и непосредственностью—мое, составляетъ часть моей личности. Далѣе мы увидимъ, въ чемъ именно заключаются тѣ качества, которыя мы называемъ живостью и родственностью. Но какъ только прошедшее состояніе сознанія представилось намъ обладающимъ этими качествами, оно тотчасъ присвоивается нашимъ настоящимъ и входитъ въ составъ нашей личности. Эта

сплошность личности представляетъ то нѣчто, которое не можетъ быть временнымъ пробѣломъ и которое, сознавая существованіе этого временного пробѣла, все же продолжаетъ сознавать свою непрерывность съ нѣкоторыми частями прошедшаго.

Такимъ образомъ, сознаніе всегда является для себя чѣмъ-то цѣльнымъ, не раздробленнымъ на части. Такія выраженія, какъ «цѣпь» или «серія» психическихъ явленій, не даютъ намъ представленія о сознаніи, какое мы получаемъ отъ него непосредственно: въ немъ нѣтъ связокъ, оно течетъ непрерывно. Всего естественнѣе къ нему примѣнить метафору «рѣка» или «потокъ». Говоря о немъ ниже, будемъ придерживаться термина «потокъ» сознанія, мысли или субъективной жизни.

2) Но даже въ границахъ того же самаго сознанія и между мыслями, принадлежащими равно тому же субъекту, есть родъ связности и безсвязности, къ которому предшествующее замѣчаніе не имѣетъ никакого отношенія. Я здѣсь имѣю въ виду рѣзкія перемѣны въ сознаніи, вызываемыя качественными контрастами въ слѣдующихъ другъ за другомъ частяхъ потока мысли. Если выраженіе «цѣпь» или «серія» психическихъ явленій не могутъ быть примѣнены къ данному случаю, то какъ объяснить вообще ихъ возникновеніе въ языкѣ? Развѣ громкій взрывъ не раздѣляетъ на двѣ части сознанія, на которое онъ оказываетъ воздѣйствіе? Нѣтъ, ибо сознаваніе грома сливается съ сознаваніемъ предшествующей тишины, которое продолжается: вѣдь, слыша шумъ отъ взрыва, мы слышимъ не просто грохотъ, а грохотъ, внезапно нарушающій молчаніе и контрастирующій съ нимъ. Наше ощущеніе грохота при такихъ условіяхъ совершенно отличается отъ впечатлѣнія, вызваннаго тѣмъ же самымъ грохотомъ въ непрерывномъ ряду другихъ подобныхъ же шумовъ. Мы знаемъ, что шумъ и тишина взаимно уничтожаютъ и исключаютъ другъ друга, но ощущеніе грохота есть въ то же время сознаніе того, что въ этотъ мигъ прекратилась тишина, и едва ли можно найти въ конкретномъ реальномъ сознаніи человѣка ощущеніе, настолько ограниченное настоящимъ, что въ немъ не нашлось бы ни малѣйшаго намека на то, что ему предшествовало» *).

Въ различные моменты жизни, кромѣ сознанія тѣхъ или иныхъ состояній мы сознаемъ еще, кромѣ того, свое Я, которое дано намъ, какъ нѣчто столь же неразрывно связанное съ состояніями сознанія, какъ сами эти состоянія другъ съ другомъ. Если мы будемъ пытаться уловить въ пережитыхъ моментахъ нашего сознанія это Я, *какъ нѣкоторое особое* и вполнѣ самостоятельное отъ состояній сознанія *содержаніе*, то окажется, что, вмѣсто особаго Я, мы въ сущности имѣемъ въ содержаніи нашего сознанія лишь тѣ или иныя состоянія, и обыкновенно только что минувшія. Анализируя тѣ моменты сознанія, которые выражаются фразами въ родѣ: „я увидѣлъ передъ собою прекрасный пейзажъ“, или „я чувствую грусть“ и т. п., мы не найдемъ въ нихъ ничего иного по содержанію, какъ сознаніе тѣхъ или иныхъ состояній, предшествовавшихъ анализируемому моменту, непрерывно перешедшее въ сознаніе

*) Эту и послѣдующія выписки цитируемъ мы изъ имѣющейся въ русскомъ переводѣ (И. И. Лапшина) «Психологіи» Джэмса. С.-Петербургъ. 2-е изданіе, 1898 г. См. стр. 118—119.

нѣкоторыхъ новыхъ состояній, выражаемыхъ словами „прекрасный пейзажъ“, „грусть“ и т. п. Никакого особаго Я, на которомъ мы могли бы остановиться, *какъ на опредѣленномъ содержаніи* и которое служило бы особымъ связующимъ звеномъ между прошлымъ и настоящимъ, мы не найдемъ. Такимъ образомъ словечко „я“ въ подобнаго рода фразахъ играетъ, повидимому, ту же самую роль, что и союзъ „и“, или математическій знакъ +. Оно обозначаетъ только переходъ вниманія отъ одного къ другому или присоединеніе одного къ другому, но не какую-либо особую самостоятельную сущность, которую можно было бы отдѣльно представить, какъ, напримѣръ, мы можемъ представить красный цвѣтъ. Это обстоятельство весьма естественно приводитъ къ тому взгляду, что наше Я, и наша душа, есть не что иное, какъ сумма всѣхъ впечатлѣній или состояній сознанія и что признаніе въ основѣ нашего сознанія какого-то неизмѣннаго субстрата или носителя этихъ состояній сознанія является не имѣющею никакого реальнаго основанія фикціею ума.

Взглядъ этотъ имѣетъ за собою нѣкоторое психологическое основаніе, состоящее, по нашему мнѣнію, въ томъ, что наше Я не дано намъ, какъ нѣкоторое *опредѣленное устойчивое качество*, на которомъ мы могли бы остановиться, подобно тому, какъ это возможно по отношенію къ состояніямъ сознанія. Но изъ того, что наше Я не есть какое-либо качество въ родѣ краснаты, грусти, боли и т. п., слѣдуетъ ли, что его совсѣмъ нѣтъ, какъ особой отъ подобныхъ состояній сущности? Другими словами — нѣтъ ли какихъ-либо основаній предположить существованіе Я, какъ нѣкоторой сущности, не сводимой на сумму состояній сознанія, но въ то же время неуловимой въ своей качественности, или же во всякомъ случаѣ представляющей по своему содержанію нѣчто совершенно особое и несравнимое съ отдѣльными элементами сознанія. Для этого послѣдняго взгляда существуютъ, по нашему мнѣнію, весьма существенныя психологическія основанія.

Совершенно справедливо, что наше Я не дано намъ въ сознаніи, какъ особаго рода отличимое и отграниченное отъ состояній сознанія содержаніе или качество. Но несомнѣнно также, что то данное сознаніе, которое обозначается нами словечкомъ „я“ не есть простая фикція ума и вмѣстѣ съ тѣмъ не есть то или иное предыдущее состояніе или ихъ связная сумма. Не слѣдуетъ смѣшивать наше понятіе объ Я, которое мы создаемъ въ минуты рефлексіи, желая мысленно отмѣтить соотвѣтствующее словечку „я“ содержаніе съ тѣмъ сознаніемъ Я, которое мы ежемгновенно испытываемъ и которое дано намъ, какъ нѣчто ежемгновенно появляющееся и *тотчасъ же непрерывно переходящее* въ тѣ или иныя состоянія сознанія. Желая выразить въ мысли содержаніе нашего Я, мы не можемъ найти никакихъ иныхъ качествъ, кромѣ состояній сознанія и потому

но исключеніи ихъ изъ понятія Я, оно становится какъ бы пустою ничего не значащею фикціею. Но невыразимое въ понятіи, *какъ особое качество или содержаніе*, наше Я дано намъ въ сознаніи, какъ нѣчто несомнѣнно ощутимое и вмѣстѣ съ тѣмъ не тожественное съ состояніями сознанія. Не представляя изъ себя особаго качества, оно представляетъ, что-то, могущее переходить въ разныя качества и содержанія. Подмѣтить это Я въ сознаніи всего легче въ моменты смѣны, въ особенности сопровождаемой усиліемъ воли, какъ напримѣръ, въ тѣ моменты, когда нѣчто новое, появляющееся въ нашемъ сознаніи, констатируется словами „я чувствую", „я рѣшаюсь", „я преодолѣваю". Въ эти моменты новое состояніе не просто примыкаетъ къ прежде бывшему, но соединяется съ нимъ чрезъ посредство чего-то третьяго, непрерывно переходящаго какъ въ то, такъ и въ другое. Присутствіе этого третьяго не легко открыть въ актѣ самонаблюденія именно потому, что наше представленіе и мысль привыкли имѣть дѣло съ опредѣленными *качествами* и *содержаніями* и коль скоро мы желаемъ открыть наше Я въ моментахъ прошедшаго, то единственными *качествами*, которыя могутъ войти въ формы представленія и мысли, являются состоянія сознанія и акты мысли; самое же Я ускользаетъ отъ этихъ формъ, какъ нѣчто безкачественное. Но въ моментахъ настоящаго мы можемъ уловить это Я не въ репродуктивномъ актѣ представленія или мысли, но въ первичномъ актѣ сознанія. Весьма часто сознаніе наше бываетъ совершенно свободно отъ воспоминанія прошедшаго, а только что минувшія состоянія исчезаютъ въ немъ послѣдними слабѣющими отзвуками, но наше Я остается тѣмъ не менѣе ясно сознаваемымъ. Оно не находится въ только что минувшихъ состояніяхъ сознанія, но его нѣтъ также въ тѣхъ новыхъ, которыя только начинаютъ обрисовываться въ сознаніи; оно находится въ промежуточной неопредѣленности и возможности будущаго, неуловимое и невыразимое, но тѣмъ не менѣе сущее. Можно сказать, что эта безкачественность и промежуточность и составляетъ его природу и сущность. Такимъ образомъ охарактеризовать наше Я въ его мысленной обособленности отъ состояній сознанія мы можемъ только отрицательно, а именно какъ нѣчто отличное отъ всего пережитого и сохраненнаго воспоминаніемъ, связующее это пережитое съ возможнымъ будущимъ. Конечно, всегда возможно возраженіе, что никакого промежуточнаго по отношенію къ элементамъ сознанія и ихъ связующаго Я намъ въ сознаніи не дано и что словомъ Я мы обозначаемъ лишь тѣ состоянія сознанія, которыя составляютъ содержаніе нашего настоящаго,—состоянія всегда заключающія въ себѣ смутные и неопредѣленные элементы. Такимъ образомъ, наличность смутности и неопредѣленности въ сознаніи вовсе еще не указываетъ на данность какого-то особаго отъ состояній сознанія Я, но лишь на то, что опредѣленныя и квалифицированныя состоянія сознанія, легко относимыя

къ тѣмъ или инымъ психологическимъ рубрикамъ далеко не исчерпываютъ содержаніе сознанія и что въ немъ мы должны признать множество состояній смутныхъ и невыясненныхъ по своей качественности, которыя какъ разъ и представляютъ эту неопредѣленную и непрерывно переходящую отъ одного качества къ другому спайку, ошибочно признаваемую за какое-то особое Я. Такимъ образомъ наше Я можетъ быть понято, какъ тотъ общій и безразличный фонъ, на которомъ вырисовываются, съ соблюденіемъ закона постепенности и непрерывности, всѣ событія нашей духовной жизни. Фонъ этотъ, конечно, имѣетъ для этихъ событій значеніе объединительнаго и связующаго начала, но по своему происхожденію и по своей сущности можетъ представлять нѣчто вторичное и производное и создаваться путемъ неразрывнаго смѣшенія и взаимнаго проникновенія пограничныхъ другу другу качественныхъ состояній сознанія, которыя единственно и являются настоящими духовными сущностями. Такой взглядъ можетъ, пожалуй, показаться наиболѣе естественнымъ, если мы будемъ разсматривать наше сознаніе исключительно съ точки зрѣнія статики, т.-е. имѣя въ виду лишь взаимоотношенія данныхъ въ немъ качествъ, не касаясь способа ихъ возникновенія и смѣны. Динамика же духовной жизни придаетъ совершенно иное значеніе этой безразличной и неопредѣленной сущности нашего Я, а именно приводитъ къ пониманію его дѣятельнымъ и активнымъ началомъ, если и не порождающимъ изъ ничего различныя состоянія сознанія, то, во всякомъ случаѣ, могущимъ ихъ ослаблять, усиливать и постепенно видоизмѣнять въ новыя формы. Къ такому пониманію нашего Я должны мы придти, если разсмотримъ сущность той дѣятельности сознанія, которая называется волевой.

Мы можемъ различать въ нашемъ сознаніи два рода связей и смѣнъ: необходимыя и возможныя. Если мы открываемъ глаза, то слѣдующее за соотвѣтствующимъ этому дѣйствію моторнымъ ощущеніемъ зрительное воспріятіе происходитъ съ полною необходимостью и навязчивостью. Появленіе или не появленіе его въ нашемъ сознаніи совершенно не зависитъ отъ нашихъ желаній и усилій, равно какъ не зависятъ отъ нихъ тѣ перемѣны, которыя отъ времени до времени въ этомъ зрительномъ воспріятіи происходятъ. Другого рода связи и смѣны, составляющія весьма значительную и важную часть всей нашей жизни, совершаются, напротивъ, съ сознаніемъ возможности выбора между различными комбинаціями, при чемъ каждая изъ представляющихся комбинацій сознается нами лишь, какъ возможная, но отнюдь не обязательная. Въ смѣнахъ послѣдняго рода мы не находимъ неразрывныхъ связей между отдѣльными состояніями сознанія и представленіями; каждое изъ нихъ можетъ соединяться то съ однимъ, то съ другимъ, смотря по обстоятельствамъ, желаніямъ или усиліямъ. Въ каждую данную минуту мы имѣемъ возможность сдѣлать шагъ направо или налѣво,

отнестить къ тому или иному человѣку дружески или враждебно. Конечно, между разными возможными комбинаціями существуютъ наиболѣе прочныя и легко осуществляющіяся и, наоборотъ, требующія для своего осуществленія особыхъ усилій. Въ этомъ отношеніи огромную роль играетъ привычка или частота предыдущихъ повтореній данныхъ комбинацій, а также вмѣшательство въ конфликтъ возможныхъ ассоціацій страданія или удовольствія непосредственно сознаваемыхъ или только представляемыхъ, являющихся вообще самыми сильными факторами въ опредѣленіи смѣны состояній сознанія. Словомъ, отъ необходимыхъ связей до безразличныхъ комбинацій мы имѣемъ всѣ переходныя ступени. Необходимыя связи осуществляются въ нашемъ сознаніи помимо воли и нуждаются для своего осуществленія лишь въ нѣкоторыхъ подготовительныхъ условіяхъ иногда произвольнаго иногда непроизвольнаго характера. Такъ, напримѣръ, открывши по произволу глаза или обратившись лицомъ въ извѣстную сторону, мы становимся уже непроизвольными зрителями тѣхъ или иныхъ цвѣтовыхъ и свѣтовыхъ соотношеній и перемѣнъ. Въ этихъ и имъ подобныхъ невольно совершающихся соотношеніяхъ и перемѣнахъ мы чувствуемъ себя играющими вполнѣ пассивную роль, т.-е. не имѣющими никакого значенія въ появленіи того или иного элемента. Отдѣльные элементы распредѣляются въ извѣстномъ порядкѣ и смѣняютъ другъ друга какъ бы совершенно спонтанно, обусловливая другъ друга исключительно своею собственною сущностію и импульсивною силою. Въ этихъ случаяхъ наше сознаніе и наше Я является лишь безразличной ареной происходящихъ событій. Совсѣмъ иначе сознаемъ мы наше Я по отношенію къ связямъ и смѣнамъ элементовъ сознанія безразличнаго или во всякомъ случаѣ необязательнаго характера. Тутъ мы чувствуемъ себя въ той или иной мѣрѣ властелинами событій и всегда можемъ осуществить и сознавать свое вліяніе на тотъ или иной исходъ между представляющимися намъ возможными комбинаціями. Но теперь является вопросъ, что же является рѣшающимъ моментомъ въ подобнаго рода выборѣ и конфликтахъ между возможными комбинаціями состояній сознанія. Безспорно, что сами элементы сознанія своею собственною природою оказываютъ воздѣйствіе другъ на друга и, такъ сказать, подаютъ свой голосъ за тотъ или иной послѣдующій выборъ и исходъ. Нѣкоторые элементы по самой своей природѣ имѣютъ какъ бы какую-то склонность другъ къ другу и даже при первомъ появленіи ихъ въ сознаніи требуютъ другъ друга какъ бы въ видѣ необходимаго дополненія. Чувство любви между различными полами, начинаясь нерѣдко возвышенными, не имѣющими ничего общаго съ половыми влеченіями, формами, роковымъ образомъ само собою приходитъ къ чисто физической страсти, являющейся какъ бы необходимымъ заключительнымъ моментомъ первоначальныхъ состояній этого чувства. Мно-

гія состоянія сознанія обусловливаютъ появленіе другъ друга въ силу привычки. Всякое состояніе сознанія, связанное съ чувствомъ удовольствія или съ освобожденіемъ отъ страданія, требуетъ своего фактическаго осуществленія, разъ представленіе о немъ явилось въ сознаніи въ качествѣ одного изъ возможныхъ исходовъ даннаго момента. Многія идеи и представленія, сдѣлавшись въ насъ господствующими и болѣе или менѣе постоянными, являются также активными членами въ жизни нашего сознанія, требуя между возможными комбинаціями осуществленія вполнѣ опредѣленныхъ, имъ соотвѣтствующихъ въ какомъ-нибудь отношеніи элементовъ. Но ко всѣмъ этимъ стимуламъ душевной борьбы присоединается еще одинъ, имѣющій весьма важное, какъ практическое такъ и теоретическое значеніе, а именно актъ воли. Характернымъ признакомъ этого стимула является его психологическая универсальность, состоящая въ способности присоединенія ко всѣмъ состояніямъ сознанія, представленіямъ и идеямъ. Сущность его, какъ нѣкоего качества, опредѣляется не имъ самимъ, а тѣми элементами, съ которыми онъ соединяется. *Воля въ этомъ отношеніи столь же неуловима въ сознаніи, какъ и наше Я;* въ психологическомъ анализѣ вмѣсто воли, какъ совершенно особой духовной дѣятельности, мы находимъ всегда лишь тѣ или иныя состоянія сознанія, чувство или идею, получившія волевой импульсъ, съ ними неразрывно связанный и совершающій свой эффектъ только въ этой неразрывной ассоціаціи. Это составляетъ причину того, что волю часто смѣшиваютъ съ тѣми состояніями сознанія, которыя чаще всего ассоціируются съ волевыми импульсами или даже съ тѣми, которыя только сопровождаются однѣми и тѣми же эффектами, что и волевой импульсъ, т.-е. быстрымъ порывистымъ осуществленіемъ опредѣленныхъ комбинацій элементовъ сознанія. Съ другой стороны, неопредѣленность и неуловимость воли, какъ особой дѣятельности сознанія, можетъ вести къ отрицанію ея, какъ особаго вида душевныхъ явленій и къ признанію лишь психологическимъ эффектомъ всякаго рода разрядовъ силъ, какъ низшихъ физіологическихъ, такъ и высшихъ эмоціональныхъ и интеллектуальныхъ. Не имѣя особаго отдѣльнаго качественнаго содержанія, воля обнаруживаетъ себя въ сознаніи видоизмѣненіемъ импульсивности тѣхъ состояній сознанія, въ которыхъ проявляется ея дѣйствіе Это видоизмѣненіе дано намъ въ сознаніи, какъ дѣйствіе или усиліе. Чувства, представленія или идеи, переживаемыя въ сознаніи, сознаются совершенно иначе, когда онѣ даны сами по себѣ, какъ нѣкоторыя потенціальныя силы, равноправныя съ прочими элементами сознанія, чѣмъ въ томъ случаѣ, если онѣ получаютъ волевой импульсъ, дѣлающій ихъ двигательной силой, воспроизводящей въ сознаніи опредѣленный рядъ перемѣнъ, имъ соотвѣтствующихъ и ими требуемыхъ. Пока мы спокойно разсматриваемъ и оцѣниваемъ зарождающіяся въ насъ чувства, идеи и настроенія, нерѣдко

другъ друга взаимно исключающія, наше Я сознается въ эти моменты наиболѣе обособленнымъ и отдѣльнымъ отъ этихъ предстоящихъ ему возможностей. Выборъ же и предпочтеніе одной изъ этихъ возможностей сопровождается сознаніемъ какъ бы нѣкотораго сліянія и отожествленія нашего Я съ выбраннымъ состояніемъ. Наше Я какъ бы переселяется въ данное состояніе и порывая свои связи съ остальными состояніями, противорѣчащими избранному, соединяется съ нимъ въ одно неразрывное цѣлое. Это отожествленіе нашего Я съ даннымъ состояніемъ сознанія и превращеніе послѣдняго въ нѣкоторую двигательную силу *) сопровождается сознаніемъ дѣятельности или усилія отсутствующихъ при пассивной смѣнѣ элементовъ сознанія. Это сознаніе и составляетъ сущность волевого акта. Волевой актъ сознается нами какъ простое внутреннее дѣйствіе нашего Я, если совершается свободно и легко, не встрѣчая никакого сопротивленія, и какъ усиліе, если воспроизведеніе его состоитъ въ преодолѣніи препятствія или въ осуществленіи въ сознаніи трудно осуществимыхъ при данныхъ психологическихъ условіяхъ комбинацій, напр., въ развитіи чувства доброжелательства и справедливости къ оскорбившему насъ человѣку. Отъ волевого акта въ собственномъ смыслѣ слѣдуетъ отличать его дальнѣйшія послѣдствія, представляющія уже результаты перераспредѣленія первоначально направленныхъ волевымъ актомъ силъ. Если женщина послѣ долгихъ колебаній рѣшается идти на свиданіе съ человѣкомъ, добивающимся ея любви, то волевой актъ осуществляется въ ея сознаніи въ моментъ окончательнаго рѣшенія быть въ назначенномъ мѣстѣ, все дальнѣйшее можетъ быть совершено безъ участія какихъ-либо новыхъ волевыхъ импульсовъ исключительно подъ вліяніемъ тѣхъ чувствъ и идей, въ господство которыхъ она себя отдала. Волевой актъ можетъ, такимъ образомъ, ничѣмъ наружно не проявиться; существеннѣйшимъ и первымъ его результатомъ является то, что какое-нибудь состояніе сознанія, представленіе или идея получаютъ преимущество передъ всѣми остальными конкурирующими съ ними,— преимущество, состоящее въ томъ что наше Я санкціонируетъ данное состояніе и какъ бы въ него претворяется. Когда послѣдуетъ осуществленіе зависящихъ отъ господства даннаго состоянія перемѣнъ въ сознаніи, — вопросъ уже времени и практическаго разсчета, самый же волевой актъ заканчивается съ моментомъ окончательнаго рѣшенія и связаннаго съ нимъ душевнаго успокоенія.

Наиболѣе популярной въ послѣднее время, психофизіологической точкѣ зрѣнія свойственно нѣсколько иное отношеніе къ данному вопросу.

*) Термину «двигательная сила» мы придаемъ, конечно, чисто психологическій смыслъ, разумѣя подъ нимъ причину цѣлаго ряда перемѣнъ и настроеній въ жизни сознанія, соотвѣтствующихъ и гармонирующихъ съ вызвавшимъ ихъ стимуломъ. Конечно, перемѣны эти могутъ сопровождаться и физическимъ движеніемъ, но это не относится къ сущности нашего вопроса.

Сущность волевого акта сводится обыкновенно съ этой точки зрѣнія къ простому конфликту и конкуренціи состояній сознанія, представленій и идей, *безъ какого-либо вмѣшательства нашего Я, какъ особой сущности.* Такое пониманіе волевой дѣятельности вполнѣ естественно у того, кто ставитъ истолкованіе данныхъ сознанія въ полную зависимость отъ физіологическихъ понятій. Въ самомъ дѣлѣ, на почвѣ физіологическихъ представленій мы можемъ лишь допустить существованіе состояній сознанія, которымъ соотвѣтствуютъ физіологическіе процессы въ мозговыхъ центрахъ и нервахъ. Наше Я можетъ быть при этомъ представлено, какъ нѣчто соотвѣтствующее всей связной системѣ физіологическихъ процессовъ нашего организма, т.-е. какъ связная система всѣхъ состояній сознанія. Волевой актъ явится при этомъ импульсомъ силы, направленнымъ по равнодѣйствующей отдѣльныхъ силъ и направленій всѣхъ наличныхъ состояній сознанія. Волевое рѣшеніе окажется такимъ образомъ зависящимъ исключительно отъ состояній сознанія и ихъ наличныхъ комбинацій. Анатомо-физіологическій образъ нашего организма не даетъ повода къ образованію понятія о центральномъ Я, не исчерпывающемся элементами сознанія и ихъ наличною связью. И понятіе это игнорируется, какъ не находящее себѣ никакого соотвѣтствующаго символа въ привычной анатомо-физіологической картинкѣ. Игнорируется при этомъ и живое сознаніе своего Я, которое принимается за сознаніе *совокупности* нѣсколькихъ состояній сознанія. Мы не беремся обсуждать вопросъ, насколько виною этого просмотра является самая точка зрѣнія, сопоставляющая процессы сознанія съ физіологическими процессами. Можетъ быть, современемъ, физіологіи и удастся придти къ физіологическому понятію, соотвѣтствующему сознанію Я, какъ нѣкоторой активной сущности, хотя и неразрывно связанной съ состояніями сознанія и, такъ сказать, въ нихъ живущей, но вмѣстѣ съ тѣмъ ими не исчерпывающейся и ихъ опредѣляющей. Пока такого понятія въ физіологіи нѣтъ. Но слѣдуетъ ли ставить отъ этого въ зависимость наши психологическія понятія, имѣющія гораздо болѣе надежный источникъ и основу во внутреннемъ опытѣ, дающемъ намъ созерцаніе бытія самого въ себѣ, а не въ чувственныхъ символическихъ образахъ. Напротивъ, должна существовать совершенно обратная зависимость, т.-е. физіологическіе процессы должны быть истолкованы психологическими. Для этого же прежде всего слѣдуетъ составить правильное понятіе о бытіи вообще, данномъ, прежде всего, въ нашемъ Я, руководясь исключительно явленіями внутренняго опыта и отбросивъ на время всякія физіологическія представленія, которыя безъ надлежащаго истолкованія необходимо должны насъ привести къ ложнымъ выводамъ, въ силу скрытыхъ въ нихъ гносеологическихъ ошибокъ

матеріализма. Къ этому чисто психологическому разсмотрѣнію волевой дѣятельности нашего Я мы теперь и обратимся, при чемъ постараемся найти тѣ данныя, которыя могли бы служить несомнѣннымъ доказательствомъ активной роли нашего Я въ жизни сознанія.

Каждое волевое рѣшеніе находится въ зависимости отъ природы тѣхъ состояній сознанія представленій и идей, которыя были въ сознаніи до момента рѣшенія. Каждый волевой актъ можетъ произойти лишь по поводу того или иного ощущенія, чувства, представленія или мысли. Но наличность тѣхъ или иныхъ состояній сознанія, какъ нѣкоторыхъ качествъ и содержаній, вовсе *еще не опредѣляетъ* возможное рѣшеніе воли. Мы можемъ имѣть вполнѣ ясное представленіе о самоотверженномъ поступкѣ, который должны совершить, сознавать даже побуждающіе къ нему чувства и все-таки не совершить его. Другой же человѣкъ при тѣхъ же и даже меньшихъ побуждающихъ мотивахъ совершаетъ тотъ же поступокъ безъ долгихъ колебаній. Разницу эффектовъ такихъ одинаковыхъ по содержанію психологическихъ условій, объясняютъ обыкновенно различіемъ въ интенсивности дѣйствующихъ и задерживающихъ мотивовъ и стимуловъ. Сущность происходящихъ при этомъ процессовъ и окончательнаго результата сводятъ обыкновенно къ простой психической механикѣ находящихся въ наличности состояній сознанія. Джэмсъ видитъ сущность волевого усилія въ усиленіи вниманія на томъ или иномъ изъ конкурирующихъ мотивовъ. „*Въ случаяхъ наиболѣе „произвольнаго" воленія*,—говоритъ онъ *)—*главнѣйшій подвигъ воли заключается въ направленіи сознанія на непривлекательный объектъ и въ сосредоточеніи на немъ всего вниманія.* Въ этомъ-то и заключается рѣшимость воли; произойдутъ ли при этомъ ожидаемыя движенія или нѣтъ—это уже зависитъ отъ простой физіологической случайности". Задача состоитъ, по Джэмсу, въ этомъ случаѣ не только въ выясненіи и усиленіи того или иного духовнаго стимула, но, такъ сказать, въ водвореніи и фиксированіи его въ полѣ сознанія. *„Весь подвигъ волевого усилія заключается въ томъ, чтобы вынудить у насъ согласіе на господство извѣстной идеи въ области нашего сознанія.* Единственное назначеніе усилія заключается въ достиженіи этого согласія. Достигнуть же его можно только однимъ путемъ: надо задержать въ области сознанія то соображеніе, которое должно вызвать въ насъ согласіе, и не давать этому соображенію ускользнуть, пока оно не заполнитъ всю область сознанія; въ этомъ заполненіи сознанія извѣстнымъ соображеніемъ и связанными съ нимъ элементами ассоціацій и *заключается* согласіе съ даннымъ соображеніемъ и съ вы-

*) См. стр. 376.

текающими изъ него фактами. Если данное представленіе или соображеніе такъ или иначе связано съ извѣстными движеніями нашего тѣла, то, допуская послѣ извѣстныхъ усилій его присутствіе въ области сознанія, мы тѣмъ самымъ и совершаемъ то, что называется произвольнымъ движеніемъ" *). Усиленіе вниманія и фиксированіе даннаго представленія или идеи въ полѣ сознанія равносильно, по Джэмсу, усиленію и, такъ сказать, расширенію или ёмкости ихъ въ полѣ сознанія. Получивъ такое превосходство надъ другими, посредствомъ произвольнаго направленія вниманія, тотъ или иной душевный стимулъ становится господствующимъ и вызываетъ уже своею собственною силою соотвѣтствующій эффектъ. Мы, съ своей стороны, находимъ нѣкоторую разницу между направленіемъ вниманія, сопровождающимся выясненіемъ въ полѣ сознанія того или иного состоянія сознанія, и между тѣмъ усиленіемъ его, которое сообщаетъ ему двигательный толчекъ, дающій перевѣсъ надъ всѣми остальными. Безспорно, что для задержанія въ полѣ сознанія извѣстныхъ идей или представленій, для ихъ отчетливаго воспроизведенія путемъ вниманія требуется иногда значительное усиліе. Съ другой стороны такое, доведенное путемъ направленія вниманія до полной ясности и даже до вытѣсненія всѣхъ другихъ элементовъ, состояніе сознанія пріобрѣтаетъ уже нѣкоторую импульсивную силу и становится существеннымъ стимуломъ возможнаго рѣшенія. Но этимъ, по нашему мнѣнію, дѣло вовсе не исчерпывается. Идея можетъ достигнуть наибольшей ясности и ёмкости, словомъ наше вниманіе къ ней можетъ разростись до апогея, но если мы въ то же время знаемъ, что у насъ только что были въ сознаніи идеи еще болѣе важныя и цѣнныя для насъ въ томъ или иномъ отношеніи, *то хотя бы эти цѣнныя идеи и самое признаніе ихъ важности оставались въ нашемъ сознаніи въ видѣ смутныхъ отголосковъ, это все-таки удержитъ насъ отъ того, чтобы исполнительная власть всецѣло перешла именно къ той идеѣ, на которую обращено все наше вниманіе въ данную минуту.* Она будетъ лишена еще того дополнительнаго импульса, который сразу могъ бы дать ей необходимое преимущество и сообщить способность производить соотвѣтствующія перемѣны. Въ этомъ отношеніи ее можно уподобить исполнительной бумагѣ какого-нибудь административнаго учрежденія, не снабженной надлежащими подписями. Предписанныя дѣйствія могутъ быть изложены въ ней со всею ясностью и подробностью, но онѣ не могутъ быть приведены въ исполненіе, хотя бы къ тому не было никакихъ внѣшнихъ препятствій, исключительно вслѣдствіе того, что она не имѣетъ той высшей санкціи, которая придаетъ ей исполнительную силу.

*) См. стр. 379.

Но какъ бы мы ни понимали сущность волевого усилія задача наша сводится, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы найти его *источникъ*. Сводясь, такъ или иначе, къ усиленію тѣхъ или иныхъ состояній сознанія и къ повышенію ихъ двигательной силы, усиліе это можетъ, въ свою очередь проистекать отъ другихъ отдѣльныхъ состояній сознанія порознь дѣйствующихъ или вмѣстѣ взятыхъ или же оно можетъ имѣть еще какой-то иной отъ нихъ независимый источникъ. Если принять первое предположеніе, то произвольность усилія становится простою фикціею сознанія и рефлектирующаго разума, потому что возможность его появленія оказывается обусловленною всѣми предшествующими состояніями сознанія, которыя уже невозвратимы и въ каждый данный моментъ даютъ безапелляціонное рѣшеніе, которое можетъ казаться произвольнымъ лишь въ силу какой-то иллюзіи сознанія. Джэмсъ приходитъ къ совершенно правильному выводу, замѣчая, что вѣковой вопросъ о свободѣ воли зависитъ собственно отъ рѣшенія этой *проблемы произвольнаго усилія*. Если усиліе дѣйствительно можетъ быть произвольнымъ, т.-е. *не вполнѣ* зависѣть отъ минувшихъ и наличныхъ психологическихъ *условій* въ видѣ совокупности состояній сознанія, то свобода воли существуетъ, если же нѣтъ, то свобода воли чистѣйшая фикція. Самъ Джэмсъ оставляетъ этотъ вопросъ открытымъ, находя, что на чисто психологической почвѣ онъ не разрѣшимъ. „На самомъ дѣлѣ,—говоритъ Джэмсъ *),—*вопросъ о свободѣ воли на почвѣ чисто психологической неразрѣшимъ*. Послѣ того, какъ вниманіе съ извѣстной степенью усилія направлено на данную идею, мы, очевидно, не въ состояніи рѣшить, *можно ли было бы* сдѣлать степень усилія большей или меньшей, или нѣтъ. Чтобы рѣшить это, мы должны были бы выяснить, какіе мотивы предшествовали волевому рѣшенію, опредѣлить съ математическою точностью степень интенсивности каждаго изъ нихъ и показать на основаніи законовъ, о которыхъ мы не можемъ составить себѣ въ настоящее время ни малѣйшаго понятія, что степень сдѣланнаго въ данномъ случаѣ усилія воли *не могла быть* ни большей, ни меньшей, что данная степень усилія была единственно возможной. Разумѣется, такое математически точное измѣреніе интенсивности психическихъ или физіологическихъ силъ навсегда останется недоступнымъ человѣческому уму". Мы, съ своей стороны, не видимъ никакой надобности для рѣшенія данной проблемы имѣть какія-либо количественныя данныя, касающіяся интенсивности сдѣланнаго усилія и предыдущихъ состояній сознанія. Равнымъ образомъ рѣшеніе вопроса, по нашему мнѣнію, зависитъ не исключительно отъ того, можно ли сдѣлать въ каждый данный моментъ волевое усиліе большимъ или меньшимъ. Вопросъ

*) См. стр. 382 и 383.

сводится здѣсь, съ нашей точки зрѣнія, къ тому, представляетъ ли волевое усиліе результатъ воздѣйствія другихъ состояній сознанія, въ отдѣльности или въ совокупности, или же оно исходитъ отъ нѣкоторой сущности, не исчерпывающейся всѣми этими состояніями сознанія. Въ послѣднемъ случаѣ волевое усиліе какъ разъ и явится такимъ независимымъ перемѣннымъ, въ составъ котораго входитъ нѣкоторая неопредѣленная по отношенію ко всѣмъ состояніямъ сознанія величина. Мы считаемъ этотъ вопросъ разрѣшимымъ даже и на чисто психологической почвѣ, разумѣется если къ даннымъ внутренняго опыта мы присоединимъ еще нѣкоторыя обще-обязательныя соображенія чисто формальнаго характера, имѣющія значеніе и примѣнимость во всѣхъ сферахъ возможнаго опыта при конструированіи тѣхъ или иныхъ понятій.

Прежде всего, мы должны имѣть въ виду, что въ сознаніи волевое усиліе дано намъ, какъ произвольное и не вполнѣ зависимое отъ психологическихъ условій *). Это именно сознаніе и даетъ поводъ къ признанію себя свободнымъ и отвѣтственнымъ за свои поступки; по совершеніи послѣ долгихъ колебаній того или иного дѣйствія мы всегда чувствуемъ, что иное рѣшеніе не представляло изъ себя чего-либо невозможнаго и для насъ неисполнимаго, а требовало лишь иного направленія нашего волевого усилія или иной его интенсивности. Самый актъ рѣшенія послѣ долгихъ колебаній сознается нами, какъ нѣкоторое дѣйствіе или усиліе, исходящее не отъ какихъ-либо состояній или идей, которыя при томъ же обыкновенно давно обозначились въ сознаніи и не видоизмѣняются существенно въ своей силѣ и значеніи, но, напротивъ, направленное отъ нашего Я къ тѣмъ или инымъ изъ конкурирующихъ мотивовъ. Для признанія этого даннаго нашего внутренняго опыта за простую иллюзію, въ сущности, нѣтъ никакихъ основаній, хотя, конечно, нѣтъ ничего невозможнаго, что въ этомъ случаѣ происходитъ какой-то самообманъ и что настоящимъ источникомъ усиленія того или иного стимула является этотъ же самый стимулъ или какой-нибудь изъ смежныхъ ему во временномъ порядкѣ элементовъ сознанія. Мы охотно готовы допустить возможность недовѣрія къ непосредственному сознанію произвольности волевыхъ усилій и постараемся устранить его другими заслуживающими большаго довѣрія фактами нашего внутренняго опыта.

Мы можемъ объяснять происхожденіе волевого рѣшенія психологическими условіями лишь тогда, когда оно совершается непосредственно послѣ появленія въ сознаніи какого-нибудь новаго стимула или послѣ болѣе отчетливаго обнаруженія ранѣе скрытаго и какъ-либо затемненнаго

*) Подъ психологическими условіями мы будемъ подразумѣвать совокупность непосредственно предшествующихъ и сопутствующихъ *состояній* сознанія.

мотива. Но въ дѣйствительности мы имѣемъ множество случаевъ, когда рѣшеніе наступаетъ значительное время спустя послѣ обнаруженія всѣхъ дѣйствующихъ по данному случаю стимуловъ. Это бываетъ именно тогда, когда мы чувствуемъ затрудненіе избрать какую-нибудь изъ представляющихся альтернативъ и долгое время колеблемся между ними и при томъ не потому, чтобы въ нихъ происходили какія либо особыя видоизмѣненія привлекающія насъ то къ одной, то къ другой, но лишь вслѣдствіе *трудности оцѣнки*. Зачастую всѣ возможныя данныя за и противъ рѣшенія бываютъ выяснены, всѣ стимулы обозначатся во всей ихъ важности и силѣ, а мы все-таки не рѣшаемся проявить волевой актъ, и, наконецъ, когда является настоятельная необходимость принять какое-либо рѣшеніе, выбираемъ одну изъ представляющихся возможностей и направивъ на нее волевой импульсъ, производимъ соотвѣтственныя дѣйствія. Очевидно, что въ этомъ случаѣ нашъ волевой импульсъ и наше рѣшеніе не могли почерпнуть свою силу отъ дѣйствовавшихъ мотивовъ. Вѣдь эти послѣдніе уже давно обозначались, ихъ значеніе и двигательная сила уже давно опредѣлились, но *этого было мало* для осуществленія дѣйствія. Очевидно, что силы этихъ мотивовъ, какъ таковыхъ, фактически, конечно, не вполнѣ равныя, *уравнивались какою-то другою силою, не допускавшею преимущества ни за одною изъ нихъ*. Извлечь изъ себя новую силу эти давно обозначившіеся мотивы, конечно, не могли, новыхъ же стимуловъ въ сознаніи не появлялось; очевидно, что прибавка силы, сообщенная волевымъ импульсомъ, безъ труда давшая преобладаніе одному изъ мотивовъ, могла исходить только изъ какого-то источника, даннаго въ сознаніи не какъ-то или иное состояніе сознанія, но какъ нѣчто сверхкачественное и неопредѣленное по отношенію къ состояніямъ сознанія, чѣмъ именно и является намъ наше Я. Вообще, представленіе о минутахъ нерѣшительности, которыя намъ часто приходится переживать, какъ о какихъ-то происходящихъ въ нашей душѣ сраженіяхъ и конфликтахъ различныхъ духовныхъ интересовъ и стимуловъ далеко не всегда соотвѣтствуетъ психологической правдѣ. Нерѣшительность зачастую состоитъ не въ подвижномъ равновѣсіи элементовъ сознанія, но внѣ ихъ всѣхъ взятыхъ вмѣстѣ, а именно въ нашемъ Я, какъ особомъ центральномъ пунктѣ. Зачастую извѣстная двигательная идея задерживается вовсе не потому, чтобы ей противостояли какія-нибудь значительныя препятствія, но лишь вслѣдствіе *инертности* нашего Я, замедляющаго свое рѣшеніе. Затруднительность встать утромъ изъ теплой постели происходите вовсе не потому, чтобы боязнь холода и дремотная лѣнь были непреодолимы для идеи тѣхъ обязанностей, которыя намъ предстоитъ выполнить. И встаемъ мы, въ концѣ концовъ, вовсе не потому, чтобы намъ удавалось подловить тотъ моментъ, когда задерживающее представленіе

холода ослабѣваетъ и долго задерживаемые импульсы находятъ себѣ свободный выходъ. Наша утренняя лѣнь происходитъ просто отъ инертности нашего Я. Нѣтъ никакой надобности въ какихъ-либо тяжеловѣсныхъ идеяхъ долга, а достаточно только намъ рѣшиться встать, чтобы препятствіе, состоящее въ ощущеніи холоднаго воздуха, превратилось въ ничто. Мы можемъ себѣ *съ полною ясностью* перебирать въ умѣ всѣ наши обязанности, но утренній холодъ не выпуститъ насъ изъ подъ одѣяла, *если мы не сдѣлаемъ усилія воли. И усиліе это никакъ не можетъ вырости изъ представленія обязанности, потому что это представленіе въ моментъ рѣшенія по существу точно такое же, какъ и минутою раньше, когда мы имъ пренебрегли. Оно исходитъ исключительно отъ нашего Я, которое одно только и измѣнилось, а именно за минуту было инертно, а въ моментъ рѣшенія стало дѣятельно.*

Принадлежность волевого усилія нашему Я, а не какому-либо состоянію сознанія обнаруживается очевиднѣе всего въ тѣхъ случаяхъ, когда наши рѣшенія воли происходятъ на основаніи какихъ-нибудь идейныхъ мотивовъ и при томъ направленныхъ противъ сильнѣйшихъ стимуловъ нашего сознанія, какъ-то стремленія къ счастью, чувства самосохраненія, боязни страданія и т. п. То, что здѣсь рѣшеніе обусловливается вовсе не одной механикой дѣйствующихъ стимуловъ, видно изъ того, что всѣ стимулы чувственнаго и грубо-органическаго характера по интенсивности несомнѣнно, представляютъ, гораздо бо́льшую величину, чѣмъ идеи; и если послѣднія получаютъ преимущество и исполнительную силу, то ни въ какомъ случаѣ не изъ себя самихъ, а отъ нашего Я, оцѣнивающаго конкурирующія стороны не только по интенсивности, но и по *цѣнности содержанія*. Впрочемъ, весьма распространено мнѣніе, что будто бы представленія и идеи сами по себѣ могутъ обладать весьма значительными импульсивными силами. Въ поступкахъ человѣка, вдохновившагося какою-нибудь идеею, видятъ проявленіе силы этой идеи. Idée fixe у психически разстроенныхъ приписываютъ особую власть надъ сознаніемъ и надъ волею больного, вытекающую, будто бы, отъ ея неотвязности и чрезвычайной импульсивной силы. Мы думаемъ, однако, что говорить о господствѣ какихъ бы то ни было идей въ сознаніи, объ ихъ непреодолимой импульсивной силѣ можно лишь въ условномъ смыслѣ и что одинаковыя по содержанію идеи, *какъ таковыя*, въ дѣйствительности могутъ отличаться другъ отъ друга, главнымъ образомъ, *лишь въ ясности и отчетливости*. Безъ сомнѣнія, онѣ также вносятъ нѣкоторое опредѣляющее вліяніе на возможныя перемѣны въ сознаніи; и вліяніе это тѣмъ сильнѣе, чѣмъ идея отчетливѣе и яснѣе воспроизведена въ сознаніи. Но этой вполнѣ самостоятельной силѣ и напряженности идей существуетъ *предѣлъ, совпадающій съ предѣломъ наибольшей ея ясности и от-*

четливости. Разъ идея достигла въ сознаніи наибольшей степени ясности, т.-е. овладѣла нашимъ вниманіемъ по преимуществу, то тѣмъ самымъ она достигла наибольшей степени своего вліянія и если она въ одномъ случаѣ (у нормальнаго субъекта) можетъ быть безъ труда исключена изъ поля сознанія, въ другомъ же случаѣ (у больного) становится въ сознаніи господствующею и, такъ сказать, неистребимою, то тутъ слѣдуетъ видѣть нѣкоторыя добавочныя, *внѣшнія самой идеи*, психологическія условія, которыя, собственно, и придаютъ идеѣ это кажущееся господство и несокрушимость. Предполагать же, что идея послѣ достиженія наибольшей ясности и отчетливости можетъ какъ-то дѣлаться *сама по себѣ* все болѣе и болѣе интенсивною, было бы полнымъ произволомъ, потому что въ сознаніи намъ ничего подобнаго не дано. Поэтому мы считаемъ возможнымъ говорить объ интенсивности идей лишь въ смыслѣ ихъ ясности и отчетливости, такъ какъ только въ этихъ свойствахъ онѣ представляются намъ измѣняющимися. Но въ этомъ отношеніи двигательная сила идей можетъ достигать сравнительно весьма незначительнаго напряженія. Человѣкъ *съ нормальною душевною организаціею* можетъ безъ всякой опасности воспроизводить передъ собою въ самопроизвольныхъ актахъ мысли и фантазіи, или же при чтеніи произведеній литературы самымъ отчетливымъ образомъ какія угодно идеи импульсивнаго характера—думать о самоубійствѣ, объ измѣнѣ своему долгу, чести, о возможности совершить преступленіе и т. п., но при этомъ ему вовсе не приходится вступать въ какую-нибудь борьбу съ этими идеями, чтобы удалить ихъ изъ сознанія. Онѣ легко уступаютъ *малѣйшему импульсу воли*. Совсѣмъ иными являются въ этомъ отношеніи элементы сознанія не идейнаго характера, каковы ощущенія и чувства. Повышеніе ихъ интенсивности до громадныхъ размѣровъ прямо *дано намъ въ сознаніи*. Чувство боли, начиная отъ ничтожнаго ощущенія зуда или нытья, можетъ разростись до апогея и представить для нашего сознанія страшную разрушительную силу. Человѣкъ съ самой нормальной духовной организаціей и силой воли не можетъ удержаться отъ того или иного рефлекса при выдергиваніи коренного зуба, и именно потому, что испытываемая при этомъ боль представляетъ весьма значительную *интенсивную* величину, требующую для удержанія ея въ предѣлахъ скрытой силы столь же значительное сопротивленіе. Чувство или страсть, въ свою очередь, даны намъ въ сознаніи, какъ нѣчто могущее разростаться до огромнаго напряженія. Такимъ образомъ, сопоставляя идейные элементы сознанія со всѣми прочими, мы можемъ сказать, что первые даны намъ въ сознаніи по преимуществу, *какъ направляющія*, вторые же, какъ дѣйствующія силы. И если какая-нибудь идея получаетъ въ нашемъ сознаніи господствующее значеніе, то это возможно лишь при томъ условіи, что она ассоціируется съ тѣми или

иными импульсивными силами въ видѣ ощущеній, чувствъ и страстей или же получаетъ поддержку въ волевомъ усиліи. Всѣ тѣ факты психической жизни, которые даютъ поводъ предполагать въ сознаніи господство той или иной идеи, имѣютъ въ своемъ основаніи вовсе не какую-то чудодѣйственную силу этой идеи, а лишь такое разстройство въ координаціи психическихъ силъ, *при которомъ всѣ дѣйствующія силы сознанія группируются около данной идеи.* Человѣкъ, допустившій частое преобладаніе той или иной идеи въ своемъ сознаніи и осуществляющій тѣ перемѣны, которыя данной идеѣ соотвѣтствуютъ, тѣмъ самымъ координируетъ мало-по-малу всѣ остальные элементы своего сознанія такимъ образомъ, что, съ одной стороны, всѣ ранѣе разрозненныя силы объединяются въ согласную систему, съ другой же—вслѣдствіе частаго осуществленія извѣстнаго рода процессовъ, всѣ препятствія, существовавшія для даннаго процесса, сглаживаются и даютъ ему возможность совершаться безпрепятственно. Представленіе тѣхъ ощущеній, которыя мы испытываемъ, выпивая глотокъ спиртнаго напитка, и непосредственно вслѣдъ за этимъ глоткомъ, совершенно безопасное для нормальнаго человѣка, имѣетъ всесокрушающую силу для пьяницы, именно потому, что частымъ осуществленіемъ даннаго представленія онъ воспиталъ въ своемъ сознаніи множество побочныхъ, родственныхъ этому ощущенію состояній сознанія, относящихся къ области грубыхъ импульсивныхъ стимуловъ. Въ немъ развилось такимъ образомъ множество элементовъ сознанія, стремящихся изъ формы слабаго представленія разростись до степени дѣйствительнаго живого акта. Съ другой стороны, всѣ остальныя духовныя силы, могущія противодѣйствовать этому суммированному стремленію, не объединяемыя и не поддерживаемыя усиліями воли, мало-по-малу слабѣютъ, разъединяются и, наконецъ, перестаютъ служить сколько-нибудь задерживающими препятствіями. Въ результатѣ, конечно, постоянное преобладаніе и осуществленіе привычной идеи. Такова же сущность тѣхъ процессовъ, которые приводятъ къ idée fixe, наблюдаемымъ у душевнобольныхъ, одержимыхъ бредовыми идеями. Какъ извѣстно, такія идеи никогда не овладѣваютъ человѣкомъ сразу, но имѣютъ въ своей основѣ болѣе или менѣе значительныя предварительныя разстройства, при чемъ та или иная идея или циклъ родственныхъ идей овладѣваютъ человѣкомъ постепенно. Обыкновенно разстройства эти подготовляются сначала подъ вліяніемъ неправильно и односторонне направленныхъ волевыхъ актовъ, затѣмъ развившіяся односторонніе склонности, не противодѣйствуемыя волевыми усиліями, пролагаютъ себѣ въ сознаніи хорошо проторенныя пути и парализуютъ всѣ противодѣйствующіе стимулы и, наконецъ, односторонне *суммированныя и координированныя* силы становятся непреоборимыми для какихъ бы то ни было усилій воли. Въ этомъ случаѣ

душевная болѣзнь развивается, такъ же, какъ растетъ снѣжная лавина, и иной разъ случается, что незначительная идея, подобно случайно сорвавшемуся комку снѣга, выростаетъ на почвѣ разстроеннаго и ничѣмъ не регулируемаго сознанія до размѣровъ страшнаго и разрушительнаго по своей силѣ бредового кошмара. Конечно, эти лавины-йдеи направляются обыкновенно по наиболѣе естественнымъ путямъ духовной жизни, ассоціируясь съ важнѣйшими интересами жизни, которые представляютъ для нихъ какъ бы естественныя наклонныя плоскости; отъ этого и проистекаютъ такія формы сумасшествія, какъ манія преслѣдованія или величія, основанныя на однихъ изъ существеннѣйшихъ и сильнѣйшихъ интересахъ большинства людей—самосохраненіи, самолюбіи и самомнѣніи. Такимъ образомъ, въ бурныхъ проявленіяхъ душевно-больныхъ, дѣйствующихъ подъ вліяніемъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ бредовыхъ идей, мы должны видѣть лишь ненормально направленныя душевныя силы, *принадлежащія вовсе не исключительно данной идеѣ*, которая сама по себѣ не представляетъ интенсивной величины сознанія, но ассоціированнымъ съ нею интенсивнымъ ощущеніямъ и чувствамъ, *а также волевымъ усиліямъ, лишеннымъ руководительства нормальной памяти и разсудка.*

Если принять во вниманіе это различіе идейныхъ и интенсивныхъ стимуловъ нашего сознанія, то невозможность волевыхъ актовъ на основаніи однихъ только психологическихъ условій становится очевидною. Въ самомъ дѣлѣ, какъ же мы объяснимъ тѣ случаи, когда волевыя рѣшенія дѣйствуютъ лишь сообразно идейнымъ стимуламъ и вопреки сильнѣйшимъ человѣческимъ потребностямъ и склонностямъ интенсивнаго характера. Откуда получаются тѣ силы, которыя даютъ перевѣсъ и преимущество такого рода идеямъ, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ вступить въ дружественную ассоціацію съ сильнѣйшими стимулами человѣческой души, какъ-то чувство самосохраненія, страданіе, наслажденіе и т. под. Что можетъ побудить человѣка идти на смерть ради чистой идеи, преодолѣвъ сильнѣйшее и интенсивнѣйшее стремленіе нашего сознанія—стремленіе къ жизни. Всѣ *мы* способны *ясно и отчетливо* представить и мыслить тѣ высокія идеи, ради которыхъ тѣ или иные историческіе личности шли на смерть. Но какая ничтожная сила обнаруживается въ этихъ *нашихъ* идеяхъ, коль скоро имъ приходится столкнуться не говоря уже съ возможностью умереть, но даже испытать ту или иную непріятность или неловкость. Очевидное дѣло, что не въ этихъ *ясныхъ идеяхъ*, представлявшихся сознанію великихъ героевъ, лежала та могучая сила, которая помогала имъ выпивать безъ содроганія чашу яда или смѣло отдаваться на ужаснѣйшія муки живосожженія, при полной возможности избѣгнуть этой участи. Мы не усматриваемъ въ

обиходѣ человѣческаго сознанія какихъ-либо интенсивныхъ стимуловъ, которые имѣли бы такое, поистинѣ, нечеловѣческое и на нашей ступени развитія противоестественное направленіе. Очевидное дѣло, что совершить это можетъ не та или иная слабая идея, но лишь волевое усиліе соединившееся съ данной идеей и сообщившее ей нужную импульсивную силу. Но если источникомъ этого волевого усилія не можетъ быть сама идея, а равнымъ образомъ никакое естественное интенсивное состояніе сознанія, то единственнымъ факторомъ его является лишь наше Я, данное намъ не какъ то или иное опредѣленное состояніе сознанія, но какъ нѣчто отъ нихъ отличное, ихъ производящее, оцѣнивающее и координирующее. Мы никакъ не можемъ допустить, что та твердость, съ которою Джордано Бруно воздержался отъ избавлявшаго его отъ смерти отреченія и которая помогла ему спокойно и безтрепетно взойти на костеръ, вытекала изъ психологическаго склада его сознанія, какъ простой совокупности идей и состояній. Вѣдь всѣ эти идеи, ради которыхъ ему пришлось проявить одно изъ безпримѣрнѣйшихъ героическихъ усилій воли, могущія быть воспроизведенными съ полною ясностью въ умахъ множества лицъ, изучающихъ этого философа, вовсе не дѣлаютъ ихъ героями. И это вполнѣ естественно, потому что вовсе не въ нихъ заключается та титаническая сила духа, которою обладалъ Бруно. Эти силы не могли находиться также ни въ одномъ изъ безъидейныхъ эмоціональныхъ элементовъ сознанія, такъ какъ сильнѣйшіе изъ этихъ послѣднихъ въ общемъ направлены всегда въ сторону самосохраненія, стремленія къ счастью и избѣжанію возможнаго страданія. Впрочемъ, намъ могутъ сказать, что существуетъ много эмоцій высшаго порядка вовсе не лишенныхъ возможности быть направленными даже въ сторону самоистребленія, какъ, напр., чувство чести, справедливости, любви, состраданія, и т. п. По этому поводу мы должны замѣтить, что, какъ разсматриваемый нами историческій примѣръ, такъ и другіе ему подобные, напр., смерть Сократа, Гуса, совершенно не представляютъ данныхъ для предположенія въ числѣ дѣйствующихъ мотивовъ какихъ-либо эмоціональныхъ факторовъ въ родѣ перечисленныхъ. Если тутъ и умѣстно говорить о какой-либо эмоціи, то только о любви къ истинѣ, правдѣ и справедливости. Но этого рода факторъ въ сущности *только по привычному термину* можно отнести къ области эмоцій. На самомъ же дѣлѣ мы имѣемъ здѣсь нѣкоторое производное процессовъ чисто идейнаго порядка. Что такое любовь къ истинѣ, правдѣ и справедливости, какъ не стремленіе къ отысканію и утвержденію въ своей и чужихъ душахъ названныхъ принциповъ (т.-е. идей), стремленіе къ ихъ защитѣ и отстаиванію, не смотря на возможныя страданія и смерть. Словомъ, въ томъ, что называется въ данномъ случаѣ любовью мы находимъ не какое-либо

особое состояніе сознанія, *но извѣстный родъ активнаго отношенія нашего Я къ возникающимъ въ немъ идеямъ* и при томъ отношенія, вытекающаго не изъ самыхъ идей (которыя можно мыслить съ полною отчетливостью, но совершенно безстрастно), но именно изъ нашего Я. Въ сущности такого же характера и всѣ высшія состоянія сознанія, носящія названіе чувства чести, самолюбія, гордости и т. п. Въ основѣ этихъ состояній мы всегда найдемъ какую-нибудь идею собственной самооцѣнки, при чемъ мы стремимся поддержать и внѣдрить эту идею въ мнѣніяхъ другихъ людей. Стремленіе это не вытекаетъ изъ самой идеи, такъ какъ можно ясно сознавать свое достоинство, но не навязывать его признаніе другимъ. Оно не есть также какое-либо особое простое состояніе въ родѣ чувства голода, такъ какъ само по себѣ не можетъ существовать, а проявляется *по отношенію къ идеѣ*, которая есть нѣчто отъ него отличное. *Очевидно, что стремленіе это можетъ исходить лишь изъ того, что включаетъ въ себѣ за-разъ и идею и возможность того или иного отношенія къ ней, т.-е. изъ нашего Я.*

Утвержденіе, что наши волевыя усилія могутъ вытекать изъ простой совокупности психическихъ состояній не выдерживаетъ критики также и съ другой точки зрѣнія, а именно со стороны возможности осуществленія *единаго* волевого акта на основаніи сопоставленія и оцѣнки *многихъ* конкурирующихъ состояній сознанія, представленій и идей. Вѣдь безспорно, что это сопоставленіе и оцѣнка представляютъ весьма важный опредѣляющій моментъ для волевого рѣшенія и что вообще самое рѣшеніе возможно лишь на почвѣ объединенной связности всѣхъ мотивовъ. Какъ мы уже сказали, мотивы чисто идейнаго характера не обладаютъ значительнымъ импульсивнымъ характеромъ, а потому все ихъ значеніе сводится на сущность ихъ содержанія, какъ нѣкотораго рода качествъ; кромѣ того, даже эмоціональные стимулы должны быть сопоставлены сравнены другъ съ другомъ, какъ нѣкотораго рода качества; такъ, напр., мы сравниваемъ возможныя предстоящія наслажденія и страданія по ихъ оттѣнкамъ и чувственному тону; *это сопоставленіе и сравненіе не можетъ, конечно, происходить въ какомъ-нибудь изъ сравниваемыхъ элементовъ A, B, C, D, такъ какъ каждый изъ элементовъ имѣетъ въ себѣ лишь свое собственное качество и ничего не знаетъ о качествахъ другихъ*; А содержитъ въ себѣ только содержаніе А, и не можетъ дать эффекта, обусловленнаго еще и В, С, *D*. Не можетъ дать этого эффекта и простая сумма А, В, С, D, потому что въ этой суммѣ *нѣтъ мѣста для сравненія, т.-е. нѣтъ ни одного пункта, который одновременно могъ бы имѣть въ виду и A, и B, и C, и D. Въ понятіи суммы имѣется въ виду лишь соположеніе или одновременное дѣйствіе многаго, но вовсе не всепроникающее единство.* Очевидное дѣло, что для того, чтобы то

или иное рѣшеніе вытекало изъ сопоставленныхъ и оцѣненныхъ качествъ A, B, C, D, необходимо *нѣчто общее всѣмъ этимъ элементамъ въ отдѣльности и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ нихъ отличное*, а именно нѣкоторое единство M, которое содержало бы въ себѣ A, B, C, D, какъ входящіе въ составъ своей природы и вмѣстѣ съ тѣмъ заключало бы въ себѣ нѣчто выходящее изъ предѣловъ A, B, C, D, но могущее въ нихъ какъ бы воплотиться и придать имъ въ нихъ самихъ не заключающееся значеніе и силу. *Такимъ единствомъ и является наше Я.*

Изъ приведенныхъ соображеній видно, что наше Я не иллюзорно сознается нами, какъ нѣкоторое качественно неопредѣленное активное начало, но что даже, игнорируя это, данное намъ во внутреннемъ опытѣ сознаніе, мы неизбѣжно должны теоретически придти къ признанію такого Я, такъ какъ безъ него многіе духовные процессы въ томъ видѣ, какъ они совершаются, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть объяснены и допущены. Въ сущности даже простѣйшій актъ мысли предполагаетъ уже нѣкоторый центральный пунктъ соотношенія первоначальныхъ элементовъ мысли. Мы не можетъ успокоиваться на представленіи этого, требуемаго самою сущностью дѣла, пункта въ видѣ какой-то точки, соединенной линіями съ другими точками и, опредѣливъ мысль, какъ координаціонную связную систему элементовъ, думать, что этимъ мы исчерпали весь вопросъ. Не слѣдуетъ забывать, что всѣ подобнаго рода представленія и опредѣленія, взятыя изъ области перспективно-пространственной и символической, не могутъ выражать сущности дѣйствительнаго бытія въ себѣ, но являются лишь его символизаціей. Такихъ неподвижныхъ системъ, въ родѣ точекъ, соединенныхъ линіями, или вообще какихъ-либо образовъ, связанныхъ другъ съ другомъ въ одномъ центрѣ, вообще не существуетъ нигдѣ, кромѣ какъ въ отвлеченномъ содержаніи нашего представленія и мысли. Реальность, данная намъ въ сознаніи, непрерывна, активна и взаимнопроникающа и то, что соотвѣтствуетъ въ ней общеобъединительному центру, *есть не простой узелъ структурной системы, но нѣкоторое живое единство, непосредственно переходящее въ свои состоянія и съ ними слитное.* Прибѣгая къ сравненію, мы можемъ уподобить это единство рѣкѣ, разбивающейся на рукава, съ тою только разницею, что въ сознаніи нашего Я осуществляются какъ центробѣжныя, такъ и центростремительныя перераспредѣленія силъ. Первымъ соотвѣтствуетъ активное усиленіе тѣхъ или иныхъ состояній сознанія, вторымъ же ослабленіе и забвеніе этихъ состояній. Несомнѣнно, что многое въ нашемъ сознаніи совершается на основаніи чисто ассоціативныхъ законовъ, касающихся лишь взаимоотношеній элементовъ сознанія, какъ таковыхъ. Эти, такъ сказать, самопроизвольно развивающіеся процессы проходятъ черезъ наше сознаніе, не испытывая

почти никакого воздѣйствія со стороны нашего Я и только соприкасаясь съ нимъ какъ съ необходимымъ перекрестнымъ пунктомъ, при чемъ наше Я играетъ въ этихъ случаяхъ роль связующаго и воспринимающаго центра. Какъ мы уже говорили, множество состояній сознанія и ихъ ассоціацій совершенно не зависятъ отъ нашихъ усилій воли; кромѣ того, многіе процессы первоначально активнаго характера совершаются впослѣдствіи на почвѣ частаго повторенія и привычки почти пассивно исключительно подъ вліяніемъ импульсивныхъ силъ, заключающихся въ отдѣльныхъ состояніяхъ сознанія. Такъ, напримѣръ, осторожность, заключающая въ себѣ нѣкоторую активность въ координаціи дѣйствій, проводимая всюду и всегда и поставленная нами въ основной принципъ дѣйствій, превращается въ концѣ концовъ въ трусость, внутреннія проявленія которой совершаются уже совершенно пассивно подъ вліяніемъ воспитавшихся и закрѣпившихся въ насъ ощущеній, эмоцій, и двигательныхъ координацій охранительнаго характера. Вообще въ состояніяхъ сознанія, не смотря на принадлежность ихъ нашему сознанію, какъ цѣлому, необходимо признать также и нѣкоторую долю самостоятельности и активности, постепенно увеличивающуюся въ той мѣрѣ, въ какой наши волевыя усилія не оказываютъ имъ никакого противодѣйствія или даже, напротивъ, съ ними согласуются. Эта самостоятельность и даетъ поводъ къ ошибочному, по нашему мнѣнію, пониманію нашего сознанія какимъ-то скопленіемъ соединяющихся и разъединяющихся по извѣстнымъ законамъ состояній, координированныхъ въ объединенную систему чисто внѣшнимъ образомъ, исключительно подъ вліяніемъ ихъ собственныхъ силъ. Принципы ассоціаціонной психологіи вѣрны и незыблемы лишь тамъ, гдѣ дѣло касается пассивно воспринимаемыхъ нашимъ Я процессовъ сознанія. Но какъ скоро въ эти процессы входитъ усиліе воли, хотя бы въ самомъ ничтожномъ напряженіи, мы должны считаться съ новымъ факторомъ, а именно съ нашимъ Я. *Кто считаетъ возможнымъ игнорировать этотъ факторъ, тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ обязанъ игнорировать тѣ важнѣйшіе акты развитого сознанія, которые можно назвать сравненіемъ, оцѣнкой, логической и волевой координаціей, такъ какъ эти акты могутъ осуществляться лишь въ нѣкоторомъ живомъ активномъ единствѣ, включающемъ въ себѣ всѣ элементарныя состоянія, и безъ предположенія такого единства, по самому понятію своему, немыслимы.* Признавать всю жизнь нашего сознанія развивающеюся подъ вліяніемъ дѣйствій и ассоціацій изолированныхъ силъ столь же позволительно, какъ думать, что симфонія воспроизводится исключительно отдѣльными скрипками, віолончелями, флейтами и другими инструментами. Вѣдь для этого послѣдняго мнѣнія есть тоже весьма не маловажное основаніе: всѣ инструменты имѣютъ свой особый, имъ лишь свойственный,

тембръ, спеціально для нихъ написанную партію и спеціальнаго исполнителя, словомъ, представляютъ весьма самостоятельныя единицы, дѣйствующія какъ будто совершенно самопроизвольно. Въ данномъ случаѣ не стоитъ, конечно, труда убѣдиться, что эта музыкальная механика представляетъ лишь нѣчто кажущееся и что, какъ сущность, такъ и исполненіе партіи того или иного инструмента находится еще въ весьма существенной зависимости отъ того цѣлаго, которое называется симфоніей и *которое можетъ вмѣщаться лишь въ нѣкоторомъ живомъ и активномъ единствѣ включающемъ и сопоставляющемъ въ себѣ всѣ отдѣльные музыкальные элементы оркестра.* При созданіи симфоніи этимъ живымъ единствомъ является ея авторъ, а при исполненіи дирижеръ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ съ такою же наглядностью найти въ своемъ сознаніи автора и дирижера нашего психическаго оркестра, воспроизводящаго эстетическія *), логическія и этическія „симфоніи", но вовсе не потому, чтобы онъ былъ для каждаго изъ насъ ужъ такъ непримѣтенъ, *а пожалуй, что по совершенно противоположной этому причинѣ, которая заставляетъ также иногда насъ, пересчитывая собравшихся въ комнатѣ людей, счесть всѣхъ, кромѣ самого себя.*

Такимъ образомъ, данное нами въ 4-й главѣ опредѣленіе нашего Я, какъ нѣкоторой связной совокупности состояній сознанія, мы должны теперь весьма существенно видоизмѣнить и дополнить. Наше Я есть не просто совокупность состояній сознаній, но активное *единство*, включающее въ себѣ всѣ качества и связи отдѣльныхъ состояній и, кромѣ того, могущее относиться къ нимъ, какъ нѣкоторая отъ нихъ особая координирующая и импульсивная сущность. Мы пришли къ признанію этой сущности путемъ разсмотрѣнія процессовъ, присущихъ высшимъ формамъ сознанія и состоящихъ въ разумныхъ и идейныхъ проявленіяхъ воли. Мы взяли именно эту область духовной жизни, потому что на ней съ наибольшею очевидностью обнаруживается необходимость признанія нашего Я сравнивающимъ и активнымъ началомъ. Но разъ мы уже пришли къ такому пониманію Я, намъ трудно признать его бездѣятельнымъ гдѣ бы то ни было. Во-первыхъ, значеніе нашего Я, *какъ связующаго* единства, обнаруживается всегда. Въ чемъ же состоитъ воспоминаніе или даже связь разнородныхъ, но смежныхъ по времени и пространству элементовъ сознанія, какъ не въ нѣкоторомъ активномъ задерживаніи и сочетаніи многаго въ единствѣ нашего Я. Чувство усилія нельзя еще считать единственнымъ показателемъ фактически совершающихся актовъ нашего Я. Оно возникаетъ лишь тогда, когда намъ предстоитъ совершать не совсѣмъ обычныя и для насъ затруднительныя перемѣны въ сознаніи. То же, что

*) Мы имѣемъ въ виду художественную дѣятельность нашего Я.

совершается легко и привычно, можетъ совсѣмъ не сопровождаться усиліями. Здоровый человѣкъ совершенно не чувствуетъ никакихъ усилій при стояніи, ходьбѣ и т. п. обычныхъ актахъ; но то, что и на это требуется извѣстная затрата силъ, обнаруживается, когда мы дѣлаемся больны и ослабѣваемъ. Точно такимъ же образомъ обнаруживается активность множества процессовъ сознанія, которые обычно даны намъ въ сознаніи, какъ пассивные. Утомленные и ослабѣвшіе, мы чувствуемъ усталость отъ процессовъ даже чисто рецептивнаго характера, состоящихъ въ воспріятіи зрительныхъ или слуховыхъ ощущеній. Наше вниманіе въ такихъ случаяхъ способно останавливаться только на чемъ-нибудь одномъ, совершенно упуская изъ виду всѣ смежные по времени и протяженію элементы. Кромѣ того, мы должны также признать, что не только идеи, но и низшія и примитивнѣйшія состоянія сознанія даютъ обширное поприще для оцѣнки и выбора. Мы видимъ иногда колебанія въ движеніяхъ ребенка и животныхъ между тѣмъ или инымъ ощущеніемъ; ребенка влечетъ красный цвѣтъ одной игрушки, но въ то же время его привлекаетъ звукъ жестяной трубы. Такимъ образомъ мы должны признать, что волевая и координирующая дѣятельность нашего Я обнаруживается почти всюду, при чемъ значительная область нашего сознанія представляетъ для нашего Я какъ бы готовую клавіатуру, на которой оно воспроизводитъ тѣ или иные звуки, заставляетъ умолкнуть одни и усиливаетъ другіе. Конечно, въ природѣ этихъ звуковъ есть много заранѣе даннаго и навязаннаго извнѣ, но все же мы властны производить въ нихъ много измѣненій и порождать по произволу никогда раньше не осуществлявшіеся аккорды и созвучія.

Представленное нами въ краткихъ чертахъ рѣшеніе проблемы сущности сознанія, какъ цѣлаго, вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшаетъ психологическій вопросъ о сущности воли *). Воля есть съ нашей точки зрѣнія не что иное, какъ *актъ нашего Я. Всюду, гдѣ наше Я вмѣшивается въ процессы сознательной жизни осуществляются и волевые акты.* Въ сущности наша воля дѣйствуетъ всюду и всегда, хотя сознается нами, какъ таковая, лишь въ моменты наибольшаго напряженія. Съ этой стороны Шопенгауеръ имѣлъ полное психологическое основаніе видѣть внутреннюю сущность бытія въ волѣ. Но онъ пошелъ въ этомъ направленіи черезъ чуръ далеко и волю, данную намъ, какъ актъ, гипостасировалъ въ сущность. Мы поступаемъ въ данномъ случаѣ

*) Но не рѣшаетъ еще вполнѣ вопроса о свободѣ воли. То, что наше Я обладаетъ нѣкоторой свободой по отношенію къ состояніямъ сознанія еще не ручается за его свободу вообще. Вѣдь возможно, что источникъ силы, заключающійся въ Я, *заимствованъ* извнѣ (напримѣръ отъ Бога) и можетъ быть во всякій моментъ прекращенъ.

совершенно наоборотъ. Мы отрицаемъ волю, какъ особую сущность и какъ *особое* состояніе сознанія, а видимъ въ ней лишь акты нашего Я. Сущность этихъ актовъ состоитъ психологически въ усиленіи, ослабленіи и взаимной координаціи отдѣльныхъ состояній сознанія. Такимъ образомъ воля съ нашей точки зрѣнія есть *всякое* состояніе сознанія, поскольку оно представляетъ продуктъ нашего Я. У Шопенгауера понятіе субъекта поглощается понятіемъ воли. У насъ же, напротивъ, понятіе воли включается въ понятіе дѣйствующаго субъекта, какъ его безразличный по содержанію актъ. Общность психологическаго приложенія понятія воли и въ томъ, и въ другомъ случаѣ одинакова, но метафизическое значеніе этихъ понятій существенно различно.

Внѣшнія проявленія остальныхъ, извѣстныхъ намъ, низшихъ существъ, не даютъ никакихъ данныхъ понимать ихъ сознаніе какимъ-либо инымъ въ основныхъ чертахъ своей природы сравнительно съ нашимъ. Проявленія эти указываютъ лишь на меньшее разнообразіе состояній сознанія ихъ меньшую интенсивность и болѣе простую координацію. Отсутствіе ясныхъ и отчетливыхъ идей исключаетъ, конечно, возможность представлять себѣ этихъ существъ руководящимися идейными стимулами, но это вовсе не исключаетъ возможности волевой дѣятельности, т.-е. актовъ того центральнаго живого единства, которое сознается этими существами точно такъ же, какъ мы сознаемъ свое Я. Безъ такого единства вообще немыслима какая бы то ни было живая сложная система. Мертвый связующій пунктъ всяческаго многообразія представимъ или мыслимъ лишь въ абстракціи, и именно тогда, когда мы ради тѣхъ или иныхъ условныхъ цѣлей и основаній игнорируемъ динамику соотношеній и гипостасируемъ въ реальное бытіе какой-нибудь одинъ замершій моментъ. Живое же единство не можетъ быть внутренно неподвижнымъ и недѣятельнымъ и вообще оставаться безразличнымъ къ отдѣльнымъ элементамъ сосредоточеннаго въ немъ многообразія. Если въ сознаніи животныхъ нѣтъ идей, то оцѣнка и волевая координація осуществляется по отношенію къ простымъ элементамъ сознанія въ зависимости отъ ихъ качествъ и чувственнаго тона, т.-е. удовольствія и страданія. Если собака находится подъ вліяніемъ двухъ стимуловъ, съ одной стороны стремленія залаять и укусить вошедшаго чужого человѣка и съ другой стороны боязни угрожающаго и усмиряющаго ее хозяина, то тутъ мы находимъ такія же данныя для проявленія волевой дѣятельности, какъ и въ сознаніи развитого человѣка. Насколько оба эти стимула одновременно даны въ сознаніи собаки, настолько является для нея возможность склоняться на ту или другую сторону, при чемъ въ окончательномъ рѣшеніи, т.-е. въ безпокойствѣ или успокоеніи собаки играетъ нѣкоторую опредѣляющую роль,

кромѣ качествъ и интенсивности конкурирующихъ стимуловъ то промежуточное живое единство, въ которомъ оба эти стимула совпадаютъ и сопоставляются.

Волевой актъ съ разсматриваемой нами точки зрѣнія есть творческій актъ по преимуществу. Насколько элементы сознанія дѣйствуютъ другъ на друга самостоятельно, настолько въ сознаніи происходитъ лишь повтореніе тѣхъ или иныхъ уже ранѣе опредѣлившихся ассоціацій. Въ волевомъ же актѣ Я мы встрѣчаемся какъ какъ бы съ твореніемъ новыхъ системъ и качествъ изъ безкачественной сущности Я. Мы уже упоминали, что Я дано въ сознаніи, какъ нѣчто безкачественное и неопредѣленное, вслѣдствіе чего оно и не можетъ быть опредѣлимо по содержанію помимо своихъ состояній. Въ волевомъ актѣ безкачественная сущность Я претворяется въ то или иное состояніе сознанія или ихъ ассоціацію, при чемъ какъ бы происходитъ эманація сущности Я въ опредѣленное качественное данное. Это приводитъ насъ къ взгляду на всѣ сознательныя существа, какъ на нѣкоторыя самотворческія начала, какъ бы превращающія безкачественное бытіе въ качественное. Насколько далеко простирается эта возможность произвольнаго творенія и какъ она видоизмѣняется, сообразно развитію существъ, это мы разсмотримъ далѣе въ связи съ вопросомъ о взаимодѣйствіи существъ. Теперь же мы сдѣлаемъ общую формулировку разсмотрѣннаго нами въ этой главѣ содержанія понятія Я, имѣя въ виду лишь его внутреннія соотношенія, независимо отъ всѣхъ внѣшнихъ вліяющихъ на него силъ.

Разсмотрѣніе внутреннихъ соотношеній сознанія привело насъ къ признанію особаго отъ состояній сознанія безкачественнаго Я. Но если мысль невольно приходитъ къ построенію понятія о такой особой сущности, то оно можетъ оставаться въ нашемъ умѣ, какъ обособленное, лишь въ моменты спеціальнаго направленія на него вниманія, и вообще путемъ чрезвычайно искусственной и насильственной абстракціи. На самомъ же дѣлѣ наше Я и отдѣльныя состоянія сознанія даны намъ въ сознаніи, какъ нѣчто единое и слитное. Поэтому и въ понятіи, насколько мы хотимъ воспроизвести въ немъ дѣйствительность такою, какова она есть, мы должны мыслить Я, включающимъ въ себѣ всѣ элементы сознанія, какъ его состоянія, или, наоборотъ, сознаніе включающимъ въ себѣ Я, какъ живой объединяющій пунктъ. Тотъ или другой изъ этихъ двухъ способовъ пониманія можетъ быть допускаемъ въ зависимости отъ того, что̀ именно по преимуществу имѣется въ виду нашею мыслью, т.-е. единство ли сознанія или его множественность. И то, и другое для сознанія одинаково существенно и характерно. Такъ какъ намъ придется теперь обратиться къ вопросу о взаимодѣйствіи отдѣльныхъ сознаній или Я другъ съ другомъ, то намъ слѣдуетъ найти и формулировать такое понятіе, въ

которомъ обѣ эти стороны были бы вполнѣ уравновѣшены и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ выражались бы въ своей связности. Мы не можемъ въ данномъ случаѣ воспользоваться классическимъ понятіемъ раціональной философіи, а именно понятіемъ субстанціи. Во-первыхъ, потому, что въ немъ мыслятся, какъ опредѣляющіе его признаки, вѣчность, независимость и самостоятельность, лишь съ большимъ ограниченіемъ приложимые къ нашему Я. Во-вторыхъ, понятіе это обыкновенно включало въ себѣ представленіе неподвижности и какой-то мертвенности *), вполнѣ соотвѣтствующей, впрочемъ, тому формально-абстрактному содержанію, которое въ немъ обыкновенно выражалось, и только у Лейбница получило смыслъ *активнаго* подвижнаго начала. Мы считаемъ наиболѣе удобнымъ остановиться на понятіи „души“, какъ нѣкотораго подвижного непространственнаго единства, ежемгновенно дробящагося на отдѣльныя состоянія, качественность и интенсивность которыхъ опредѣляется, какъ изъ самаго этого единства, такъ и внѣшними воздѣйствіями. Хотя наше понятіе души включаетъ въ себѣ, какъ необходимый признакъ, измѣнчивость своего состава, но это не исключаетъ возможности какой угодно степени прочности и постоянства основныхъ формъ и соотношеній. Измѣнчивости подлежатъ всѣ состоянія души, насколько они индивидуальны и своеобразны, постоянство же дѣятельности души обнаруживается въ частомъ осуществленіи какихъ-нибудь общихъ типовъ состояній и ихъ комбинацій. Кромѣ того мы должны признать душу обладающею внутренно лишь нѣкоторою степенью свободы и самостоятельности, такъ какъ множество состояній возникаетъ въ душѣ съ сознаніемъ навязчивости и необходимости и при томъ иногда вопреки всѣмъ ея стремленіямъ и склонностямъ.

Души отличаются другъ отъ друга по сложности, интенсивности и координаціи своихъ состояній. Каждая душа бываетъ способна испытывать въ данное время лишь опредѣленный циклъ состояній сознанія въ той или иной степени интенсивности и въ той или иной координаціи. Этими данными и характеризуется индивидуальная сущность душъ въ каждый данный моментъ. То, къ чему способна душа и что составляетъ наиболѣе характерное и яркое ея содержаніе, является ея сущностію, какъ единаго цѣлаго. Подъ вліяніемъ внутренняго самотворческаго начала и внѣшнихъ силъ, т.-е. другихъ душъ, каждая душа мѣняется въ указанныхъ трехъ отношеніяхъ, *т.-е., во 1-хъ, пріобрѣтаетъ способность испытывать новыя состоянія сознанія (сложность), во-2-хъ, становится интенсивнѣе въ своихъ проявленіяхъ*

*) Поэтому-то оно и оказалось вполнѣ пригоднымъ не только для выраженія бытія духовнаго порядка, но также и для обозначенія мертвыхъ матеріальныхъ сущностей.

(*интенсивность*) *и въ 3-хъ, приводитъ свое содержаніе все къ болѣе и болѣе координированному соотношенію* (*гармоничность*). Эти измѣненія могутъ происходить какъ въ прогрессивномъ, такъ и регрессивномъ направленіяхъ. *Въ усиленіи, усложненіи и гармонизаціи душъ заключается ихъ совершенствованіе.* Души могутъ совершенствоваться или регрессировать сразу во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ или же только въ какомъ-нибудь одномъ изъ нихъ. Поэтому души могутъ одновременно превосходить другъ друга въ одномъ отношеніи и уступать въ другомъ. Мы зачастую встрѣчаемъ людей съ весьма богатымъ духовнымъ содержаніемъ, но совершенно неспособныхъ какъ-либо замѣтно проявляться вслѣдствіе вялости или внутренней хаотичности и противорѣчивости состояній сознанія. Съ другой стороны, многія души весьма ограниченныя и примитивныя по циклу тѣхъ чувствъ, идей и настроеній, къ которымъ онѣ способны, могутъ проявлять огромную жизненную силу, какъ вслѣдствіе внутренней напряженности состояній сознанія, такъ и путемъ гармоничной ихъ координаціи, дающей возможность къ наиболѣе выгодному распредѣленію и суммированію отдѣльныхъ и разнородныхъ импульсивныхъ состояній. Нормальное развитіе душъ предполагаетъ, конечно, совершенствованіе во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ.

Извѣстныя намъ души людей и животныхъ представляютъ лишь ничтожную часть іерархической лѣстницы существъ. Что кромѣ извѣстныхъ намъ душъ людей и животныхъ, существуетъ еще множество другихъ типовъ душъ высшаго и низшаго порядка—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Разнообразіе и непрерывность въ мірѣ образовъ чувственныхъ объединенныхъ системъ заставляютъ насъ предполагать такое же разнообразіе и непрерывность и въ видоизмѣненіяхъ типовъ реальнаго міра душъ. Мы не можемъ не придавать никакого значенія этимъ чувственнымъ значкамъ, которые являются въ общемъ и цѣломъ весьма тонкими и детальными показателями соотвѣтствующей имъ реальности. Насколько понятія химической частицы, атома извѣстныхъ элементовъ или первичной примордіальной матеріи не представляютъ пустыхъ, ничего не значащихъ, фикцій, но имѣютъ за собою нѣкоторое достаточное основаніе, настолько мы должны признать существованіе какихъ-то соотвѣтствующихъ этимъ понятіямъ простѣйшихъ душъ. Разъ эти понятія матеріальности не могутъ выражать какой бы то ни было въ себѣ сущей дѣйствительности, то очевидно, что ихъ слѣдуетъ признать символами такой дѣйствительности. Признавать же какой-нибудь особый родъ бытія, кромѣ извѣстнаго намъ бытія духовныхъ существъ, рѣшительно нѣтъ никакихъ основаній, такъ какъ чувственно-символическія системы представленій матеріальности и отъ нихъ производныхъ понятій составляютъ непрерывную, постепенно измѣняющуюся, родственную цѣпь, указывающую на однородность и родство всего существующаго.

Послѣднимъ элементомъ пространственно-чувственнаго міра являются частицы эфира. Если химія не пришла еще къ признанію гипотезы первичной матеріи наиболѣе вѣроятной *), то въ сущности это сдѣлано уже физикой. Явленія свѣта и электричества, отличаясь отъ прочихъ физическихъ явленій необычайной быстротой своего распространенія и чрезвычайной тонкостью въ передачѣ тѣхъ или иныхъ эффектовъ на огромныя разстоянія, немыслимы безъ предположенія соотвѣтствующей имъ идеально тонкой, упругой среды, которая могла бы передавать какъ-либо возникшія колебанія на огромныя разстоянія почти безъ всякой потери. Эмпирически извѣстныя намъ самыя тончайшія формы матеріи совершенно непригодны для этой роли, именно по своей грубости, а потому наша мысль никакъ не можетъ остановиться на нихъ, какъ на простѣйшихъ и абсолютно элементарныхъ представителяхъ матеріи. Предположеніе существованія иного рода матеріи, способной къ безконечно бо́льшему раздробленію и тонкости въ передачѣ движеній, чѣмъ извѣстные намъ газы, является для нашего ума обязательнымъ, поскольку мы хотимъ сдѣлать какъ-либо понятными и мыслимыми такія явленія, какъ свѣтъ. Поэтому, если и возможно еще считать понятіе эфира гипотетическимъ, то лишь по отношенію къ тому или иному *опредѣленному* содержанію, которое вкладывается спеціалистами физиками въ это понятіе. Какъ понятіе же вообще простѣйшей (по сравненію съ извѣстными намъ) формы матеріи, оно неоспоримо. Такое понятіе эфира представляетъ, конечно, понятіе значковаго или символическаго порядка, т.-е. выражаетъ нѣкоторую теоретически возможную форму чувственнаго воспріятія, отличную отъ извѣстныхъ намъ формъ лишь количественно (т.-е. какъ безконечно малая величина массы или сопротивляемости). Этой теоретически возможной формѣ чувственнаго воспріятія мы должны признать соотвѣтствующею такую же примитивную и первоначальную форму нечувственнаго духовнаго бытія, такъ какъ вообще никакое данное матеріальнаго порядка не можетъ быть нами оставлено безъ соотвѣтственнаго истолкованія и, такъ сказать, транспонированія его въ сферѣ бытія нечувственнаго или духовнаго. Такимъ образомъ, понятіе эфира приводитъ насъ къ понятію безконечно малыхъ сущностей духовнаго порядка. Соотвѣтственно формулированному нами общему понятію души, мы должны понимать эти простѣйшія души лишенными какой бы то ни было сложности сознанія, т.-е. одаренными какою-либо одною качественною формою сознательности, имѣющею минимальную степень напряженія. Въ эволюціи міра эти души должны быть признаны *возникающими* въ своемъ существованіи въ качествѣ отдѣльностей,—первымъ моментомъ эманаціи

*) Хотя и въ химіи гипотеза эта всегда находила себѣ приверженцевъ между многими выдающимися представителями этой науки.

изъ неисчерпаемаго единства міровой системы. Наконецъ вполнѣ возможно, что чувственное воздѣйствіе на сознаніе (дающее въ результатѣ чувственные образы тѣлъ) обычно лишь для низшихъ душъ, высшія же воздѣйствуютъ, какъ на насъ, такъ и другъ на друга какимъ-нибудь не чувственнымъ, и потому намъ не доступнымъ, способомъ.

Обращаясь въ другую сторону отъ занимаемаго нами положенія, мы не находимъ никакихъ чувственныхъ значковъ, какъ-либо опредѣленно указывающихъ на другія *высшія* формы бытія. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы понятіе о такихъ существахъ было бы лишь продуктомъ не дисциплинированной мысли. Напротивъ того, полнѣйшимъ произволомъ и умственною слѣпотою было бы остановиться на человѣкѣ, какъ на высшей формѣ духовнаго бытія. Такое воззрѣніе еще было бы умѣстно въ эпоху распространенія геоцентризма, ставящаго нашу маленькую планету съ ея жителями въ привилегированное положеніе центра среди другихъ. Игнорировать же этотъ вопросъ за отсутствіемъ какихъ-либо *опредѣленныхъ* фактическихъ данныхъ можно только изъ склонности къ ученому педантизму, потому что важность этого вопроса какъ въ метафизикѣ, такъ и въ судьбѣ этическихъ построеній не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, а потому *всякое* такъ или иначе относящееся къ этому вопросу данное должно быть истолковано въ ту или другую сторону. Но если мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, дающихъ возможность составить опредѣленное понятіе о высшихъ формахъ бытія, то у насъ нѣтъ недостатка въ указаніяхъ на то, что такія формы *вообще существуютъ*. Въ этомъ отношеніи огромную роль играетъ тотъ необъятный горизонтъ, который открываетъ намъ астрономія. Насколько частнымъ, случайнымъ и спеціальнымъ, по своимъ условіямъ, является съ астрономической точки зрѣнія тотъ уголокъ жизни, который открытъ намъ на нашей планетѣ, настолько же обрывочными и неполными должны представляться намъ тѣ формы жизни, которыя въ немъ осуществляются. Нѣтъ сомнѣнія, что другія планетныя системы съ бо́льшимъ запасомъ жизненныхъ силъ и съ бо́льшимъ разнообразіемъ возможныхъ комбинацій и условій могли произвести множество формъ, осуществляющихъ совершенно для насъ недоступные выходы и проявленія духовныхъ качествъ и силъ.

Если мы сдѣлаемъ послѣдній шагъ мысли въ этомъ направленіи и предположимъ существованіе души, объединяющей всѣ отдѣльности міровой системы въ творчески волевыхъ актахъ такимъ образомъ, что въ мірѣ не остается ни одного простѣйшаго духовнаго атома, который былъ бы внѣшнимъ и чуждымъ этой міровой душѣ, то мы придемъ къ понятію о высочайшей формѣ духовнаго бытія, исключающей возможность какого бы то ни было превосходства и вообще внѣположенія.

ГЛАВА IX.

Взаимодѣйствіе. Единство міровой системы.

Жизнь всѣхъ существъ протекаетъ въ непрерывномъ взаимодѣйствіи другъ съ другомъ. Взаимодѣйствіе есть живая связь между внутренними состояніями и ихъ перемѣнами какъ въ одной душѣ, такъ и въ отдѣльныхъ душахъ. Связь эта дана намъ внутренно въ сознаніи взаимной обусловленности отдѣльныхъ состояній сознанія, а также въ сознаніи соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ не-Я. Въ этомъ соприкосновеніи мы сознаемъ себя или активными, т.-е. вносящими нѣкоторое измѣненіе въ этотъ внѣшній міръ, или только испытывающими и страдающими, т.-е. сознающими наши состоянія и ихъ перемѣны, какъ бы входящими въ насъ откуда-то извнѣ.

Можетъ показаться страннымъ говорить о сознаніи взаимодѣйствія съ внѣшнимъ міромъ, когда намъ въ сознаніи этотъ внѣшній міръ вообще не данъ и когда то, что кажется намъ какъ бы приходящимъ откуда-то извнѣ, т.-е. высшія ощущенія, представляетъ все-таки содержаніе нашего сознанія. Но это недоумѣніе устраняется слѣдующими соображеніями. Во-первыхъ, мы можемъ сознавать внѣшнее, совершенно не выходя изъ предѣловъ нашего сознанія, путемъ испытыванія его вліянія на наши же состоянія сознанія и ихъ перемѣны; мы сознаемъ себя творчески дѣйствующими во внѣ или испытывающими воздѣйствія извнѣ, смотря по тому центробѣжно или центростремительно направлена обусловленность состояній нашего сознанія и ихъ перемѣнъ. Словомъ, взаимодѣйствіе можетъ быть дано намъ въ сознаніи въ динамикѣ его состояній, а не только ихъ качественности. Мы сознаемъ наши состоянія и ихъ измѣненія или обусловленными нашимъ Я и исходящими изъ него, какъ изъ дѣятельнаго центра, или же, наоборотъ, какъ бы входящими въ сознаніе откуда-то извнѣ и измѣняющимися совершенно помимо и независимо отъ его воли. Легко преодолѣвая какую-нибудь тяжесть, напр., сворачивая большой камень, мы сознаемъ свое моторное усиліе свободно исходящимъ изъ нашего Я, которое сознается нами при этомъ обусловливающимъ множество модификацій

въ качествѣ и напряженіи моторныхъ ощущеній. Но если мы чувствуемъ себя подавленными большою тяжестью, вообще находящимися во власти какой-нибудь внѣшней силы, то модификаціи тѣхъ же самыхъ моторныхъ ощущеній сознаются нами уже въ обратномъ порядкѣ, т.-е. обусловленными отъ крайнихъ, какъ бы на предѣлахъ нашего сознанія возникающихъ состояній, совершенно отъ насъ независимыхъ. Но о сознаніи внѣшняго намъ міра можно еще говорить въ томъ смыслѣ, что нѣкоторыя состоянія сознанія, оставаясь нашими, содержатъ въ себѣ нѣчто непрерывно переходящее уже въ содержаніе міра не-Я. Другими словами, нѣкоторыя состоянія сознанія представляютъ какъ бы своего рода спайку между Я и не-Я, являющуюся одновременно рубежемъ и того, и другого. Такими можно признать, напр., наши высшія ощущенія, входящія въ составъ образовъ такъ называемыхъ матеріальныхъ предметовъ. Признавая, однако, такую двойственность въ природѣ этихъ состояній, вовсе не слѣдуетъ думать, что они въ своей качественности могутъ какъ-либо выражать и воспроизводить сущность этого внѣшняго міра и что такимъ образомъ представленія матеріальныхъ тѣлъ могутъ имѣть какую-либо объективную значимость. Это было бы ошибочно, прежде всего, уже потому, что ощущенія наши, если и включаютъ въ себѣ что-либо внѣшнее, то, во всякомъ случаѣ, это внѣшнее неразрывно слито съ сущностью нашего собственнаго сознанія, съ которымъ оно находится во взаимномъ проникновеніи и которое, конечно, вноситъ существенное видоизмѣненіе въ это извнѣ присоединяющееся качественное содержаніе. Кромѣ того, мы должны всегда имѣть въ виду, что первымъ звеномъ внѣшняго міра, съ которымъ мы находимся въ тѣснѣйшемъ взаимодѣйствіи, является то, что имѣетъ своимъ чувственнымъ символомъ наше собственное тѣло. Судя по тѣмъ даннымъ, которыя даются намъ въ изученіи этого чувственнаго значка (т.-е. даннымъ анатоміи, гистологіи и физіологіи), его нужно признать соотвѣтствующимъ цѣлой сложной системѣ простѣйшихъ существъ или душъ (чувственными значками которыхъ являются клѣточки и ихъ элементы), находящихся въ постоянномъ и ближайшемъ взаимодѣйствіи съ нашимъ Я или съ нашею душою. Такимъ образомъ самыя первыя и непосредственныя воздѣйствія извнѣ мы получаемъ отъ тѣхъ низшихъ существъ, которыя составляютъ систему нашего тѣла; и съ состояніями *именно этихъ* существъ какъ разъ и связаны неразрывною спайкою всѣ тѣ состоянія сознанія, которыя имѣютъ своимъ живымъ единствомъ наше Я. Поэтому то внѣшнее, что заключается, напримѣръ, въ качественномъ содержаніи созерцаемой нами картины природы, ни коимъ образомъ не можетъ быть отнесено къ какимъ-то внѣшнимъ *нашему тѣлу* (какъ системѣ простѣйшихъ душъ) предметамъ, но лишь къ внутреннимъ состояніямъ тѣхъ простѣйшихъ существъ, которыя символизируются въ чувственной картинкѣ строенія нашего тѣла, какъ

нервныя клѣтки на поверхности ретины глаза, а также въ зрительныхъ центрахъ мозга. Состоянія этихъ простѣйшихъ душъ, суммированныя и объединенныя въ нѣкоторыя простыя единства, входятъ въ качественное содержаніе нашихъ зрительныхъ ощущеній, при чемъ у насъ и возникаетъ сознаніе нѣкоторой внѣшней данности, которую мы ошибочно видимъ во всемъ содержаніи ощущеній и затѣмъ столь же ошибочно относимъ далеко за предѣлы нашего тѣла въ видѣ качествъ протяженныхъ предметовъ.

Такимъ образомъ, признавая въ нашихъ ощущеніяхъ данность нѣкотораго внѣшняго сознанію содержанія, мы очень далеки отъ мысли видѣть ее въ той специфической качественности ощущеній, которою они отличаются другъ отъ друга. Эту качественность мы относимъ всецѣло на долю нашего сознанія, связывающаго громадныя количества внѣшнихъ воздѣйствій тѣхъ или иныхъ элементовъ тѣла*) въ единства простыхъ качествъ ощущеній, которыя, поэтому, можно считать простыми лишь психологически, но никакъ не метафизически. Ощущенія могутъ быть элементарны лишь въ сферѣ нашего объединяющаго сознанія, по происхожденію же своему изъ внѣшнихъ воздѣйствій они всегда представляютъ результатъ какого-нибудь суммированнаго воздѣйствія, иногда, быть можетъ, разнокачественныхъ данныхъ, въ отдѣльности намъ совершенно не доступныхъ. Здѣсь мы опять-таки имѣемъ дѣло со „статистическимъ выводомъ“ изъ множества данныхъ. Конечно, въ этихъ данныхъ есть нѣкоторая закономѣрность и однообразіе; иначе мы не получали бы одинаковыхъ и закономѣрныхъ результатовъ, но все-таки эту правильность въ сферѣ качественности нельзя цѣликомъ относить къ отдѣльнымъ индивидуальностямъ, но лишь къ массовымъ ихъ соотношеніямъ. Итакъ, въ качественности ощущеній мы соприкасаемся не съ тѣмъ внѣшнимъ міромъ, который мы должны признать внѣ предѣловъ нашего тѣла, но съ самымъ этимъ тѣломъ, а именно съ тѣми его частями и элементами, которые спеціально приспособлены въ системѣ тѣла для передачи или символизаціи событій внѣшняго сознанію міра.

Только такимъ способомъ считаемъ мы возможнымъ объяснить психологическій фактъ сознанія внѣшности и нашего съ нею взаимодѣйствія. Мы не можемъ считать это сознаніе простою иллюзіею, потому что мы пришли бы въ такомъ случаѣ къ неразрѣшимой психологической проблемѣ объяснить существованіе этой иллюзіи въ однихъ случаяхъ и ея отсутствіе въ другихъ. Несомнѣнно, что эта внѣшность должна быть намъ какъ-либо дана въ нашемъ же сознаніи. Эту данность мы какъ разъ находимъ

*) Подъ тѣломъ и его элементами мы разумѣемъ, теперь, конечно, не чувственные образы организма и составляющихъ его клѣточекъ, а ту систему простѣйшихъ душъ, которую мы необходимо должны признать соотвѣтствующею въ реальномъ бытіи сложному феномену чувственно воспріемлемаго тѣла. Изъ предыдущаго изложенія ясно, что только такое философское истолкованіе и можетъ быть дано феномену тѣла.

въ непосредственномъ соприкосновеніи нашего сознанія съ сознаніями другихъ существъ, а именно, составляющихъ систему нашего тѣла. Предѣлы нашего сознанія мы не можемъ представлять иначе, какъ сознаніемъ другихъ существъ, съ которыми мы находимся въ неразрывной связи и слитности. Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы наше сознаніе представляло бы вмѣстѣ съ другими сознаніями какую-то неразличимую смѣсь. Непрерывность перехода одного въ другое вовсе не исключаетъ самостоятельности и отдѣльности соприкасающихся сущностей. Мы видимъ въ свѣтовомъ спектрѣ всѣ элементарные цвѣта непрерывно переходящими одинъ въ другой, но это нисколько не мѣшаетъ быть имъ все-таки разными цвѣтами, отличными другъ отъ друга въ своей качественности. Подобнаго же рода слитность должны мы признать во взаимодѣйствіи отдѣльныхъ душъ. Обусловленность и причиненіе состоятъ не въ чемъ иномъ, какъ во взаимномъ проникновеніи отдѣльныхъ душъ другъ друга, при чемъ переходъ какихъ-нибудь состояній или перемѣнъ изъ одной въ другую является для одной изъ взаимодѣйствующихъ сторонъ причиненіемъ, для другой же — обусловленностью или страданіемъ. Конечно, всякое состояніе, или дѣйствіе, распространяясь изъ одной души въ другую, несомнѣнно само претерпѣваетъ то или иное измѣненіе и дѣлается уже инымъ по качеству и интенсивности. Такимъ образомъ причина и дѣйствіе, представляя непрерывное продолженіе другъ друга, ни въ какомъ случаѣ не равны и не тожественны другъ другу. Дѣйствіе всегда заключаетъ въ себѣ нѣчто изъ содержанія причины съ присоединеніемъ нѣкотораго новаго содержанія, въ причинѣ не заключавшагося. Итакъ, *подъ взаимодѣйствіемъ мы разумѣемъ такое, не уничтожающее самобытности взаимодѣйствующихъ сущностей, сліяніе ихъ, въ которомъ состояніе одной переходитъ непрерывно въ состояніе другой, соотвѣтственно измѣняясь при переходѣ изъ одной сферы въ другую.*

Если мы перейдемъ къ метафизической точкѣ зрѣнія на понятіе взаимодѣйствія, то увидимъ, что и съ этой точки зрѣнія оно всецѣло должно совпасть съ тѣмъ объясненіемъ, которое мы дали взаимодѣйствію, какъ данному намъ во внутреннемъ опытѣ факту сознанія. Разсматривая нашъ вопросъ во всей его общности, мы не можемъ не придти къ заключенію, что всякое взаимодѣйствіе между какими угодно А и В возможно лишь въ томъ случаѣ, если между ними есть хотя бы одна точка соприкосновенія, принадлежащая одновременно и А, и В, т.-е., другими словами, хотя бы одинъ пунктъ сліянія. Дѣйствіе А на В не можетъ переходить черезъ пустоту, или небытіе, потому что то небытіе, которое можетъ какъ-либо передавать воздѣйствіе, уже не есть небытіе или пустота, а непремѣнно какая-либо сущность. Съ другой стороны, взаимодѣйствіе А и В нельзя также объяснять суще-

ствованіемъ между ними посредствующаго звена С, играющаго роль какъ бы передатчика дѣйствія съ А на В; такимъ объясненіемъ вопросъ о взаимодѣйствіи вовсе не разрѣшался бы, такъ какъ пришлось бы все-таки объяснить сущность и возможность взаимодѣйствія между А и С, а потомъ С и В. Только при предположеніи непрерывнаго перехода А въ В можетъ быть мыслимъ переходъ дѣйствія изъ А въ В. Малѣйшее зіяніе между какими бы то ни было сущностями дѣлаетъ переходъ состоянія одной въ другую невозможнымъ. Если бы даже тотчасъ послѣ возникновенія въ А состоянія а, въ В возникло бы состояніе в, могущее считаться по своему содержанію какъ бы продолженіемъ а въ средѣ В, то, при существованіи полной раздѣльности между А и В, мы не могли бы въ данномъ случаѣ признать наличность дѣйствія А на В. Понятіе пустоты или небытія между А и В (что вытекаетъ изъ предположенія раздѣльности между ними) не допускаетъ примѣненія къ нему понятія дѣйствія, которое какъ-то перекидывалось бы черезъ это небытіе изъ А въ В. Поэтому въ такомъ случаѣ мы могли бы допустить только два отдѣльныхъ дѣйствія: одно въ А и другое наступающее тотчасъ же въ В. Но эти два совпадающія дѣйствія не подходили бы уже подъ понятіе взаимодѣйствія, въ которомъ всегда мыслится связь или непрерывность между дѣйствіями двухъ различныхъ А и В, т.-е., въ сущности, одно нераздѣльное дѣйствіе, находящееся и въ томъ, и въ другомъ.

Динамическія соотношенія образовъ всего чувственнаго міра, а также вся жизнь нашего сознанія, приводятъ къ убѣжденію, что всѣ души находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи другъ съ другомъ, т.-е. въ постоянномъ взаимномъ обмѣнѣ и передачѣ своихъ внутреннихъ состояній и перемѣнъ при посредствѣ болѣе или менѣе длительныхъ и глубокихъ сліяній и проникновеній ихъ сущностей другъ съ другомъ. Всѣ видимые нами процессы въ сферѣ органическихъ и неорганическихъ системъ, вообще всѣ представленія и понятія о взаимодѣйствіяхъ, какъ физико-химическаго, такъ и біологическаго порядка, представляютъ лишь чувственные символы,—или схемы такихъ символовъ,—которымъ мы должны признать соотвѣтствующими въ реальности разнаго рода взаимодѣйствія между душами одинаковой или различной степени сложности и развитія. Эти взаимодѣйствія должны мы представлять какъ непрерывные переходы состояній сознанія и ихъ перемѣнъ изъ однѣхъ душъ въ другія. Въ этихъ переходахъ состоянія сознанія, при соблюденіи закона связности и непрерывности, сами измѣняются въ качествѣ и интенсивности и, кромѣ того, измѣняютъ въ той или иной мѣрѣ качественность, интенсивность и координацію другихъ состояній сознанія, съ которыми они входятъ въ ассоціаціи. Всѣ эти взаимодѣй-

ствія являются источникомъ и необходимымъ условіемъ всего подвижнаго разнообразія жизненныхъ формъ и ихъ проявленій. Вся жизнь этихъ формъ протекаетъ въ подвижной слитности, дающей возможность къ переходамъ силъ и разнообразнѣйшимъ динамическимъ соотношеніямъ между ними.

Но является вопросъ, что же даетъ основаніе для признанія отдѣльности и нѣкоторой самостоятельности душъ. Какъ возможно, что всѣ, наблюдаемыя нами чрезъ посредство чувственныхъ символовъ (тѣлъ) души представляются все-таки нѣкоторыми отдѣльными единицами, не смѣшивающимися и не растворяющимися безъ слѣда въ этомъ сплошномъ и текучемъ потокѣ жизни? Возможно это, конечно, только при томъ условіи, что наряду съ непрерывностью и подвижностью въ переходахъ состояній во всѣхъ существующихъ душахъ есть нѣкоторое стойкое и координирующее начало, оказывающее внѣшнимъ воздѣйствіямъ то или иное сопротивленіе и устанавливающее извѣстныя границы, переходя которыя всякое внѣшнее воздѣйствіе должно подчиняться тому или иному внутреннему закону, т.-е. принимать то или иное качество и входить въ ту или иную связь. Границы эти, совпадающія съ предѣломъ дѣйствія или вліянія этого координирующаго начала, замыкаютъ въ себѣ опредѣленную систему закономѣрныхъ соотношеній. Психологически система эта выражается въ понятіи сознанія, какъ живого единства, содержащаго и координирующаго въ себѣ множественность состояній. Метафизически эта система выражается понятіемъ души, объединяющей и координирующей множество душъ низшаго, по степени развитія, порядка, что символизируется въ чувственномъ образѣ тѣла. Такимъ образомъ, раздѣльность и множественность всего видимаго нами міра состоитъ не въ томъ, что между его частями существуютъ какіе-то пустые промежутки, но лишь въ раздѣльности и множественности координирующихъ началъ или душъ. Находясь во взаимной слитности другъ съ другомъ, допускающей непрерывные переходы состояній или дѣйствій отъ одной души къ другой, души эти имѣютъ, однако, каждая около себя опредѣленную сферу дѣйствія и вліянія; границы этой сферы и производятъ чувственный эффектъ отдѣльнаго тѣла *).

*) Изложенное здѣсь понятіе взаимодѣйствія нисколько не стоитъ въ противорѣчіи съ выведеннымъ нами въ 4-й главѣ основнымъ гносеологическимъ принципомъ первоначальности и наибольшей достовѣрности нашего сознанія и познанія о нашемъ Я. Хотя это Я, какъ это выяснено въ настоящей главѣ, и не представляетъ вполнѣ самостоятельнаго начала, которое опредѣлялось бы въ своемъ бытіи своею лишь собственною природою, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы наше сознаніе Я и послѣдующее знаніе о немъ было бы какое-то фальшивое и не настоящее. То, что жизнь нашего сознанія реально обусловлена внѣшнимъ міромъ, воздѣйствіе котораго врывается въ его сферу и даже становится его содержаніемъ,

По отношенію къ вопросу о сущности и природѣ взаимодѣйствія всѣхъ душъ, составляющихъ міръ, т.-е. о сущности міра, какъ цѣлаго у насъ возникаютъ тѣ же двѣ основныя дилеммы, что и въ вопросѣ о сущности сознанія или души. Мы можемъ понимать міръ, состоящимъ изъ взаимодѣйствующихъ между собою частей-душъ, исчерпывающимся и опредѣляющимся въ своей сущности природою этихъ послѣднихъ и ихъ взаимоотношеніями, или же можемъ его понимать живымъ единствомъ, не только что не ограниченнымъ въ своей сущности природою своихъ частей, но, наоборотъ, опредѣляющимъ эти части и ихъ взаимодѣйствія и представляющимъ неисчерпаемый единый первоисточникъ всяческой множественности. Въ пользу этого послѣдняго взгляда было въ свое время высказано много соображеній. Мы, съ своей стороны, всецѣло присоединяемся къ этому способу міропониманія. Но считая его наилучше объясняющимъ всю совокупность пережитого и переживаемаго человѣческимъ сознаніемъ опыта, мы думаемъ, однако, что въ философіи идея мірового единства, какъ живой личности, всегда останется гипотезой и никогда не будетъ въ состояніи пріобрѣсти достовѣрность и неопровержимость научной теоріи. Всѣ событія и соотношенія, которыя только мы наблюдаемъ, всегда могутъ быть разсматриваемы, какъ результатъ дѣйствія совокупности тѣхъ или иныхъ существъ или душъ, составляющихъ лишь части міра. Во всѣхъ данныхъ намъ въ опытѣ взаимодѣйствіяхъ мы съ наглядностью видимъ, какъ эти части вносятъ въ той или иной мѣрѣ свое вліяніе; подсмотрѣть же какъ-нибудь съ очевидностью вліяніе не исчерпывающагося этими частями живаго единства міровой системы, для насъ никогда не представляется возможнымъ. Это дѣятельное участіе во всѣхъ міровыхъ соотношеніяхъ отдѣльныхъ существъ, какъ таковыхъ, всегда даетъ основаніе къ отысканію тѣхъ или иныхъ законностей образованія и развитія изъ элементовъ разнаго рода системъ, имѣющихъ, повидимому, телеологическое значеніе. Всѣ высшія системы, заключающія въ своемъ составѣ низшія формы, всегда могутъ быть при этомъ сведены въ своемъ образованіи и развитіи на наивыгоднѣйшее *случайное* совпа-

---

нисколько не дѣлаетъ это наше сознаніе какъ бы какимъ-то инобытіемъ, познаваемымъ не черезъ самого себя, а черезъ что-то другое. Если воздѣйствія и состоянія внѣшняго міра и входятъ въ наше сознаніе, то въ его предѣлахъ они перестаютъ быть только содержаніемъ внѣшняго міра, но уже относятся къ природѣ нашего Я, преобразующаго эти воздѣйствія въ соотвѣтствующую его сущности качественность, интенсивность и координацію.

Такимъ образомъ, вовсе не слѣдуетъ думать, что въ сознаніи намъ дано не само наше Я, а всегда нѣчто внѣшнее ему. Напротивъ, весь внѣшній міръ данъ намъ въ сознаніи, какъ наше Я; поэтому, прежде всего, мы сознаемъ и познаемъ наше Я. Далѣе, насколько наше Я способно къ правильному и всестороннему отраженію природы и координаціи внѣшняго міра, а также насколько правиленъ тотъ методъ, которымъ мы пользуемся въ истолкованіи этого отраженія,—мы получаемъ возможность познавать и внѣшній міръ.

деніе этихъ формъ, при чемъ формирующимъ и сохраняющимъ стимуломъ такихъ системъ явится не ихъ высшій смыслъ или идея, заключающаяся, конечно, внѣ всѣхъ элементовъ, взятыхъ въ совокупности, но выгода и благополучіе отдѣльностей; отдѣльности эти, стремясь сохранить всѣ случайно подвертывающіяся выгодныя сочетанія, сами того не замѣчая и не понимая, служатъ осуществленію тѣхъ или иныхъ высшихъ идейныхъ началъ. Такого рода объясненіе происхожденія всяческихъ идейныхъ формъ и соотношеній, по нашему мнѣнію, заключаетъ въ себѣ нѣкоторую долю истины. Какова бы ни была сущность міра, какъ цѣлаго, несомнѣнно то, что въ общемъ и цѣломъ всѣ закономѣрныя формы и соотношенія вытекаютъ также изъ всѣхъ взаимодѣйствующихъ частей, при чемъ все высшее, по своей идеѣ и внутреннему смыслу, является результатомъ низшихъ безъидейныхъ элементовъ. Но въ сущности такой порядокъ не только что не говоритъ противъ участія въ міровомъ процессѣ высшей идейной силы, но скорѣе въ пользу этого предположенія. Если развитіе осмысленныхъ формъ совпадаетъ съ интересами стихійныхъ, по отношенію къ нимъ безъидейныхъ элементовъ, то *самый фактъ существованія* этихъ послѣднихъ *именно такими, а не иными*, по своей природѣ, заставляетъ подозрѣвать участіе въ этомъ существованіи какого-то идейнаго начала. Слѣпой и безсмысленный позывъ къ благополучію не можетъ даже при помощи безконечнаго количества благопріятныхъ сочетаній привести къ сложной осмысленной формѣ, *если предварительно въ немъ не заложена возможность осуществляющагося идейнаго результата*. Тотъ фактъ, что безъидейное, въ силу своихъ собственныхъ интересовъ, служитъ въ то же время средствомъ осуществленія идеальныхъ высшихъ формъ, является указаніемъ на весьма выгодную экономику въ координаціи міровыхъ соотношеній, при которой грандіозный замыселъ цѣлаго совершается при помощи и чрезъ посредство осуществленія стремленій и цѣлей отдѣльныхъ частей, вовсе и не подозрѣвающихъ объ существованіи и сущности этого замысла. Такимъ образомъ, съ предположеніемъ единства міра, какъ живого идейнаго начала, вполнѣ согласуется незамѣтность дѣйствія этого начала въ доступномъ нашемъ наблюденію міровомъ порядкѣ. Постоянныя внѣшнія вмѣшательства въ существующія соотношенія міровыхъ элементовъ указывали бы лишь на весьма несовершенную гармонизацію этихъ элементовъ, а также на то, что элементы эти чужды міровому единству, и какъ отъ него отдѣльныя, нуждаются во внѣшнихъ насильственныхъ вторженіяхъ для упорядоченія ихъ соотношеній и приведенія къ идейнымъ формамъ. Если же признать живое единство міра внутренно имманентнымъ всѣмъ его частямъ, то и станетъ вполнѣ понятною та существующая въ мірѣ координація, по которой, изъ интересовъ отдѣльностей, слагается нѣкоторое цѣлое,

идея котораго не заключается ни въ каждой отдѣльности порознь, ни въ ихъ простой суммѣ или совокупности.

Впрочемъ, насколько мы признаемъ каждую отдѣльность или душу обладающею тою или иною степенью самостоятельности и свободы, настолько надо ожидать возможность уклоненія ея отъ недоступнаго ей мірового замысла и необходимость того или иного спеціальнаго вмѣшательства высшей силы, исходящей изъ мірового единства, для исправленія этого уклоненія. И это вмѣшательство и координація можетъ дѣлаться болѣе или менѣе замѣтною для тѣхъ или иныхъ существъ. Всякое рѣзкое уклоненіе отъ нормы обычныхъ соотношеній, т.-е. то, что называется чудомъ, и должно быть признано такимъ вмѣшательствомъ, исходящимъ изъ единства міровой системы. Такимъ образомъ, многія чудесныя событія могли, казалось бы, служить наглядным и несомнѣннымъ доказательствомъ существованія координирующаго мірового единства. И несомнѣнно, что для множества людей они служили и, можетъ быть, продолжаютъ служить такимъ доказательствомъ. Но это доказательство никогда не можетъ пріобрѣсть научное значеніе въ силу возможности сомнѣнія въ фактѣ чуда у всѣхъ не бывшихъ его очевидцами, а также возможности истолкованія всего чудеснаго ссылкою на участіе какихъ-либо неизвѣстныхъ условій и факторовъ низшаго порядка. Такимъ образомъ, аподиктическое доказательство существованія міровой души оказывается, въ сущности, безнадёжнымъ. Единственно, что можетъ сдѣлать философія въ этой области, это обосновать бо́льшую вѣроятность такого предположенія, а также устранить и разъяснить тѣ кажущіяся противорѣчія, которыя, какъ многіе думаютъ, существуютъ между идеей мирового единства и извѣстнымъ намъ въ повседневной жизни порядкомъ вещей. Признаніе же этой идеи несомнѣнной истиной можетъ имѣть мѣсто лишь въ умахъ отдѣльныхъ людей, имѣвшихъ возможность въ своемъ собственномъ жизненномъ опытѣ такъ или иначе подмѣтить рѣзкое или постепенное вмѣшательство въ ходъ событій высшаго идейнаго могущества. Но и тотъ, кто не сталкивался въ жизни ни съ чѣмъ чрезвычайнымъ и выходящимъ изъ нормъ такъ называемыхъ законовъ природы, не лишенъ возможности придти къ полной увѣренности въ существованіи этой силы. Для этого нужны только два условія: 1) способность отрѣшаться отъ привычныхъ воззрѣній, а именно тѣхъ, въ которыхъ постоянство и обыденность соотношеній разнаго рода отдѣльностей возведены на степень необходимыхъ и самостоятельныхъ по своему происхожденію обще-міровыхъ законовъ и, во-2-хъ, нѣкоторая чуткость къ происходящимъ около насъ событіямъ и способность открывать въ дѣйствіяхъ самого себя и окружающихъ душъ внѣшнее имъ координирующее вліяніе, отчасти пользующееся естественными склонностями этихъ душъ, отчасти же видоизмѣ-

няющее эти склонности ради какихъ-либо явныхъ или скрытыхъ цѣлей. У кого нѣтъ этой чуткости, составляющей уже особаго рода интуитивную способность непосредственнаго усмотрѣнія и оцѣнки взаимодѣйствующихъ вліяній, для того всѣ событія будутъ всегда представляться безъ остатка разлагающимися на естественныя силы взаимодѣйствующихъ существъ. Философія, сама по себѣ, конечно, безсильна развить въ людяхъ эту способность, которая вырабатывается лишь особыми условіями жизни, точно также какъ психологія безсильна научить насъ правильно понимать и представлять себѣ тѣ души, съ которыми мы входимъ въ тѣ или иныя взаимодѣйствія. Сама жизнь въ обоихъ случаяхъ открываетъ съ легкостью въ непосредственномъ усмотрѣніи то, что никакъ не дается и не выводится въ теоріи изъ самыхъ замысловатыхъ построеній.

Что же касается чистой теоріи этого вопроса, то тутъ, по нашему мнѣнію, наиважнѣйшую роль играетъ тотъ обще-философскій фонъ, на почвѣ котораго ставится проблема міра, какъ цѣлаго. Такъ, напримѣръ, если мы всѣ извѣстныя намъ части міра поймемъ какъ координаціонныя системы душъ низшаго порядка, подчиненныхъ въ своихъ соотношеніяхъ высшимъ по развитію душамъ, составляющихъ ихъ живое единство; если при этомъ мы признаемъ этотъ *законъ централизаціи или объединенія низшаго высшимъ* всеобщимъ закономъ, *) то объединенность всего міра въ единствѣ высшей души окажется лишь частнымъ случаемъ этого закона и при томъ такимъ случаемъ, въ которомъ исключеніе являлось бы наименѣе допустимымъ.

Мы ограничиваемся этими намёками на возможную обосновку идеи міровой души какъ въ виду того, что полное разсмотрѣніе этого вопроса находится въ связи со многими другими метафизическими построеніями,

---

*) А къ этому даетъ полное основаніе та область жизни, которая включаетъ въ себѣ души, стоящія по развитію ниже человѣка, гдѣ каждая форма оказывается включающею и единящею въ себѣ другія болѣе элементарныя формы и, съ другой стороны, входящею въ составъ тѣла высшей по отношенію къ ней формы. Такъ, атомъ кислорода, включающій въ себѣ какія-либо сочетанія простѣйшей матеріи, входитъ въ составъ химическихъ частицъ, эти послѣднія въ составъ клѣточекъ, которыя въ свою очередь образуютъ органы и многоклѣточные организмы. Элементомъ какого тѣла должны мы признать человѣка и весь высшій животный міръ этого мы никогда не будемъ въ состояніи узнать по той простой причинѣ, что для этого намъ необходимо было бы обнять въ нашемъ сознаніи то единое цѣлое, въ которое мы сами входимъ, какъ элементъ, что, конечно, невозможно по самой сущности этихъ взаимоотношеній, точно также какъ невозможно было бы кровяному шарику, плавающему въ нашихъ сосудахъ, если бы даже онъ былъ одаренъ разумомъ, узнать ту высшую систему, въ которую онъ входитъ какъ элементъ, т.-е. весь человѣческій организмъ въ его цѣломъ. Въ этомъ отношеніи мы можемъ съ одинаковымъ правомъ считать себя элементами цѣлаго міра или же признать существующими между формою человѣка и міровымъ единствомъ нѣкоторыя промежуточныя единства, включающія насъ въ составъ своего метафизическаго тѣла.

уже не входящими въ планъ настоящаго сочиненія, такъ и потому, что считаемъ этотъ вопросъ вполнѣ удовлетворительно разработаннымъ другими. Наиболѣе близкою и родственною нашему міровоззрѣнію является постановка и рѣшеніе его у Г. Лотце *), который съ особенною любовью останавливается на принципѣ единства міровой системы и весьма подробно доказываетъ необходимость этого принципа при разсмотрѣніи всѣхъ философскихъ проблемъ, связанныхъ съ понятіемъ взаимодѣйствія. Живое единство міра является въ системѣ Лотце тѣмъ средоточіемъ всѣхъ отдѣльностей, черезъ которое только и можетъ совершаться ихъ взаимодѣйствіе, представляющее въ общемъ и цѣломъ закономѣрный и, по существу своему, идейный порядокъ, выражаемый нами въ разнаго рода физико-механическихъ, біологическихъ и соціологическихъ законахъ. Всѣ входящіе во взаимодѣйствіе элементы міра сами по себѣ никакъ не могли бы создать какую бы то ни было закономѣрность и цѣлесообразность соотношеній, нуждающуюся всегда въ нѣкоторомъ живомъ объединяющемъ принципѣ, въ которомъ сущность всѣхъ отдѣльностей была бы сопоставлена и приноровлена въ своихъ взаимоотношеніяхъ другъ другу. Сами же эти части никакъ не могутъ знать о природѣ другъ друга и вытекающихъ изъ этой природы возможныхъ соотношеніяхъ, а потому никакъ не могутъ создать между собою какой-нибудь нормативный порядокъ.

Въ полной зависимости отъ того или иного пониманія міра, какъ цѣлаго, находится вопросъ о безсмертіи души. Въ міровоззрѣніи Лотце мы встрѣчаемся съ наиболѣе оригинальнымъ мнѣніемъ по этому вопросу, которое и приводимъ здѣсь въ наиболѣе удачной его формулировкѣ: **) „Изслѣдованія наши могли убѣдить насъ только въ одномъ, что мы должны признавать душу существеннымъ и всегдашнимъ носителемъ явленій внутренней нашей жизни. Но, чтобы, будучи постоянной сущностью этихъ явленій, душа по тому самому должна была обладать вѣчнымъ и не гибнущимъ бытіемъ, какъ особымъ преимуществомъ своей природы — въ вѣрности этого вывода не убѣдится никогда безпристрастный умъ. Если отъ насъ потребуютъ признанія, что каждая сущность неистребима по своему понятію, мы готовы допустить, что понятіе это вѣрно, но тогда мы уже не отнесемъ душу къ тому, что входитъ въ предѣлы его области. Ничто не даетъ намъ права полагать, чтобы однажды существующее должно было необходимо существовать вѣчно; возможность возникновенія и гибели сомнительна намъ иногда только потому, что, съ привычнымъ мысли нашей любопытствомъ, намъ хотѣлось бы наглядно увидать,

*). Въ его «Микрокозмѣ» и послѣдней «Метафизикѣ».
**) См. «Микрокозмъ». Пер. Корша, изд. 1866 г., т. I, стр. 492.

какъ происходятъ возникновеніе и гибель. Если, наконецъ, общая связь всѣхъ прочихъ нашихъ воззрѣній такъ рѣшительно указывала намъ на то, что все конечное есть только созданіе вѣчнаго начала, то тѣмъ менѣе мыслимо, чтобы судьбы отдѣльныхъ конечностей были не таковы, какъ повелѣвается имъ это цѣлымъ. Вѣчно только то, чему, по внутренней его цѣнности и смыслу, необходимо быть постояннымъ звеномъ міростроенія; погибнетъ все то, чему недостаетъ этой поддерживающей его цѣнности. Закона судебъ своихъ выше этого отыскать мы не въ силахъ; но онъ-то и не примѣнимъ въ нашихъ человѣческихъ рукахъ. Вѣдь не дерзнемъ же мы опредѣлять и судить, какое именно духовное развитіе, благодаря вѣчному значенію, до котораго оно возвысилось, снискало себѣ безсмертіе, и какое его не снискало. Не рѣшить намъ также вопроса о томъ, всѣ ли души животныхъ обречены на гибель, ни ближайшаго намъ другого, всѣ ли человѣческія души надѣлены безсмертіемъ, тутъ мы должны удовольствоваться вѣрою, что каждому существу будетъ воздано по его праву". Вообще непрерывность бытія каждой отдѣльной души не представляется для Лотце необходимостью для мірового порядка. Онъ даже представляетъ возможнымъ признавать, такъ сказать, пріостановку бытія отдѣльныхъ душъ во время сна. Жизнь отдѣльной души по отношенію къ цѣлому міру онъ уподобляетъ мелодіи *), прерываемой паузами, во время которыхъ вѣчный первоисточникъ бытія продолжаетъ дѣйствовать въ какихъ-либо другихъ проявленіяхъ. Изъ этого первоисточника, по мѣрѣ надобности, снова возникаютъ отдѣльныя фазы мелодіи, примыкающія къ предыдущимъ и образующія такимъ образомъ лишь прерывистое цѣлое души.

Мы съ своей стороны склонны, однако, думать, что мысль о возможности полнаго исчезновенія отдѣльныхъ душъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ идеѣ того совершеннѣйшаго цѣлаго, отдѣльными эманаціями котораго онѣ являются. Координація міровой системы не была бы совершеннѣйшею, если бы отдѣльныя части ея имѣли бы лишь случайное временное значеніе. Въ мірѣ, выражающемъ собою совершеннѣйшую идею ни одинъ элементъ не можетъ быть лишнимъ и достойнымъ полнаго уничтоженія по той простой причинѣ, что всякій элементъ есть все-таки частичное проявленіе совершеннѣйшаго мірового единства. И если это проявленіе, въ силу данной ему въ извѣстной мѣрѣ самостоятельности уклоняется отъ предначертаннаго ему плана развитія, то возникающая отъ этого дисгармонія въ отношеніяхъ къ міру и страданіе возвращаютъ его на прежній нормальный путь и дѣлаютъ снова полезнымъ участникомъ мі-

*) См. «Metaphisik.» Zweite Auflage. Leipzig. 1884 г., стр. 602.

рового процесса. Конечно, въ тѣхъ превращеніяхъ и метаморфозахъ, которыя испытываетъ каждая душа въ своемъ ходѣ развитія, должны происходить зачастую рѣзкія перемѣны въ качественности и структурности всего объема сознанія, какъ бы превращающія одно существо въ совершенно другое, не имѣющее ничего общаго съ первымъ. Такія метаморфозы осуществляются на нашихъ глазахъ въ явленіяхъ такъ называемаго раздвоенія личности. Можетъ быть то, что называется смертью есть то же выраженіе болѣе или менѣе рѣзкой метаморфозы души, которая какъ бы перерастаетъ въ своемъ развитіи свое тѣло (систему низшихъ душъ) и переходитъ къ новымъ формамъ бытія, которымъ соотвѣтствуетъ, конечно, и новая координація подчиненныхъ спутниковъ (т.-е. тѣла). Чѣмъ ниже существо, т.-е чѣмъ уже его сознаніе, а также чѣмъ менѣе это сознаніе способно вырабатывать въ себѣ стойкія и постоянныя формы соотношеній, тѣмъ большимъ случайностямъ и уклоненіямъ въ своемъ развитіи оно подвергается. Тѣмъ менѣе можемъ мы предполагать для такихъ существъ возможность безсмертія, которое на этихъ низшихъ стадіяхъ развитія можетъ состоять развѣ только въ реальной связности всѣхъ отдѣльныхъ фазъ развитія другъ съ другомъ, *безъ всякаго внутренняго сознанія и познанія ихъ единства и сопринадлежности.* Но на высшихъ ступеняхъ развитія, къ которымъ, можетъ быть, приближается и человѣческая душа, мы должны предположить существующими нѣкоторыя условія, дѣлающія возможность личнаго безсмертія. Если душа такъ или иначе приходитъ къ постиженію основныхъ законовъ развитія и совершенствованія, если она при этомъ, сознательно направляя всю свою дѣятельность сообразно этимъ законамъ, пріучается оглядывать и охватывать всѣ фазы собственнаго развитія и связывать прошедшія съ долженствующими быть въ будущемъ, то тѣмъ самымъ она приходитъ къ познанію себя, какъ связнаго цѣлаго, лишь видоизмѣняющагося въ своихъ проявленіяхъ, но остающагося неизмѣннымъ въ тѣхъ основныхъ и вѣчныхъ своихъ чертахъ, которыя соотвѣтствуютъ ея роли въ замыслѣ всего міроваго единства. Постигнуть всеобщій міровой законъ развитія, неуклонно и твердо слѣдовать этому закону, а также тѣмъ индивидуальнымъ обязанностямъ, которыя выпадаютъ на долю каждаго и составляютъ лишь примѣнимость этого закона къ своеобразному положенію каждой души въ системѣ міра, это и значитъ создать прочность и непрерывность развитія своей души. А это, въ свою очередь, при нѣкоторой ширинѣ и чуткости сознанія къ своему прошедшему и будущему и составляетъ сущность того, что называется личнымъ безсмертіемъ. Такимъ образомъ, мы сами оказываемся творцами своего безсмертія, поскольку всѣми силами стараемся проникнуть въ сущность

мірового порядка и міра, какъ цѣлаго, а также неуклонно соразмѣряемъ и координируемъ нашу душу сообразно съ найденными нами вѣчными законами бытія. Религія и философія приводятъ къ рѣшенію первой половины этой задачи. Рѣшеніе же второй половины зависитъ отъ того, насколько часто обращаемся мы въ нашей мысли къ этимъ источникамъ безсмертія, *научаемся ихъ понимать* и ставить руководящими началами нашей повседневной будничной жизни.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стран.
Введеніе	. . . . .	I—VII
Глава I.	Сознаніе и познаніе	1— 24
„ II.	Качественность и структурность познанія. . . .	25— 58
„ III.	Эмпиризмъ и апріоризмъ	59— 80
„ IV.	Сознаніе, какъ „вещь въ себѣ“.	81—105
„ V.	Бытіе неодушевленное. Матерія и сила.	106—130
„ VI.	Проблема внѣшней одушевленности	131—173
„ VII.	Всеобщая одушевленность	174—205
„ VIII.	Понятіе души. Іерархія душъ	206—236
„ IX.	Взаимодѣйствіе. Единство міровой системы . . .	237—250